Г. М. Кржижановский

Задачи энергетического хозяйства [1]

Последний VIII электротехнический с'езд имел место 1 октября 1921 года. С тех пор прошло более шести лет. Причины запоздания созыва с'езда известны. Центром тяжести VIII электротехнического с'езда был разбор работы ГОЭЛРО. Как-раз после с'езда вся группа работников ГОЭЛРО и организаторов VIII с'езда была брошена в гущу хозяйственной практики. Она же основала то ядро работников, на плечи которых выпала громадная работа по организации планового государственного хозяйства. По воле Владимира Ильича она должна была отойти от сосредоточения сил на перспективном планировании. Пришлось бороться с гигантской послевоенной разрухой. А затем настала полоса восстановительного периода. На истории наших хозяйственных работ можно наглядно показать, как та или другая форма плановой мысли, как самые этапы планирования вырастали и видоизменялись параллельно росту и развитию самого нашего хозяйства. Лишь теперь мы вновь перешли от контрольных цифр к пятилетнему народнохозяйственному плану и начали вновь накоплять те работы, которые необходимы для нового генерального плана народного хозяйства. А пока что таким генеральным планом народного хозяйства служил и продолжает служить план ГОЭЛРО. Если бы ход под'ема нашего народного хозяйства был другой, то нужда в созыве Энергетического с'езда назрела бы ранее. В дальнейшем мы увидим, что и настоящий Энергетический с'езд еще не имеет перед собой такого нового материала, который был бы равносилен работам ГОЭЛРО, и что поэтому работы этого с'езда поневоле должны будут носить гораздо менее целеустремленный характер, чем это было на VIII с'езде. Однако, хотя и частично, мы должны будем подойти в работах с'езда к такого рода проблемам, значение которых будет иметь достаточный вес для всего нашего дальнейшего строительства по основным линиям энергетики.

Это — во-первых. А во-вторых, нужно определенно признать, что план ГОЭЛРО, бывший предметом такой оживленной дискуссии на VIII с'езде, выдержал самую сильную пробу, пробу самим временем. Правильность его основных линий, к оценке которых мы вернемся в дальнейшем, сослужила огромную службу за всю истекшую полосу под'ема хозяйства нашего Союза из глубочайшей разрухи до довоен-

[1] Доклад, прочитанный на Всесоюзном энергетическом с'езде 3 мая 1928 г.

ного уровня. И если сосчитать все то, что противостояло в качестве отрицательных моментов задуманной программе электрификации и прикинуть с этой точки зрения счет созданного по решающим линиям энергетики, то придется признать, что именно на этом фронте мы работали со значительным опережением по сравнению с другими чрезвычайно важными, фронтами нашего хозяйственного строительства. Этим опережением, значение которого трудно переоценить, мы обязаны не только верности линии самого плана ГОЭЛРО, но и тому могучему содействию, которое оказывал нам на первых порах, самых трудных начинательных этапах энергостроительства, безвременно ушедший от нас великий создатель страны Советов — тов. Ленин.

Мы, старые работники в области электротехники, вспоминая нашу коллективную работу, знаем, как много нужно было пройти предварительных этапов для того, чтобы подойти к идеям плана ГОЭЛРО. С благодарностью должны мы вспомнить проникновенные соображения проф. Постникова о связи работы элетротехники с делом пролетариата. На предвоенных с'ездах значение электрических районных станций и линий электропередач находило уже все более и более отчетливое выражение. В трудах совещаний по подмосковному углю и торфу, относящихся к ноябрю 1915 года, мне пришлось прочесть специальный доклад о мировом значении районных электрических станций и о специальной роли торфяных электроцентралей для нашего Центрально-Промышленного района. Однако, все это были лишь робкие начинания, которые могли развернуться в концепцию ГОЭЛРО и затем мощно претворяться в жизнь лишь благодаря тому колоссальному сдвигу, который реализовала собой Октябьская революция, нашедшая такую совершенную персонификацию в лице Владимира Ильича.

Из предыдущего можно установить, что некоторая рассыпанность фронта в нашей энергетической работе, которая могла возникнуть от запоздания созыва Энергетического с'езда, в значительной степени об'ясняется вышеуказанными обстоятельствами. Нас окружали со всех сторон заботы другого, гораздо более острого порядка; на других линиях нашего строительства была гораздо более острая нужда в сдвигах коллективной мысли...

Но вот как раз в настоящем году мы переступили новый знаменательный этап в нашем хозяйственном строительстве. Довоенные нормы остались за нами, но те исторические диспропорции нашего хозяйства, которые связаны со всем нашим историческим наследством, выступили на первый план с особой остротой. Нетрудно показать, как остры теперь те специфические потребности, которые толкают нас от старых берегов и все яснее и яснее обрисовывают перед нами контуры того целого, которое мы именуем социалистическим хозяйством. Реконструкция всего нашего хозяйства в целях его социалистической рационализации — вот что является кричащей нуждой нынешнего хозяйственного этапа. Теперь мы вновь нуждаемся в новой творческой работе коллективной мысли техников, экономистов и организаторов, и попрежнему на новом историческом переломе наши главные надежды сосредоточиваются на эффективности работы энергетического крыла этих работников.

Трудящиеся нашей страны уже прочно освоились с той мыслью, что, осуществляя план электрификации, они работают согласно заветам Ильича. Однако, не всем известно отношение Владимира Ильича к идеям энергетики, представляющим, с нашей точки зрения, лишь развернутую формулу того, что мы защищали в тезисах электрификации. Для того чтобы здесь не было никаких сомнений, я позволю себе затруднить внимание с'езда цитатой из своей книги, вышедшей в декабре 1921 года под заглавием „Хозяйственные проблемы РСФСР". Эта книга была написана по программе, предварительно просмотренной Владимиром Ильичем, и свое положительное отношение к ней Владимир Ильич выявил с трибуны с'ездов.

Вот что писали мы в этой книге под заголовком „Лозунг энергетики":

„Германский министр Ратенау утверждает, что современная Германия в настоящее время выступает на мировом рынке, прежде всего, как держава, могущая бросить в экономический оборот мира продукты труда, являющиеся итогом годичной работы в размере 32 мрд. часов, при условиях технического оборудования современной Германии. Если мы сможем ответить на вопрос, сколько миллиардов часов в общем итоге выявляет РСФСР за тот же период и в каком отношении находится ее среднее техническое оборудование к таковому в Германии, то мы получим наиболее точный ответ на вопрос о сравнительной работоспособности этих двух стран. Мы знаем, что всякая работа получается лишь в результате расхода известной энергии и масштаб работоспособности той или иной страны, выражаясь научным термином, есть в то же время масштаб ее энергетики. Подем энергетики в стране — вот тот масштаб, тот основной критерий, с которым мы должны подходить к оценке нашего положения на экономическом фронте. Если это так, то нельзя ли уточнить это общее понятие энергетики путем изучения его изменений в течение последних десятилетий? В этом отношении мы располагаем достаточными данными для вполне определенного ответа. Довоенное капиталистическое хозяйство во всех развитых в промышленном отношении странах повсюда характеризуется одними и теми же признаками. Роль живого труда или, вернее, живой мускульной энергии все более и более отходит на задний план. На ряду с возрастающим расходом тепловой энергии еще более растет спрос на силовую энергию. Самое топливо расходуется все более и более не для непосредственной утилизации тепла, а в целях трансформации тепловой энергии в энергию механическую. Этот процесс об'ясняется все более и более возра-

стающей ролью электротехники и, в частности, чрезвычайным развитием электрометаллургии и электрохимии. В последнем счете, расходы на топливо для технических и силовых процессов являются важнейшими статьями народнохозяйственных бюджетов. Ограниченность топливных ресурсов делает борьбу за обладание их все более и более напряженной. Приходится думать о других источниках силовой энергии, об использовании энергии движущихся вод, силы ветра, морских приливов и отливов и т. д. Одновременно со все большей жестокостью выявляется необходимость сугубой экономии в расходе всяческих запасов природной энергии и, в особенности, тех ограниченных запасов, которые мы имеем в разнообразных видах природного топлива. Ключем для разрешения этой хозяйственной мировой проблемы является электрификация".

Исследования немецких и американских ученых, при этом, направлены по двум путям. С одной стороны, становятся все более и более грандиозными планы государственной электрификации тех или иных стран путем создания сети государственных электропередач, опирающихся на крупные районные электрические станции, а с другой—тщательно изучаются такие условия, при которых комбинация силового и теплового хозяйства является наиболее экономически выгодной. Подсчеты показывают, что те непосредственные выгоды при умелых сочетаниях родственных производств, которые были известны и в прежней практике и которые сводились к умелой утилизации отбросов силовой и тепловой энергии, колоссально возрастают при более углубленном проведении такой тенденции в масштабе целых государств. Таким образом, энергетическая точка зрения ставит специальные требования и для процесса комбинирования самих предприятий. С этой точки зрения все существующие производства должны быть разбиты на три группы. К первой из них относятся те производства, в которых основной целью является получение силовой энергии; тепловая энергия в таких производствах является как бы отбросом. Сюда относятся, прежде всего, сами электрические станции, всевозможные механические прокатные заводы, мельницы, ткацкие и целый ряд электрохимических производств. Ко второй группе следует отнести такие производства, в которых наблюдается гармонический расход тепловой и силовой энергии. Сюда относится целый ряд химических производств по обработке животных и растительных продуктов и т. д. Наконец, к третьей категории должны быть отнесены производства с преобладающим запросом на тепловую энергию, при чем силовая энергия в них может быть как бы отбросом. Конечным звеном в этой категории являются установки, обслуживающие домовое отопление, бани, прачечные, красильно-аппретурные, шлихтовальни и т. п.

Стоит, однако, попробовать перейти от подобного рода теории к соответствующей практике, как немедленно увидим, что широта

этой практики предопределяется двумя обстоятельствами: во-первых, для физического об'единения такого рода предприятий нам необходимы широко развитые линии электропередачи, т.-е. осуществление электрификации страны, и, во-вторых, необходимо будет сломать перегородки между различными предприятиями, самая комбинация которых в прошлом, если и совершалась, то отнюдь не в силу такой решающей экономии, которая получается при последовательном проведении требований энергетики. Можно, однако, показать, что подобного рода струя становится все более и более заметной в тенденциях развития современного западно-европейского и американского хозяйства и, конечно, в последнем счете мы здесь имеем перед собой такой закон экономики, который несомненно сокрушит на своем пути все и всяческие препятствия. Последствия мировой войны, несомненно, толкают в этом направлении, но наибольших достижений мы можем ожидать в тех странах, где государственная власть с наибольшой решительностью сможет противопоставить интересам частных групп и лиц интересы народного хозяйства в целом. С нашей точки зрения успех на этом пути всецело обусловлен обстоятельствами развертывающейся во всем мире классовой борьбы пролетариата. Победа пролетариата будет означать одновременно и торжество энергетического начала при построении форм народного хозяйства. Мы видим, таким образом, что одним из важнейших козырей в предстоящей нам борьбе на экономическом международном фронте является победоносный итог нашей Октябрьской революции.

Электрификация является нашим лозунгом именно в силу своего решающего значения для энергетики народнохозяйственной жизни, а раз это так, то не может быть и речи о том, чтобы на первых этапах нашего строительства мы могли упускать из виду этот фактор, не рискуя поплатиться потерей одной из самых важнейших позиций.

В дальнейшем, характеризуя энергетические сдвиги, наблюдаемые в мировом хозяйстве, мы увидим, насколько оправдались наши предвидения. Я позволю себе еще раз с некоторой подробностью остановиться на самом понятии энергетики, ибо придаю громадное значение правильности идеологической установки не только в области политики, но и в области экономики. Не имея здесь полной теоретической ясности, мы рискуем в нашем практическом строительстве поплатиться колоссальными народнохозяйственными потерями. Если энергетику страны мы понимаем, как ее работоспособность, то отсюда ясно, что поле энергетики охватывает как живой труд, так и все то, что вооружает этот живой труд во всех технологических процессах. Под этими процессами мы подразумеваем всю ту сумму знаний и умения, которыми располагает трудовой коллектив на данной стадии его исторического развития

для целевых, т.-е. необходимых и полезных для существования этого коллектива, трансформаций материи и энергии (если позволительно противопоставлять материю и энергию). Какую роль играет в этих полезных трансформациях электрическая энергия? Вспомним, что одним из первых работников, предпринявших систематические опыты над передачей электрической энергии на большие расстояния был Марсель Депре. Уже на электрической выставке в Париже в 1881 году он устроил небольшую установку передачи силы и в докладе на Международном конгрессе электриков доказывал, что по обыкновенной телеграфной проволоке в 4 миллиметра диаметром можно передавать на 50 километров 10 лошадиных сил при затрате 16 лошадиных сил у генераторной машины. А вот, что писал по поводу этих опытов Фридрих Энгельс в своем письме от 27 февраля 1883 г. Бернштейну: „... Дело это имеет чрезвычайно революционный характер. Паровая машина учит нас превращать теплоту в механическое движение, но пользование электричеством открывает нам путь превращения всех форм энергии, теплоты, механического движения, электричества, магнетизма, света,—одной в другую и обратно в целях их промышленного использования. Круг замкнут. И новейшее открытие Депре, что электрические токи очень высокого напряжения со сравнительно слабой потерей сил могут передаваться по простой телеграфной проволоке на неслыханные до сих пор расстояния и быть примененными на конечном пункте—дело это находится еще в зародыше,—окончательно освобождает промышленность почти от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водных сил. И если даже в начале этим воспользуются только города, в конце концов, оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней. Но что вместе с этим производительные силы примут такие размеры, при которых они перерастут руководство буржуазии, совершенно очевидно."

Если вдуматься в эти строки, то приходится только удивляться гениальной прозорливости одного из провозвестников научного социализма. По сути дела, в этих немногих словах Фридрих Энгельс очертил на целое столетие вперед все главнейшие линии эволюции экономики. Как раз в наши дни перед нами с особой резкостью стоит вопрос о противоречиях между городом и деревней. В работах нашего с'езда, посвященных вопросам электрификации сельского хозяйства, мы должны будем расценить наш диапазон тех возможностей, которые предвидел Фридрих Энгельс. Разбираясь в цифрах и фактах мировой электрификации, мы посмотрим,

насколько водная энергия за истекшие годы успела проложить себе дорогу среди других энергетических средств. Некоторыми цифровыми материалами мы попробуем иллюстрировать степень той власти, которая фактически вручена человеку нынешними ресурсами энергетики, и постараемся проанализировать попытки капиталистического мира выйти из тех внутренних противоречий в этой области, которые предвидел великий мыслитель. Здесь мне хочется в особенности подчеркнуть его основную мысль, по которой значение электрификации выявляется в том, что она замыкает круг полезных трансформаций энергии. Вспомните работы К. Штейнмеца, работы представителей австрийской школы энергетиков, вспомните то, что я говорил на VIII с'езде советов и вам станет ясным, что именно в этом направлении идет фактический рост общественных энергетических сил. В дальнейшем мы еще вернемся к идеям современной электрификации и сможем показать, как фактически преодолеваются те перегородки частной собственности и национальной ограниченности, которые мешают в XX веке под'ему производительных сил, соответствующему его потенциям. Во всяком случае следует подчеркнуть, что идея электрификации, что все строительство крупных районных электроцентралей и развитие линий электропередач,—отнюдь не замыкаются в узкую задачу наиболее рационального получения и распределения механической энергии. Электрические сети—это великие рационализаторы всего процесса трансформаций энергии в его целом. Вот эта-то великая сущность электрификации и была охвачена гениальным умом Фридриха Энгельса.

Отсюда вытекает вся та установка, которую мы должны иметь в виду в дальнейшей работе наших энергетических с'ездов. Настоящий с'езд представляет первую попытку в нашей стране об'единить весь коллектив теплотехников и электротехников. Закрепив прочно за собой этот отправной момент наших будущих работ, мы должны будем подумать о дальнейших этапах необходимой коллективизации нашей экономико-технической мысли.

Уже на первой Всемирной конференции энергетики в Лондоне, в которой приняло участие 39 стран, приславших 323 доклада (с 30 июня по 14 июля 1924 г.), среди 14 секций этой конференции знаменательным образом выделялись: пятая секция по так называемым общим вопросам, в которую входили научно-технические исследования, техническое образование, стандартизация, психотехника, профессиональная гигиена и др. (28 докладов от 10 стран) и восьмая секция—экономические, финансовые и правовые вопросы (20 докладов от 8 стран). Однако, на тех 6.500 страницах работ конференции, которые вышли в свет в четырех томах, вы не найдете соответствующего по полновесности материала о действенной организации живого труда, т.-е. как-раз по тому разделу энергетики, который особенно важен для судеб трудящихся масс

человечества. Причины этого ясны. Инициатива созыва энергетических конференций исходила от британской ассоциации электротехнической промышленности и связанных с ней отраслей. Целью было разыскивание рынка для сбыта продукции громадных предприятий, возникших в Англии в связи с задачами военного снабжения и оставшихся без работы в послевоенный период. Находившаяся в аналогичных условиях промышленность С.-А.С.Ш. охотно присоединилась к мысли осветить рынок энергетического оборудования посредством мировых энергетических конференций. Широко известна та расплывчатая резолюция, которую приняла конференция в результате своих работ. Вот что говорится в этой резолюции:

„Конференция считает, что настоятельнейшей потребностью мира является увеличение производства ценностей и промышленной активности народов при условии умножения индивидуального благосостояния всех. Это может быть достигнуто в наибольшей степени путем более полного развития национальных энергетических ресурсов и введения наиболее экономичных способов распределения и утилизации энергии".

Мы знаем, однако, как распределяется благо энергетики в современном классовом капиталистическом обществе. Мы знаем, каким образом рационализация капиталистической промышленности на Западе идет одновременно с процессом наступления на рабочий класс и на те его немногие права, которые он там отвоевал в первую бурную полосу послевоенной эпохи. Мы знаем, что если для нас безработица есть тяжелое наследие прошлого, то там безработица, резервная армия труда, отнюдь не пережиток прошлого, а законный атрибут самого капиталистического метода производства.

Установка наших будущих энергетических конференций в этом отношении должна резко отличаться от установки буржуазных конференций. Вопросы организации труда, непосредственное представительство на этих конференциях соответствующих научно-исследовательских органов и работников наших комиссариатов труда и ВЦСПС — задача последующей экспансии наших энергетических с'ездов.

На конкретных докладах с'езда мы увидим, как развитие электрификации дает могучий сдвиг электрохимии и электрометаллургии. Мы увидим в специальных докладах, посвященных развитию наших важнейших энергетических центров, как химическое производство, химические трансформации энергии уже сейчас учитываются нами при проектировке наших электропромышленных комбинатов. Однако, нельзя не признать, что именно здесь, на этом фронте, мы особенно отстали от Запада. Эта отсталость, между прочим, отражается на нашем с'езде в самих материалах работ этого с'езда. Тем больший нажим мы должны сделать для быстрейшего привлечения коллектива химиков к нашему общему фронту. Тем с большей признательностью мы должны будем оценить попытку инициативной группы химиков покончить с этой отсталостью, нашедшей выражение в их, известной нашему Союзу, записке. Но идея химизации отнюдь не может быть противопоставляема идее электрификации и лозунгу энергетики, как равноправная величина. Все наше предшествующее изложение показывает, каким образом трансформация химической энергии должна быть включена в круг тех трансформаций энергии, которые находят свое завершение и свое определяющее начало в электрификации.

Каким образом, исходя из этих общих установок, мы будем в дальнейшем намечать такие темы наших работ, которые в наибольшей степени отвечали бы нашим жизненным потребностям? Для того чтобы подойти к этому вопросу, остановимся на любопытной статье Ф. Нэш'а „Экономика мировой энергетики", напечатанной в тех же трудах Первой мировой энергетической конференции. Ф. Нэш констатирует значительную диспропорцию в изучении чисто технической стороны энергетической проблемы и ее экономической стороны. Он осторожно пишет:

„Некоторое изучение взаимной связи между развитием энергетики и тенденциями экономики должно представлять значительный интерес, хотя бы такое изучение и было недостаточно и носило частичный характер. Подобное изучение должно итти дальше, чем простой вопрос об эффективности промышленного применения энергии, так как здесь затрагиваются социальные моменты, которые с течением времени могут изменить перспективы промышленности и утилизацию энергии.

Чем больше данная страна становится индустриальной, тем более разнообразные и сложные запросы ставятся в связи с уровнем жизни, который сам является в значительной степени прямо или косвенно результатом больших энергетических ресурсов, находящихся в распоряжении человечества, и больших возможностей, получающихся в результате экстенсивного использования этих ресурсов. Можно говорить о достижении конечного результата, когда большинство из материальных потребностей современной цивилизации будет удовлетворяться при помощи энергии, работающей более или менее автоматически. Подобное состояние предполагает собою все более и более интеллектуальные способности людей, распоряжающихся энергией и потребляющих продукты этой энергии. Другое положение будет в том случае, когда данная цивилизация менее развита с точки зрения энергетики".

Экономико-технический анализ находит здесь правильную оценку. Также правильно отмечается, что растущий автоматизм материальных производственных процессов должен высвобождать интеллект трудящихся. Однако, когда в дальнейшем Ф. Нэш утвер-

ждает, что таким путем современное общество гарантирует себе возможность содержания так называемого „избыточного“ населения, то он рисует такую мирную идиллию, которая на самом деле не имеет места. Мы, прежде всего, знаем, какова та колониальная политика Англии, при помощи которой она пытается сбалансироваться в своих внутренних противоречиях. Кроме того, недавно посетивший наш Госплан известный западный ученый, знаток демографии, проф. Кучинский, сообщил нам любопытные данные, констатирующие, что в то время как прирост нашего населения из года в год превышает 2%, в Германии, Франции и Англии все более и более резко выражается уклон в сторону стабилизации численности населения. С „избыточным“ населением, как видим, дело обстоит для капитализма не весьма благополучно. В дальнейшем Нэш пишет, что:

„Сама социальная структура в известном смысле связана с эффективным использованием энергии для промышленных целей и целый ряд соображений заставляет утверждать, что слабость социальной организации какого-либо промышленного государства связана с несоответственным или неэкономным использованием энергии“.

Это положение правильно. Но если бы Ф. Нэш был знаком с диалектическим методом, то он понял бы, что правильно и обратное положение: эффективность использования энергии, в свою очередь, зависит от эффективности социальной структуры. Отсутствие этого понимания накладывает свою резкую отрицательную печать на труды мировых энергетических конференций, они получат свой развернутый фронт лишь тогда, когда закончится период тех социальных трансформаций, эпоху которых открыла Октябрьская революция...

Ни на минуту мы не должны забывать, что в нашем хозяйственном строительстве мы разрешаем задачи, необходимые не только для трудящихся нашего Союза, но и для трудящихся всего мира. Приобщение к трудящимся массам все больших и больших отрядов наиболее квалифицированных работников в самых разнообразных отраслях человеческого знания и умения — вот одна из основных задач той культурной революции, которая совершается на наших глазах в чрезвычайно многообразных и нередко скрытых для обывательского сознания формах. Отсюда одна из обязанностей наших с'ездов—быть толкачами в этом отношении для тех из своих собратьев, которые еще находятся в буржуазном плену. Но здесь одного слова недостаточно. Здесь важен пример самого дела. Если наши главные шансы в строительстве нашего хозяйства мы видим в плановом режиме этого хозяйства, то нет в настоящее время работы более важной для трудящегося человечества, как действительное воплощение этого планового режима в нашу хозяйственную жизнь. Отсюда и решающая установка для тем наших с'ездов. Они

должны быть связаны с очередными задачами нашего планового хозяйственного строительства, и чем теснее будет эта связь, тем более эффективны будут результаты нашей коллективной мысли.

От этих общих соображений перейдем к тем цифрам и фактам, которыми можно было бы как подкрепить все вышесказанное, так и наметить некоторые очередные задачи наших научно-исследовательских работ. По работам Секции мирового хозяйства Госплана СССР мы имеем такого рода данные для сопоставления мускульной энергии человека и рабочего скота с работой воды и топлива. В основу табл. 1 взята оценка работы человека в одну двадцатую лошадиной силы при работе в 2.000 часов в течение года. Данные о потреблении топлива взяты за 1926 г. Один килограмм условного топлива приравнен к 0,8 киловатт-часа. В таком случае мы получаем:

Таблица 1

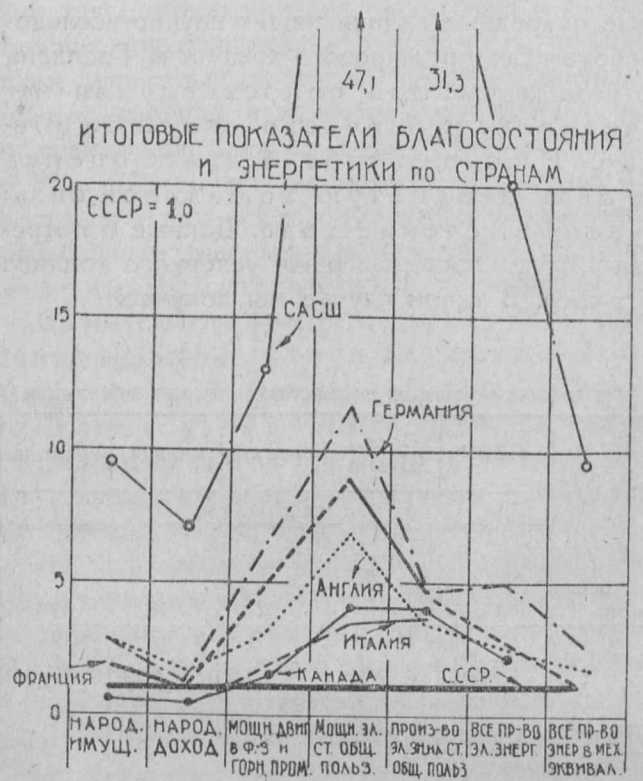
Работа человека, животных, воды и топлива в условных эквивалентах двигательной энергии[1]

	СССР	Соед. Штаты	Германия	Англия	Франция
	в мрд. квтч.				
1. Число трудоспособных в возрасте от 18 до 45 лет в млн. . .	45	—	22	18	16
2. Возможная работа их в год в мрд. квтч	2,95	2,5	1,4	1,15	1,05
3. Работа рабочих животных в мрд. квтч	16,1	15,9	2,9	1,1	2,5
4. Полезная энергия топлива в мрд. квтч	40,0	536,4	145,3	102,0	52,8
5. Полезная энергия водных сил в мрд. квтч	1,9	21,7	2,0	0,5	3,7
6. Общая работа человека, животных, топлива и водной силы (сумма 2, 3, 4 и 5) в мрд. квтч)	60,95	576,5	151,6	104,75	60,05
7. Отношение всей двиг. энергии (6) к возможной работе трудоспособных (2) (отвлеченное число)	20,66	231,0	108,2	91,0	57,2

Мы видим, что по числу трудоспособных мы занимаем первое место в мире. Это же первое место в мире мы удерживаем и в работе рабочих животных. Зато по полезной энергии топлива мы уже оказываемся на последнем месте и силы С.-А.С.Ш. превосходят нас более, чем в 13 раз, а Германии — более, чем в 3,5 раза. Также

[1] Термин „работа“ мы употребляем здесь в его физическом, а не экономическом смысле.

велико опережение С.-А.С.Ш. по полезной энергии водных сил — более десятикратного. Чрезвычайно характерной здесь является седьмая графа, ибо она дает возможность судить об относительной вооруженности нашего труда в борьбе с стихиями природы. Мы видим, что наше вооружение, примерно, в 11 раз уступает вооруженности С.-А.С.Ш., в 5 раз—вооруженности Германии, в 4,5 раза—вооруженности Англии и, примерно, в 3 раза — вооруженности Франции.

Диагр. 1

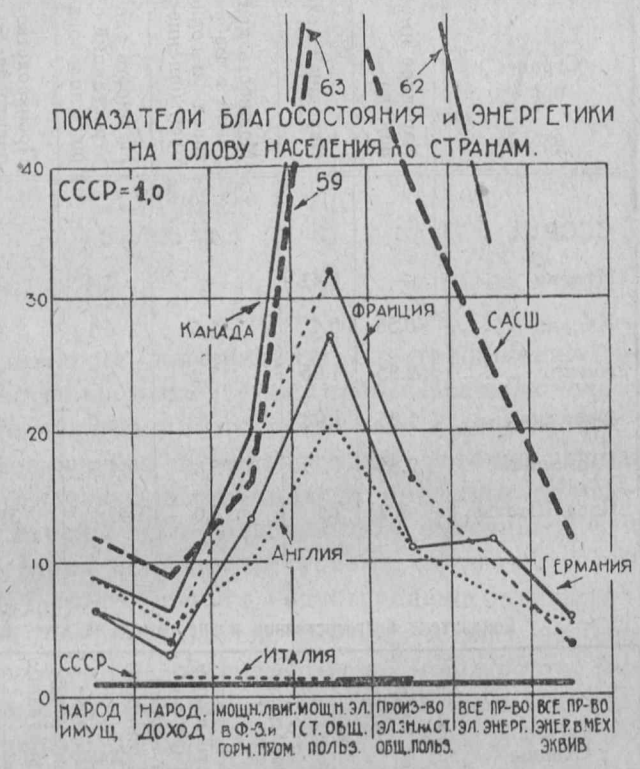
Мы не можем исторически уклониться от необходимости не только догнать, но и перегнать индустриально развитые страны Запада. В этих относительных показателях мы имеем надежные вехи необходимейших достижений для успеха в этой развертывающейся перед нами гигантской борьбе. По данным той же Секции мирового хозяйства Госплана в таблицах 2 и 3 и диаграммах 1 и 2 мы даем итоговые показатели благосостояния и энергетики по разным странам и показатели благосостояния и энергетики на душу населения по разным странам (см. табл. 2 и 3 на стр. 20).

Здесь, прежде всего, обращают на себя внимание чрезвычайно высокие энергетические показатели Канады. Величина этих показателей не соответствует уровню народного дохода и народного имущества. Это об'ясняется тем, что значительная часть канадской промышленности работает капиталами С.-А.С.Ш., получая оттуда значительную долю своего сырья и экспортируя туда свою продукцию. Таким образом, вышеуказанная диспропорция выявляет лишь ту дань, которую Канада уплачивает американскому капиталу за его щедроты.

Также обращает на себя внимание несоответствие народного дохода Германии ее энергетическим показателям. Помимо возможного статистического преуменьшения народного дохода Германии

решающим здесь являются и ее „дауэсизация", и отсутствие колониальных прибылей, и диспропорция между тем размахом индустриального строительства Германии, который мы наблюдаем в настоящее время, и теми экспортными возможностями, которые создаются для нее послевоенной обстановкой.

Относительно высокий народный доход Англии как-раз об'ясняется колониальными доходами и прибылями от инвестиций за границей. Здесь золотой эквивалент той крови и трудового пота, на которых зиждется английский империализм.

Диагр. 2

Если учесть все эти моменты, то цифровые величины этих таблиц наглядно показывают прямую пропорциональную связь народного дохода и роста энергетического хозяйства. Наше производство энергии в механических эквивалентах, как это мы видим по последней графе табл. 3, примерно, в 12 раз меньше такового в С.-А.С.Ш. Во столько же раз меньше наше народное имущество; народный доход на душу населения, примерно, в 9 раз у нас меньше, чем в Соед. Штатах. Просматривая горизонтальные ряды этих таблиц, мы видим, что особенно велика наша отсталость как раз по рубрикам мощностей электростанций общего пользования и производства электрической энергии на этих станциях. В расчете на голову населения мы уступаем Соед. Штатам в производстве электрической энергии на станциях общего пользования в 39 раз и в мощности электростанций общего пользования в 59 раз. Конечно, к данным этих таблиц, в виду целого ряда статистических дефектов основного материала, надо отнестись, как к первым приближениям. Таблицы составлены для капиталистических стран для 1925 г., а для СССР мы взяли за основу 1926/27 г., как год окончания восстановительного периода. Так как для нас важно соотношение типов стран, то расхождение на год вполне оправдывается.

Можно предвидеть, что статистический анализ, сопоставляющий мощность первичных двигателей в лошадиных силах, приходящуюся на одного рабочего, и соответствующую функциональность рабочего, непременно

Таблица 2

Итоговые показатели благосостояния и энергетики по странам [1]

Страны	Народное имущество	Народный доход	Мощность двигателей в фабрич.-завод. и горной промышленности	Мощность электростанций общего пользования	Производство электроэнергии на станц. общего пользования	Все производство электроэнергии	Все производство энергии в механ. эквивалентах	Население
СССР	1	1	1	1	1	1	1	1
Италия . . .	—	0,41	—	3,4	3,6	—	—	0,28
Канада . . .	0,58	0,4	1,5	4,1	4,0	2,2	—	0,065
Англия . . .	2,85	1,65	3,2	6,7	3,5	2,4	1,72	0,32
Франция . .	1,85	1,08	—	8,9	4,6	—	1,0	0,28
Германия . .	2,85	1,39	5,8	11,7	4,7	5,0	2,5	0,43
Соед. Штаты .	9,7	7,1	13,0	47,1	31,3	20,0	9,5	0,8

Таблица 3

Показатели благосостояния и энергетики на душу населения по странам

Страны	Народное имущество	Народный доход	Мощность двигателей в фабрич.-завод. и горной промышленности	Мощность электростанций общего пользования	Производство электроэнергии на станц. общего пользования	Все производство электроэнергии	Все производство энергии в механ. эквивалентах
СССР	1	1	1	1	1	1	1
Италия	—	1,5	—	1,2	1,3	—	—
Канада	8,9	6,2	23,1	63,0	62 (за вычет. экспорта)	34,0	—
Англия	8,9	5,2	10,0	21,0	11,0	7,5	5,4
Франция . . .	6,6	3,9	—	32,0	16,5	—	3,6
Германия . . .	6,6	3,2	13,5	27,2	11,0	11,6	5,8
Соед. Штаты .	12,1	8,9	16,2	59,0	39,1	25,0	11,9

[1] Составлены на основании цензовых показателей, приведенных к ценам 1913 г. и выраженных в долларах.

должен установить их полнейший параллелизм. Это вполне подтверждается следующей небольшой табличкой, составленной проф. А. А. Горевым:

Таблица 4

Страны	Установлено лош. сил двигателей на 1 рабочего	Годовая производительность 1 рабочего в долл.
Великобритания в 1907 г.	1,55	1.220
Соед. Штаты в 1904 г.	2,5	2.700
Соед. Штаты в 1921 г.	3,7	3.480
Восточн. промышл. район С.-А.С.Ш. в 1904 г. .	3,7	3.340
Тот же район в 1914 г.	4,7	4.135
Соед. Штаты в 1925 г.	4,3	—

Выше мы видели, как рост коэфициента электрификации характерен для общей энергетики исследуемой страны. Здесь, конечно, следует оговориться, что динамика этого роста еще в далекой степени не является установившейся в человеческой истории: здесь перелистаны еще только начальные страницы. Кроме того, необходимо иметь в виду, что страны, обладающие особо выгодными для электрического использования водными ресурсами, выделяются на поле сравнения не в силу своего общего индустриального развития, а именно благодаря своим территориально-географическим особенностям. Конечно, эти особенности реализуются по мере роста мировых хозяйственных связей. Во всяком случае, чрезвычайно характерно, что в круглых цифрах доля электрической энергии в общем количестве полезно используемой энергии составляла в С.-А.С.Ш. в 1925 г. уже свыше 18%, в Канаде в 1923 г. уже около 30%, в Швейцарии в 1920 г. уже около 36%, в Италии в 1920 г. около 32% и в Норвегии более 50%.

Еще более выразительна таблица, рисующая производство электрической энергии в киловатт-часах на душу населения на станциях общего пользования. Вот данные Секции мирового хозяйства Госплана СССР (см. табл. 5 на стр. 22).

Если мы возьмем для СССР данные 1930 г. и сопоставим эти данные с той выразительной колонкой цифр, которая здесь с наибольшей полнотой выявлена для 1925 г., то все же мы увидим, как колоссальна наша отсталость и как бьет нас в этом отношении даже маленькая индустриальная Бельгия. Отбрасывая Швейцарию, Норвегию и Швецию, Канаду и Италию, отличающиеся своими исключительными водными силами, мы видим, как правилен этот показатель для расценки индустриальных мощностей С.-А.С.Ш., Германии, Англии.

Таблица 5

Производство электрической энергии в квтч. на голову населения (станции общего пользования)

Страны	1907	1912	1917	1920	1922	1923	1924	1925	1926/27	1930	1940
СССР	—	—	—	—	—	—	—	—	14,2	80—100	—
Италия	—	—	—	—	—	—	—	(180)	—	—	—
Канада [1]	—	—	—	573	658	776	858	—	—	—	—
Англия	—	—	—	—	—	—	—	134	—	(350)	—
Германия	—	—	—	—	—	—	—	159	—	—	—
С.-А.С.Ш.	123	183	320	—	433	499	519	571	630	(900)	—
Швейцария	—	—	—	700 [2]	—	—	—	1.070 [3]	—	—	—
Норвегия	—	—	—	493	—	—	—	1.680 [3]	—	—	—
Швеция	—	—	—	—	—	—	—	533 [3]	—	—	—
Япония	—	—	—	—	—	—	—	(120)	—	—	—
Бельгия	—	—	—	—	—	—	—	114	—	—	—

Анализируя известные данные проф. Рамзина, рисующие сводку мировых энергетических ресурсов, тов. Вейц в своей интересной книге „Производительные силы мирового хозяйства", представляющей коллективный труд группы работников Коммунистической академии, подчеркивает, что „$^3/_4$ используемых в настоящее время мировых энергетических ресурсов представляют ископаемые угли, т.-е. количественно они в 3 раза превосходят все остальные энергетические ресурсы, вместе взятые". На этом основании он приходит к выводу, что мировое хозяйство, как целостный производственный организм, должно питаться, главным образом, углем, чтобы жить, расти и развиваться.

В общем и целом, этот вывод совершенно правилен. Однако, громадный рост электрификации, опирающийся в значительной степени на все возрастающий темп использования водной энергии и одновременно рационализующий самое потребление топлива, и возрастающая роль двигателей внутреннего сгорания создают специфические ножницы в росте производства электроэнергии и, в особенности, в росте производства электроэнергии на станциях общего пользования, с одной стороны, и в добыче угля, с другой. По данным Секции мирового хозяйства Госплана, мы имеем в этом отношении нижеследующее, крайне интересное сопоставление:

[1] За вычетом экспортированной энергии.
[2] А. А. Горев.
[3] „Wirtschaft und Statistik", № 11, 1927.

Таблица 6

Сопоставление добычи угля и производства электроэнергии в С.-А.С.Ш.

Годы	Производство электроэнергии на станциях общ. пользования (в млн. квтч.)	Добыча угля (в тыс. метр. тонн)
1902	4.768	273.600
1907	10.621	435.800
1912	17.572	485.000
1917	32.679	590.946
1922	47.659	432.685
1923	55.674	579.783
1924	59.014	518.563
1925	65.870	530.781
1926	73.791	601.597

Эти ножницы свидетельствуют, что степень участия электричества в общем энергетическом хозяйстве растет с колоссальной быстротой. Уже близко то время, когда электрические индексы-показатели будут наиболее решающими для характеристики и экономической и социальной культуры стран.

Диагр. 3

Выше мы видели, как выгодно выделяется энергетика стран, обладающих мощными природными ресурсами водной энергии, когда им удается превратить потенциальную энергию этих водных сил в энергию кинетическую.

По данным Американского геологического комитета мощность гидравлических установок на земле растет таким образом:

	Млн. лош. сил
В 1920 г.	23
„ 1923 г.	29
„ 1926 г.	33

Таким образом, за шесть лет прирост составляет 43%. При этом надо иметь в виду, что установленная мощность превосходит

в 2 или 3 раза мощность водных сил в период низкого уровня воды. Сопоставление потенциальной и кинетической энергии водных сил по разным странам наглядно обрисовывается нижеследующей таблицей, [1] в которой ресурсы СССР являются заведомо преуменьшенными.

Таблица 7

Страны	Мощность водных сил 90%; коэфициент полезного действия 70%	Установленная мощность в конце 1926 г.
	(тыс. лош. сил)	
СССР	16.425	365,8
Соед. Штаты	35.000	11.721
Канада	18.250	4.556
Швеция	8.000	1.350
Италия	3.800	2.300
Швейцария	2.500	1.850
Германия	2.000	1.100
Франция	5.400	2.000
Бельгия	—	700
Япония	4.500	1.750
Мировые итоги	454.000	33.000

Рост гидравлических станций наилучшим образом иллюстрируется процентажем их мощности в общей мощности станций общего пользования в С.-А.С.Ш. Мы и здесь имеем такие соотношения:

1902 г.	1907 г.	1912 г.	1917 г.	1922 г.
15,4	21,8	26,3	28,6	25,5

Мы видим, какая громадная отсталость на этом фронте наблюдается в нашей стране с нашими крупными водными установками, не превышающими в настоящее время мощности в 400.000 установленных киловатт. Вот почему так важны те позиции, которые сейчас заняты нами при сооружении крупнейших водных централей. Товарищи, вероятно, знают, насколько уже оправдала себя в первые годы своей эксплоатации Волховская гидроэлектрическая установка, в свое время подвергавшаяся таким ожесточенным нападкам. Столь же своевременно спешное сооружение Днепровской гидроэлектрической станции, составляющей одну из важнейших тем в докладах нашего с'езда. В докладах тт. Горева, Кукель-Краевского, Русанова и Шейна работники нашего с'езда должны будут вернуться к этой теме с учетом специфической обстановки нашей страны, при чем в докладе тов. Шейна мы надеемся найти данные о теснейшей связи строительства гидроэлектрических станций с нашими очередными задачами по развитию нашей химической промышленности.

[1] Данные „Geological Survey", U. S. A., 1927 г.

Как известно, вслед за Первой мировой энергетической конференцией в 1926 г. имела место вторая конференция — Базельская. В материалах этой конференции особенно интересны те данные, которые характеризуют роль электрической энергии в международном обмене капиталистических стран. Этот экспорт электрической энергии достиг заметных размеров только в последние годы. Экспорт энергии из Швейцарии во Францию составил:

	Млн. квтч.
1923 г.	246
1926 „	344
1927 „	370

Обмен энергии, далее, существует между Швейцарией и Германией. Швейцария экспортировала в 1926 г. в целом 854 млн. квтч. В стадии завершения находится план снабжения энергией австрийских централей для районов Рейна, Рура и Базельской провинции. Италия получает из Швейцарии 200 млн. киловатт-часов. Особенно мощные размеры приняла передача энергии из Канады в С.-А.С.Ш.

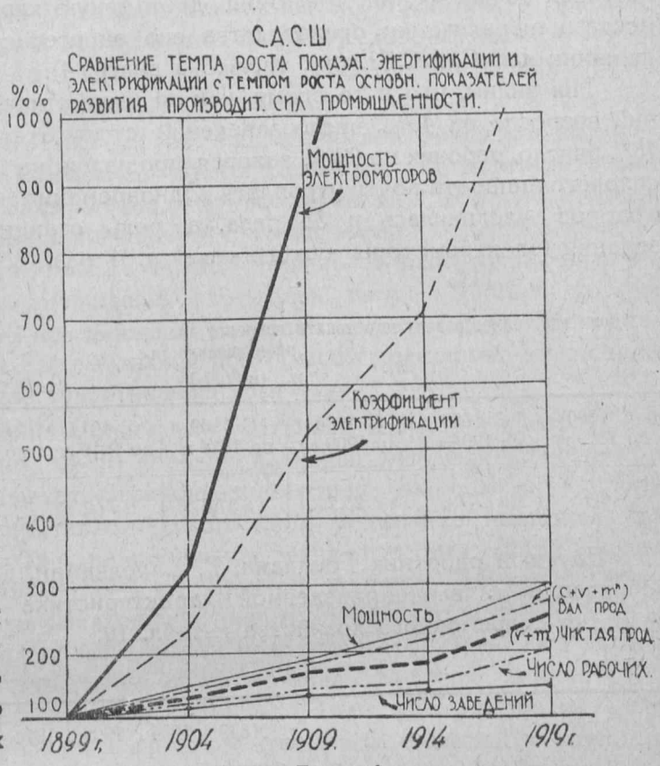
	Млн. квтч.
1923 г.	1.065
1924 „	1.400
1925 „	1.239
1926 „	1.359

По данным, приведенным в докладах Базельской всемирной энергетической конференции, между Данией и Швецией с 1914 года проектируется передача электрической энергии по подводному морскому кабелю, длиною в 5,5 километров, при чем число датских и шведских электрических станций, работающих на общую сеть, равно 25, с общей мощностью около 150 тыс. киловатт-часов. Эти цифры и факты наглядно показывают, насколько прав был Фридрих Энгельс в своих предвидениях о революционизирующем значении использования водной энергии. Мы видим, что линии фактического развития здесь таковы, что они уже не мирятся с экономическими и политическими перегородками между отдельными странами, вынуждая плановый подход к мировому хозяйству. Но силы старого мира неохотно мирятся с сдвигами в этом направлении. Протекционистская таможенная политика в одних странах создает запретительные тарифы для импортируемой энергии (Италия); в других — затрудняет ее вывоз экспортными пошлинами (Канада). Страны транзита нередко оказываются в роли сопротивляющейся третьей стороны. Ярким примером этого случая служит неосуществившийся план передачи энергии из Норвегии в Данию через Швецию и из Верхней Силезии в Венгрию через Чехо-Словакию. Мы видим, таким образом, борьбу двух сил. Однако, не трудно предвидеть, на чьей стороне будет победа.

Прежде чем перейти к дальнейшим темам моего доклада, мне хотелось бы еще несколько остановиться на качественной стороне мирового процесса электрификации. С этой точки зрения, нас, прежде всего, интересует вопрос о социальной роли электрификации. Я предполагаю, что большинству членов нашего с'езда известна выпущенная издательством Госплана книжка о социальной роли электрификации, представляющая коллективный труд, изданный Американской академией социальных и политических наук. Она представляет сборник документов, иллюстрирующих в яркой форме то обстоятельство, что даже буржуазные писатели-экономисты вынуждены резко разделять хозяйственное строительство, основанное, по преимуществу, на паровой энергии, от строительства, базирующегося на силах электрификации. Они вынуждены признать, что электрическая энергия несет с собой такие потенции, которые явно не мирятся с прежним общественным строем. А так как всякое государственное хозяйство, с их точки зрения, не должно мещать тем „китам" частно-собственнических интересов, на которых базируется капиталистическое общество, то они попадают в своих выводах в прямой тупик. Их же собственный анализ показывает, что только государственно-общественная власть, только она в силах справиться в интересах целого с потенциями электрификации. Но как же передать в пользу такой государственной власти священные права капитала? И вот приходится на ряду с признанием того обстоятельства, что „электрическая энергия относится к паровой энергии, примерно, так же, как Христос относился к Иоанну Предтече", на ряду с признанием, что нынешнее электрическое хозяйство грозит громадными социальными бедами, если оно не будет включено в рамки планового хозяйства („дикий слон на свободе и прирученный слон"), те практические предложения, к которым приходят авторы, разрешать в ряде никчемных, жалких компромиссов.

Весьма ценный материал мы находим в работах тов. Вейца („Вестник статистики" за 1927 г., №№ 3, 4; „Статистическое обозрение" за 1927 г., № 12). Главная заслуга тов. Вейца состоит в том, что он умело приступил к систематическому приобщению статистического мира к современному уровню экономико-технических вопросов электрификации. Его работы показывают, какое громадное значение может иметь правильно поставленная статистика для разрешения гигантских проблем нашего хозяйственного строительства. Его основная установка прекрасно характеризуется следующим положением:

„Изучение энергетики приобретает существенный интерес двоякого характера. Во-первых, потому, что энергетика является одним из равноправных основных звеньев народного хозяйства, и поэтому в целях познания развития производительных сил народного хозяйства в целом, важно и необходимо, на ряду с изучением, к примеру, металлической и текстильной отраслей народного хозяйства, всестороннее исследование также и энергетического хозяйства. Во-вторых, — и это заслуживает особенного внимания, — потому, что энергетика является определяющим звеном в народно хозяйственной цепи производительных сил".

Диагр. 4

Как выгодно отличается такой монистический подход к разрешению основных хозяйственных проблем от той эклектической мешанины, которую мы нередко наблюдаем во многих работах наших экономистов, несмотря на то, что эти работы, нередко, вопреки недугу своей идеологической установки, играют положительную роль. Вопросы сырья, технико-производственной аппаратуры, вопросы энергетические, элементы

Таблица 8

Основные показатели	1899	1904	1909	1914	1919
Число заведений	100	104	130	133	140
„ завед. с двигател	100	101	139	154	178
„ рабочих	100	116	140	149	192
Чистая продукция	100	123	165	189	250
Валовая „	100	129	181	212	272
Мощность силов. аппарата	100	133	186	222	293
Мощность электромоторов (своего и чужого тока)	100	322	975	1.790	3.310
Мощность электромоторов чужого тока	100	241	955	2.120	5.100
Коэфициент электрификации потенциальный:					
а) в абсолютн. данных	4,9	11,8	25,9	39,5	55 4
б) в %% к 1899 г.	100	241	530	808	1.100

оборота,— все это нередко смешивается в одну беспорядочную кучу и вся цепь рассуждений приобретает хаотический характер. Исходя из своей точки зрения, тов. Вейц дает такую характеристику процесса централизации производства его энергефикации и электрификации для С.-А.С.Ш. (см. табл. 8 и диагр. 4).

Мы видим, что в то время как за двадцатилетие число заведений возросло на 40%, число заведений с двигателями возросло на 78%, число рабочих на 92%, валовая продукция на 172%, а мощность силового аппарата почти утроилась. Одновременно мощность электромоторов увеличилась в 33 раза, а роль станций общего пользования (электромоторы чужого тока) в 51 раз.

Таблица 9[1]

Доля электромоторов чужого тока в приросте двигательной силы в фабрично-заводской промышленности

(в %%)

С 1880 по 1889 гг.	С 1889 по 1904 гг.	С 1904 по 1909 гг.	С 1909 по 1914 гг.	С 1914 по 1919 гг.	С 1919 по 1923 гг.	С 1923 по 1925 гг.
4,4	7,7	25,2	57,2	77,2	74,2	93,3

Научный работник Госплана, Г. А. Фельдман, дает необходимое добавление к вышеприведенной характеристике основных линий развития современного хозяйства в табл. 10.

Таблица 10

	1899	1904	1909	1914	1919	1923	1925
Мощность двигателей (тепловых и гидравл. + электромоторы чужого тока)	34,2	45,7	63,3	76,0	100,0	112,8	121,8
Физический об'ем продукции	46,2	56,4	73,5	78,1	100,0	79,3	128,6
Капиталы	37,2	50,5	66,8	74,5	100	—	—

Мы видим, что размеры производства в целом находятся в прямой и непосредственной зависимости от мощности применяемых двигателей и что размеры необходимых капитальных вложений, грубо говоря, должны быть пропорциональны той мощности двигателей, которую предполагается использовать. Отсюда вытекает, что производительность труда прямо пропорциональна мощности двигателей на одного рабочего.

Мы отлично знаем, как сложно современное хозяйство и как те или иные особенности времени выпячивают перед нами ту или иную

[1] На табл. 9 мы видим, как для С.-А.С.Ш. близко время централизованного снабжения всей силовой энергией.

народнохозяйственную проблему. Однако, эти справки ярко иллюстрируют нам определяющую роль энергетики и возможность использовать в ее показателях такие элементы, которые в перспективном планировании перекрывают всю игру сложных хозяйственных сил. Мы можем, таким путем, нащупать здесь драгоценный опорный пункт, то, что немцы называют Faustregel.

Вы знаете, что на Первой энергетической конференции принимала участие и наша специальная делегация. Вы знаете, что она вынесла оттуда впечатление, что все основные установки плана ГОЭЛРО оказались правильными с точки зрения мирового практического опыта и мировой научной теории. А если припомнить ту обстановку, в которой писался этот план, зиму 1920/21 г., то эти выводы свидетельствуют уже не о нашей отсталости, а о том опережении, которое мы выявили в построениях концепций, являющихся решающими для судеб нашего хозяйства.

Было бы крайне заманчивым остановиться на иллюстрациях, свидетельствующих, каким образом плановая электрификация начинает себе отвоевывать гражданские права, вопреки отчаянному сопротивлению капиталистического мира. Англичане надеются, что их так называемая „национальная энергетическая схема" будет осуществлена в 1940 и 1941 гг. Денлоп, директор английской ассоциации электропромышленников, пишет, что капиталы, вложенные в электропромышленность Англии и электроснабжение, составляют 3,3 мрд. руб. и что, таким образом, фонды электрохозяйства уступают лишь железнодорожным фондам. Электрификация Германии намечается из 9 групповых центров с общей мощностью основных установок, связанных общим кольцом электропередач около 5 млн. киловатт, а если включить сюда примыкающие системы— с общей мощностью 6 млн. киловатт. К сороковому году эта мощность должна бросить в народное хозяйство Германии около 30 миллиардов киловатт-часов в год. Все производство электроэнергии станциями общего пользования составляло в Германии в 1925 г. 9,9 мрд. киловатт-часов, а всеми станциями Германии, включая заводские установки, — 20,3 мрд. киловатт-часов.

Мы не останавливаемся здесь на тех ярких данных, которые рисуют развитие плановой электрификации других стран. Вот справка, которая составлена тов. Фельдманом для выявления нашего положения на энергетическом мировом фронте (см. табл. 11 на стр. 30).

Отсюда выводы:

1) Наша промышленность к 1930/31 г., хотя все еще будет сравнительно слабой, будет в большей степени пользоваться электромотором (самым совершенным из существующих двигателей), чем это имело место в С.-А.С.Ш. в 1925 г., хотя в 1926/27 г. наша промышленность была еще далеко позади германской промышленности в этом отношении.

Таблица 11

	СССР [1]		Англия [2]	Германия	Соед. Штаты	
	1926/27 г.	1930/31 г.	1924 г.	1925 г.	1924 г.	1925 г.
Мощность двигателей фабрично-заводской промышленности в тыс. лош. сил	3.000 [3]	7.400	13.000	15.009	33.082	35.735
В том числе электромоторов (в %%) . . .	58%	77%	50%	68%	66%	73%
		1931/32 г.	1925/26 г.			
Все производство электрич. энергии в мрд. квтч.	4,1	11,7	8,122	20,3	—	81,8
Производство электрич. энергии на стан. общ. пользования в мрд. квтч.	2,1	8,5	6,7	9,9	55,7	65,8

2) Средний годовой прирост всей двигательной мощности в промышленности СССР намечен на ближайшие годы, примерно в 25%, в то время как в С.-А.С.Ш. эта цифра равна 3,7% (1923—25 гг.).

3) Производство электроэнергии на станциях общего пользования будет возрастать в среднем за год на 32%, а в С.-А.С.Ш. средний годовой прирост за 1923—25 гг. составлял 8,8% (см. табл. 12).

Таблица 12

Темпы в СССР и С.-А. С. Ш.

Годовой прирост мощности в фабрично-заводской промышленности.		Годовой прирост производства электрической энергии на станциях общего пользования	
СССР 1926/27—1930/31 гг.	С.-А.С.Ш. 1923—25 гг.	СССР 1926/27—1930/31 гг.	С.-А.С.Ш. 1923—25 гг.
+25%	+3.7%	+32%	+8,8%

В этих трех пунктах сосредоточено, может быть, самое существенное из того, в чем получает яркое отражение весь характер нашего социалистического планового развития. Таких цифр не может пред'явить ни одна страна. Такие темпы механизации и электрификации являются совершенно исключительными.

[1] „Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1931/32 гг." под редакцией С. Г. Струмилина.

[2] По данным В. Вейца.

[3] По данным ЦСУ —3.150 тыс. лош. сил для 1925/26 г.

Мы призываем всю нашу советскую общественность с самым глубоким вниманием отнестись к этим выводам. Если все мы должны зорко следить за исходом великого соревнования, вернее, борьбы двух миров, нашего и зарубежного, то все наше предшествующее изложение лишь аргументация в пользу того, что именно здесь, на этом энергетическом фронте, на этом ленинском пути электрификации мы уже имеем показатели сугубого исторического значения.

Вы знаете, что капитализм со стихийной силой воспроизводит своего собственного могильщика — современный организованный пролетариат. Из наших данных вы видите, что все же, вопреки внутренним противоречиям, он вливает в материальные основы своего бытия элементы хозяйства, основанного на электрификации. Дело идет об актуальнейшем революционном процессе в развитии мирового хозяйства. Недаром „Финансовый Таймс" в особом приложении от 28 ноября 1927 г. должен был уделить особое внимание перспективам и развитию электрификации. Первая статья принадлежит министру транспорта английского правительства сэру Вильфриду Эшли. Он пишет:

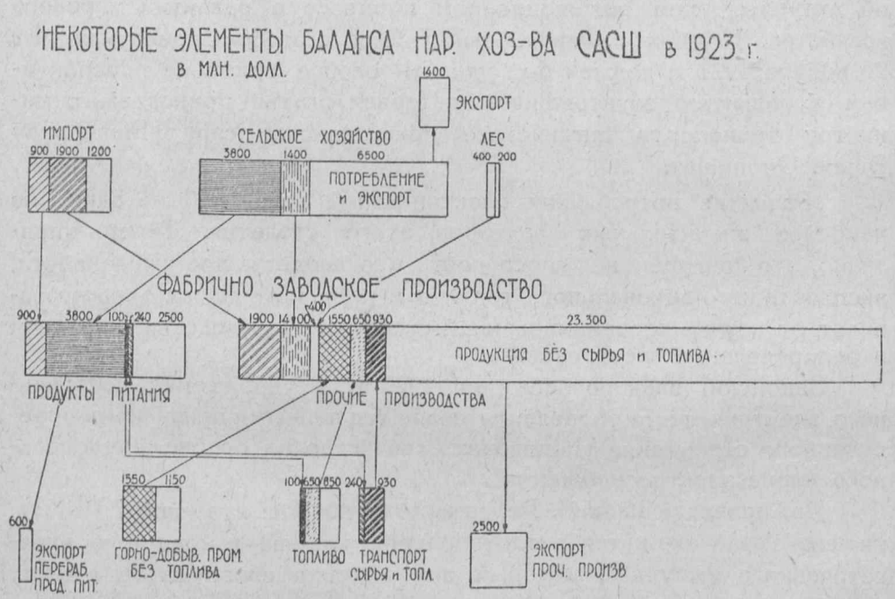
„Развитие потребления электрической энергии было одним из наиболее значительных факторов этого столетия. Теперь признано, что конкурентная способность производства промышленности, эксплоатация национального топлива и проч. источников энергии зависят от научно-координированной системы производства, передачи и распределения электричества.

Закон об электроснабжении 1926 г. и учреждение центрального электрического управления являются верными признаками определенного стремления упорядочить хозяйство на основе рационального плана электроснабжения".

Да, признаки налицо. Ребром стоит вопрос: кто—кого? Работы нашего с'езда окажутся плодотворными как-раз в меру того энергетического импульса, который они дадут в своем итоге в нашу пользу в этой великой борьбе.

В сообщенном вам цифровом материале вы наглядно видели, насколько капиталистический Запад опередил нас в главном показателе современной индустриализации — в ее энергетической основе. Самое опасное — недооценивать силы противника. Не будем итти по этой плохой дороге. Наш собственный опыт, с другой стороны, показывает, как правильно сочетание охвата всего хозяйства в его сложном целом с энергетическим моментом. Наши наибольшие плановые успехи мы как-раз можем констатировать по линиям энергетики. Вероятно многим из вас известно, как в настоящее время не только идея электрификации, но идея планового хозяйственного строительства начинает вновь приподнимать свою голову на капиталистическом Западе. Несомненно, что успехи западно-европейской и американской энергетики будут служить тем материальным базисом, который будет питать эту плановую идеологическую струю.

В подтверждение этого позвольте поделиться с вами знаменательной диаграммой (см. диагр. 5) одного из новейших американских источников, рисующей попытку учета баланса американского хозяйства. Вы, вероятно, знаете, что в ходе наших плановых работ мы должны были неизбежно прийти к методу так называемой балансовой проверки наших основных хозяйственных расчетов. Недостатки нашей статистики в этом отношении дают нам себя чувствовать с особой остротой. Как-раз в нынешнем году в нашем ЦСУ предпринят ряд работ, долженствующих в своем дальнейшем развитии дать нам надлежащий сдвиг в методологии и практике балансового учета. Аналогичные попытки в С.-А.С.Ш. представляют поэтому для нас сугубый интерес.

Диагр. 5

На диаграмме, взятой нами из ежегодника Департамента торговли С.-А.С.Ш., секретарем которого состоит известный Гувер, в графическом виде в миллиардах долларов дается оборот важнейших народнохозяйственных статей. В верхней части диаграммы виден прежде всего прямоугольник сельского хозяйства с выделенным отдельно лесным сектором, со статьями общего импорта и экспорта с.-х. продуктов. Основную часть диаграммы составляет фабрично-заводское производство, подразделяющееся на две ветви: пищевую промышленность и проч. производства. Внизу отдельными аггрегатами изображены: горнодобывающая промышленность топливо, транспорт и статьи экспорта, при чем в транспорте учитывается только то, что относится к транспорту сырья и топлива, необходимого для фабрично-заводской промышленности. Не буду затруднять вашего

внимания сопоставлением отдельных цифр в этом элементарном балансе. Подчеркну, что под рубрикой проч. производства, т.-е. без пищевой промышленности, чистая продукция без сырья и топлива составляет грандиозную сумму в 23,3 мрд. долл. Цель составления такого баланса и была в том, чтобы отметить колоссальную значимость индустриальной составляющей народного хозяйства С.-А.С.Ш. и взвесить значение экспорта и импорта. Данные относятся к 1923 г.

Для товаров взяты фабрично-заводские цены. Сырье и топливо учтены по ценам, оплачиваемым фабрично-заводской промышленностью. Как ни примитивен этот баланс, относящийся только к балансированию ограниченного хозяйственного круга, тем не менее самый факт его опубликования мы считаем весьма знаменательным. Для того чтобы получить представление о том, как росла в С.-А.С.Ш. фабрично-заводская промышленность по сравнению с остальными отраслями народного хозяйства, мы приведем следующую показательную таблицу, помещенную в том же ежегоднике.

Таблица 13

Отрасли хозяйства	Стоимость чистой продукции			
	В млн. долл.		В %% к итогу	
	1899 г.	1925 г.	1899 г.	1925 г.
Сельское хозяйство	3.500	12.400	34,2	25,2
Горная промышленность . . .	600	4.300	3,9	8,8
Фабрично-заводская промышл.	4.830	26.775	47,1	54,6
Ж.-д. транспорт	1.300	5.620	12,7	11,4
Всего	10.230	49.095	100	100

Эта таблица, рисующая рост американской продукции почти за три десятилетия, наглядно показывает вам, какую смелость проявляем мы в наших перспективных планах в темпах намечаемого нами роста народного хозяйства.

Не бесполезно, далее, обратить внимание на следующие данные, иллюстрирующие развитие электрификации транспорта в разных странах мира за последние годы (см. табл. 14 на стр. 34).

Наше плановое строительство, как это мы уже отмечали выше теснейшим образом связано с самим ходом нашей хозяйственной жизни. Наши планы и наша хозяйственная практика находятся в самой непосредственной диалектической связи. Какие же главные уроки дала нам сама жизнь для методологии и практики нашего планирования? На поверку оказывается, что те поправки, которые вносила жизнь до сих пор, были поправками вверх, а не

Таблица 14

Процент электрифицированных жел.-дор. линий

Страны	Данные электротехн. группы Межд. экономической конференции		Данные директора общ. госуд. ж. д. Германии
	1921/22 г.	1926 г.	Конец 1926 г.
Германия	0,7	1,7	2,2
Англия	0,3	0,3	2,6
Италия	2,5	4,8	6,6
Австрия	2,1	5,2	8,7
Швеция	2,6	5,9	7,5
С.-А.С.Ш.	0,4	0,8	—
Канада	—	0,5	—
Швейцария	10,0	15.6	60,0

вниз. Если вы вдумаетесь в этот вывод, то вынесете из этого размышления чрезвычайно бодрящее начало. Тот организм, который мы называем советским хозяйством, является совершенно своеобразным комплексом, неведомым до сих пор миру. Однако, теоретики социализма давно уже предвидели, что потенция обобществленного хозяйства колоссально превосходит потенции капитализма. Мы еще имеем такой социалистический организм хозяйства в его зародышевом состоянии и, тем не менее, наш хозяйственный опыт показывает, что этот организм настолько полнокровен, настолько полон жизненной энергии что вопреки своим болезням детского периода он заставляет нас вносить поправки в наши расчеты, которые лишь наглядно свидетельствуют, насколько нам самим трудно разорвать пуповину с нашими навыками прошлого.

Я не имею здесь возможности останавливаться с необходимой подробностью на трактовке этого вопроса. Вы помните, как в работах ГОЭЛРО мы делали ставку на громадный актив послереволюционной встряски трудящихся масс. Вот именно эта пробужденная в громадном народе творческая энергия и сказывалась с особой силой за все пройденные этапы нашего хозяйственного строительства и выручала нас как в периоды тех трудностей, которые создавались по независящим от нас обстоятельствам, так и в тех случаях, когда мы делали прямые ошибки в наших хозяйственных наметках или когда проходили ученический период в области организации. Легко себе представить, какое ускорение получится в динамике нашего хозяйства, если мы поскорее дорастем до тех требований, которые ставит открывающийся перед нами новый этап социалистической рационализации. Не трудно показать, почему важнейшим моментом в этом ускорении будет то начало, которое мы именуем

„культурной революцией“. Рост научно-исследовательской мысли составляет один из могучих разделов того мощного целого, которое охватывается понятием культуры. Весьма важно отметить, что даже научно-исследовательская мысль капиталистического Запада приводит к идеям планового хозяйства. Разница только в одном: там на Западе, громадные ножницы между теорией планирования и его практикой. Здесь, за нашим рубежом, если существуют такие „ножницы“, то они являются лишь пережитком, а отнюдь не законным атрибутом действительности. Выше мы говорили, каким образом технико-экономической анализ даже по признанию буржуазных мыслителей трудно отделим от анализа социальных отношений. Эти социальные отношения на Западе представляют колоссальный клубок противовечий; социальные противоречия у нас — не более, как лишь изживаемое нами наследство прошлого. Вот почему при учете нашей потенциальной энергии мы должны считаться не только с 45 млн. наших трудоспособных, но и с тем, что потенциально воля этой трудоспособной армии представляет сумму параллельных сил, а не сложный многоугольник.

Отсюда — колоссальное организующее значение нашей плановой работы, колоссальная роль научно-исследовательских работ, гигантская связанность нашего „техницизма“ с нашей социальной установкой и — совершенно невиданные для мира — наши хозяйственные возможности, возможности развернутого фронта науки и техники на непосредственной службе прямым интересам трудящихся!

Я бы мог здесь иллюстрировать эти общие соображения поучительными примерами из нашей плановой хозяйственной практики. К сожалению, недостаток времени не позволяет мне остановиться на этой теме. Отмечу только, что, если в самое недавнее время многие считали, что с переходом от восстановительного периода к периоду реконструкции годичные темпы под'ема нашей промышленной продукции должны наизбежно получить резкое снижение, то теперь им приходится решительно отказываться от этой точки зрения. Еще недавно считали 13 — 15% роста из года в год такой продукции, — кстати сказать, это двойной рекорд сравнительно с темпом промышленного под'ема для западных индустриальных стран, — а теперь мы вводим в свои расчеты 17 — 20% роста. Нельзя недооценивать этих прибавочных процентов! Ведь дело идет о росте такой индустрии, в которой валовая продукция по довоенным ценам уже перевалила за почтенную цифру в 9 мрд. руб.

Достаточно этих немногих соображений, чтобы видеть, какая громадная ответственность падает на нас при решении очередных вопросов нашего хозяйственного строительства. Здесь решаются судьбы всего интернационала трудящихся.

Выше мы обрисовали, каковы те позиции, которые мы занимаем ныне в важнейших вопросах электрификации и энергетики и

почему мы имеем смелость утверждать, что и наш хозяйственный опыт и все то, что мы могли извлечь вкратце из относящегося сюда материала мирового хозяйства, убеждает нас в правильности пути, намеченного еще в работах ГОЭЛРО. Как же обстоит дело с теми вехами, которые намечались в этом плане в качестве основных координирующих установок по другим разрезам нашего общественно-хозяйственного строительства? Вы, вероятно, помните, что план ГОЭЛРО основан на принципах экономического районирования. Те из вас, кто прослеживает работы журнала Госплана СССР — „Плановое Хозяйство",—знают, каким тормозом для быстрого проведения этой территориальной базы нашего планирования служила та обстановка, в которой нам приходилось жить и работать в восстановительный период нашего хозяйства. Хозяйственные интересы этого восстановительного периода требовали такой централизации оперативно-хозяйственной деятельности, которая в значительной степени исключала возможность быстрого проведения экономического районирования. Но и для экономического районирования неизбежно должна была наступить полоса решительного сдвига со вступлением нашего хозяйства в фазу реконструкции. Здесь полная аналогия с судьбами энергетического хозяйства в его целом. Вам, может быть, известно, что в ближайшие годы нашим правительством решено завершить экономическое районирование в полном об'еме. В настоящее время мы уже имеем такие экономические районы, как район Северо-Западный, Урал, Сибирь, Северо-Кавказский, имеем районирование Украины, Белоруссии. Уже в этом году будет оформлен Центрально-Черноземный район и район Нижнего Поволжья. Теперь уже не может быть никаких сомнений, что окончательная сетка районов будет весьма близка к первоначальной сетке районов Госплана и что идеи, которые мы развивали в своих первоначальных работах о колоссальном значении для всего общественно-хозяйственного планового строительства экономического районирования, уже вросли в жизнь.

Вы знаете, что экономическое районирование отнюдь не имеет в виду итти только по линии административных нужд. Вы знаете, что в практике экономического районирования приходится считаться с национальным подразделением нашей страны, и тем не менее основная идея экономического районирования — создания таких территориальных подразделений нашей громадной территории, из которых каждое носило бы свое специальное экономическое лицо, остается в силе. Лишь на основе такой специализации, в последнем счете, растет не самостийность федерирующихся частей, а их громадное внутреннее органическое единство. Таким образом, фактически мы имеем в нашем плане экономического районирования как бы отображенное на географической территории лицо нашего общегосударственного хозяйственного плана. Но если этот план мы строим на энергетической основе, то наши районы не могут быть иными, как специальными энергетическими районами и характеристика их экономического лица должна находить свое выражение, прежде всего, в энергетических индексах.

Отсюда идея построения района, как электропромышленного комбината, охватывающего своими приводами все хозяйство района в его целом. Отсюда то громадное значение, которое приобретают проектировки наших электрических центральных районных станций, как основных узлов энергетики района в его целом. На нашем с'езде в этом отношении особый интерес приобретают такие доклады, как доклад о Днепрострое, о работах МОГЭСа и Электротока. С'езд должен будет уделить этим докладам сугубое внимание, ибо здесь те или иные строительные задания предрешают хозяйственные судьбы важнейших областей страны.

Мы можем констатировать, что тщательные наблюдения нашего опыта экономического районирования неизменно приводили к выводу, что этот опыт вполне оправдал возлагавшиеся на него ожидания. В свое время нам приходилось утверждать, что с экономическим районированием тесно связан резкий переход от обстановки, быта и условий, характерных для провинциальной жизни довоенной России, к тому культурному под'ему, который несет с собой всесторонняя индустриализация. Этот переход будет тем более стремительным, чем яснее наши хозяйственные работники будут отдавать себе отчет в значении для дела всесторонней индустриализации быстрейшего созидания опорных узловых пунктов энергетики ее хозяйства. Такими опорными пунктами и должны явиться, как мы отметили выше, районные электроцентрали. Если перенестись перспективно несколько вперед и представить себе в будущем сожительство экономических районов и национальных образований, то ясно, что последним придется соразмерять темпы под'ема своего хозяйства и самые типы этого хозяйства с теми темпами и хозяйственными типами, которые будут вырастать в СССР на основах энергетики и экономического районирования. При этом не надо упускать ни на минуту из вида, что национализация земли, обобществление промышленности и транспорта и все более и более растущее обобществление товарооборота создают в нашем строительстве такого рода общую обстановку, при которой все и всяческие разделения внутри великого Советского Союза носят совершенно иной характер, чем в условиях капиталистических государств. В этом смысле для блага целого Октябрьской революцией созданы такого рода благоприятные предпосылки, которые в настоящее время мы недооцениваем так же, как недооценивает любой зритель, подошедшей к крупному художественному произведению на слишком близкое расстояние, его истинное достоинство.

Вот почему, несмотря на то, что капиталистический мир значительно обогнал нас в работах вертикального и горизонтального тре-

стирования промышленности, мы имеем все шансы побить эти капиталистические рекорды, если мы сумеем в ближайшее время осуществить в этом разрезе нашего строительства качество, присущее социалистически рационализированному хозяйству.

То соревнование, которое мы наблюдаем в настоящее время в борьбе республик и районов за свое место и за свои права в работах по электрификации, мы считаем чрезвычайно положительным признаком. Мы имеем уже сейчас немалую семью энтузиастов электрификации, вплоть до ее бодро подрастающего крестьянского сельскохозяйственного крыла. На наших глазах растут и вширь и вглубь и общественное внимание к этому делу и та здоровая критика, значение которой трудно переоценить, если принять во внмание, что такая критика одновременно является законнейшим масштабом роста активности действительных хозяев нашей страны — ее трудящихся масс. С'езд должен будет внести свою долю в общий актив этой критики, он должен будет изучить главнейшие недуги нашего капитальнаго строительства по разряду энергетики, он должен будет призадуматься над соблюдением основного постулата энергетики, так сказать, на ее собственном поле: максимум эффекта с минимумом расходов.

Мы вынуждены констатировать, что до сих пор то, что у нас подразумевалось под „электропромышленными комбинатами", шло в некотором отрыве от концепций большой электрификации, опирающейся на специальные районные централи. Это, конечно, не должно иметь места. Наше преимущество перед Западом и притом важнейшее преимущество — во внутреннем органическом единстве, создающемся на основах единого научного общегосударственного хозяйственного плана и в тех завоеваниях общественного хозяйства, которые обеспечила нам Октябрьская революция. Крупнейшим европейским трестам мы должны противопоставить глубоко продуманную систему наших районных хозяйственных комбинатов, в свою очередь об'единяющихся многосторонними связями в грандиозный комплекс Советского Союза. Вслед за К. Штейнмецом, мы должны будем признать, что значение электрических шин рельефно выявляется в их роли „собирателей" тепловой энергии. Наша теплотехника и наша электротехника во всей нашей общественно-хозяйственной установке должны быть не самостоятельными державами, заключившими между собой мирный договор, а двумя могущественными крылами великого целого энергетики обобществленного хозяйства. Большинство наших электроцентралей, несомненно, и впредь будет оставаться тепловыми. Но не подлежит никакому сомнению, что, в свою очередь, и дело теплофикации СССР должно будет расти на электрической основе. Крупная районная электрическая станция, распространяющая свою хозяйственную эффективность в меру своей мощности и соответствующего этой мощности роста своих электрической сетей, долженствующих питать электрической энергией не

только самые разнообразные отрасли народного хозяйства, но и проникать в самую глубину нашего быта, тем самым превращается в своеобразный электропромышленный или, вернее, электрохозяйственнный комбинат. А с другой стороны,—всякий крупный электропромышленный комбинат должен считать для себя обязательным законом включение в общегосударственную сеть электропередачи — грани между ними исчезают. Под этим углом зрения с'езду придется трактовать одну из крупнейших очередных задач нашего электрохозяйства: Днепрострой и его отношение к тому хозяйственному комбинату, который мы называем Донбассом.

Расценивая наше продвижение на различных хозяйственных фронтах, мы неминуемо приходим к выводу, что наше продвижение по линиям транспортного строительства находится в явной фазе запоздания. Одна из задач нашей перспективной пятилетки — превратить это запоздание в опережение. Не мудрено, однако, что в силу аналогичных трудностей, связанных, прежде всего, с ограниченностью ресурсов капиталонакопления в нашем хозяйстве, мы можем констатировать на этом с'езде еще большее запоздание в развертывании наших электрических сетей. А, между тем, вопросы электротранспорта не менее важны, чем вопросы производства электрической энергии. Такие крупные мыслители-экономисты, как безвременно скончавшийся работник нашей Коммунистической академии Иосиф Иванов, останавливаясь на проблемах электрификации, склонны были рассматривать их, прежде всего, с точки зрения грандиозных задач борьбы с пространством.

Нам придется вернуться к проблемам электрификации транспорта, между прочим, и при разрешении вопросов о связи Донбасса с нашими промышленными центрами (доклад тов. Бернацкого). На наших последующих с'ездах нам, вероятно, придется уделять гораздо большее внимание и вопросам электрификации транспорта и вопросам транспорта электрической энергии, чем на настоящем с'езде.

Лишь в нынешнем году мы сделали первую попытку создания правильного энергобаланса нашего хозяйства. Тов. Сахаров, вероятно, остановится в своем докладе на этой теме. Со своей стороны, я могу информировать, что в работах нашего ЦСУ подготовляются для этого крупнейшего дела весьма интересные материалы. Я позволяю себе выразить надежду, что наши последующие энергетические с'езды будут начинаться именно с таких отчетов о состоянии энергетического баланса нашей страны и с энергоплана. Анализ энергобаланса как в общегосударственном, так и в районном разрезе, с наибольшим совершенством будет отражать развитие производительных сил нашего хозяйства, и именно из этого баланса мы должны будем исходить в самых разнообразных областях нашей плановой и хозяйственной работы.

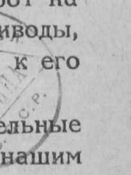
Я здесь не имею возможности останавливаться даже на приблизительной характеристике того обширнейшего материала, который

охватывается предстоящими работами теплотехнического крыла нашего с'езда. Товарищи-теплотехники взяли на себя задачу чрезвычайной уплотненности своего рабочего дня. Разнообразие чисто технических тем достаточно свидетельствует, как многосторонен охват нашей теплотехнической мысли. Не приходится особенно опасаться в этой области излишних перегибов в сторону чисто технических задач. Наша техническая отсталость чрезвычайно опасна для нас именно здесь, по решающим линиям теплового хозяйства. К тому же, в перечне работ теплотехников стоят такие жгучие очередные темы, как методы сжигания наших местных топлив: торфа, древесных отбросов и отбросов каменноугольного производства. Актуальность тем о сжигании пылевидного топлива, об использовании антрацитового штыба не может подвергаться ни самомалейшему сомнению. Большой интерес представляют доклады Топливной секции о перегонке курных углей Подмосковного бассейна, о современном состоянии вопроса о синтезе жидкого топлива, о промышленном исследовании коксования кузнецких и ткварчельских каменных углей. Не меньший интерес должны возбуждать в нас все те доклады, которые посвящены вопросам строительных заданий и стандартных оценок по котлостроению, турбостроению и по всему циклу вопросов, относящихся к рационализации учета, контроля и рационализации топливного использования.

Однако, если сопоставить электротехническое и теплотехническое крыло, то нельзя не отметить отсутствие надлежащей пригнанности и соразмерности частей в докладах этих секторов с'ездов. Да иначе и не могло быть при том раздельном существовании, которое вели до сих пор наши теплотехники и электротехники. В нашей дальнейшей совместной работе нам не трудно будет преодолеть этот временный разнобой. Для теплотехников так же, как и для электротехников, обязательна строгая соразмерность докладов общего характера с докладами, относящимися к частным вопросам огромного энергетического целого. Теплотехники отнюдь не могут сказать, что они исчерпали в своих синтетических работах уже все важнейшие синтетические проблемы в своей области. Достаточно отметить, что на наших глазах с революционной скоростью изменяется самая оценка наших топливных ресурсов и взвешивание их удельного веса. Районирование топливных ресурсов и оценка топливных мощностей еще в далекой степени не завершены. Торфяное дело, вслед за тем сдвигом, который оно получило в методе „гидравлического торфа", повидимому, находится накануне новых толчков по дальнейшему усовершенствованию механических приемов топливодобычи. На ряду с актуальнейшими вопросами теплофикации наших главнейших промышленных центров, разработку которых мы найдем в докладах Секции рационализации, перед нами все с большей остротой встают и вопросы газификации и ряд громаднейших проблем по приложению завоеваний химии нового времени

к разнообразнейшим моментам, преследующим утилизацию топлива с наибольшим народнохозяйственным эффектом. В топливном деле, так же, как и в электротехнике, технические вопросы почти неотделимы от вопросов экономических, а синтез, получающийся в результате углубленного технико-экономического анализа, вплотную подводит нас к важнейшим проблемам всего хозяйства в целом. С неменьшей остротой мы подходим в нашем топливном хозяйстве и к вопросам организации труда в области топливодобычи, являющейся основным фундаментом всего здания теплотехники.

Как известно, VIII электротехнический с'езд в своей резолюции по поводу плана ГОЭЛРО подчеркнул необходимость обратить особое внимание на добывающую промышленность. Голод 1921 г. поставил нас лицом к лицу с острейшим вопросом рационализации нашего сельского хозяйства. Взвешивая соотношение сил на поле нашего хозяйственного труда и оценивая социальные шансы всей нашей общественно-хозяйственной работы, мы должны были с особой четкостью выдвинуть проблему общей индустриализации нашей страны. Наконец, XV с'езд партии в своих директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства выработал нам ряд указаний, охватывая на ряду с вопросами чисто хозяйственного порядка и вопросы организационные и вопросы наших работ на социально-культурном фронте, и тщательно расценивая те приводы, которые имеет весь общественный сектор нашего хозяйства к его частно-хозяйственному окружению.

Выше мы старались показать, что эти общие строительные идеи не только не находятся ни в каком противоречии с нашим энергетическим подходом к строительным хозяйственным задачам, но и находят в энергетических индексах свое определяющее начало. Это—та путеводная нить, которую мы ведем по завету В. И. Ленина, и каждый пройденный этап нашего строительства только лишний раз свидетельствует о ее надежности. Цифрами и фактами мы старались показать, что и по линии этой красной руководящей нити мы находимся еще на первых этапах строительства, лишь накануне предстоящих еще более грандиозных работ. Эти работы в целом, однако, могут быть охвачены лишь в генеральном плане народного хозяйства, который и будет служить в недалеком будущем главнейшей темой наших энергетических с'ездов.

Нам не избежать, однако, некоторых вспомогательных рабочих гипотез, ибо такие гипотезы неизбежны при анализе всех сложных явлений. Не предрешая своими замечаниями характера этих гипотез, я позволю себе остановиться только на одном вопросе. Каким образом может получиться, напр., такое соотношение в наших финансовых затратах по всему полю хозяйственной деятельности, что пропорциональный вес этих затрат на первый взгляд как бы нарушает ту концепцию, которую мы защищали в планах ГОЭЛРО и кото-

рую мы старались подкрепить нашим настоящим докладом? В самом деле, если сопоставить затраты по различным разрезам нашего народного хозяйства, то затраты на энергетическое хозяйство, вероятно, окажутся на четвертом или пятом месте. Отвечая на этот вопрос, прежде всего, приходится отметить, что денежный язык не всегда является надежным и точным выразителем соотношения хозяйственных сил. Анализ наших промышленных цен, напр., показывает, что издержки производства, падающие на топливную составляющую, отражаются в товарных ценах весьма небольшими процентами. И, тем не менее, мы считаем топливо хлебом промышленности и подобно тому, как кризис хлебного снабжения немедленно застопоривает всю общественно-хозяйственную жизнь, так и кризис топлива немедленно срывает всю динамику хозяйства. Однако, позволительно подойти к ответу на этот вопрос и с другой стороны.

Допустим, что та рабочая гипотеза, которую мы будем искать при компановке нашего генерального плана, будет ставить себе задачей разделение всего строительства в его целом на некоторые этапы во времени. Это отнюдь не противоречит тому обстоятельству, что красная нить электрификации и энергетики будет проходить, как становой хребет, через все этапы нашего движения вперед. Это также не противоречит и тому учению, по которому качественные перемены являются лишь нарастающими количественными переменами, вследствие чего все и всяческие разрывы и разграничения в том динамическом целом, которое мы называем общественным хозяйством, всегда грешат некоторым внутренним противоречием. Это означает лишь, что грани этих этапов носят совершенно условный характер, подобно тому, как мы можем лишь крайне условно отделить восставительный период нашего хозяйства от периода реконструкции.

С этой точки зрения я позволил бы себе грубо наметить такие возможные этапы в нашем хозяйственном строительстве.

Первым этапом я считаю тот период, который может быть характеризован, как период борьбы с послевоенной хозяйственной разрухой и с теми кричащими диспропорциями нашего хозяйства, которые с неизбежностью должны были выявиться с распадом всех прежних довоенных общественно-хозяйственных связей. Вопросы о хлебе насущном для живых существ и вопросы о хлебе для промышленности, т.-е. вопросы продовольственные и топливные, здесь с неизбежностью должны были выступать на первый план. Нажим VIII электротехнического с'езда на добывающую промышленность в ее целом, на эту первооснову всякой технологической деятельности, имел, таким образом, глубочайшее историческое оправдание.

Вторым этапом я назвал бы тот отрезок нашего восстановительного периода и первого периода реконструкции, когда мы надежно кончаем с основными хозяйственными диспропорциями и во всех важнейших хозяйственных отраслях намечаем прочные вехи

дальнейшей социалистической реконструкции нашего Союза. В этом периоде мы живем в настоящее время. Для нас все с большей и большей ясностью выясняется правильность установки в этом периоде на общих идеях индустриализации, ибо развитие всего хозяйства в целом наиболее эффективным является тогда, когда от индустрии идет мощное ведущее начало. Специфические особенности нашего индустриального хозяйства в его прошлом на ряду с физическим голодом, с топливным голодом промышленности резко выдвигали наш голод в металле. Поэтому совершенно естественно за этот период с особой остротой мы будем чувствовать нужды нашей тяжелой промышленности и здесь будет решающее, в ленинском смысле, звено наших хозяйственных работ.

Однако, на ряду с металлическим голодом с каждым дальнейшим хозяйственным годом мы все с большей остротой будем чувствовать дефицит наших транспортных средств, отнюдь не соответствующих ни колоссальному размаху нашей территории, ни потребностям нашего товарооборота, ни росту тех общественно-хозяйственных связей, который обеспечен нам всей советской установкой нашего строя. Уже последние годы второго хозяйственного этапа заставят нас обратить сугубое внимание на капитальные работы в области транспорта. Пока что мы балансируем в этом направлении лишь в силу тех громадных резервов в транспортном механизме, которые имеются в его элементарной рационализации, но эти резервы уже близки к своему исчерпанию.

Третий хозяйственный этап найдет свое определяющее звено именно в капитальном транспортном строительстве.

Прочно обеспечив себе сырьевую базу, устранив элементарные диспропорции нашего хозяйства, устранив металлический голод, развернув на подкрепленной энергетической базе главнейшие корпусы индустрии, обеспечив себе транспортные связи,—мы вступим в четвертую фазу хозяйственного строительства, в которой совместная положительная игра главнейших хозяйственных сил даст нам возможность выпрямить во весь рост всю энергетику нашего хозяйства. Лишь в этот период расходы на энергетическое хозяйство примут такие пропорции, которые соответствуют так называемым американским масштабам и которые раз навсегда заставят замолчать людей, недооценивающих энергетический момент в нашем общем хозяйственном строительстве.

Завершением этих этапов мы уже вступаем в строительство такого порядка, когда заботы о материальной обеспеченности человеческого бытия отступят на задний план перед заботами о всестороннем развитии человека. Определяющая формула Маркса, по которой „наибольший размах“ производительных сил и всестороннее развитие человека являются последней целевой ставкой великих исторических перемен, впервые будет воплощена в жизнь во всей своей совершенной полноте.

С. Г. Струмилин

Процессы ценообразования в СССР [1]

4. Анализ состава цен

Экономический анализ цен ставит своей задачей, прежде всего, достаточно четкое выделение из общей массы учтенной валовой продукции те ее элементы, которые только воспроизводят собою затраты ранее накопленных основных и оборотных фондов, от тех, которые образуют собою вновь созданную ценность. Абстрактная экономическая теория дает нам в этом отношении лишь общее указание, что к числу первых следует относить потребленные в производстве „основные и оборотные части" постоянного капитала, в частности, „снашивание средств труда", т.-е. амортизацию и „материалы", а ко вторым — оплату живой рабочей силы, занятой в производстве, и прибавочную ценность, которая, в свою очередь, „распадается на различные подчиненные формы: процент на капитал, земельную ренту, налоги и т. д." [2] Но в конкретной экономике мы всегда наталкиваемся на целый ряд таких элементов, экономическая природа которых с указанной точки зрения далеко не ясна и которые поэтому могут быть уложены в столь простую схему подразделений лишь с допущением известных условностей и оговорок.

В самом деле, начнем хотя бы с материалов. В это понятие „материалов" мы без всяких колебаний можем включить и топливо. Электрическую энергию уже труднее подвести под рубрику „материалов", так как понятие энергии противополагается понятию материи. Однако, это только физическое, а не экономическое противоположение. И мы не придаем ему существенного значения. Но вот с элементом „услуг" дело обстоит менее бесспорно.

Имея в виду, что едва ли не все затраты, связанные с транспортными и всякими иными „услугами других производств" подлежали бы по сути дела включению в стоимость тех или иных потребленных в производстве материальных ценностей, мы склонны

[1] Продолжение. См. „План. Хоз.", № 5 за 1928 г.

[2] К. Маркс, Капитал, ГИЗ, 1923, т. III, ч. 1, стр. 7—23. В другом месте читаем: „Стоимость товара равна стоимости заключающегося в нем постоянного капитала плюс стоимость воспроизведенного в нем переменного капитала плюс приращение этого переменного капитала, произведенная прибавочная стоимость". Там же, стр. 128.

считать и их на ряду с „материалами" в числе издержек, лишь воспроизводящих в цене продукта свою стоимость. К этому как будто обязывает и другое соображение. Мы не должны допускать двойного учета вновь созданной ценности, а это было бы неизбежно, если бы мы „услуги других производств", фигурирующие уже однажды в выпуске этих производств зачли во вновь созданную ценность и по тем производствам, где они учитываются в издержках производства. Скажем, один цех производит ремонт, монтажные, буровые или иные работы, а другие их используют. Очевидно, что новая ценность, создаваемая такого рода работами или услугами должна учитываться только один раз — по месту их производства. И, стало быть, там где их потребляют, они могут лишь воспроизводить свою стоимость.

Несколько особо стоит вопрос о так называемых „прочих денежных расходах". Поскольку из них исключены уже и материалы, и зарплата, и все элементы прибавочной ценности, в них, повидимому, не содержится ничего иного кроме оплаты тех или иных „услуг". И действительно туда включены все почтово-телеграфные расходы, т.-е. услуги связи, содержание ревизионных комиссий, охрана консервированных заводов, расходы по рекламе и всякие иные денежные затраты того же рода. В общем подавляющую долю этих затрат составляет оплата чьей-либо деятельности. Но это деятельность персонала, постороннего по отношению к составу рабочих и служащих отчетных производств и потому оплата его услуг не может пройти по зарплате этих производств. Вместе с тем, это в большинстве своем услуги таких учреждений или лиц, продукция которых нигде не учитывается. Спрашивается, как же рассматривать издержки по оплате такого рода услуг: как общественно-необходимые эксплоатационные затраты постоянного капитала, требующие своего возмещения в цене продукта, или как простой вычет из прибавочной ценности? Иначе говоря, куда их отнести: к c или к m?

Это сомнение связано с некоторой неясностью самого понятия услуг в нашей экономической литературе. Существует мнение, высказанное, например, недавно тов. Жмудским, [1] что понятие всякой услуги тождественно с понятием непроизводительного труда, т.-е. такого труда, который обменивается на личный доход, а не на капитал. Такого рода услуги представляли бы собой, конечно, только известную потребительную ценность для их приобретателя, и затраты на их оплату можно было бы рассматривать лишь как известный вычет из его дохода, будь то зарплата, рента или прибыль. Но такое отождествление понятия всякой

[1] Ср. Л. В. Жмудский, „Цена и стоимость на транспорте", „Экон. Обозр." 1928 г., № 4.

„услуги" с „непроизводительным трудом" едва ли может быть разумно обосновано.

Что такое услуга? В самом общем смысле этого слова услугой называют всякую полезную деятельность или работу, поскольку она платно или бесплатно отчуждается, т.-е. оказывается другому лицу или коллективу. Труд по самообслуживанию или в своем собственном производстве не может быть назван услугой, ибо услуга всегда предполагает известное двухстороннее социальное отношение. Труд, уже овеществленный в момент отчуждения в товаре, тоже не подходит под понятие услуг. Услуга предоставляется всегда в форме деятельности, а не готовой вещи, хотя это отнюдь не мешает овеществлению тех или иных услуг в процессе их использования. Услуги повара овеществляются в изготовленном им обеде, но услугой и здесь мы называем только труд по изготовлению обеда, а не самый обед. С этой точки зрения услуги всегда не материальны. Тем не менее, их можно рассматривать как товары. „Для производителей этих услуг, — говорит К. Маркс, — они являются товарами. Они имеют определенную потребительную ценность (воображаемую или мнимую) и определенную меновую ценность". [1] Однако, одни и те же услуги могут быть использованы и для производственных целей и для личного потребления. И если в первом случае, обмениваясь на деньги — капитал, они представляют собою меновую ценность для обеих сторон, во втором они обмениваются непосредственно на личный доход потребителя, и в этом последнем случае для покупателя представляют собою уже только потребительную ценность.

Это подразделение услуг на личные и производственные имеет для нас решающее значение, ибо „непроизводительным трудом" — согласно экономической теории — является лишь такой труд, „который производит личные услуги". [2] Тов. Жмудскому, безнадежно запутавшемуся в своих, якобы, теоретических построениях, следовало бы обратить большее внимание на это указание. Для Маркса отнюдь не всякая услуга является непроизводительным трудом. По Марксу „разграничение производительного и непроизводительного труда... основывается единственно на том, обменивается ли труд на деньги, как деньги, или на деньги, как капитал". Характер труда или род профессии лиц, оказывающих услуги, не имеет в этом отношении никакого значения. „Напр., повара и кельнеры в гостинице являются производительными рабочими, поскольку их труд превращается в капитал для владельца гостиницы. Но эти же лица

[1] Карл Маркс, „Теории прибавочной ценности". Киев, 1907 г., стр. 168. Эта ценность услуг, даже непроизводительных, определяется по Марксу так же, как и для производительных: „Именно—издержками производства, которых стоит поддержание или производство их", стр. 169.

[2] Там же, стр. 180, курсив наш.

оказываются непроизводительными рабочими, как домашняя прислуга, поскольку я не делаю капитала из их услуг, а трачу на них свой доход. Следовательно, в действительности, те же самые лица в гостинице будут для меня, для потребителя, непроизводительными рабочими". У Маркса не возникает никаких сомнений, что помимо личных услуг, обмениваемых на доход, бывают и такие услуги, которые обмениваются на капитал и, стало быть, являются производительным трудом. „Если, — говорит он, — часть так называемого непроизводительного труда воплощается в материальных потребительных ценностях, которые могли бы быть и товарами, то, с другой стороны, часть услуг, не принимающих никакой об'ективной формы, которые не имеют предметного вида, не существуют отдельно от лица, выполняющего услугу, а также и не входят как составная часть ценности в какой-либо товар, — может покупаться на капитал (непосредственным покупателем труда), возмещать свою собственную заработную плату и доставлять прибыль". [1]

В свете этих указаний следует признать, что элемент „прочих денежных расходов", представляющий оплату услуг производству со стороны, т.-е. услуг, обмениваемых на капитал, по общему правилу, независимо от характера этих услуг, не может рассматриваться как простой вычет из прибыли. Эти затраты оборотного капитала должны найти свое возмещение в рыночной цене продукта на таких же основаниях, как и материалы, т.-е. в порядке полного воспроизводства в продукте ценности затраченных услуг и материалов, — без всякого ущерба для нормальной рентабельности предприятий. Это ясно уже из того, что если бы те или другие из сторонних услуг производству, например, затраты на рекламу, не окупались бы целиком, понижая прибыль какого-либо предприятия ниже средней нормы, то хозяйственный расчет предпринимателя не позволил бы ему длительно ими пользоваться. Мы говорим здесь лишь об услугах, получаемых предприятием со стороны, ибо услуги, оказываемые производству своим персоналом, как выше указано, способны не только возмещать произведенные затраты, но и создавать новую ценность.

В условиях капиталистической экономики, где всякие трудовые затраты и физического и умственного труда, независимо от того, овеществляются ли они в товаре или нет, производительны поскольку они обеспечивают предпринимателю, т.-е. создают ему или сохраняют на известном уровне определенную норму прибыли; этим все определяется. Всякие трудовые затраты вообще и всякие услуги в частности, поскольку они необходимы капиталистам в целях извлечения прибыли, производительны, и если они приобретаются со стороны, их воспроизводство в постоянной части капи-

[1] Там же, стр. 276, 168, 175.

тала само собою подразумевается. Но в условиях советской экономики критерий рентабельности тех или иных затрат не может уже играть столь решающей роли. В наших условиях производительным придется, очевидно, считать не тот труд, который необходим с точки зрения интересов капитала, а тот, который признается общественно необходимым, хотя бы в создаваемой им ценности он лишь окупал издержки своего воспроизводства без всякой прибыли. Этот новый критерий, с одной стороны, расширяет категорию производительного труда, а с другой, несомненно, ее суживает, ибо далеко не всякие услуги, создающие прибыль предпринимателю, общественно необходимы. Извлечению прибыли могут служить и „услуги" рекламбюро и даже „услуги" проституток какого-нибудь по-капиталистически организованного лупанария. Но мы отнюдь не склонны признать их по этой причине общественно-необходимыми.

В условиях социалистического хозяйства станут излишними и отпадут и целый ряд торговых операций, и реклама, и многое другое. Уже и теперь мы очень сомневаемся в производительности услуг тех поэтов, которые кормятся вокруг наших социалистических трестов, снабжая их своими дурацкими рекламами в духе известной формулы: „Нигде кроме, как в Моссельпроме". Но если даже вытравить из рекламы то, что в нее привносится чуждым нам капиталистическим духом соперничества во имя наживы, то все же останется информация о тех или иных видах продукции, их назначении, способах использования и т. д., общественной необходимости которой нельзя отрицать даже при социализме. Стало быть, и реклама представляет собою в наших условиях излишество лишь в той мере, в какой она выходит за рамки добросовестной деловой информации. Эти излишества мы, несомненно, должны были бы относить к непроизводительным затратам, подобно затратам на благотворительные цели и тому подобные нужды, совершенно чуждые производственным задачам предприятий. Их то уж, во всяком случае, следовало бы рассматривать при анализе издержек производства как простой вычет из прибавочной ценности. Но, к сожалению, состояние наших отчетных материалов не позволяет нам произвести столь тонкого расчленения этих издержек. И мы условно относим все „прочие денежные расходы" за счет воспроизводства постоянного капитала, хотя весьма вероятно, что в известной доле их следовало бы отнести и за счет переменного капитала или прибавочной ценности. Возможная ошибка здесь едва ли велика, ибо и вся то сумма учтенных нами издержек по указанной сборной статье не превышает 3% цены продукции.

Отнесение амортизации к воспроизводимой части постоянного капитала не вызывает сомнений. Под сомнением здесь может быть лишь точность исчисления износа амортизируемого имущества. По нашему мнению, действующие у нас нормы амортизации заведомо преувеличены. А это означает, что, относя амортизацию в преувеличенном исчислении к перенесенной ценности постоянного капитала, мы тем самым, несомненно, в известной мере преуменьшаем долю вновь созданной ценности вообще и прибавочной ценности в частности. Но по столь же преувеличенным нормам амортизации, как наши, учитывается износ имущества и во всем капиталистическом мире. Наши ошибки в этом отношении не мешают во всяком случае сравнимости наших данных с иностранными.

Затраты по страхованию имущества играют в издержках производства совершенно аналогичную роль с амортизационными отчислениями. Они призваны создать фонд восстановления имущества на случай его гибели. Разница только в том, что страхование имущества от огня или наводнений представляет собою страховку от внезапной гибели имущества вследствие стихийных бедствий, тогда как амортизация страхует нас от хронически накапливающейся по мере изнашивания гибели этого же имущества. Если бы имущество не страховалось от огня, то нам все равно пришлось бы учитывать в издержках производства по той же статье противопожарные меры и пожарные убытки. С другой стороны, можно было бы и, наоборот, на ряду со страхованием от огня организовать и специальное страхование от износа имущества. Тогда страхующие органы за известную ежегодную ставку оплачивали бы периодически капитальные ремонты, а через определенное число лет и полную восстановительную стоимость ликвидируемых за негодностью предприятий. Таким образом, оплата услуг по страхованию так же, как и амортизационные отчисления, не подлежат, на наш взгляд, включению во вновь создаваемую ценность продукции. Они лишь воспроизводят собою постоянный капитал *(c)* в цене производства.

Такую же роль следует приписать и затратам по текущему ремонту, поскольку его назначение поддерживать эксплоатационную годность имущества на известном уровне, восстанавливая ежегодно его текущий износ. В той мере, в какой мы пользуемся для ремонта услугами других производств или подрядными работами, это неоспоримо. Но поскольку речь идет не о потреблении, а о производстве ремонта в специально-ремонтных цехах и производствах, то здесь ремонтные услуги являются такой же продукцией, как и всякая другая, и потому она, в свою очередь, разлагается на элементы перенесенной ценности (материалы, топливо и пр.) и вновь созданную ценность (зарплата, налоги, прибыль и т. д.). В нашей сводке, как уже было отмечено, свой текущий ремонт уже разложен на эти элементы, а чужой вошел в „услуги прочих производств". При этом можно отметить, что общая сумма издержек по текущему ремонту в 73 трестах составляла за 1925/26 г. около 190 млн. руб., а не разложенный их остаток по нашей сводке не превышал 8 млн. руб., или 4,2% общего итога затрат по текущему ремонту.

В довоенных данных об издержках производства нашей промышленности весь ремонт фигурировал валовой своей суммой, при

чем там не было даже расчленения на текущий ремонт и капитальный. И потому, относя его весь целиком к перенесенной ценности, мы, несомненно, сильно преуменьшали этим долю вновь созданной ценности в общей массе продукции. [1]

В рубрику оплаченного труда мы отнесли зарплату в тесном смысле этого слова, а также все начисления и накладные расходы на рабсилу, т.-е. соцстрах и прочие расходы по обслуживанию трудящихся. Некоторые из этих „накладных" расходов, например, оплата отпусков и простойных дней, выходные пособия при увольнении, коммунальные услуги, обеспечиваемые рабочим натурой или деньгами, т.-е. квартира, отопление, освещение, оплата проездов на работу, наградные за выслугу лет и т. п., представляют прямое дополнение индивидуальной зарплаты. Они непосредственно поступают в бюджет рабочего и по существу от прочих элементов личного заработка не отличаются. Другие элементы, например, соцстрах, школы фабзавуча, амбулатории, заводские столовые, ясли, содержание месткомов и тому подобных учреждений, обслуживающих рабочих, тоже призваны обеспечить необходимое для промышленности воспроизводство рабочей силы, но уже не в индивидуальном, а в коллективном порядке. Это, так сказать, обобществленная доля зарплаты, распределяемая по принципу: каждому по его потребностям.

Таким образом, к оплаченному труду, создающему, согласно теории, новую ценность, мы относим не только оплату труда основных и вспомогательных производственных цехов, но и всех обслуживающих рабочую силу этих цехов непроизводственных учреждений данных трестов, включая сюда учителей, врачей и т. п. профессии. Труд этих работников мы рассматриваем, стало быть, в данном случае как производительный. Правда они не производят товаров. Но уже Маркс указал, что это не существенно. С точки зрения капиталистических отношений их труд производителен уже потому, что он обменивается здесь, в трестах, на капитал, а не на доход в отличие, скажем, от учителей Наркомпроса, врачей Наркомздрава и прочего персонала учреждений, питающихся за счет госбюджета и нерассчитанных на извлечение прибавочной ценности. А с более широкой точки зрения, выходящей за рамки капитализма, он и подавно производителен, ибо с этой точки зрения „производительным трудом будет такой труд, который производит товар или производит, образует, развивает, поддерживает, воспроизводит непосредственно самую рабочую силу". [2]

В нашей советской практике „учебный цех" уже ныне пользуется в отчетности трестов всеми правами гражданства на тех же основаниях, как и все другие вспомогательные и подсобные цеха, мастерские, силовые станции и лаборатории. В связи с этим, как

[1] С. Г. Струмилин, „Очерки советской экономики", М.-Л., 1928 г., стр. 94.
[2] К. Маркс, „Теории прибавочной ценности", стр. 180.

было уже указано, издержки производства и по этому „цеху", как и по другим, разлагаются на элементы — материалов, топлива, рабсилы и пр. И содержание этого цеха по воспроизводству квалифицированной рабочей силы, таким образом, только частью попадает в рубрику вновь созданной ценности, в части же израсходованны учебных и прочих материалов попадает в рубрику перенесенной ценности.

В таком расчленении этого расхода есть известная условность. В зарплате, выдаваемой рабочим треста на руки, тоже есть элементы, которые затем обращаются на обучение их детей в тех или иных школах, на содержание яслей, столовых, лечебных учреждений и других. Издержки этих учреждений тоже разлагаются на зарплату, материалы и пр. И тем не менее, зарплату, выданную на руки рабочим, мы уже не подвергаем никаким дальнейшим разложениям и целиком относим за счет вновь созданной ценности.

Но это отнюдь не случайно. До тех пор пока воспроизводство рабочей силы замыкается в рамках индивидуального частного хозяйства рабочей семьи, предприятию, потребляющему рабсилу, нет дела до отдельных элементов, на какие разлагаются издержки ее производства. Но с того момента, когда общественное разделение труда проникает постепенно и в эту область — производства рабочей силы по мере того, как специализация и рационализация труда в этой области выделяет из сферы семейного домашнего труда целый ряд функций и придает им новую организационную форму крупного общественного производства, эти новые отрасли общественного воспроизводства рабочей силы подпадают под действие тех же законов, какие управляют и во всех остальных отраслях хозяйства.

Современный советский трест строится как комбинат, который берет на себя не только продукцию известной группы материальных товарных ценностей, но и организацию воспроизводства необходимой ему рабочей силы в тех пределах, в которых оно уже поддается общественной организации. Наши тресты строят своим рабочим жилища, обеспечивают их целым рядом обслуживающих учреждений, повышают их квалификацию и т. д. И в отношении этих специальных своих „цехов" трест не может относиться к издержкам их производства иначе, чем во всех остальных. Принцип хозяйственного расчета в связи с интересами общественной рационализации дела требует и здесь, как и везде, совершенно иного гораздо более бережного подхода к затратам живой рабсилы, чем к издержкам уже овеществленного мертвого труда. И этот иной социальный подход находит уже свое отражение в методах калькуляции советской бухгалтерии. Частный предприниматель — капиталист не заинтересован в столь тщательном выделении и отграничении оплаты живого труда от всех остальных видов затрат, столь характерных для нашей советской бухгалтерии. Его хозрасчет ограничивается интересами частнохозяйственной экономии в издержках производства

ради увеличения личной прибыли. А мы должны включать в это понятие гораздо более широкие задачи общественной экономии затрат живого труда.

Переходя к прибавочной ценности, куда мы относим, помимо чистой прибыли, сальдо процентных платежей за пользование чужим капиталом, рентные платежи и налоги, нужно сказать следующее. В капиталистических странах все эти подразделения имеют гораздо большее значение, чем у нас, ибо там прибыль достается одним слоям буржуазии, проценты — другим, рента — третьим, а налоги — государству. Но в советской экономике, где государство совмещает в своем лице и владельца предприятий, и банкира, и землевладельца, и фиск, и таким образом под разными титулами получает все эти виды дохода, разграничение их носит гораздо более условный характер. Национализация земли, лесов и недр приводит к тому, что целый ряд рентных платежей поступает в казну на одинаковых основаниях с налогами и даже частенько смешивается с ними в отчетности фиска под общей рубрикой „налоговых доходов", а в отчетности трестов под общим наименованием „налогов и сборов". Прибыли трестов и банковские проценты тоже в известной своей доле попадают в бюджет под титулом „подоходного налога", а в другой — в порядке прямого „отчисления прибылей". И установить между этими категориями дохода какое-либо принципиальное различие очень трудно. Можно, конечно, условиться, что налогами мы будем называть только ту часть прибавочного продукта страны, которую фиск извлекает из частного или государственного хозяйства в принудительном порядке на удовлетворение непроизводственных функций государства. Там же, где советская власть извлекает доход по праву хозяина предприятий и денежных фондов или владельца поверхности и недр в целях производственного их назначения, там будем называть эти виды дохода по старому — прибылью, процентами и рентой. Но такое разграничение по назначению различных элементов дохода советского государства не может изменить того основного единства их по происхождению, которое позволяет все эти виды дохода об'единить под общей рубрикой: прибавочный продукт.

Этот продукт имеет еще в наших условиях меновую ценность и мы могли бы здесь говорить о прибавочной ценности. Но применительно к продукции обобществленного сектора мы, имея в виду тенденции развития нашего хозяйства, предпочитаем уже теперь употреблять более общий термин „прибавочный продукт".

В наиболее общих подразделениях цены промышленной продукции, после сказанного, можно представить в следующей таблице (табл. 7).

В нашей статистике довольно употребительно понятие „чистой продукции". Чтобы получить ее, обычно из валовой продукции вычитают только материалы, топливо и амортизацию. В качестве первого приближения такой метод очистки, конечно, вполне законен.

Таблица 7

Основные элементы отпускных цен по 73 трестам за 1925/26 г.

А. Абсолютные данные (в тыс. черв. рублей).

Элементы \ Отрасли	Металлическая	Угольная	Электротехническая	Текстильная	Лесная	Химическая	Нефтяная	Бумажная	Сахарная	Пищевая	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Воспроизведенные ценности (*c*)											
1. Материалы	253.351	35.096	46.250	564.643	7.746	89.214	38.119	12.011	165.223	81.847	1.293.500
2. Топливо и энергия . .	96.985	9.526	2.911	29.262	988	6.414	18.372	959	18.008	1.617	185.072
3. Услуги транспорта и проч.	54.794	53.318	11.331	64.999	22.377	21.150	32.528	4.561	41.684	18.840	335.582
4. Амортизац. и страхов. .	48.156	16.422	5.521	73.904	2.467	7.133	74.067	2.893	16.117	2.952	249.632
Итого по *c* . . .	453.286	114.362	66.013	732.808	33.578	123.941	163.086	30.424	241.032	105.256	2.063.786
II. Новые ценности											
1. Оплаченный труд (*v*) . .	318.230	121.913	44.758	392.697	32.750	44.062	65.358	15.450	44.089	21.579	1.100.886
2. Прибавоч. продукт (*m*)											
а) акцизы	12	—	—	78.584	7	8.334	245	—	232.471	372.486	692.139
б) налоги и сборы . .	10.117	3.004	3.136	28.253	3.126	5.101	7.238	2.597	12.446	5.898	80.916
в) рентные статьи . .	5.460	6.067	794	4.481	24.142	1.526	21.372	1.625	999	1.821	68.287
г) проценты	10.889	6.264	2.991	4.698	5.503	— 69	782	90	11.276	— 228	42.196
д) прибыль	32.441	13.401	21.040	209.259	— 4.242	29.456	55.814	18.068	41.438	38.115	454.790
Итого по *m* . . .	58.919	28.736	27.961	325.275	28.536	44.348	85.451	22.380	298.630	418.092	1.338.328
Всего новых ценностей (*v*+*m*) .	377.149	150.649	72.719	717.972	61.286	88.410	150.809	37.830	342.719	439.871	2.439.214
Цена продукции (*c*+*v*+*m*) .	830.435	265.011	138.732	1.450.780	94.864	212.351	313 895	68.254	583.751	544.927	4.503.000

Но этим методом мы можем получить только условно „чистую" продукцию, ибо не исключим затрат на оплату приобретаемых со стороны услуг транспорта, связи и других производств и не учтем гибели имущества от пожаров и прочих стихийных бедствий. По всем этим статьям в табл. 6 учтено нами 345,6 млн. руб., что по отношению к 2.439 млн. руб. вновь созданной ценности составило бы прибавку около 14%. Таков масштаб вероятной ошибки при исчислении чистой продукции по общепринятому методу.

Наш расчет, основанный на бухгалтерской отчетности, позволяет достигнуть большей точности. Но и он далеко не безупречен. И тут следует, прежде всего, отметить два дефекта. Дефектны наши нормы амортизации, установленные на основе так называемых „экспертных", т.-е., говоря проще, весьма глазомерных оценок. И, во-вторых, не столь уж ясна природа учтенных нами рентных статей. Конечно, и „долевые отчисления" за недра, и корневая плата за древесину, и арендная плата за земли госфонда, и даже арендная плата за торговые помещения трестов представляют собою, прежде всего, те или иные разновидности ренты; но, с одной стороны, в этих платежах чаще всего фиксируется не вся рента, а с другой стороны, в них частенько содержится кое-что и сверх ренты, например, амортизация арендуемых помещений, оплата издержек по лесоустройству в попенной плате и т. д. В какой мере эти плюсы и минусы уравновешивают друг друга, сказать трудно. Но более точного расчета и бухгалтерия представить не может.

Некоторые элементы рыночных цен фигурируют в нашей сводке и со знаком минус. По статье „проценты" сальдо платежей для химических и пищевых трестов сложились так, что для них эта статья оказалась не расходной, а приходной. Эти отрицательные затраты пришлось обозначить знаком минус. По лесной промышленности вместо прибылей оказался убыток, тоже отмеченный знаком минус. Правда „убыточность" нашей лесной промышленности весьма условна. Она целиком об'ясняется потерями на курсе валюты по экспортным операциям лесных трестов, что отнюдь не связано с условиями производства в лесной промышленности. Но тем не менее факт остается фактом.

5. Цены и ценность

В относительных величинах структура цен продукции по разным отраслям промышленности представляется в следующем виде (табл. 8).

Как видим, структура цен в разных производствах чрезвычайно различна. Особенно крупные колебания в этой структуре создаются за счет резкого колебания налоговых элементов, и в частности акцизов. Удельный вес их в пищевых трестах и в Сахаротресте по сравнению с весом оплаченного труда достигает совершенно исключительных размеров. По весу материалов в цене продукта на первых местах стоят химическая промышленность (42%) и текстильная

Таблица 8

Основные элементы отпускных цен по 73 трестам за 1925/26 г.

Б. Относительные данные (в %%)

Элементы \ Отрасли	Металлическая	Угольная	Электротехническая	Текстильная	Лесная	Химическая	Нефтяная	Бумажная	Сахарная	Пищевая	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Воспроизведенные ценности (*c*)											
1. Материалы	30,5	13,2	33,3	38,9	8,2	42,0	12,1	17,6	28,3	15,0	28,8
2. Топливо и энергия	11,7	3,6	2,1	2,0	1,0	3,0	5,9	1,4	3,1	0,3	4,1
3. Услуги транспорта и проч. .	6,6	20,1	8,2	4,5	23,6	10,0	10,4	21,4	7,1	3,5	7,4
4. Амортизация и страхование	5,8	6,2	4,0	5,1	2,6	3,4	23,6	4,2	2,7	0,5	5,5
Итого по *c* . . .	54,6	43,1	47,6	50,5	35,4	58,4	52,0	44,6	41,2	19,3	45,8
II. Новые ценности											
1. Оплаченный труд (*v*) . . .	38,3	46,0	32,2	27,1	34,5	20,7	20,8	22,6	7,6	4,0	24,5
2. Прибавочный продукт (*m*)											
а) акциз	0,0	—	—	5,5	0,0	3,9	0,1	—	39,9	68,4	15,4
б) налоги и сборы	1,2	1,1	2,3	1,9	3,3	2,4	2,3	3,8	2,1	1,0	1,8
в) рентные статьи	0,7	2,3	0,6	0,3	25,5	0,7	6,8	2,4	0,2	0,3	1,5
г) проценты	1,3	2,4	2,2	0,3	5,8	— 0,0	0,2	0,1	1,9	—0,0	0,9
д) прибыль	3,9	5,1	15,1	14,4	—4,5	13,9	17,8	26,5	7,1	7,0	10,1
Итого по *m* . . .	7,1	10,9	20,2	22,4	30,1	20,9	27,2	32,8	51,2	76,7	29,7
Всего новых ценностей (*v* + *m*) .	45,4	56,9	52,4	49,5	64,6	41,6	48,0	55,4	58,8	80,7	54,2
Цена продукции (*c* + *v* + *m*) . .	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Норма прибавоч. продукта (*m* : *v*) в %%	18,5	23,5	62,2	82,8	87,1	100,5	130,6	143,6	678,0	1940,0	121,6

(39%), на последних — топливная (12—13%) и лесная (8%). Но зато вес транспортных и прочих услуг в лесном деле достигает почти 24%, в то время как в текстильном он падает до 4,5%. Амортизация особенно большой вес получает в нефтяной промышленности, топливо и энергия — в металлургии и металлообработке, рентные сборы—в лесных трестах (попенщина), прибыль—в бумажных и т. д.

В среднем по всем учтенным отраслям перенесенная ценность составляет 45,8%, оплаченный труд—24,5% и прибавочный продукт—29,7%. Вся вновь созданная ценность достигает, таким образом, 54,2% цены рыночного продукта. По исчислениям ЦСУ для всей цензовой промышленности „чистая продукция" составляет 3.957 млн. руб. из 9.956, т.-е. всего 39,8% валовой.[1] Но ЦСУ оценивает продукцию без акциза. В нашем расчете вновь созданная ценность даже за вычетом акциза составила бы все же не менее 45% трестовской продукции (без акциза). Это расхождение отчасти об'ясняется специфическим составом трестов союзного значения, с преобладающим в них весом бедной сырьем добывающей промышленности. Но главной основой этого расхождения следует считать разные методы исчисления продукции. ЦСУ, исчисляя продукцию по заводской оценке, т.-е. со включением всего внутритрестовского оборота материалов, тем самым значительно преувеличивает их вес в общем итоге учтенной ценности.

Большой интерес представляет вопрос о том: заметно ли меняется и в какую именно сторону изменяется с развитием нашего хозяйства доля вновь созданной ценности, т.-е. народного дохода в общем итоге валовой продукции промышленности. В печати было высказано мнение, что эта доля народного дохода при намечающихся у нас перспективах снижения цен должна падать[2]. Однако, это утверждение явно несостоятельно. Значение дроби $\frac{v+m}{c+v+m}$ от снижения товарно-материальной слагаемой c в знаменателе может только возрастать, а не падать. Другое дело, если бы в перспективе намечалось еще более энергичное снижение оплаты труда (v) и прибавочной ценности (m). Лишь тогда числитель нашей дроби обгонял бы в своем падении общее снижение знаменателя, т.-е. вновь создаваемая ценность падала бы в общей цене продукта. Но такой перспективы текущий наш опыт отнюдь не подтверждает. Правда, рост производительности снижает у нас затраты на единицу продукта, но эта экономия почти целиком обращается на повышение оплаты труда, и потому общий размер v на единицу продукта мало меняется; что же касается нормы прибавочной ценности, то ее снижать на ближайшие годы — годы величайшего напряжения в области реконструкционного строительства — мы тоже не имеем достаточных оснований. А опыт прошлых лет свидетельствует скорее о росте этих норм, чем о падении.

[1] „Фабр.-зав. промышленность СССР в 1925/26 г.", Изд. ЦСУ., М. 1927 г., стр. 148.

[2] А. Л. Вайнштейн, „К критике пятилетнего перспективного плана". „Экон. Обозр.", июль 1927 г. По утверждению автора „анализ (?) проблемы показывает, что этот коэфициент не устойчив и должен с течением времени падать" (стр. 61).

Средняя норма прибавочного продукта по 73 трестам определилась у нас в 121,6%, но по отдельным отраслям она колеблется от 18,5% до 1940,0%. Чем же об'ясняется столь разительная колеблемость этой нормы?

Правда, квалификация труда в различных отраслях промышленности у нас тоже колеблется в довольно широких пределах. Но эти колебания уже учтены в различной оплате труда разной квалификации. Рабочий день у нас колеблется уже в гораздо меньшей степени — от 6 до 8 часов для различных категорий труда. При этом снижение его для компенсации более тяжелых и вредных условий труда или в интересах более слабых категорий трудящихся, напр., женщин и подростков,— должно лишь выравнивать условия эксплоатации наемного труда. В той же части, в какой у нас остаются все же существенные различия в продолжительности или в интенсивности труда разных рабочих, они уравновешиваются в условиях сдельной оплаты труда, добавочных приплат за сверхурочные часы и т. д. соответствующими различиями в оплате труда.

К. Маркс в своем анализе капиталистического хозяйства исходит из предпосылки, „что степень эксплоатация труда, а следовательно норма прибавочной стоимости и длина рабочего дня имеют одинаковую величину, стоят на одинаковом уровне во всех сферах производства, на которые распадается общественный труд данной страны. Что касается значительных различий в эксплоатации труда в разных сферах производства, то уже А. Смит обстоятельно показал, что они уравниваются всякого рода действительными или основанными на предрассудке компенсирующими обстоятельствами, и следовательно, различия эти, как только кажущиеся и мелкие, не должны приниматься в расчет при исследовании общих соотношений. Другие различия, напр., в высоте заработной платы, покоятся, главным образом, на указанном уже во введении к первой книге, стр. 11, различии между простым и сложным трудом, при чем хотя они и делают жребий рабочих в различных сферах производства далеко не одинаковым, однако, нисколько не затрагивают степени эксплоатации труда в этих различных сферах". И в другом месте он поясняет: „Такая общая норма прибавочной стоимости в виде тенденции, как и все экономические законы, была допущена нами, как теоретическое упрощение, однако, в действительности она является фактической предпосылкой капиталистического способа производства..."[1] При капитализме эта уравнительность в условиях эксплоатации труда

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 119 и 153, курсив наш.

достигалась, однако, лишь косвенным путем, т.-е. путем стихийной конкурентной борьбы между собою на рынке труда — рабочих в поисках наилучших условий найма, с одной стороны, и хозяев в погоне за наиболее рентабельным трудом — с другой. В советской же экономике эта уравнительная тенденция является плодом не только об'ективных условий рынка, но и сознательной активной политики всех организованных сил страны.

И хозорганы и профсоюзы принимают у нас каждый со своей стороны все усилия к плановому подтягиванию зарплаты в отсталых отраслях труда и утверждению определенного устойчивого равновесия в намечаемой динамике роста оплаты и производительности труда. Таким образом, у нас равная норма прибавочной ценности является не только об'ективным выводом из стихийного течения рыночных отношений, но и целевой установкой хозяйственного плана. На данной ступени нашего развития принцип оплаты труда в соответствии с его результативностью является основным постулатом советского хозяйства.

Мы только еще строим социализм, но уже теперь каждый строитель может и должен себя чувствовать не орудием, а самоцелью этого строительства. В таких условиях не применим термин норма эксплоатации труда. Но резервирование и накопление прибавочного продукта в целях коллективного его использования на те или иные социальные нужды свойственно всякому разумному коллективу. Поэтому говорить о нормах отчуждения прибавочного продукта на такие нужды мы можем и в советской экономике. Мы требуем от всех трудящихся соучастия в создании этого общественного фонда прибавочного продукта. И каждый трудящийся должен при этом обеспечить нам равную норму прибавочного труда.

Таким образом, если бы мы хотели приблизить рыночную расценку наших товаров к их трудовой ценности,— нам пришлось бы, установив для извлечения из производства ту или иную норму прибавочного продукта, исходить при начислении прибылей, налогов и рентных сборов из этой нормы, равной для всех производств и отраслей хозяйства. Но, как видно из приведенной таблицы, наши плановые органы отнюдь не ставят перед собой такой задачи. Наша политика цен исходит из совершенно иных задач и практических соображений. Топливо и металл, например, в интересах индустриализации страны продаются значительно ниже их ценности, но зато весь недобор по этим производствам погашается с избытком акцизом на водку, потребление которой этой мерою сильно задерживается в интересах народного здравия.

Конечно, благодаря такой политике у нас на рынке и ныне, как и в прежние времена, имеет место не эквивалентный обмен, ведущий к известному перераспределению народного дохода между отраслями и социальными секторами народного хозяйства. Но до тех пор пока это перераспределение совершается в интересах пролетариата и направляется к под'ему производительных сил страны, мы можем признать его вполне целесообразным. Целесообразно ли оно в каждом частном случае, это дело уже конкретного исследования. Изучая структуру цен по табл. 8, мы, например, убеждаемся, что текстильные товары дают нам еще весьма скромную по отношению к средней норме долю прибавочного продукта. И потому включение здесь в рыночную цену умеренного акциза (5,5% от цены продукта) не вызывает пока особых возражений. Но в отношении сахара, где норма прибавочного продукта за счет акциза достигает 678%, мы не могли бы признать ее рациональной. Сахар нельзя рассматривать, как предмет роскоши. Это прекрасный пищевой продукт с огромным запасом энергии. Удешевление этого возбудителя трудовой энергии масс и в интересах под'ема общей производительности труда, и в интересах развития сельского хозяйства, и даже в интересах более успешной борьбы с алкоголизмом, — крайне желательно и необходимо. И потому в своих перспективных планах мы намечаем значительное расширение продукции сахара при соответствующем снижении акциза.

Если бы мы располагали средней нормой прибавочной ценности для всего народного хозяйства СССР, то нам не трудно было бы установить, как велико отклонение цен от ценностей, а также, в каких направлениях и в каком масштабе происходит у нас общее перераспределение народного дохода через рыночные цены. Но пока мы не располагаем такими данными. Однако, если условно допустить что средние для учтенных нами отраслей промышленности нормы прибыли и прибавочной стоимости довольно близки к средним для всего народного хозяйства, взятого в целом, то относительное отклонение рыночных цен от цен производства и от трудовой ценности соответствующих товаров в пределах данного круга производств выразились бы в следующих цифрах (табл. 9).

Постоянный капитал нами взят здесь по активу балансов на 1/X 1926 г. (по Сахаротресту на 1 января 1927 г.) с дооценкой по действительной стоимости имущества за вычетом износа. [1] Оплаченный труд в человеко-днях учтен здесь полнее чем, в табл. 2, так как сюда мы прибавили, насколько нам это удалось, отработанное время служащих предприятий и трестов, а также всех рабочих по хозяйственным лесозаготовкам и торфозаготовкам тех же трестов. Точного учета по этим дополнительным статьям у нас не имелось, но по отношению к общим итогам возможная неточность наших поправок весьма незначительна. Сопоставляя общий итог отработанного времени 378,7 млн. человеко-дней с общей суммой вновь созданной ценности — 2.439 млн. руб., получаем около 6 руб. 40 коп. на

[1] Собственные средства трестов сверх имущества и товарно-материальных ресурсов включают и денежные средства, но за вычетом из этих статей сальдо задолженности трестов.

Таблица 9

Капиталы и продукция по 73 трестам за 1925/26 г.

Показатели \ Отрасли	Металлическая	Угольная	Электротехническая	Текстильная	Лесная	Химическая	Нефтяная	Бумажная	Сахарная [1]	Пищевая	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. Постоянный капитал (в млн. черв. руб.)											
а) в строениях и оборудовании	962,6	318,5	95,1	1.308,8	30,5	139,5	758,1	52,7	303,6	97,2	4.058,7
б) в товарах и материалах	489,2	49 6	123,8	443,1	57,5	96,0	105,9	36,0	294,8	101,7	1.797.6
Итого к концу года (C)	1.451,8	368,1	218,9	1.751,9	88,0	235,5	864,0	88,7	598,4	198,9	5.856,3
Собственные средства трестов (C')	1.195,5	295,2	172,0	1.991,0	24,2	230,6	892,9	76,8	516,2	180,2	5.574,5
2. Оплаченный труд											
а) в млн. человеко-дней — t	119,6	42,7	8,68	140,8	9,19	9,39	15,12	6,25	23,2	3,78	378,7
б) в млн. черв. руб. — v	318,2	121,9	44,8	392,7	32,7	44,1	65,4	15,4	44,1	21,6	1.100.9
в) в руб. и коп. за 1 день — $(v:t)$	2,67	2,86	4,58	2,79	3,56	4,70	4,33	2,46	1,91	5,72	2,90
3. Строение капитала											
а) $C:t$ — в рублях на 1 человеко-день	12,1	8,62	25,2	12,4	9,6	25,0	57,1	14,1	25,8	52.6	15,5
б) $C:v$	4,6	3,0	4,9	4,5	2,7	5,3	13,2	5,8	13,6	9,2	5,3
в) То же в % к средней норме	86	57	92	85	51	100	249	109	256	173	100
4. Прибавочный продукт в млн. рублей											
а) по отчетным данным	58,9	28,7	28,0	325,3	28,5	44,3	85,4	22,4	298,6	418,1	1.338,3
б) при средней норме приб. ценности	386,8	148,3	54,4	477,0	39,9	53,6	79,6	18,8	53,6	26,3	1.338,3
5. Чистая прибыль											
а) отчетная — в млн. черв. руб.	32,4	13,4	21,0	209,3	— 4,2	29,5	55,8	18,1	41,4	38,1	454,8
„ — в % на капитал (C')	2.7	4,6	12,2	10,5	— 17,5	12,8	6,2	23,5	8.0	21,2	8,16
б) при средней норме прибыли в млн. руб.	97,6	24,1	14,1	162,0	2,0	18,8	73,0	6,2	42,3	14,7	454,8
6. Продукция в млн. рублей											
а) по рыночным ценам	830,4	265,0	138,7	1.450,8	94,9	212,4	313,9	68,3	583,7	544,9	4.503
б) по ценам производства	895,6	275,7	131,8	1.403,4	101,1	201,8	331,1	56,4	584,6	521,5	4.503
в) по закону трудовых затрат	1.158,3	384,6	165,2	1.602,5	106,2	221,6	308,0	64,7	338,7	153,1	4.503
7. Отклонения рыночных цен в %											
а) от цен производства	— 7,3	— 3,9	+ 5,3	+ 3,4	— 6,2	+ 5,3	— 5,2	+ 21,1	— 0,5	+ 4,5	0,0
б) от трудовых затрат	— 28,3	— 31,1	— 16,0	— 8,9	— 10,6	— 4.2	+ 1,9	+ 5,6	+ 72,5	+ 256,0	0,0

[1] Постоянный капитал (C) по Сахаротресту взят нами на 1 янв. 1927 г. за вычетом имущества сельхозов и других подсобных предприятий; свои средства (C') исчислены по всему тресту. В товарах и материалах учтено „незаконченное производство", исчисляемое Сахаротрестом искусственно и притом с огромным преувеличением.

каждый отработанный день труда средней квалификации при средней оплате такого дня, примерно, в 2 руб. 90 коп.

Строение капитала мы можем измерять двояко: или количеством средств производства, авансируемых на единицу живого труда, или по соотношению между C и v, в денежном их выражении. Показатели, полученные нами в данной таблице, едва ли очень точны, и вполне соизмеримы, так как оценка имущества в разных отраслях при инвентаризации произведена была слишком грубо и неравномерно. По расчетам некоторых исследователей эта оценка в среднем преувеличена процентов на 40, при чем в химической промышленности это преувеличение поднимается до 58%, в хлопчатобумажной до 69%, в нефтяной до 85%, в то время как в металлургической, каменноугольной и лесной оно не выше десятка процентов, а в некоторых отраслях и вовсе падает до нуля. [1] При этих условиях ясно, что и общий показатель высоты строения наших промышленных капиталов и частные показатели по отдельным отраслям нуждаются в серьезных поправках. Тем не менее, они все же небезынтересны. В среднем для всех трестов постоянный их капитал по нашей таблице в 5,3 раза превышает годовые затраты на оплату труда. Значит, чтобы обеспечить возможность работы новым кадрам рабочей силы, нам нужно при среднем годовом заработке — за 270 дней по 2 р. 90 к., около 780 р. — накопить и вложить в промышленность свыше 4 тыс. руб. постоянного капитала на каждого нового работника, а чтобы устроить на индустриальную работу целый миллион имеющихся безработных, потребовалось бы сразу вложить свыше 4 мрд. капитальных затрат.

Уже этот грубый расчет показывает, перед какими трудными задачами мы стоим в нашей борьбе с безработицей. Но значение вложений с указанной точки зрения в разных отраслях труда далеко не одинаково. В лесной и каменноугольной промышленностях эффект капитальных затрат с точки зрения поглощения добавочного труда при нынешней технике гораздо больше средней нормы, а скажем, в сахарной, пищевой и нефтяной — несравненно меньше. Для разных отраслей труда это об'ясняется по разному. Сахарное производство — сезонное, работает около 100 дней в году, а капитал требуется такой же, как и для годового труда. В пищевой промышленности у нас учтены только малотрудоемкие — чаеразвесочная и спиртоочистительная — операции, а стоимость материала, поступающего в эти заключительные операции, очень велика. В нефтяном деле мы имеем колоссальную механизацию трудовых процессов и потому небольшое использование живого труда. Но, так или иначе, и качество и количество живого труда, падающее в разных отраслях труда на единицу постоянного капитала, отнюдь не случайно и представляет для нас громадный практический интерес в хозяйственном планировании.

---

[1] Ср. С. Г. Струмилин, „Очерки советской экономики", 1928 г., стр. 148.

Отметим лишь попутно, что наши показатели строения капитала не совсем совпадают с той категорией „органического состава капитала", о которой трактует теория. [1] Правда, и там речь идет об отношении постоянного капитала к переменному, но там имеется в виду лишь авансированный переменный капитал, т.-е. достаточный для производства в течение одного периода оборота, а у нас учтена годовая зарплата. Конечно, период одного оборота переменного капитала различен для разных производств и отнюдь не равен году. Но определить его статистически чрезвычайно трудно и мы отказались от этой задачи.

Исчисленные нами в таблице цены производства, в предположении равной нормы прибыли, и трудовая стоимость продукции, в предположении равной нормы прибавочной ценности, несмотря на всю их условность, весьма показательны. Как видим, наши рыночные цены весьма далеки и от тех и от других. Но если отклонения их от цен производства колеблются в более узких пределах: от $-7{,}3\%$ до $+21{,}1\%$, то по отношению к трудовой стоимости диапазон этих колебаний гораздо шире: от -31% до $+256\%$.

Это заслуживает внимания тов. Бессонова и его единомышленников, воображающих, что рыночные цены нашей промышленности в отличие от железнодорожных тарифов близко следуют закону ценности.

[1] К. Маркс, Капитал, ГИЗ, 1923 г., т. I, стр. 600 и др., т. III, ч. 1, стр. 46—47, 122—123.

С. А. Бессонов

Проблема пространства в перспективном плане[1]

(К тарифной реформе)

I. Теория Маркса в промышленности и на транспорте

Дискуссия о принципах тарифной реформы, развернувшаяся недавно на страницах наших газет[2] показала, что транспортное хозяйство представляет собой область, почти нетронутую марксистской теорией. Поэтому здесь продолжают жить и гнездиться взгляды и точки зрения, которые кажутся анахронизмом не только с марксистской точки зрения, но и с точки зрения самой буржуазной политической экономии в ее современном виде.

Ни один из современных представителей буржуазной политической экономии не решился бы, например, выступить сейчас с предложением строить промышленные цены по принципу платежеспособности с полным игнорированием принципа издержек производства. Даже наиболее последовательный из экономических суб'ективистов маститый родоначальник австрийской школы, профессор Бем-Баверк, вынужден был, правда, в иррациональной форме, ввести издержки производства в качестве конституирующего момента в свою теорию цены.[3]

Современные же властители буржуазных экономических дум — Маршалл, Кларк, Кассель и др., конструируя теорию монопольной цены, защищают по сути дела прямой и открытый компромисс между принципом издержек производства и принципом платежеспособности (спроса и предложения), как одинаково правомерными факторами ценообразования.[4]

---

[1] В порядке обсуждения. Ответ С. Г. Струмилина будет помещен в следующем номере журнала. Ред.

[2] См. „Правду", № 42, и „Экономическую Жизнь" за февраль — март — апрель 1928 г.

[3] „Закон издержек производства существует, издержки производства действительно оказывают важное влияние на ценность материальных благ. Но господство издержек производства представляет собою лишь частичный случай более общего закона предельной пользы" (Бем-Баверк, „Основы теории ценности". СПБ., 1903 г., 110 стр.).

[4] Ср. Alfred Marschall, „Principles of economics" 1922, в особенности стр. 394—454.

Другой вопрос, что Маршалл, как и Кларк, Карвер и другие, говоря об издержках производства, имеют в виду „предельные издержки" (marginal costs),

Таким образом, в области промышленных цен давление жизни давным давно заставило уже буржуазную мысль отказаться от чисто рыночной („австрийской“) теории ценообразования и ввести в свою теорию цен (даже монопольных) в качестве опорного пункта об'ективно производственный принцип издержек производства или себестоимости.

Я не говорю уже о марксистской теории, которая самый принцип платежеспособности спроса и предложения и т. п. сводит целиком и без остатка к отношениям производства и свою теорию цен строит на базе теории трудовой стоимости, т.-е. связывает ее непосредственно с успехами производства и ростом производительности труда. Тем самым марксистская теория вскрывает рациональное производственное зерно рыночного ценообразования, которое кажется на первый взгляд слепым результатом стихийной игры рыночных сил, т.-е. чем-то совершенно иррациональным.

Эти особенности марксистской теории цен приобретают исключительное значение в условиях СССР. Наша политика промышленных цен и наше регулирование цен своим исходным пунктом имеют отнюдь не кон'юнктурно-рыночные, а именно об'ективно-производственные моменты. Мы изменяем наши цены, следуя не за кон'юнктурой рынка, а за кон'юнктурой производства. Мы ставим нашей целью прямую связь наших цен с ростом производительности труда и понижаем их по мере уменьшения себестоимости и издержек производства. Мы сплошь и рядом антиципируем это изменение производительности труда, „задавая“ нашим промышленным предприятиям пониженные нормы издержек производства. Таким путем мы получаем возможность вести политику снижения промышленных цен.

Совсем другая, диаметрально противоположная политика цен должна быть, если мы в качестве опорного пункта для ценообразования возьмем кон'юнктуру рынка, т.-е. принцип платежеспособности или спроса и предложения. Мы должны были бы[1] в этом случае не понижать, а повышать промышленные цены, не индустриализировать, а аграризировать нашу страну, или начинать эту индустриализацию не с металлического, а с ситцевого конца. Почему? Потому что „кон'юнктура“ нашего внутреннего и международного рынка всей своей тяжестью давила бы на наши цены именно

в то время как марксистская теория цен говорит всегда о средних общественно-необходимых издержках. Это — предмет особого и гораздо более серьезного спора.

Наши русские „англо-американцы“ в общем и целом следуют за своими иноземными учителями, хотя и не без некоторых попыток критики.

См. П. Шапошников, „Теория ценности и распределения“, 1912 г. (стр. 35, и сл.) и Юровский, „Очерки по теории цены“, 1919 г. (стр. 156 и сл.).

[1] Как это и возвестил недавно В. Г. Громан в „Экон. Жизни“ от 3 февраля, а до него еще Вайнштейн, Кистенев, И. Леонтьев и другие в „Эконом. бюллютене“, в „Финансах и народном хозяйстве“ и т. д.

в этом направлении и мы должны были бы, вероятно, рано или поздно распроститься на этом пути с планом построения социализма в СССР.

Из этого видно, что вопрос о принципах ценообразования в советских условиях имеет отнюдь не теоретическое только значение. Это—спор не о словах, а о том или ином направлении нашей политики. Неудивительно, что партийное общественное мнение встречает в штыки всякую попытку сбить наше регулирование цен на рельсы принципа платежеспособности и монопольных цен независимо от того, из какого лагеря эти попытки исходят: из уст ли Е. А. Преображенского[1] или А. Вайнштейна.[2]

XV партийный с'езд осудил подобные попытки в специальном абзаце своего постановления. С'езд признал совершенно недопустимым для партии разрешать проблему общественного равновесия на пути повышения или понижения рыночных цен. С'езд установил, что единственно правильным путем изживания диспропорций в нашем хозяйстве является „путь понижения себестоимости промышленной продукции (курсив С'езда) на основе энергично проводимой рационализации индустрии и ее расширении, следовательно, на основе политики снижения промышленных цен“.[3] Производственный, а не рыночный базис политики цен выражен здесь с чрезвычайной силой и энергией, вполне соответствующей принципиальной важности вопроса.

Само собой разумеется, что подчеркивание производственного характера нашего ценообразования ни в какой степени не означает противопоставления рынка производству. Реальная политика цен не может не учитывать в ряде случаев особенностей рыночной кон'юнктуры, отражающей на свой лад те же самые производственные моменты. Мало того, по отношению к ряду товаров рыночный метод определения цен является решительно преобладающим, хотя отнюдь не единственным. Таковы, например, все товары, продаваемые и покупаемые нами на международном рынке, таковы же и некоторые товары, покупаемые нами на внутреннем крестьянском рынке. Стихийный рыночный способ определения цен выражает собою в данном случае бессилие планового начала по отношению к этим областям хозяйственной жизни. В меру внедрения сюда социалистических элементов рыночные методы ценообразования будут уступать свое место методам производственным, т.-е. таким, которые уже сейчас господствуют в нашей социалистической промышленности. Здесь основным фактором политики цен уже сейчас является не та или иная кон'юнктура рынка, а те или иные успехи производства. Рыночная кон'юнктура (то или иное соотношение платежеспособного спроса

[1] Е. А. Преображенский, „Новая экономика“, 148, 149.

[2] А. Вайнштейн, „Экон. бюллетень“, № 11—12 за 1927 г., „Советская торговля“, № 49 за 1927 г.

[3] Резолюции и постановления XV с'езда ВКП (б), ГИЗ, 53—54.

и предложения), если и учитывается, то в качестве совершенно второстепенного и отнюдь не решающего момента.

Итак, по отношению к промышленным ценам мы имеем более или менее единодушное теоретическое и политическое осуждение принципа платежеспособности. Мало того, даже за пределами партии в непартийных и немарксистских экономических кругах принцип платежеспособности, как мы видели, потерял уже свое обаяние и вынужден у современных представителей буржуазной экономии, у англоамериканцев, делить свое место с другими ценообразующими элементами.

Только мелкие буржуа, типа Вайнштейна и Кистенева, испугавшиеся нашей индустриализации и трудностей социалистического строительства, спешат заявить сейчас о чрезвычайной важности принципа платежеспособности, о недопустимости игнорирования рыночной конъюнктуры, о преступности политики снижения цен при недостатке товаров и т. д., и т. п. Мелкобуржуазный характер этих ламентаций, с их плохо прикрытым желанием направить нашу индустриализацию по руслу дефицитных товаров, т.-е. по линии „ситцевой" индустриализации, настолько бросается в глаза, что защита принципа платежеспособности с этой стороны должна была бы, казалось, окончательно дискредитировать этот принцип в глазах партии.

А между тем, в тот самый момент, когда вопрос о принципах ценообразования в промышленности приобрел настолько четкую политическую постановку, что ошибка в решении казалась уже невозможной и самый принцип платежеспособности был официально осужден XV партийным с'ездом,—в этот самый момент на безмятежном транспортном горизонте разгорелась дискуссия, в которой не только престарелые теоретики тарифного дела и их молодые ученики выступили с прямой защитой принципа платежеспособности, но даже некоторые из марксистов не знали, как им держаться в этом вопросе по отношению к транспорту. Могут ли марксистские истины, бесспорные в промышленности, годиться на транспорте? Распространяется ли теория трудовой стоимости Маркса на эту своеобразную отрасль хозяйства? Вот вопросы, на которые, как это ни странно, марксистская мысль не нашла единодушного ответа.

Естественно, что буржуазные теоретики тарифного дела изо всех сил защищают „особую" природу транспортного хозяйства и его, якобы, „принципиальное" отличие от промышленности. Этим путем они хотят внушить читателю, что принцип платежеспособности на транспорте вытекает не из общественных отношений капиталистического общества, а из естественной природы самого транспорта, совершенно также, как и максимальная прибыль железнодорожных магнатов диктуется, по их мнению, не чем иным, как „естественным" благом всего общества.[1]

[1] Поразительно отчетливо выражает эту мысль К. Я. Загорский. „Сущность тарификации по ценности,—говорит он,—заключается в том, чтобы посредством возможно лучшего приспособления тарифных ставок к платежной способности перевозимых грузов достигнуть... наибольшего чистого дохода. В этом и заключается главное оправдание системы тарификации по ценности с точки зрения общих интересов (?!) народного хозяйства... Следовательно, рассматриваемая система построения тарифов... должна быть признана естественной, т.-е. отвечающей самой природе вещей, не ни в каком случае не „произвольной", „искусственной" и т. д. („Теория ж.-д. тарифов", 2 изд., 1923 г., 250 стр.).

Но когда кое-кто из марксистов начинает пользоваться аналогичной аргументацией, то приходится с сожалением констатировать что товарищи основательно забыли и учение Маркса о транспорте и учение Ленина о буржуазных экономистах.

Когда, например, такой авторитетный товарищ, как тов. Струмилин, только что сам заявивший о недопустимости скатываться к принципу платежеспособности в тарифном деле, как к принципу явно мещанскому, сейчас же вслед за этим начинает доказывать, что транспорт не то, что промышленность, что это, пожалуй, даже не материальное производство, что это—простой „накладной расход" на промышленное производство и что поэтому законы ценообразования в промышленности не могут относиться к транспорту (см. „Экон. Жизнь", № 53), то против всех этих утверждений собственно нет смысла спорить. Нужно просто отослать тов. Струмилина ко тому II „Капитала", где Маркс в 6 главе специально по поводу аналогичных ошибок подчеркивал, что транспорт представляет собой не что иное, как особую, самостоятельную „отрасль производства", „транспортную промышленность", с абсолютно такими же законами образования стоимости как и в промышленности вообще (стр. 120—123).

Еще большую, и для марксиста мало понятную ошибку делает тов. Струмилин, когда он утверждает в той же статье, что марксистская „теория трудовой ценности, как известно, не интересовалась отклонениями цен от ценности", и что поэтому на нее нельзя-де ссылаться в тарифном деле.

Приходится с сожалением констатировать, что тов. Струмилин позабыл перелистать не только том II „Капитала", но и совершенно забыл о существовании III тома, ибо, как известно, именно этот том посвящен „отклонениям цен от ценностей" как в условиях свободной рыночной конкуренции, так и в условиях монополии (теория ренты).

Очень нетрудно при таких условиях вместе с рядом буржуазных экономистов „выплеснуть из нашей тарифной политики очень здорового ребенка" платежеспособности на том основании, что транспорт по своей природе отличен от промышленности и потому мы должны отдать его целиком и полностью в ведение той экономической теории, которая, как известно, интересуется „уклонениями цен от ценностей", т.-е. австрийской теории предельной полезности.

На самом деле, Маркс не только установил полное тождество процессов образования стоимости в промышленности и на транспорте, но непосредственно и с исчерпывающей ясностью высказался сам по интересующему нас вопросу о характере ценообразования на транспорте.

„Относительная часть стоимости,— писал Маркс во II томе „Капитала“,— которую издержки транспорта при прочих равных условиях присоединяют к цене товара,— прямо пропорциональна протяжению [1] и весу товара. Но существуют многочисленные модифицирующие обстоятельства. Перевозка требует, например, более или менее серьезных мер предосторожности, а потому вызывает большую затрату труда и средств труда, смотря по относительной ломкости, подверженности порче, взрывчатости продукта. В этой области железнодорожные магнаты, подобно ботаникам и зоологам, развивают большую гениальность в изобретении фантастических видов. Например, классификация товаров, принятая английскими железными дорогами, наполняет томы и по своему общему принципу основана на тенденции превратить всю разнообразную пестроту естественных свойств в столь же многочисленные пороки, с точки зрения транспорта, и в поводы для вымогательства“. Например, „цена транспорта увеличена втрое под предлогом хрупкости товара“. Далее, то обстоятельство, что та относительная часть стоимости, которую прибавляют к товару издержки по перевозке,— обратно пропорциональна его стоимости, дает для железнодорожных магнатов особое основание для того, чтобы назначать тариф на товары, прямо пропорциональный их стоимости.[2]

Итак, для Маркса действительная природа ценообразования на транспорте ничем не отличалась от характера ценообразования в промышленности. Цена должна была бы быть прямо пропорциональна об‘ему и весу товара, т.-е. пропорциональна издержкам перевозки товара. Поэтому, как правило, она должна была бы, в сущности, быть обратно пропорциональна стоимости товара, так как наиболее дешевые товары как-раз наиболее тяжеловесны и об‘емисты, и обратно: дорогие товары большей частью портативнее дешевых.

Таково естественное отношение, естественная природа ценообразования на транспорте. Но вот вторгается железнодорожный магнат. Исходя из „особых“ оснований, отыскивая специальные „поводы для вымогательства“, он совершенно искажает подлинную природу ценообразования на транспорте, и

[1] Перевод не совсем точен. У Маркса говорится не о протяжении, а о Raumgrösse, т.-е. об „об‘еме“, „Kapital“. B. 2, 1922, S. 122.

[2] „Капитал“, том II, 122 стр.

вместо того чтобы тарифицировать товары обратно пропорционально их стоимости, начинает, в конце концов, тарифицировать их по платежеспособности, т.-е. прямо пропорционально их стоимости

Эту махинацию железнодорожных магнатов, вскрытую Марксом, это извращение (хотя бы исторически неизбежное) природы ценообразования на транспорте под влиянием „вымогательств“ железнодорожного капиталиста, буржуазные теоретики тарифного дела выдают за естественный закон транспорта.

Подмена исторических законов естественными, апология капиталистических отношений на транспорте методом их увековечения и абсолютизации составляют существенное содержание толстенных томов по железнодорожной экономике.

Безжалостен был В. И. Ленин, когда он касался этой особенности железнодорожных „экономистов“. „Постройка железных дорог,— писал он, например, в предисловии к французскому изданию „Империализма“,— кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием, такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров. На деле капиталистические нити тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения миллиарда людей, т.-е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в цивилизованных „странах“.[1]

Тот самый прием, о котором говорит здесь В. И. Ленин, буржуазные экономисты, как это вскрыл Маркс, применяют и в тарифном деле. Специфические приемы капиталистического „вымогательства“ на транспорте они выдают за законы природы и, об‘являя вечным принцип платежеспособности, ничего другого, в сущности не выражают этим кроме своего желания об‘явить вечным тот строй, который породил этот принцип.

Как не вспомнить по этому поводу суровые, жесткие, но безусловно верные слова В. И. Ленина: „Ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии, ибо эта последняя—такая же партийная наука в современном обществе, как и гноссеология“. [2]

[1] Собр. сочинений, т. XVII, стр. 246.

[2] „Материализм и эмпириокритицизм“. Само собой разумеется что эти слова Ленина ни в какой степени не могут относиться к той обширной группе профессоров политической экономии, которая не за страх, а за совесть работает ныне для пролетарского государства. Когда эта группа старых экономистов выступает с защитой принципа платежеспособности в наши дни и в условиях СССР, то это нельзя ничем об‘яснить, кроме как известным консерватизмом научной мысли, цепляющейся за старые идеи даже тогда, когда исчез уже их об‘ективный базис.

Поэтому, вместо того, чтобы некритически следовать за аргументацией буржуазных профессоров и теоретиков тарифного дела, не лучше ли нам вернуться к нашей собственной, испытанной, партийной политической экономии, к той, которая заложена Марксом?

Эта теория, как мы видели, гласит, что нет и не может быть никаких принципиальных отличий между ценообразованием в промышленности и ценообразованием на транспорте. Следовательно, если в промышленности мы ведем линию на максимально точную калькуляцию реальных затрат труда и материальных средств, на усиление производственных моментов в ценообразовании, то ту же самую линию с необходимой осторожностью мы должны повести и на транспорте, иначе между промышленностью и транспортом обнаружится серьезный и чрезвычайно вредный разнобой.

2. Принцип платежеспособности и регулирование цен

Мы строим плановое, социалистическое общество. Мы строим его, пользуясь частично теми методами производственной ориентировки, какие остались нам в наследство от прежнего хозяйственного строя. Основным и главнейшим из этих старых методов является цена.

Цена дает нам основную, но отнюдь не исключительную ориентировку в наших производственных перспективах. Мы строим наши хозяйственные планы, неизменно выражая их в ценах, но не всегда ценностный результат определяет действительное движение нашего производства. Производство может быть невыгодным с точки зрения ценностного итога, и тем не менее мы можем поддерживать и развивать его, если нам важно его материальное содержание (сельскохозяйственное машиностроение, военная промышленность и т. д.).

Но каковы бы ни были определяющие мотивы и реальное содержание наших производственных устремлений, они немыслимы пока что без ценностного оформления. Все, что мы производим и планируем, должно иметь обязательно денежную характеристику, характеристику цены.

Трудность и противоречивость нашего положения заключается в том, что мы должны с помощью этого ценностного, т.-е. денежного, измерителя заложить материальный фундамент для социалистического общества, т.-е. для такого общества, где ценностный измеритель исчезает, деньги утрачивают значение и вещи освобождаются, наконец, от свойственной им ныне фетишистской ценностной оболочки.

Следовательно, для того чтобы с помощью цен построить материальный остов бесценностного социалистического общества и не наделать при этом ошибок, мы должны этот наш основной

измеритель сделать максимально точным выразителем тех реальных отношений, которые за ним скрываются.

Мы знаем, что в последнем итоге цены и в капитализме выражают собою реальные затраты живого и овеществленного труда на производство продукта. Чем выше при прочих равных условиях эти затраты, тем выше цены, и наоборот.

Однако, наличие этой общей зависимости между производительностью труда и ценами отнюдь не гарантирует нам, что в каждый данный момент и для каждого данного товара цена будет совпадать со стоимостью, т.-е. будет являться точным отражением трудовых затрат. Наоборот, в условиях капиталистического общества совпадение цен со стоимостью, как известно, представляет скорее исключение, чем правило: капиталистические цены не всегда точно или вернее, всегда неточно отражают собою реальные отношения производства. Они совпадают с ними, т.-е. совпадают со стоимостями лишь в своей сумме, т.-е. в масштабе всего общества в целом.

Какой же модус во взаимоотношениях цен со стоимостями должен быть принят для переходного общества, каким является СССР?

Должны ли мы в нашей политике цен заботиться лишь о том, чтобы в общем и целом, в масштабе всего СССР или в масштабе важнейших отраслей нашего хозяйства или отдельных отраслей промышленности, цены совпадали со стоимостями, или мы должны добиваться этого совпадения в более мелких звеньях общественного производства?

Это — отнюдь не праздный вопрос. Если мы спросим себя, как должно было бы обстоять дело в обществе, находящемся на грани коммунизма, т.-е. на грани окончательного освобождения от ценностных категорий, то мы должны предположить там полное совпадение цен со стоимостями и притом не только в масштабе всего общества или его крупнейших отраслей, но и в масштабе каждого мельчайшего составного звена этого общественного хозяйства. В противном случае нельзя было бы сбросить и самую ценностную оболочку, так как факт несовпадения цен со стоимостями будет свидетельствовать о том, что общество еще не окончательно овладело собственным производственным механизмом, и остается еще какая-то часть, отношения которой ко всему общественному хозяйству и к другим частям не поддаются сознательному общественному контролю и потому регулируются старым методом стихийного уклонения цен от стоимостей.

Коммунистическое общество предполагает полное равновесие между различными отраслями производства и полную рационализацию производства в каждой отдельной отрасли по принципу общественно-необходимого труда. В переводе на фетишистский современный язык такой способ организации общественного производства означает совпадение цен со стоимостями. Цена

становится идеально точным выражением затрат общественнонеобходимого труда и именно поэтому теряет всякий смысл и значение. [1]

Таким образом, конечный пункт нашей политики цен заключается в максимально точном отображении нашей ценой тех реальных затрат труда, общественным выражением которых она является. Успехи в достижении этой цели являются в то же время и успехами нашего планового хозяйства. С одной стороны, каждый шаг вперед в деле планового установления общественного равновесия означает сужение пределов отклонения цен от стоимости в масштабе крупных отраслей хозяйства. С другой стороны, каждый серьезный шаг в деле рационализации производственного процесса будет иметь тенденцию всякую затрату труда превратить в общественно-необходимую и тем заложить основы для будущего совпадения цены со стоимостью и, стало быть, для уничтожения и той и другой в масштабе любого отдельного составного звена общественного производства.

И наоборот. Чем в большей степени наша цена будет действительно отражать реальные трудовые затраты, тем легче становится планирование, тем успешнее рационализация. В самом деле, планирование—иллюзорно, если главный экономический измеритель планирования — цена — не дает представления о материальных, действительных отношениях, которые за измерителем скрываются. С другой стороны, никакая рационализация немыслима, если материальное (трудовые затраты) и общественно-экономическое (цены) выражения рационализации не находятся между собою ни в каком необходимом отношении.

Следовательно, между природой планового хозяйства и государственным регулированием цен в соответствии с издержками производства существует неразрывная связь; одно нельзя мыслить без другого: и то и другое суть методы реального движения к социализму.

Разумеется, ценообразование по издержкам производства включает в себя целый ряд пока что неустранимых рыночных моментов, отражает, в частности, стихийные воздействия крестьянского и международного рынков.

Другими словами, наша реальная политика цен, в особенности когда она сталкивается с внешним рынком и при покупках на крестьянском рынке, неминуемо должна комбинировать производственные методы ценообразования с рыночными, причем в ряде случаев, как мы уже упоминали, неизбежно пока что, решительное преобладание рыночных методов. Тем самым в ценообразование нашей государственной промышленности, пользующейся сырьем и материалами с этих рынков, вносится чуждый ей по духу стихийно рыночный момент.

[1] Понятно, что такое положение дел требует совсем иного уровня производительных сил, чем тот, который известен нам. Однако, уже сейчас мы можем нащупать кое-какие пути, ведущие к этому положению: сюда относится автоматизация производственных процессов, ведущая к радикальной нивеллировке рабочей силы; сокращение рабочего дня, нивеллирующее культурный облик общества; стандартизация и нормализация, нивеллирующие условия производства; успехи планирования в масштабе всего общественного хозяйства и в масштабе отдельных отраслей этого хозяйства.

Кроме того, в составе цены нашей государственной промышленности, помимо издержек производства, совершенно очевидных по своему значению, имеется еще накидка, в капиталистических условиях выражающая собою неоплаченный труд рабочих, а в наших советских условиях означающая собою издержки расширенного воспроизводства (фонд накопления) и издержки образования запасов (резервно-страховой фонд).

По совершенно точному указанию Маркса эта накидка в условиях общества, сбросившего капиталистов, выражает собою отнюдь не прибавочный труд рабочих, а составляет часть необходимого труда, расширяющего здесь поэтому свои рамки. [1]

Следовательно, когда мы называем эту накидку „нормой рентабельности“ или „нормой прибыли“ и спорим о ее размерах, мы совершенно неправильно выражаем существо самой надбавки. Делаем мы это потому, что до сих пор не научились еще определять размер издержек расширенного воспроизводства и страхования по каждому отдельному производству.

Таким образом, наше ценообразование по необходимости — несовершенный метод выражения трудовых затрат, но другого метода у нас нет и быть не может. Мы должны здесь в большей чем где бы то ни было мере применить принцип последовательных приближений, добиваясь с каждым разом все более точного, все более совершенного отражения в наших издержках производства, а через них в ценах реальных затрат труда и материальных средств: иного пути для дефетишизации закона пропорциональности трудовых затрат у нас нет и быть не может. [2]

Представим себе теперь, что из этой жесткой цепи регулируемых цен целиком выпадают цены на транспортные перевозки, определяемые ныне не по принципу издержки производства, а по принципу платежеспособности. Что получится из этого? Совершенно очевидно, что из этого может получиться лишь величайший урон для всего дела регулирования цен.

Так как расходы на перевозки составляют, грубо говоря, около 10% всех издержек производства в СССР, [3] то совершенно очевидно, что сохраняя принцип платежеспособности в тарифном деле,

[1] Маркс, „Капитал“, т. I, стр. 532.

[2] Ср. Бухарин „К вопросу о закономерностях переходного периода“, М., 1928, стр. 34—35.

[3] Ср. работу проф. Поплавского о народнохозяйственном значении транспорта.

мы сознательно обрекаем десятую часть наших цен на заведомо неверное, неправильное, искаженное отображение реальных трудовых затрат на перевозку продуктов. Реальные затраты на перевозку могут быть очень большими, тариф же очень маленьким. Более того, платежеспособные тарифы отражают, как правило, трудовые затраты как-раз наоборот, т.-е. чем меньше реальные затраты на перевозку, тем выше тарифы, и наоборот.

Какой смысл имеет сохранение подобного кривого зеркала в 0,1 наших издержек, когда во всех остальных частях мы изо всех сил бьемся, чтобы достичь максимально точного отражения в наших ценах реальных трудовых затрат? Если бы еще мы были не в силах изменить здесь характер ценообразования, как не в силах мы, например, изменить ценообразование на мировом рынке! Но в транспорте мы имеем дело целиком с государственным хозяйством, обобществленным в неизмеримо большей степени, чем любая другая отрасль нашего хозяйства. Отказываться при таких условиях от регулирования тарифов на принципе издержек производства, значит заведомо итти на ослабление, по крайней мере, на 10% нашего общего регулирования цен и его значения, как метода планового движения к социализму.

Посмотрим теперь, в каком положении оказываются сами платежеспособные тарифы в стране, где цены огромного большинства товаров регулируются государством и, как правило, снижаются.

Платежеспособные тарифы строятся, как известно, на разнице между отпускной ценой в пункте производства и продажной ценой в пункте потребления. Пределы этой разницы и определяют собою границы тарифной ставки.[1]

Эта разница, вообще говоря, регулируется у нас Наркомторгом и складывается из следующих частей: 1) издержек транспорта и 2) издержек обращения.

Замечательно, что Наркомторг регулирует эту разницу, т.-е. определяет продажные цены, исходя из данной тарифной ставки, в то время как Тарифный комитет определяет тарифы, исходя из данной разницы между отпускной и продажной ценой. Получается форменный порочный круг, из которого буквально нет никакого иного выхода, кроме чистого произвола.

В самом деле, нельзя безнаказанно сохранять принцип, родившийся и сложившийся в условиях рыночной конкуренции, в условиях колебания цен и стихийного действия закона спроса и предложения, нельзя сохранять этот принцип в обстановке планового хозяйства и регулируемых цен!

Как определить, например, сейчас платежеспособность груза? Прежде, при капитализме, дело обстояло относительно просто. Же-

[1] Загорский, „Теория и т. д.“, стр. 220 O. Blum, „Der Weltverkehr und seine Technik“, 1921, B. I, S. 238.

лезная дорога повышала тариф до тех пор, пока грузоотправитель не сокращал перевозок,такова была нехитрая механика тарифной политики прежде. „Других способов определить ценность перевозки, кроме согласия частных хозяйств, пред'являющих на нее спрос, заплатить за нее ту или другую цену, при настоящей системе экономической организации не имеется и не может быть“.[1]

Ну, а сейчас? В СССР? Где нет „частных хозяйств“? Где „согласие“ этих хозяйств отнюдь не произвольно, а в значительной степени предопределено заранее производственными и финансовыми планами? Как быть в таких условиях?

Загадочность „платежеспособности“ в нашей советской обстановке выступает настолько очевидно, что официальные тезисы Госплана, придерживающиеся, к сожалению, принципа платежеспособности, вынуждены рекомендовать совершенно невероятный способ определения последней.

„Поскольку в наших условиях,— говорится в п. II. тезисов,— преобладающими являются регулируемые цены, а не свободный рынок, платежеспособность многих грузов подлежит выяснению путем сравнения издержек производства в различных частях страны, взаимной заменяемости товаров и проч.“.

Не легче ли, не проще ли, не естественнее ли было для Тарифного комитета определить собственные издержки самого транспорта, вместо того, чтобы в погоне за несуществующей „платежеспособностью“ узурпировать права Наркомторга и предпринимать гигантскую работу установления и сравнения издержек производства подавляющей массы товаров по всей стране, с учетом (шутка сказать!) взаимной заменяемости товаров и прочее...

Поистине приходится удивляться железному консерватизму железнодорожной тарифной мысли, которая никак не хочет расстаться с былой своей правдой, давно уже ставшей предрассудком, и притом предрассудком вредным. Можно, по человечеству, понять защиту экономистами принципа платежеспособности в условиях капиталистического строя. Но совершенно не понятно, зачем те же экономисты не только защищают его в условиях СССР, но и предлагают для его сохранения нагрузить Тарифный комитет явно бесплодной, чудовищно-сложной и заведомо непосильной для него работой.

Не честнее ли было бы вместе с проф. К. Я. Загорским прямо признать, что принцип платежеспособности несовместим с плановым началом, и по мере укрепления последнего будет все в большей и большей степени уступать свое место принципу издержек производства.

„С отмиранием рыночных условий,— писал К. Я. Загорский в тезисах от 18/I 1928 г.,— условий, свойственных настоящей стадии эко-

[1] Загорский, „Теория и т. д.“, стр. 254. Странно, между прочим, читать такую характеристику в книге, изданной в 1923 г. НКПС.

номики переходного периода, вытеснением их всецело плановым началом и усовершенствованием методов регулирования цен, сказанная система (т.-е. тарификация по платежеспособности. С. Б.) должна будет последовательно уступить место системе тарифов по собственным издержкам ж. д.".

Какой вывод следует сделать из этого признания[1] выдающегося русского теоретика тарифного дела? Тот, что время практического подхода к изменению основ тарифной системы уже пришло.

Практики тарифной работы давно уже чувствуют это. Необходимость изменения основ тарифного дела диктуется, прежде всего, тем, что старая тарифная система в конец запуталась и не могла не запутаться в бесчисленных исправлениях и дополнениях к самой себе, справедливо став от этого постоянной темой рабкоров всех железных дорог Союза.

Но и помимо этого, тоже впрочем немаловажного обстоятельства, необходимость коренного пересмотра основ тарифной политики чрезвычайно властно и очень решительно ставится в порядок дня всей политикой регулирования цен. Все чаше и все с большим основанием наши регулирующие органы начинают сомневаться в пресловутой способности Тарифного комитета определять „платежеспособность" груза. Все чаще и все настойчивее Тарифному комитету предлагается в интересах регулирования цен установить такой-то и такой-то заранее определенный тариф, отличающийся от действующего. Тогда вдруг обнаруживается все действительное бесплодие, жалкая беспомощность принципа платежеспособности в наших условиях. Работники НКПС и работники Тарифного комитета оказываются не в состоянии обосновать и защитить действующие тарифные ставки, потому что в самом деле, какие же основания, кроме произвольных, какие мотивы, кроме потолочных, или, как выразился один из крупных тарифников, „интуитивных", могут быть в наших условиях у платежеспособных тарифов?

Не удивительно, что единственным опорным пунктом для определения высоты тарифных ставок в том порочном кругу, в котором, как мы видели, оказываются платежеспособные тарифы в наших условиях, являются довоенные тарифные ставки. Когда „интуиция" отказывается работать, когда „сравнение издержек производства и взаимной заменяемости" не дает результатов, а всеведующий Наркомторг молчит, тогда тарифный Комитет прибегает к последнему и вернейшему средству: ставит компас на довоенное соотношение тарифных ставок.

В итоге наша тарифная система представляет собой невероятно путанное нагромождение всяческих наслоений, с довоенной основой в сердцевине и с бесчисленными изменениями по периферии, от случая к случаю, от кон'юнктуры к кон'юнктуре, от „интуиции" к произволу.

[1] Впрочем очень непрочного, как оказалось впоследствии.

Это не вина нашей тарифной системы, а беда и беда от того, что корни „платежеспособной" системы вырваны и она висит в в воздухе, питаясь высасыванием самой себя. Пора не просто упорядочить наши тарифы; пора связать их с глубокими корнями нашего планового хозяйства, пора сменить самый принцип построения тарифов и начать перестройку тарифной системы на основе естественного принципа планового хозяйства — принципа издержек производства.

3. Платежеспособные тарифы, районирование и капитальное строительство

Нам предстоит вложить в предстоящее пятилетие около 20 млрд. руб. в различные отрасли нашего народного хозяйства. Совершенно очевидно, что эти громадные капитальные вложения, помимо количественного и качественного выражения, должны иметь также пространственную характеристику. Другими словами, перспективный план, помимо отраслевого разреза, должен иметь также и районный разрез. Мало того, с известной точки зрения районный разрез в плане представляется неизмеримо более важным, чем отраслевой разрез. Во всяком случае он более понятен, доступен, близок широким массам, чем отраслевой разрез. Массы живут не по отраслям, а по районам, и внерайонная, внепространственная, так сказать, постановка вопросов капитального строительства мало что говорит уму и сердцу рабочего и крестьянина. Не даром прения на XV партийном с'езде сосредоточились по преимуществу на проблемах пятилетки в районном разрезе. Не даром делегаты различных районов одни за другим поднимались на трибуну с'езда, чтобы выдвинуть и защитить хозяйственные проблемы своего района. В повседневной практике наших хозяйственных органов необходимость районной постановки всех проблем дает себя чувствовать никогда не замирающей борьбой районов за увеличение своей доли в распределении средств, в бюджете, в плане. С переходом к реконструктивному периоду острота районных проблем не ослабевает, а усиливается. Вот что пишут, например, авторы первой пятилетки Госплана:

„Планирование по отдельным отраслям, возможное в период восстановительного процесса, когда предел развертывания тех или иных отраслей был обусловлен исключительно наличием неиспользованного основного капитала, ныне, при переходе промышленности к широкому строительству, стало уже невозможным, и потому перспективы развития промышленности в отдельных районах приобретают все большее значение".[1]

[1] „Перспективы развертывания и т. д.", стр. 148.

Между тем, отсутствие именно районного разреза и характеризует, как известно, нашу пятилетку, составляя ее важнейший, хотя пока что и неустранимый недостаток.

Дело, конечно, не только и даже не столько в том, что отсутствуют материалы к построению пятилетки в районном разрезе. „Мертвая точка" районирования, о которой глухо говорит пятилетка (148), коренится в том, что сами районы не знают, как подойти к определению своих районных перспектив. Не знают этого, повидимому, и авторы пятилетки. Во всяком случае, признав всю важность определения перспектив промышленности по районам, пятилетка вслед за этим пессимистически замечает: „Тем не менее, считаем необходимым отметить, что на ближайшее пятилетие нет оснований говорить о расселении промышленности по районам, следует иметь в виду с точки зрения экономического районирования лишь рациональный выбор места для новых фабрик и заводов". [1]

Другими словами, на предстоящее пятилетие в отношении промышленности никакого нового районирования, кроме того, какое дано всем предшествующим развитием страны, не предвидится. Промышленность по районам не расселяется, промышленность остается в старых районах, речь идет лишь о рациональном выборе места для новых фабрик в старых районах.

Несколько более решительно подходит к вопросу первая промышленная пятилетка ВСНХ. Она не только пытается дать картину районного размещения, предстоящих капитальных вложений, она, что гораздо важнее, впервые формулирует принципы районирования с точки зрения ВСНХ.

„Отдавая преимущество тому или иному фактору, мы должны были, естественно, исходить из какой-то общей экономической ориентировки, которая бы нам давала право отвести большую роль этому фактору, а не другому. Мы такой общий критерий видели в издержках производства. Мы считали, что наибольшее право на организацию промышленного предприятия имеет тот район, который обеспечивает для него наиболее низкие издержки производства". [2]

Строго говоря, одного этого критерия отнюдь недостаточно для определения районных промышленных перспектив. Если не стоять на точке зрения районной автаркии и вместе с авторами пятилетки „стремиться к наиболее полному и экономически целесообразному разделению труда между районами "(стр. 176), то нужно учитывать не только собственные производственные возможности района (его издержки производства), но и отношение его к другим районам, т.-е. издержки транспорта из района в район.

[1] „Перспективы развертывания", стр. 150.

[2] „Материалы и т. д.", 1927, стр. 177.

Только совокупность этих двух критериев в состоянии дать нам экономически правильную перспективу районов, которую можно затем корректировать политически. [1]

Между тем, издержки транспорта совершенно обойдены авторами пятилетки, как будто бы их совсем нет или почти нет в природе. О них говорится глухо, в роде того, что, мол, „ненормально такое положение, когда громадные массы сырья перевозятся в центр иногда за тысячу верст, для того чтобы здесь перерабатываться и затем доставляться на место потребления за те же тысячи верст" (стр. 176).

Или следующее: „Естественные богатства, как таковые, сами по себе еще не означают сырья для промышленности, естественные богатства становятся сырьем для промышленности только тогда, когда при данном уровне техники и экономики целесообразно их подвергнуть обработке. Например, мы на Печоре имеем богатые угли, но при данных экономических условиях нет предпосылки для их рентабельной обработки. Поэтому мы должны бросить средства в другой какой-либо район, который располагает менее богатыми залежами, но который обладает экономическими и техническими возможностями свои естественные богатства использовать с большей выгодой, чем богатые районы" (стр. 178).

Значение издержек транспорта, можно сказать, кричит о себе во всех этих рассуждениях и, тем не менее, пятилетка молчит о транспорте, как-будто бы проблемы передвижения товаров не существует вовсе, она завуалирована здесь фразой об „экономических и технических возможностях" о „данном уровне техники" и т. д., и т. п.

Подобное замалчивание проблемы транспорта отнюдь не случайно. Оно представляет собой результат неправильной теории районирования, которая сложилась в русской экономической литературе давным давно и упорно держится до настоящего времени, питаясь соками „платежеспособной" тарифной системы. Сущность этой теории заключается в том, что при определении хозяйственных перспектив какого-либо района мы должны опираться, главным образом, на естественные условия района, на его, так сказать, внутренние издержки производства, не обращая внимания на издержки транспорта.

Наиболее ярко в старой экономической литературе эту мысль выразил А. Скворцов. В своей фундаментальной работе он писал „Прежний транспорт (речь идет о гужевом транспорте. С. Б.) давал огромные преимущества именно географическому положению (расстоянию рынка), но зато не давал выразиться в полной мере влиянию преимуществ области по отношению к производству того или иного продукта. Современный же паровой транспорт, обратно, выдвигает на первый план и даже усиливает значение есте-

[1] Разумеется, экономика здесь ни в какой мере не противопоставляется политике, которая сама, как известно, есть концентрированная экономика; оба слова взяты здесь в их разговорном значении.

ственных преимуществ по отношению к производству, подавляя в то же время значение географического положения, т.-е. близости от рынка. Поэтому мы должно не только принять во внимание преимущества каждого района по отношению к производству, но именно исходить из этих преимуществ, чтобы притти к выводу о расположении отраслей хозяйства в современном мире". [1]

На чем покоилось это, по меньшей мере, странное, воззрение, разделявшееся, между прочим, даже таким видным экономистом, как А. Чупров. Оно покоилось на факте понижения железными дорогами тарифов на массовые грузы по принципу „платежеспособности". Когда Чупров писал, что железные дороги приближают нас к тому идеалу, когда „расстояние преодолевается без всяких расходов", то он, собственно говоря, имел в виду не реальные затраты труда на преодоление расстояния, а их денежное выражение в тарифах. Платежеспособные тарифы дают железным дорогам широкую возможность понижать ставки на одни грузы за счет других, на одни перевозки за счет других, создавая тем самым иллюзию сокращения расстояния, ликвидации затрат на перемещение грузов и т. д., и т. п.

Причинную связь всей концепции с тарификацией по „платежеспособности" (по ценности) откровенно вскрывает А. Скворцов в своих выводах:

„... § 8. Дешевая перевозка массовых продуктов (сырье) и более дорогая—продуктов обработанных (фабрикатов), т.-е. тарификация по ценности, вызывает рассеяние фабричной промышленности из немногих центров, в которых она помещалась прежде, по всем областям мира.

§ 9. Огромное удешевление транспорта уничтожает значение того единственного фактора, который вынуждал концентрическое расположение систем хозяйства в „уединенном государстве" Тюнена и, наоборот, выдвигает вперед значение естественных факторов, определяющих строй хозяйства" (там же, стр. 648).

Итак, по Скворцову, дело обстояло следующим образом: во времена Тюнена, при прежних средствах транспорта, когда тарифная ставка [2] возрастала прямо пропорционально расстоянию, об'ему и весу, влияние расстояния, действительно, оказывалось решающим для хозяйственной географии страны.

Ныне, когда благодаря системе платежеспособных тарифов и тарификации по ценности, тарифная ставка имеет возможность определяться вне прямой связи с об'емом,

[1] А. Скворцов, „Влияние парового транспорта на сел. хоз.", 1890 г., стр. 630—631.

[2] Если можно говорить о ставке и о „тарифах" в условиях „уединенного государства" Тюнена.

весом и расстоянием, значение пространства становится в ряде случаев ничтожным, сводится к нулю и мы можем, районируя страну практически игнорировать эти факторы.

Вот откуда идет, таким образом, идея промышленной пятилетки ВСНХ об издержках производства, как единственном факторе районирования. Она ведет свое начало от наших восьмидесятников экономистов, слагавших свое мировоззрение на уроках сельскохозяйственного кризиса 70-х годов, на борьбе с Тюненом и на умилениях перед волшебным действием платежеспособных и диференциальных тарифов, на глазах у всех „уничтожавших" расстояние, шутя „передвигавших" огромные страны и материки по карте земного шара. Это настроение, это умиление продолжает некритически жить и до сих пор, [1] оказывая влияние и на нашу теорию и на нашу тарифную практику.

На самом деле нельзя, конечно, игнорировать при построении районов ни издержек производства, ни издержек транспорта. Мы должны одинаково бороться как против ошибок Тюнена, так и против ошибок Скворцова и его современных сторонников. Издержки производства плюс издержки транспорта—вот реальная формула нашего районирования.

Но если мы, худо или хорошо знаем, что́ такое издержки производства, то что разуметь под издержками транспорта? Должны ли мы под издержками транспорта понимать их нынешнее выражение в платежеспособных тарифах, [2] или мы должны, районируя СССР, иметь в виду, главным образом, реальные затраты транспорта на передвижение грузов?

Две величины эти, как мы видели, при платежеспособных тарифах не только не совпадают друг с другом, но в силу тарификации по ценности, имеют склонность всякий раз расходиться в прямо противоположном направлении: чем выше реальные издержки железных дорог на перевозку, тем относительно ниже платежеспособный тариф, и наоборот.

Следовательно, картина наших районов будет выглядеть совершенно различно в зависимости от того, какой из этих двух признаков мы положим в основу наших географических расчетов: издержки самого транспорта или платежеспособные тарифы?

[1] С. В. Бернштейн-Коган, например, пишет: „Крупным недостатком теории Вебера является недостаточное внимание ее к вопросу о высоте и строе ж.-д. тарифов. Совершенно упускается из виду, что диференциальное построение тарифов, с более низкими ставками наращивания на далеких расстояниях, радикально может изменить степень тяготения производственных единиц к углю и материалам" („Введение в экономию промышленности", 140).

[2] Как понимают, между прочим, все без исключения теоретики тарифного дела—Закс и Ульрих, Пихно и Гиацинтов, Витте и Загорский, а также большая часть экономистов: тов. Струмилин, Бернштейн-Коган и даже Гинзбург (ср. его „Экономию промышленности", т. II, стр. 395).

Вопрос был бы просто любопытен, если бы мы не стояли перед перспективой громадных капитальных вложений. Но необходимость и неизбежность пространственного размещения этих капитальных вложений придает этому вопросу совершенно практическую серьезность. В зависимости от того, какой из этих двух признаков мы положим в основу нашей пространственной ориентировки, в зависимости от этого расположатся и наши капитальные вложения.

Взглянем сначала на вопрос теоретически. Тариф — это цена на перевозку. Перевозочная цена — в отличие от всех других цен — определяется ныне не по издержкам перевозки, а по платежеспособности грузов. Следовательно, она, как правило, не только не отражает издержек перевозки, но, как сказано выше, большею частью обратно пропорциональна им. Цена перевозок, следовательно, не отражает сейчас ни реального пространства, ни издержек его преодоления.

Она, так сказать, вне и антипространственна, целиком идеальна, в духе австрийской экономической теории.

Пространство может быть очень большим, но его тарифное выражение будет выглядеть весьма кратким, тяжелый груз превращается в груз легкий, легкий в тяжелый,—все действительные отношения становятся вверх ногами в этом призрачном мире платежеспособных цен![1] Попробуйте теперь разместить 20 миллиардов рублей реальных (не призрачных!) капитальных вложений за 5 лет, руководствуясь подобным измерителем пространства! Вы бесспорно окажетесь в положении человека с нормальным зрением, которому скверный врач непрерывно меняет очки, ориентируясь то на дальнозоркость, то на близорукость. Вместо того чтобы видеть вещи так, как они есть на самом деле, несчастный пациент непрерывно вынужден будет действовать наперекор и прямо противоположно действительным отношениям.

Прекрасно оттенил эту особенность платежеспособных тарифов А. Вебер. Он писал: „Если благодаря низким исключительным тарифам на определенных линиях, эти линии мыслятся и принимаются в расчет в укороченном виде, то это воображаемое укорочение означает, очевидно, просто изменение в пространственных (?!) отношениях между отдельными пунктами, образующими штандартную фигуру. С точки зрения потребительских пунктов известные материальные склады становятся, в силу указанного мысленного сокращения, ближе, чем это было бы, если бы они рассматривались в их реальном географическом положении... Другое дело, если мы имеем перед собою отклонение второго типа, выражающееся в понижении или повышении тарифных ставок не для отдельных линий, а для определенных товарных категорий. В этом случае груз, вступающий в „штандартный баланс“ с воображаемыми весовыми надбавками или скидками, действует в штандартной фигуре весом, отличным от реального, поэтому он притягивает штандарт к своему углу сильнее или слабее, чем это было бы при действии его реального веса.[1]

Мир воображаемых величин — вот что такое, по Веберу, „платежеспособные“ расстояния и тяжести грузов. К сожалению, эти призрачные величины не остаются без влияния на действительные соотношения районов. Промышленные предприятия учреждаются, строятся, развиваются в расчете не на действительные издержки перевозки грузов, а на их призрачно-неверное отображение в тарифах. Не удивительно поэтому, что картина реального размещения производительных сил в пространстве капиталистического общества серьезно отличается от того их размещения, которое будет, если мы учтем реальные издержки по передвижению грузов в пространстве.

В самом деле, взглянем, например, на историю русских железнодорожных тарифов с этой точки зрения. Железнодорожные тарифы в России, как и повсюду в мире, устанавливались сначала произволом отдельных железных дорог. Общеизвестен результат подобного стихийного установления тарифов.

„На практике скоро обнаружилось,—пишет русский правительственный отчет, — что деятельность железнодорожных обществ в деле установления тарифов, направилась в целях достижения своих коммерческих интересов не столько к повышению тарифов, сколько к чрезмерному в некоторых случаях понижению... резкие понижения провозных плат в конкуренционных направлениях на ряду с высокими ставками в сообщениях, где условий для конкуренции не было,[2] приводили к крайней неуравнительности тарифов для отдельных производительных и потребительных районов России“.[3]

Итак, первоначально железнодорожные тарифы определялись целиком условиями конкуренции (или, наоборот, монополии) и политикой рефакций по отношению к крупнейшим грузоотправителям.[4]

[1] Очень наглядно это действие платежеспособных тарифов ставлено в таблице тов. Струмилина в № 82 „Экон. Жизни“ за 1928 год. Здесь одна и та же тарифная ставка означает для дров 500 верст, для зерна 50 верст, для промизделий 5 верст. И, наоборот, вопреки природе, 100 пудов дров оказываются равными и по об'ему и по весу 1 пуду промизделий, а 1 промышленная верста оказывается равной 100 дровяным верстам.

[1] А. Вебер, „Теория размещения промышленности“, 1926, стр. 45, 51. Как это ни странно, Вебер действительно не придал серьезного значения этому призрачному влиянию современных тарифов в деле образования штандарта.

[2] Проф. Бернштейну-Когану, выводящему диференциальные тарифы из естественных законов, следовало бы обратить внимание на это действительное происхождение диференциации из капиталистической конкуренции.

[3] „Краткий отчет о деятельности тарифных учреждений за 1889 — 1913 гг.“, СПБ, 1914, стр. 2, 3.

[4] Особенно подробно этот вопрос вскрыл Franz Ulrich в своей работе „Das Eisenbahntariffwesen im Allgemeinen“, 1886, в особенности стр. 96—107.

Они представляли собой, таким образом, высшее выражение принципа платежеспособности, т.-е. такого ценообразования, при котором цена определяется не в производстве, а на рынке, борьбой покупателя и продавца. Не удивительно поэтому, что первые тарифы не только не совпадали со стоимостью перевозок вообще, но и самое несовпадение это на каждой дороге совершалось по-разному. Легко себе представить при таких условиях, какое влияние подобная тарифная каша оказала на географическое размещение наших производительных сил! Новые предприятия и новые отрасли хозяйства возникли, развились и сформировались под влиянием этих первых случайных и произвольных тарифов и, совершенно понятно, что когда царское правительство пришло к мысли о необходимости как-то упорядочить тарифы, оно, по существу, не могло ничего сделать, так как всякое изменение первых тарифов угрожало нарушить сложившееся на базе старых тарифов районное равновесие.

„Необходимо было,—повествует далее правительственный отчет,—внести порядок и систему в бесконечное множество тарифов и правил их применения, создавшихся в течение многих лет на каждой отдельной дороге под влиянием соперничества между ними и чисто местных и случайных условий и потребностей каждой из них. При этом, однако, тарифные учреждения постоянно имели в виду, что, несмотря на существенные недостатки действовавших на сети железнодорожных тарифов главнейшие производительные районы и потребительные центры успели до некоторой степени приспособиться к созданным этими тарифами условиям. Более того, вызванное соперничеством между дорогами чрезмерное понижение тарифов на той или иной дороге содействовало в отдельных случаях возникновению и значительному развитию в районах этих дорог известных производств. Вследствие сего крутая ломка сложившихся уже тарифных соотношений могла бы привести к совершенно нежелательным последствиям в смысле серьезных изменений в отдельных отраслях производства и в распределении их по отдельным районам“.[1]

Итак, история тарифов обнаруживает перед нами следующий замкнутый круг:

1. Русские железнодорожные тарифы, как и повсюду в мире, строились не по издержкам производства, а по платежеспособности, определяемой чисто местными и случайными обстоятельствами.

2. На основе этих тарифов сложились основные наши производственные районы, возникли, развились и окрепли массы нового основного капитала. Социально-экономическая форма (цена на перевозки) обросла, таким образом, материально-производственным содержанием, обзавелась материальным костяком в виде основного капитала районов.

[1] „Краткий отчет и т. п.“, стр. 42.

3. Этот материальный костяк приобрел затем собственную инерцию существования и, возникнув на базе случайных первых тарифов, сам превратился в надежнейшего их охранителя и защитника.

Поразительно выпукло выразили эту мысль представители ряда наших металлургических заводов, когда они просили в 1909 году пересмотреть тариф на руду. Они писали в Тарифный комитет: „Правильную регулировку положения отдельных групп заводов может дать лишь то соотношение тарифных ставок на уголь и руду, которое существовало в период возникновения в рассматриваемых районах металлургических заводов.“ [1]

То же самое заявили горнопромышленники Юга России, когда они на 33 своем с'езде постановили: „Возбудить ходатайство об оставлении в силе действующих тарифов на руду и уголь и на все вообще предметы горнозаводской промышленности, так как даже малое их повышение нарушает установившееся взаимоотношение между заводами разных районов“.

Величайшая случайность и произвол вначале, величайший консерватизм потом,—таковы те необходимые последствия, которые вызывала система построения тарифов по платежеспособности в историческом образовании районов. После этого едва ли будет правильно заявление проф. Бернштейн-Когана на страницах „Экон. Жизни“ о том, что „нынешний метод построения тарифов (по платежеспособности. С. Б.) „искусственен“ в такой же мере, как, например... повышение производительности труда путем правильного его технического или общественного разделения“ („Экон. Жизнь“, № 62).

Проф. Бернштейн-Коган забыл взглянуть в историю „платежеспособных“ тарифов. Между тем, даже в устах царских чиновников это есть, как мы видели, история закрепления и увековечивания тех стихийных, случайных, произвольных и часто нелепых соотношений между отдельными капиталистическими группировками и районами, которые сложились к началу русского промышленного грюндерства и отразились в нашей тарифной системе.

Защищать этот исторический осадок в наших тарифах, выдавать его за „естественный“ закон природы, как-будто не совсем „естественное“ занятие для планового работника, каким является проф. Бернштейн-Коган.

Действительное отношение выглядит совершенно иначе: существующая тарифная система, основанная на принципе платежеспо-

[1] Журнал совещания по общему пересмотру тарифов на перевозку руды и т. д. от 22 - 24 января 1909 года.

собности, представляет собой стихийный результат борьбы различных капиталистических группировок в довоенной России. Более того, в своих основных отношениях она представляет собой результат группировки капиталистических сил в промышленности и торговле 80-х годов, т.-е. до начала правительственного вмешательства в тарифное дело. Вслед затем она была закреплена громадными капитальными вложениями 90-х годов и с некоторыми незначительными изменениями окончательно оформлена капитальными вложениями начала XX века (перед войной).

К сожалению, капитальные вложения царской России продолжают давить на тарифную систему и в условиях СССР. Давление старых капитальных вложений и их об'ективно реакционная, консервативная роль[1] сказываются в том, что действующая тарифная система в основе своей продолжает охранять сложившиеся старые районы совершенно так же, как старые районы, в свою очередь, всеми мерами удерживают старую тарифную систему, как свою главную опору.

В этом не было ничего плохого, пока СССР находился в полосе восстановительных процессов. Наоборот, в этот период восстановление старых тарифных соотношений было актом величайшей хозяйственной мудрости, так как позволяло быстрее восстанавливать циркуляцию производства по старым привычным каналам, т.-е. по линиям привычных грузовых потоков между старыми, восстанавливаемыми производительными силами отдельных районов.

Совсем иначе складывается проблема, когда мы от восстановительных процессов переходим к реконструктивным. Сохранение старой тарифной системы в эпоху реконструкции, т.-е. больших капитальных вложений, означает практически реставрацию 80-х годов в нашем районировании. Действующая тарифная система, корнями своими уходящая в капиталистическую борьбу конца прошлого века, об'ективно и неизбежно будет давить на наши капитальные вложения, в смысле направления их по руслу старых районов. Стоит только взглянуть на практическую действительность, чтобы увидеть как дает себя знать эта консервативная сторона нашей тарифной системы. Мы видели, например, как пятилетка Госплана,[2] признавая всю важность развития новых районов, практически на предстоящее пятилетие, когда предполагается вложить в хозяйство около 20 мрд. рублей, оставляет все дело по-старому.

Пятилетка ВСНХ, еще более твердо говорит о необходимости „постепенного перемещения промышленных центров на восток и юго-восток за счет европейского запада и северо-запада и центра“ (179), и, тем не менее, когда дело доходит до практического определения размера капитальных вложений в новые районы, ВСНХ так же, как и работники Центральной комиссии по пятилетке — составители „Материалов“ — предпочитают говорить в тонах, менее определенных. Здесь уже встречаются фразы о том, что „мы не могли сразу оторвать нашу промышленность от ее исторической базы“, что „пятилетка учитывает преимущество основных промышленных центров“, что „нельзя ожидать, чтобы мы в течение пяти лет могли осуществить полный переворот в районном размещении нашей промышленности“ и т. д., и т. п. (179, 180, 181).

[1] См. об этом мою работу „К вопросу о техническом прогрессе в современном капитализме“, Л., 1927.

[2] Мы имеем в виду том „Материалов Центр. Комиссии по пятилетнему плану,“ выпущенный в 1927 г.

Все эти соображения совершенно бесспорны. Мало того, осторожность в деле развертывания новых районов обязательна.

Речь идет, однако, не о требованиях практической осторожности, а о принципиальных основах районирования, о принципиальной линии нашей политики в этом вопросе.

Между тем, принципиальная линия авторов обоих пятилеток по меньшей мере недостаточна. Как мы выяснили выше, основным критерием для районирования оба документа считают издержки производства, упуская при этом или недостаточно учитывая издержки транспорта. Это игнорирование транспортной стороны дела имеет в качестве своей основы, систему тарифов по платежеспособности, потому что именно платежеспособные тарифы можно менять как угодно, создавая самим себе иллюзию сокращения расстояния или полного его уничтожения, как думали в свое время А. Скворцов и А. Чупров.

С этой точки зрения совершенно понятно направление подавляющей части капитальных вложений в русло старых районов. В самом деле, с точки зрения издержек производства бесспорна „большая эффективность капитальных затрат в крупных промышленных центрах“ (180), в старых производственных районах. Правда, эти старые производственные районы, по признанию самого ВСНХ, крайне невыгодны с точки зрения реальных издержек транспорта, но ведь издержки транспорта учитываются ВСНХ лишь в виде тарифов; тарифы же, как известно, можно ныне приспособить к любым целям без всяких затруднений, не говоря уже о том, что они давно уже приспособлены именно к старым районам.

При этом, однако, упускается из виду следующее обстоятельство, обладающее, к сожалению, силой закона.

Увеличение основного капитала старых промышленных районов увеличивает автоматически и силу их агломерации, воспроизводит прежнее соотношение районов в расширенном масштабе, еще более затрудняет образование новых районов, закрепляет и увековечивает искаженно искусственное отображение реальных расстояний в современной тарифной системе.[1]

[1] О том, какую колоссальную роль играет фактор старых капитальных вложений в задержке технического прогресса, см. мою работу „К вопросу о техническом прогрессе в современном капитализме“, Л., 1927 г.

Таким образом, благодаря сохранению старых принципов тарифной системы, мы рискуем повторить за пятилетие такой же замкнутый круг, какой в свое время проделало русское народное хозяйство в 90-х и 900-х годах, т.-е. еще более закрепить оставшееся нам от 80-х годов соотношение районов.

Следовательно, одним из самых существенных недостатков нынешней политики районирования является то, что она представляет себе издержки транспорта в виде платежеспособных тарифов, т.-е. искаженно, и благодаря этому теряет действительную ориентацию в реальном пространстве.

В самом деле, с точки зрения ВСНХ, Наркомторга, Центросоюза, Сельхозсоюза действительные издержки перевозки глубоко безразличны. Всех упомянутых клиентов транспорта интересует лишь денежное выражение этих издержек, т.-е. тарифы. Им важно не реальное, а лишь тарифное, так сказать, „социально-экономическое“ расстояние. Однако, это „социально-экономическое“ расстояние (тарифное расстояние) сложилось при совершено ином общественном строе, чем наш строй. Его прежним назначением было охранять консервативные интересы сложившихся капиталистических группировок. Воспроизводя эти „социально-экономические“ расстояния, мы воспроизводим тем самым черты старого строя в строе новом, усиливаем мертвого для того, чтобы он хватал живого. С народнохозяйственной точки зрения того общества, которое мы строим, важны, наоборот, лишь реальные издержки производства и отнюдь не их социально-экономическое выражение в ценах. Мы оказались бы у разбитого корыта, если бы на другой день социализма обнаружили, что мы до сих пор совершенно извращенно представляли себе реальные издержки по преодолению расстояния и по транспортировке грузов.

Социализм немыслим без величайшей ясности всех отношений производства, обмена и распределения. Этой ясности мы добиваемся во всех без исключения областях нашей жизни, бесстрашно вглядываясь в лицо правде. Почему же нам не взглянуть в глаза пространственной правде? Конечно, уяснение суровой правды транспортных издержек в целом ряде случаев окажется крайне неприятным. Оно бесспорно изменит и существенно изменит характер и направление наших капитальных вложений, определит, наконец, судьбу наших районов, потребует у нас на все это значительной затраты времени и энергии.

Но зато мы получим, наконец, надежный критерий для суждений о районных перспективах. Тариф, построенный не по платежеспособности, а по издержкам перевозки заставит нас в решении любого вопроса учитывать не только издержки производства, но издержки транспорта, толкая нас по линии такого географического размещения, которое давало бы (при данном состоянии техники) минимальные трудовые затраты на производство и транспорт продуктов.

Никакого иного экономического критерия для географического размещения производительных сил в условиях социалистического общества нет и быть не может. Чем скорее мы перестроим нашу тарифную систему в направлении этого критерия (реальные издержки транспорта), тем скорее мы освободим наш транспорт от роли извозчика, превратив его в активное орудие социалистического переустройства общества. Тем скорее и тем успешнее, следовательно, пойдет и самое строительство социализма, ибо мы с помощью новой тарифной системы не прошлое будем воспроизводить в настоящем, как делаем сейчас, а в строительстве настоящего будем предвосхищать будущее.

(Окончание следует)

И. А. Трахтенберг

Капиталистический и советский банк [1]

(Опыт теоретического анализа)

V

До сих пор мы имели дело с использованием банками циркулирующих уже вне банков капиталов, или возникающих и функционирующих вне банков ссудных капиталов, или функционирующих вне банков денежных капиталов, которые банком превращаются в капиталы ссудные.

Но, кроме того, банки могут использовать также и денежные доходы разных групп населения. Здесь мы имеем дело уже не с капиталами. Здесь, стало быть, роль банков уже становится творческой. Они, в сущности, „создают" ссудный капитал (точнее — организуют). Об'ем этого создания определяется, с одной стороны, массой имеющихся в стране денежных доходов и, с другой, степенью вовлечения этих доходов в русло движения банковского капитала. Второе, т.-е. активная деятельность самих банков, имеет не меньшее значение нежели первое. Масса наличных доходов составляет максимальный предел развития рассматриваемой функции банков. Степень достижения этого предела обусловливается активной деятельностью банков. Сама возможность этой активной деятельности обусловливается массой доходов, т.-е. чем значительней масса доходов, тем и возможность активной деятельности банков становится большей. Но при одной и той же массе доходов общая сумма ссудного капитала, как превращенная форма доходов, может быть и большей и меньшей. Последнее всецело определяется активной созидательной работой банков.

Доходы, о которых идет здесь речь, могут быть самые различные. Здесь и доходы капиталиста, и доходы мелкого буржуа, здесь и доходы широких трудовых масс. [2] Само собой разумеется, что различие между этими видами доходов огромное и это различие отражается на способности их быть превращенными в ссудный капитал. Нас здесь интересуют, главным образом, доходы широких трудовых масс.

[1] Окончание. См. „План. Хоз.", № 5 за 1928 г.

[2] Та же природа таких источников ссудных капиталов, как средства бюджета и так называемые капиталы профессиональных и других общественных организаций и капиталы страховых учреждений. Все эти источники имеют большое значение и в капиталистических странах. Особенно большое значение они имеют у нас.

Все эти доходы вне банка не являются ни капиталом, ни тем более ссудным капиталом. Последними они становятся только благодаря вмешательству банков.

Превращение этих доходов в ссудный капитал только банками об'ясняется двоякого рода обстоятельствами.

Во-первых, владельцы этих доходов (по крайней мере, поскольку идет речь о широких трудовых массах) не намерены и вообще не могут выступать в качестве суб'ектов предложения ссудных капиталов. Им эта роль не свойственна и они на нее не способны. Так что превращение этих доходов в ссудный капитал не только облегчается банками, но прямо обусловливается последними. Без банков эти денежные суммы никогда не функционировали бы как ссудный капитал.

Во-вторых, эти доходы, взятые в отдельности, слишком ничтожны для того, чтобы циркулировать как ссудный капитал. Всякая денежная сумма может функционировать как ссудный капитал, но для этого необходимо, чтобы она достигла определенной величины. Только соединение этих индивидуальных доходов, аккумуляция их в большие массы делает возможным превращение их в ссудный капитал. Эту аккумуляцию и берут на себя сберегательные учреждения, страховые организации и непосредственно банки. Но все эти аккумулированные суммы приводятся в движение как ссудный капитал именно банками. Поэтому именно банками они п р е в р а щ а ю т с я в ссудный капитал.

Рассматриваемая здесь функция принципиально отличается от той, при которой банки выступают в качестве посредников между денежными и функционирующими капиталистами. Эта функция ближе ко второй рассмотренной нами функции, когда банки превращают промышленный и торговый капитал в капитал ссудный. Но все же и здесь отличие есть. И в том и в другом случае мы имеем дело с творческой функцией банков, но в одном случае в ссудный капитал превращается капитал, в другом — доходы.

Функцию банков по превращению доходов в ссудный капитал нужно отличать от чисто посреднической деятельности банков. Именно эту функцию разумел К. Маркс, когда писал:

„С развитием банковской системы, а именно, как только начинают платить проценты по вкладам, у них складываются денежные сбережения и временно незанятые деньги всех классов, мелкие суммы, сами по себе неспособные действовать как денежный капитал, об'единяются в большие массы и, таким образом, вырастают в денежную силу. Это накопление мелких сумм, как особый результат банковской системы, следует отличать от ее посреднической роли между собственно денежными капиталистами и заемщиками. Наконец, у банков депонируются доходы, которые потребляются лишь постепенно". [1]

[1] Das Kapital, III, ч. 1, стр. 389, русск. пер., стр. 380.

Указанные доходы только попадая в банк, совершают движение, свойственное ссудному капиталу, стало быть, именно банками они трансформируются в ссудный капитал. То, что без участия банков и вне банков не было ссудным капиталом, даже не было капиталом, становится ссудным капиталом. Еще в большей мере, нежели в предыдущем случае, можно здесь говорить о создании банками ссудных капиталов.

Возможность использования этой функции об'ясняется тем, что процесс трат денежных доходов связан с временным пребыванием их в праздном (от непосредственного использования) состоянии. Особый интерес для нас, поскольку мы хотим выяснить возможность развертывания функции превращения доходов в ссудный капитал в советских условиях представляют не так называемые накопления, а доходы, которые тратятся в течение непродолжительного срока. А к таковым доходам относятся как-раз доходы широких трудовых масс. Эти доходы тратятся постепено. Рабочий или служащий получает свою заработную плату первого числа месяца, но тратит он ее в течение двух недель, до следующей получки. Момент получения дохода не совпадает с моментом его траты.

Если под движением доходов понимать процесс их использования, то надо сказать, что это движение обязательно характеризуется временным пребыванием дохода в денежном состоянии. Эти временные денежные запасы, если только они улавливаются кредитной системой, могут быть превращены в ссудный капитал.

Такое „праздное" состояние денежных доходов, в сущности, бывает даже при среднем уровне дохода. Но в то же время ясно, что чем выше уровень дохода, тем большая масса его находится в праздном состоянин и тем продолжительнее срок, в течение которого эти доходы застывают в форме денег.

Далее, при прочих равных условиях, чем выше уровень трудового дохода, тем большая часть его тратится на более дорогостоящие продукты потребления. При известном уровне дохода рабочая семья, предположим, может позволить себе роскошь приобрести более дорогую мебель, швейную машину и т. д. Для того чтобы это осуществить, рабочий должен в течение определенного времени „накоплять", „сберегать". Такие, получившие у нас название „целевых", сбережения застывают в форме денег в течение продолжительного времени.

Изучение движения доходов с этой точки зрения, т.-е. с точки зрения застывания его в форме денег, и вместе с тем изучение бюджетов с точки зрения стоимости продуктов потребления и постепенности денежных трат, представляет большой интерес и может дать большой материал для суждения о возможностях кредитной системы вовлечь денежные доходы в сферу движения ссудного капитала.

Все эти соображения имеют одинаковое значение как для капиталистического банка, так и для советского банка.

И в советском банке функцию превращения доходов в ссудный капитал можно очень сильно развить. В наших условиях эта функция может быть осуществлена не только за счет бюджетов рабочих и служащих, но и за счет доходов многомиллионных крестьянских хозяйств. Так называемые целевые сбережения в крестьянском хозяйстве могут играть большую роль, нежели в рабочей семье. Если принять во внимание сезонный характер реализации продуктов крестьянского производства, придется признать, что в крестьянском хозяйстве особенно большое значение имеет временное застывание доходов в денежной форме.

Для определения возможностей использования доходов надо только иметь в виду, что это использование отнюдь не происходит за счет сальдо по доходам и расходам крестьянского хозяйства или рабочей семьи за известный промежуток времени, за неделю, месяц, год.

Если бы мы для определения возможностей использования крестьянского дохода исходили бы из годового прихода и расхода, мы пришли бы к заключению, что искомые возможности весьма ничтожны. В самом деле, предположим, крестьянская семья имеет 200 руб. ежегодно денежных доходов, а денежные расходы в течение того же года равны также 200 руб. Можно ли было бы отсюда сделать вывод о невозможности использования этих доходов для целей ссудного капитала? Ни в коем случае. Дело разрешается не сравнением общей суммы доходов и расходов, а исключительно процессом и темпом расходования дохода.

В использовании рассматриваемой здесь функции наша кредитная система сделала очень и очень мало. Ясно, конечно, что причина этого не только в деятельности банков. Необходимо наличие и ряда об'ективных обстоятельств, находящихся вне непосредственного воздействия кредитной системы, как-то: твердая валюта, вера в твердость ее, доверие к кредитным учреждениям, привычки и навыки к пользованию услугами кредитных учреждений и т. д., и т. д. Все это бесспорно. Но с точки зрения перспектив деятельности банков эти возможности не надо недооценивать.

Иногда говорят, что эта функция не была развита в России и в дореволюционное время. Но это соображение едва ли может быть убедительным и на нем останавливаться нет никакой необходимости.

В частности, проблема вовлечения доходов в сферу кредитного оборота должна привлечь весьма серьезное внимание при построении перспективных планов.

При анализе различных функций банков мы считаем необходимым особенно резко подчеркнуть возможность развития функции по превращению доходов в ссудный капитал. Эта функция имеет

огромное значение в капиталистических странах как в Европе, так, в особенности, в Соед. Штатах. Эта функция может играть большую роль и в деятельности советской кредитной системы.[1]

VI

Переходим к последней функции банков, которую мы формулировали как создание покупательных и платежных средств и превращение их в ссудный капитал.

Создание банками покупательных и платежных средств совершается многообразными способами. Наиболее типичны две формы такого банковского „творчества"— выпуск банкнот и делание депозитов.

Согласно определению Маркса, „банкнота есть не что иное, как вексель на банкира, по которому пред'явитель во всякое время может получить деньги и которым банкир заменяет частные векселя".

Банкнота — это кредитный документ, заменяющий другой кредитный документ, частный вексель, возникающий из товарного обращения и в каналах товарного обращения. Банкнота возникает не по произволу эмитирующего ее банка, корни зарождения банкноты надо искать в недрах и порах народного хозяйства.

Отличие же банкноты от частного векселя заключается в том, что она обладает свойством выполнять в обороте функции орудия обращения. Об'ясняется это тем, что банкнота в противоположность частному векселю имеет общественную значимость.

Банкнота есть обязательство банка, и выполнение банком своих обязательств по выпущенным банкнотам отнюдь не обусловлено той частной сделкой, которая непосредственно вызвала появление частного векселя, замененного затем банкнотой.

Эти обязательства гарантируются всеми ресурсами банка, всеми его активами. А так как активы представляют собою не что иное как сумму требований, имеющихся у банка к народному хозяйству, то, следовательно, банкнота опирается не на частный кредит отдельного капиталиста, а на национальный кредит всего класса капиталистов. Это связано с тем, что сам банк представляет не частный индивидуальный капитал, а капитал всего общества. Национальный, общественный характер банкноты создает ей особую

[1] Использование доходов, как источника ссудных капиталов, иногда совершается путем антиципации будущих сбережений. С этой точки зрения большой интерес представляет практика продаж в рассрочку (instalment selling), широко распространенная в Соед. Штатах. Рассмотрение системы продаж в рассрочку, как метода форсирования денежных сбережений, способа изменения структуры потребительского бюджета и превращения путем антиципации будущих доходов в ссудный капитал, представляет большой интерес. Но такое рассмотрение должно быть дано только в связи с оценкой всей системы в целом. Надеемся это сделать в другом месте.

характеристику, отличающую ее от частного векселя и превращающую ее в орудие обращения.

Отсюда возникает возможность в отдельных конкретных случаях выпуска банкнот и без соответствующего учета векселя, ибо вовсе не частный акт создает обращаемость банкноты.

До каких пределов может банк использовать свою возможность выпуска обязательств, превращающихся в орудие обращения,— вопрос особый. Здесь важно лишь подчеркнуть, что банки имеют возможность создавать покупательные и платежные средства. Эта возможность вытекает из общей деятельности банка, которая может быть охарактеризована как торговля кредитом.

Выпуск банкнот, как форма кредита, „кажется профану особенно поразительной и важной, во-первых, потому что этого рода кредитные деньги переходят из простого товарного обращения в общее обращение и здесь функционируют как деньги, а также и потому, что в большинстве стран главные банки, выпускающие банкноты, представляя удивительное смешение национального банка и частного банка, в действительности, имеют за собой национальный кредит, и их банкноты являются в большей или меньшей степени законным платежным средством, потому что здесь становится явным, что именно кредит есть то, чем торгует банкир, так как банкнота представляет только кредитный знак, находящийся в обращении. Но банкир торгует кредитом и во всех других формах, даже когда дает наличными в ссуду положенные у него вкладом деньги".[1]

Часть банкнот обычно покрыта металлом, но только меньшая, незначительная часть. Эта часть представляет собою скорее депозитные квитанции. Выпуск банкноты в пределах имеющегося у банка металла не есть выпуск добавочной массы платежных средств. То, о чем мы до сих пор говорили, относится к той части банковских нот, которые выпускаются сверх имеющегося у банка металлического покрытия.

Выпуском банкнот банк не только создает покупательные и платежные средства, но и придает им определенное движение, свойственное ссудному капиталу. Воплощенная в банкнотах масса покупательных и платежных средств отдается в ссуду, а только в порядке ссуды банкноты выпускаются, превращаются (по крайней мере, для банка) в капитал, приносящий проценты, т.-е. ссудный капитал. Это фиктивный ссудный капитал, но все же добавочный ссудный капитал.

То, что банк создает, именно создает, орудия обращения весьма резко подчеркивается К. Марксом в следующих словах:

„Поскольку банк выпускает банкноты, не покрытые металлическим запасом, находящимся в его кладовых, он создает знаки стоимости (kreiert sie Wertzeichen), которые составляют не только

[1] Das Kapital, III, ч. 1, стр. 389; русск. пер., стр. 380.

средство обращения, но являются в то же время для него некоторым добавочным, хотя и фиктивным капиталом на сумму, равную номинальной стоимости этих непокрытых банкнот. И этот добавочный капитал (Zusatskapital) доставляет банку добавочную прибыль".[1]

Переходим к другой типичной форме создания покупательных и платежных средств и превращения их в ссудный капитал. Речь идет о „делании" депозитов.

Выдача ссуд банком может производиться различными способами. Одним из таких способов является открытие клиенту счета в банке. Это открытие счета вовсе не предполагает предварительного вклада клиента. Наоборот, в результате этого счета появляется вклад. Активы в данном случае предшествуют пассивам. Лицо *А* получает в банке ссуду в 1.000 рублей и эту ссуженную сумму он депонирует в банке — появляется новый вклад. Эта операция может совершаться и сложнее. Лицо *А* получает ссуду в одном банке и депонирует ее в другом. Общая масса банковских депозитов может увеличиться на сумму выданных ссуд.

Если взять всю банковскую систему в целом, может ли масса депозитов увеличиться как результат ссуд?

Нет сомнения, что большая часть ссуд производится потому, что банки предварительно аккумулировали у себя свободные денежные средства общества. Таким образом, большая часть ссуд только потому и осуществляется, что ранее банки сосредоточили у себя вклады. Но известная часть ссуд (о пределах этой возможности мы сейчас не говорим) может быть выдана и без наличия вкладов. Депозиты представляют, в сущности, находящуюся в распоряжении клиента (общества) сумму покупательных и платежных средств.

Возможность выдачи ссуд без предварительного вклада обусловливается совершающимся в большом размере взаимном погашении банковских обязательств без наличия денег. Депозиты — это своеобразное платежное средство, могущее функционировать только как встречное требование. Можно „делать" депозиты потому, что обязательства одного банка сталкиваются с создаваемыми другими банками обязательствами. Депозиты можно создать потому и в той мере, в какой эти обязательства банку не приходится выполнять с помощью наличных денег. Там, где существует взаимная компенсация долговых притязаний, возможно делание депозитов.

Ошибка Маклеода, Гана, Зомбарта заключается не в том, что они подчеркивают эту возможность. Эта возможность действительно существует. Как-раз последние 50 лет являются свидетелями огромного развития депозитных банков, известная часть ресурсов (ссудный капитал) которых создается самими банками. Именно это обстоятельство — создание покупательных и платежных средств депозитными банками — повело к падению роли эмиссионных банков. Ограничение выпуска банкнот вызвало чрезвычайное развитие чекового обращения; монополия выпуска банкнот вызвала реакцию в виде создания своеобразных платежных средств, каковыми являются депозиты.

[1] Das Kapital, III, ч. 2, стр. 81, русск. пер., стр. 80. Следует обратить внимание, что здесь Маркс пользуется очень редко употребляемым словом kreieren. Это слово французского происхождения (галлицизм) и означает „создавать заново". Понятие „создания" этим словом особенно подчеркивается.

Когда мы говорим о делании депозитов, мы имеем в виду, следовательно, не те депозиты банков, которые выражают приток к банкам капиталов денежных капиталов, и не те депозиты, происхождение которых надо искать в процессе постоянного высвобождения капитала в денежной форме из кругооборота промышленного и торгового капитала, и не те депозиты, источником которых являются доходы различных групп населения. Речь идет только о тех депозитах, которые являются результатом активной деятельности самих банков, результатом банковских ссуд.

Повторяем, ошибка Гана заключается не в том, что он эту способность банков создавать покупательные и платежные средства подчеркивает. Это скорее надо поставить ему в заслугу, это выгодно отличает его от других представителей буржуазной науки.

Ошибка его, об'ясняемая практицизмом банкира, которому кажется, что банки являются осью всей экономической системы, заключается в следующем.

Во-первых, Ган эту функцию обобщает, думает, что этой функцией, главным образом, характеризуется банк. В действительности же, эта функция хотя и самостоятельна, но обусловлена другими функциями банка. Если бы банк не являлся посредником между денежным и функциональным капиталистом, если бы банк не превращал денежную форму промышленного и торгового капитала в ссудный капитал и, наконец, если бы банк не превращал бы доходы в ссудный капитал, он не мог бы выполнять функции создания платежных средств и превращения их в ссудный капитал. Эта функция производная от первых. Первые составляют базу ее развития.

Во-вторых, Ган полагает, что эта способность чуть ли не безгранична, она ограничена только формальными установлениями, но ведь и последние—„дело рук человеческих". В действительности же, эта способность весьма ограничена и обусловлена об'ективными условиями народнохозяйственного процесса.

Наконец, в-третьих, с точки зрения Гана, банк создает капитал, в действительности же, здесь на лицо создание ссудного капитала, что далеко не одно и то же. [1]

Указание на эту функцию мы находим уже у Маркса, хотя в то время, когда он писал свою работу, эта функция далеко не имела столь большого значения, какое оно приобрела в настоящее время.

[1] Этими замечаниями, само собою разумеется, не исчерпывается критика Гана.

„Вместо выдачи бумажных билетов банк может открыть лицу *A* кредит по своим счетам, при чем *A*, должник банка, становится его мнимым вкладчиком". [1]

Делание депозитов и выпуск банкнот представляют собою методы создания покупательных и платежных средств и превращения этих последних в ссудный капитал. Но между депозитами и банкнотами большая разница. Различие, которое имеет значение в данной связи с точки зрения рассматриваемой здесь проблемы, заключается в следующем.

Хотя банкнота и является только кредитным документом, но в силу ряда своих свойств и в силу того, что фактически выпуск банкнот составляет монополию центральных банков, являющихся национальными государственными учреждениями, банкнота превращается в орудие обращения, в окончательное средство платежа. Почти во всех странах банкнотам присвоивается сила законного платежного средства. Это обстоятельство приближает банкноту к бумажным деньгам, банкноту можно рассматривать как наличные деньги.

Депозиты же являются только обязательствами частных банков, поэтому чек, циркуляция которого основывается на депозитах, никогда не может принять характера орудия обращения, окончательного средства платежа. Нормальное погашение чека, уплата по нему, заключается не в выдаче наличных, а в компенсации его встречным чеком.

Поэтому создание банкноты базируется на наличном обороте, депозита — на взаимно погашающихся платежах.

Это различие особенно надо иметь в виду при определении границ кредитной экспансии.

Но несмотря на различие банкноты и депозита, их сближает то, что оба они являются своеобразным платежным средством. Создавая их, банки создают кредит и ссудный капитал.

В сущности, выпуском банкнот и деланием депозитов не исчерпывается функция банков по созданию покупательных и платежных средств и превращению их в ссудный капитал. Выпуск всякого рода долговых обязательств, которые хотя бы временно и в каком бы то ни было размере выполняют роль знаков ценности, есть, в сущности, создание ссудного капитала. [2]

---

[1] Das Kapital, ч. III, 1, стр. 445; русск. пер., стр. 432.

[2] В виду того что в силу укоренившихся предрассудков и недостаточной разработки марксовой теории кредита, наши утверждения могут показаться несогласованными с идеями Маркса, мы приведем еще следующие цитаты, из которых с совершенной очевидностью явствует, что Маркс подчеркивал способность банков создавать кредит и капитал. „Банки имеют и другие средства создавать капитал (Kapital zu kreieren)". „Мы видим, таким образом, как банки создают кредит и капитал (wie die Banken Kredit und Kapital kreieren)". Во всех перечисленных случаях Маркс применяет слово „kreieren" (Das Kapital, III, ч. 2, стр. 82; русск. пер., стр. 81).

Все формы создания покупательных и платежных средств сводятся, в конце концов, к выпуску долговых обязательств, которые в меру, определяемую закономерностями денежного обращения, могут циркулировать в обороте как кредитные орудия обращения. Создаваемые же таким образом покупательные и платежные средства в меру, определяемую закономерностями кругооборота капитала, могут быть превращаемы в ссудный капитал.

Указанная здесь функция капиталистических банков, сущность которой сводится к созданию покупательных и платежных средств и превращению их в ссудный капитал, свойственна также и советским банкам. Едва ли об этом необходимо распространяться. Всем достаточно известно, какую огромную роль играют в нашем кредитном механизме и кредитном обороте банкноты Госбанка, точно так же, как достаточно хорошо известно, какое огромное место занимают банкноты (червонцы) в общих ресурсах нашей кредитной системы, стало быть, в общей массе циркулирующего у нас ссудного капитала.

Что же касается до чекового оборота, то он до сих пор у нас развит очень слабо, и здесь пред нашими банками стоит огромная и чрезвычайно важная задача. Само собою разумеется, что выпуск банкнот, как и развитие чекового обращения (депозитов), имеет определенные границы, обозначаемые закономерностями денежного обращения и кругооборота реального капитала. То и другое вытекает из закономерности воспроизводства и расширенного воспроизводства капитала.

Указанные границы бывают различны в различных условиях народнохозяйственной кон'юнктуры, почему выполнение рассматриваемой здесь функции требует весьма большой гибкости и эластичности практической деятельности. Нас здесь интересует не практическая проблема и не определение границ деятельности банков, а общая их характеристика.

Так называемый восстановительный процесс нашего хозяйства со стороны кредита в значительной степени питался за счет использования возможности создавать покупательные и платежные средства; эта возможность еще не исчерпана, да и не может быть исчерпана. Можно полагать умаление роли этой функции за счет увеличения значения других, темп использования этой функции может уменьшиться, но сама эта функция сохраняется в меру развития производительных сил, вовлечения отсталых секторов народного хозяйства в русло товарно-денежных отношений и, стало быть, движения ссудного капитала в меру роста и усовершенствования самого кредитного механизма.

VII

Такова характеристика советского банка в сопоставлении и противопоставлении банку капиталистическому. Она определяется как методами использования и распределения ссудных капиталов, так и способами их возникновения, накопления.

Необходимо помнить, что накопление денежно-ссудного капитала не однозначаще с накоплением капитала реального. Движение того и другого, как известно, не совпадает. Каково влияние ссудного капитала на капитал реальный — большой вопрос, который выходит за пределы рассматриваемой здесь проблемы. Ограничимся только указанием, что накопление ссудного капитала, не перешедшее определенных границ, и организация его движения увеличивают эффективность наличного реального капитала, интенсифицируют процесс его накопления, служат методом распределения реального капитала сообразно поставленным задачам и целям, а в наших условиях, кроме того, способствуют установлению равновесия хозяйственной системы, являются одним из рычагов экономической политики социалистического строительства.

Усиление эффективности реального капитала, интенсификация его накопления и наиболее рациональное его распределение методами ссудного капитала характеризует, в сущности, капиталистическое хозяйство. Других, более непосредственных методов, которые дали бы те же результаты, капиталистическое хозяйство не знает, хотя этот метод и его использование надо отнести к непроизводительным издержкам, неизбежным и необходимым для капиталистической системы хозяйства. Общество расплачивается за нерациональную капиталистическую систему дорогостоящими методами его организации. И характерно, чем более нерациональной, паразитической становится вся система, тем большее значение приобретают иррациональные методы ее организации. Самый факт развития этих методов свидетельствует о растущей иррациональности всей системы.

В условиях переходного к социализму хозяйства естественно возникают другие, более совершенные методы организации хозяйства, в частности, более непосредственные методы распределения общественного труда. Бюджет вместе и рядом с кредитом становится методом перераспределения реальных капиталов. И бюджет не является еще вполне совершенным способом, но по сравнению с кредитом он дешевле, поддается большему воздействию и непосредственно регулирует процесс расширенного воспроизводства. Рост бюджетного метода перераспределения капиталов свидетельствует о росте социалистических элементов хозяйства, в росте кредитных методов отражается рост элементов капиталистических. В советском хозяйстве на современной его стадии развития и тот и другой методы должны расти, хотя относительное значение должно перемещаться в сторону бюджета. Но пока сохраняются, и в той мере, в какой сохраняются и развиваются частнохозяйственные и товарно-денежные отношения, кредит не может быть вытеснен бюджетом.

С точки зрения социалистического строительства бюджет должен был бы охватывать все происходящее в обществе накопление. Поскольку накопление служит целям расширенного воспроизводства,

охват бюджетом накопления всех частных хозяйств означал бы обобществление процесса расширенного воспроизводства. Но в том-то дело, что на данной стадии развития советского хозяйства такие претензии бюджета не могут быть полностью осуществлены. Даже в отношении государственных предприятий принцип полного охвата накопления бюджетом не проводится в жизнь. Только часть прибылей государственных предприятий отчисляется в бюджет.

Что же говорить о частных хозяйствах необобществленных секторов? Здесь государство допускает в известных пределах частное накопление, т.-е., иначе говоря, предоставляет частному хозяйству возможность самостоятельного расширения производства. Каковы пределы частного накопления, которые могут быть допущены — вопрос, который здесь рассмотрен быть не может. Это зависит от характера частного накопления, от хозяйственного сектора, где это накопление происходит, от стоящих на очереди социально-политических задач и т. д.

Подчинить это накопление, точнее, воздействовать на направление этого накопления, воздействовать, стало быть, на использование этого накопления, т.-е. на процесс расширенного воспроизводства, можно. Это можно сделать методами кредита.

Таким образом, в деле использования той части национального дохода, которая служит целям расширенного воспроизводства, кредит дополняет бюджет. Бюджет непосредственно обобществляет, изымает денежные средства из сферы частного распоряжения, кредит временно заимствует, не обобществляет частное накопление, а только временно использует его в общих целях.

С другой стороны, так как бюджет конфискует, он не может посягать на доходы, предназначенные для потребления. Поскольку сохраняются товарно-денежные формы отношений и поскольку сохраняется индивидуалистическое ведение домохозяйства, доходы эти могут быть использованы для целей расширенного воспроизводства только посредством кредита.

Таким образом, нам представляется неправильным утверждение тех, кто полагает, что как бюджет, так и кредит имеют один и тот же источник. Можно провести грань между той частью национального дохода, которая является источником бюджета, и той, которая является источником кредита.

Надо иметь в виду следующее. Бюджет конфискует средства населения, кредит извлекает эти средства только на время. Бюджет сокращает средства населения, уменьшает их накопление или сокращает их потребление. Кредит не делает ни того, ни другого. Кредит направляется на допущенное государством частное накопление и на доходы, предназначающиеся для потребления.

Поэтому кредит не является методом, конкурирующим с бюджетом. В условиях советского хозяйства бюджет должен использовать максимум того, что допустимо на данном этапе советского строи-

тельства; кредит использует то, на что на данной ступени социалистического строительства бюджет посягать не может.

Не следует форсировать развитие бюджетного метода распределения общественного труда, но не надо и переоценивать значения кредитного метода. Необходимо помнить, что кредит вообще составляет непроизводительные издержки, но он оправдывается потому, что на данной стадии хозяйственного развития рост производительных сил их требует, так же как он требует не только допущения, но в известной степени и развития денежных отношений. А ведь деньги относятся к непроизводительным издержкам даже капиталистического общества, тем более они таковы в условиях советского хозяйства.

В наших условиях на долю как бюджетного, так и кредитного метода приходится огромная область применения. Применяются же они не как взаимно исключающие и конкурирующие, а как методы, друг друга дополняющие. Это взаимное дополнение проявляется как в том, что кредит использует недоступные бюджету источники, так и в том, что бюджет распределяет аккумулированные им суммы чрез кредитную систему.

Как в каждый данный момент складываются отношения между бюджетом и кредитом — вопрос практики. Для выяснения сущности и природы советского банка важна лишь данная нами принципиальная постановка вопроса. [1]

Рассмотренные нами функции банков находятся в тесной связи и взаимодействии, но в то же время они различаются друг от друга, в частности, различаются и по своему влиянию на процесс производства и обращения (цены, направление товарооборота и т. д.). Например, влияние банковской эмиссии на товарные цены не то, какое оказывает увеличение массы ссудного капитала в результате вовлечения в кредитный оборот накопляемых населением денежных сумм. Взаимная обусловленность различных функций банков вызывает необходимость комбинированного их использования. Различные функции могут быть возложены на различные типы кредитных учреждений (госбанк, система сельскохозяйственного кредита, сберегательные кассы и т. д.), но все они должны быть подчинены единой банковской политике.

Банки являются специфическим методом организации хозяйства в наших условиях хозяйства социалистического. Деятельность их в отношении разнообразных секторов народного хозяйства различна. В то время как внутри обобществленного сектора хозяйства деятельность банка сводится к тому, чтобы интенсифицировать использование реального капитала, чтобы служить одним из рычагов распределения капиталов по различным отраслям народного хозяйства, чтобы взаимные отношения отдельных хозяйствующих единиц об'единить на основе общего управления их денежными капиталами, чтобы, таким образом, не только по форме, но и по существу превратиться в организацию общественного счетоводства и учета,— по отношению к необобществленным секторам хозяйства банки служат орудием подчинения их интересам и целям обобществления, методом вовлечения их в сферу воздействия обобществленного хозяйства, одним из средств подготовки их собственного обобществления.

[1] В недавно вышедшей книжке проф. З. Каценеленбаума, „Индустриализация хозяйства и задачи кредита в СССР" правильно на наш взгляд констатируется, что выработанные до сих пор перспективные планы недостаточно внимания уделяют кредиту. Но данные проф. Каценеленбаумом постановка вопроса, аргументация и практические выводы мы считаем, как это видно из текста, совершенно неприемлемыми.

Значение денежного капитала, обычно принимающего форму денежно-ссудного капитала, очень велико и в наших условиях. Совершенно очевидно, что на пути преодолевания стихийных факторов советского хозяйства одним из больших препятствий является в равной мере как недостаток денежных капиталов, так и их неорганизованность.

Всякая денежная сумма является потенциональным денежным капиталом. Это относится не только к тем денежным суммам, которые являются превращенной формой капитала, но, что особенно важно, и к тем, которые являются формой дохода.

Слишком большое распространение нашел у нас упрощенный взгляд, согласно которому кредит есть только способ использования имеющихся уже в наличии денежных капиталов, согласно которому посредством кредита только используются временно высвобождающиеся в производственном процессе и торговом обороте денежные капиталы. На самом же деле кредит создает ссудный капитал в том смысле, что он имеющиеся в наличии денежные суммы превращает в ссудный капитал. Всякая денежная сумма может быть превращена в ссудный капитал, превращение этой возможности в действительность и создает одну из важнейших функций кредита. Кредит не только использует имеющиеся в наличии, но и вызывает к жизни новые денежные капиталы.

Активная работа банков по вовлечению в сферу своего воздействия сосредоточивающихся, хотя бы временно, в руках разрозненных многомиллионных частных хозяйств денежных сумм (хотя бы эти последние предназначались только для целей непосредственного потребления), имеет огромное значение, как потому, что этим создаются новые денежные капиталы, так и потому что эти денежные капиталы вовлекаются в сферу воздействия органов социалистического хозяйства (банков).

То, что до сих пор денежные накопления (понимая под этим и простое, хотя бы временное, сосредоточие денежных сумм) широких масс населения находятся вне воздействия обобществленного хозяйства, является, на наш взгляд, огромным препятствием для построения планового хозяйства. В том, что овладеть этими накопле-

ниями чрезвычайно трудно, нет никаких сомнений, но в то же время совершенно очевидно, что овладеть ими можно только через кредитную систему, взятую в целом. Стало быть, на долю кредитной системы выпадает чрезвычайно сложная, но в то же время важная и ответственная задача по созданию условий, укрепляющих возможность реального планирования хозяйства.

В заключение отметим, что общими задачами и целями кредита определяется и форма организации кредитной системы. Но при этом надо отметить еще следующее. Условия социалистического строительства нашей страны весьма своеобразны. Капиталистическое окружение, притом такое, которому мы уступаем в уровне развития производительных сил, и сохранившийся до сих пор аграрный характер нашей страны налагают свой отпечаток на общие методы социалистического строительства Советского Союза. Одной из неизбежных, как нам кажется, черт этого строительства является невозможность равномерного роста и развития нашего хозяйства во всех его областях. Каждая стадия развития хозяйства ставит то одну, то другую задачу, как основную задачу дня. Постановка этих основных, ударных задач, а также изменение этих ударных задач всякий раз пред'являют различные требования к нашей кредитной системе. В зависимости от того, какая задача представляется в данный момент основной, наша кредитная система должна менять как формы своей организации, так и особенно заострять одну или другую из своих функций.

Этим, думается мне, об'ясняется и относительно частая перемена форм организации наших банков. На каждом этапе нашего строительства выдвигается то одна, то другая задача, организация кредитной системы должна соответствовать как общим задачам всего переходного периода, так и данного этапа. Отсюда необходимость время от времени реорганизации кредитного аппарата, что является не чем иным, как приспособлением к поставленным в порядок дня об'ективным заданиям.

А. М. Маркевич

Опыт Украинского об'единения совхозов в деле механизации и обобществления крестьянского хозяйства[1]

Тема настоящей статьи — опыт Украинского об'единения совхозов УСХО в деле механизации и обобществления крестьянского хозяйства. Но предварительно необходимо уделить несколько слов освещению вопроса механизации Украинским об'единением совхозов своих собственных хозяйств, ибо только на базе этого опыта, только после опыта УСХО в деле механизации собственных совхозов оно подошло к вопросу механизации и обобществления крестьянского хозяйства.

Вопрос о механизации совхозов возник в 1924 г. в связи с тем, что больше половины всей их земельной площади было резервировано из-за отсутствия, с одной стороны, инвентаря, средств производства, а с другой стороны — построек. Имелось таких свыше 80.000 *га* земли. Для производственного охвата этих земель, для отказа от практиковавшейся совхозами испольщины нужно было при пользовании живой тягловой силой вложить в основные капиталы приблизительно сумму в 10 млн. рублей. Само собой разумеется, что о такой сумме в период 1924/25 г., когда кредит совхозов исчислялся не миллионами, а десятками, в лучшем случае сотнями тысяч рублей, нельзя было и мечтать. Поэтому был поставлен вопрос о поднятии резервированных совхозов не на базе живой тягловой силы, а путем полной механизации этих огромных пустующих земельных площадей, так как для этого по подсчету потребовалось бы значительно меньше средств. Таким образом, вопрос механизации стал перед УСХО, как вопрос актуальной важности, без разрешения которого нельзя было поднять совхозы. Начало этой работы относится к началу 1925 г. УСХО приступило к механизации совхозов весьма осторожно, имея печальный опыт тракторизации крупного с.-х. производства дореволюционного периода, работы тракторов старых систем. Оно возможно полнее изучило все эти дефекты, чтоб устранить их у себя и не повторять старых ошибок.

Мы не будем останавливаться на всех стадиях развития этого начинания и на всех организационных деталях его. Укажем только на

[1] Статья представляет собой переработанный доклад автора, сделанный в Президиуме Госплана СССР в мае 1928 г.

два основных принципа, которых необходимо придерживаться при механизации с.-х. производства и которых УСХО строго придерживалось с первого же дня. Во-первых, оно не распыляло тракторов: меньше 5—6 тракторов в совхоз оно не ставило, а в среднем на механизированный совхоз уже с первого года механизации приходилось 7—8 тракторов. Это дало возможность каждому совхозу уделить максимум внимания тракторам, дало возможность относиться к трактору не как к побочному, добавочному тяглу в производстве, а как к основной тягловой силе, к которой должны быть приспособлены все основные процессы и вся организация производства. Во-вторых, на трактор в качестве рулевого сажали не высококвалифицированных и, следовательно, дорогооплачиваемых мастеров, как это усиленно рекомендовалось со стороны, а рядовых с.-х. рабочих-батраков. Но возглавлялось техническое обслуживание тракторов в каждом совхозе одним высококвалифицированным механиком. Это дало возможность более полного и выгодного использования небольшого кадра высококвалифицированных специалистов, которые осуществляли не только ремонт, но и всю организацию тракторного дела.

Сельскохозяйственный батрак приучался этими же механиками к управлению трактором и справлялся с этой работой не плохо.

Вот основные результаты работы УСХО по механизации совхозов. Сейчас работает около 700 тракторов в 72 совхозах. При чем 32 хозяйства механизированы на все 100%, т.-е. в них все полевые работы производятся исключительно тракторами, и только разъезды производятся лошадьми, которых содержится для этой цели 15—20 голов в совхозе. Остальные хозяйства механизированы от 70 до 100%. Благодаря механизации уже к 1927 г. в совхозах не было ни единого гектора земли испольщины. Исключительно благодаря механизации сельского хозяйства все 80 тыс. *га*, которые были резервированы и гуляли, производственно охвачены полностью. Оправдались и расчеты на уменьшение потребности в капиталах. Так, по данным УСХО, в конском хозяйстве (приводим средние данные по механизированным и конским хозяйствам), требуется затрат на живой и мертвый инвентарь в размере 55 руб. на *га*, в тракторном же хозяйстве на это требуется всего лишь 30 руб. на *га*, включая сюда и стоимость тракторов. Стоимость построек для оптимальных размеров тракторного хозяйства (5—6 тысяч *га*) исчисляется в 20 руб. на *га*; в конском хозяйстве оптимальных размеров (около 2—3 тысяч *га*) стоимость построек исчислена в 75 руб. на *га* (в том и другом случае речь идет об экстенсивном зерновом хозяйстве степной Украины). Следовательно, тракторное хозяйство требует значительно меньше (в 2—3 раза) капитальных затрат, чем обычное конское хозяйство.

Приведем данные, характеризующие рентабельность отдельных производственных процессов. При этом применим следующий метод.

Все расходы распределим на пуды горючего, так как количество израсходованного горючего свидетельствует и о количестве произведенной трактором работы (как полезной, так и холостой). Если все расходы, связанные с работой тракторов, разделить на количество израсходованного ими при работе горючего, то мы получим сумму в 3 руб. 78 коп. на 16 *кг* (1 пуд) керосина, а именно:

	Цена (в коп.)	%%
16 *кг* керосина (с доставкой) .	1,15	30,5
Бензин и масло	57	15
Проч. материалы	2	0,5
Амортизация трактора	50	13
Работа рулевых	48	12,5
Работа за прицепн. орудиями .	29	7,2
Подвозка воды и пр.	4	1
Механик отряда	19	5
Ремонт тракторов	43	12
Проч. расходы	11	3,3
	3,78	100

Таким образом, эксплоатационные расходы плюс амортизация трактора, распределенные на количество горючего, составляют 3 руб. 78 коп. на каждые 16 *кг* израсходованного керосина. В среднем совхозы расходуют свыше 50 *кг* керосина на полную обработку гектара площади в севообороте (с уборкой и возкой). Отсюда легко вычислить, сколько стоила в среднем обработка гектара земли. Если сравнить стоимость главнейших полевых работ трактором со стоимостью этих же работ конской тягловой силой, получим следующие данные: вспашка гектара старопахотной земли на 15,8 *см* (3,5 вершк.) глубины обходится в 7 руб. 26 коп. трактором Фордзона, а конской силой — 12 руб. (это средние данные по Укрсовхозоб'единению как для тракторной, так и конской тяги). Вспашка старопахотной земли букерами на 11,3 *см* (2,5 вершк.) обходилась трактором в 4 р. 15 к., а конской силой 4 р. 60 к. Культивирование трактором—3 р. 20 к., а при конской силе—3 р. 60 к. Боронование—86 к., а конской силой—90 к. Культивирование пара—1 р. 60 к., а при конской силе—1 р. 72 к. Уборка лобогрейками с трактором—2 р. 65 к., при конской тяге—2 р. 60 к. Уборка сноповязалкой—3 р. 12 к. и 3 р. Как видно, не все работы одинаково рентабельны при тракторизации, есть даже одна работа—уборка сноповязалками, которая лошадьми оказывается дешевле, чем трактором, но все же большинство полевых работ тракторами обходится значительно дешевле, чем лошадьми.

Но было бы ошибочно судить о рентабельности механизированного хозяйства только по отдельным работам, как это делают многие исследователи. Для этой цели нужно не только сравнить весь комплекс полевых работ, но необходимо произвести детальное

изучение всей экономики обоих типов хозяйства (механизированного и конского). Если так поставить вопрос, то получится совершенно иная картина. Оказывается, что в среднем в степном механизированном хозяйстве получается экономия по сравнению с конским 19 руб. 20 коп. на *га* (десятину) Эти 19 р. 20 к. составляются следующим образом: экономия в рабочей силе на гектар—5 рабочих дней, что, считая в среднем стоимость рабочего дня в 1 руб. 10 коп., составляет 5 р. 50 к.; на тягловой силе мы экономии получаем 5 р. 40 коп. на гектар; на амортизации инвентаря (инвентаря в конском хозяйстве значительно больше, чем инвентаря в тракторизированном хозяйстве 2 р. 50 к.; на его ремонте тоже 2 р. 50 к.; на процентах на капитал, увязанный в инвентаре, 1 р. 50 к. и, наконец, на амортизации и ремонте построек и на процентах увязанных в них капиталов —1 р. 80 к.

Вот из каких частей складывается общая экономия в 19 р. 20 коп. в механизированном с.-х. производстве по сравнению с конским хозяйством.

Этими краткими указаниями мы и ограничимся в характеристике тех достижений и результатов, которые УСХО имеет в деле механизации своих совхозов, и перейдем непосредственно к опыту по механизации и обобществлению крестьянского хозяйства. Можно не повторять общих положений о преимуществах крупного с.-х. производства перед мелким хозяйством; это достаточно ясно и общеизвестно, но мы приведем несколько цифр, которые чрезвычайно ярко характеризуют наше нынешнее крестьянское хозяйство и достаточно убедительно свидетельствуют о том, что индивидуальное бедняцкое крестьянское хозяйство не имеет перспектив для дальнейшего развития своих производительных сил. На Украине имеется 49% дворов с площадью посева до 3 *га*. Средняя площадь посева этих хозяйств — 1,9 *га* на двор. 64% этих дворов лишены тягловой силы — безлошадные. Если бы эти безлошадные дворы приобрели по одной лишь лошади, мы имели бы в этой группе дворов 63 лошади на 100 *га* посева, т.-е. такое количество лошадей, которое поглотило бы весь урожай этих хозяйств. Этот пример показывает всю экономическую абсурдность и несостоятельность продолжающихся и поныне разговоров о возможности уничтожения безлошадности при условии сохранения индивидуального крестьянского хозяйства. Это абсолютно невозможно, это вреднейшая утопия, о которой серьезно и разговаривать нельзя, но которая стоила и стоит нам больших денег. Мы все еще тратим огромные средства на кредитование для покупки лошадей таких дворов, для которых лошадь экономически не выгодна. Крестьянин лошадь покупает, в течение года или полутора лет напрягает все свои усилия для ее содержания и, в конце концов, теряет ее и остается у разбитого корыта. Мы привели лошадь только как пример, как одну часть средств производства; то же относится и к плугу, и к сеялке, и к прочим средствам производства, и нужно

раз и навсегда сказать, что при сохранении парцеллярного индивидуального крестьянского хозяйства нет никаких перспектив для развития производительных сил широких масс бедняцких хозяйств и очень многих середняцких.

Задача, которая перед нами стоит и которая достаточно выявлена на XV партс'езде, это организация крупного сельскохозяйственного производства, — организация на базе единоличного крестьянстого хозяйства не укрупненного, а именно крупного сельскохозяйственного производства. Почему мы подчеркиваем термин крупного сельскохозяйственного производства? Потому что у нас до настоящего времени смешивают понятие крупного сельскохозяйственного производства с обычной крестьянской супрягой. Многие полагают, что об'единение 5—6 дворов, из которых один имеет лошадь, другой — плуг, третий — борону и т. д., имеющее целью соединение этого инвентаря для более успешной обработки своих 5 — 6 клочков земли, — и есть крупное с.-х. производство. Ни с какой стороны это не является крупным с.-х. производством. Это тоже одно из заблуждений, которое стоит нам не мало средств и разочарований. Это об'единение есть самая обычная крестьянская, супряга, существующая веками, принявшая у нас сейчас несколько иные, более сложные формы, но которая сама по себе не приведет нас никогда к крупному с.-х. производству. Через супрягу — к социализму — вреднейшая эсеровская утопия, которая, к сожалению, до сих пор засоряет умы многих наших земельных работников.

Мы считаем необходимым остановиться на этом по той причине, что подавляющее большинство машино-тракторных товариществ и товариществ по общественной обработке земли, которые причисляются земорганами к крупному с.-х. производству, представляют собой фактически ту же супрягу, но принявшую более сложную форму: там об'единяются не 4 двора, а скажем—14 дворов, но принцип супряги остается тот же: тот же крестьянский инвентарь, те же крестьянские методы хозяйничания, то же по существу единоличное мелкое крестьянское хозяйство, пытающееся путем этих несложных форм об'единения своего инвентаря преодолеть затруднения, которые встречаются ему на пути его производственного развития. Все эти формы супряги, и простые и сложные, — это жалкий костыль в руках хромающего крестьянина.

Этим мы не хотим сказать, что супрягу нужно отбросить, что нужно отбросить те формы простейших об'единений, которые мы усиленно развиваем в настоящее время.

Без этого костыля крестьянство будет совсем лишено возможности двигаться. Эти формы нужны уже потому, что мы не можем быстро организовать крестьян для крупного с.-х. производства взамен нынешнего мелкого, что еще в течение многих лет переходного периода мы должны будем мириться с наличием миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств на ряду со строящимся крупным с.-х

производством. Но нужно раз навсегда рассеять ту вредную иллюзию, будто товарищества по общественной обработке или машинотракторные товарищества и есть подлинно крупное с.-х. производство. Это все-таки супряга, хотя и в более сложной форме. Поэтому на ряду с ними и помимо них нужно начать строить подлинное крупное с.-х. производство на высокоусовершенствованной технической базе, которая в ближайшие же годы начала бы охватывать сотни тысяч и миллионы гектаров крестьянских земель. Это представляет собой очень большие трудности. УСХО в этом убедилось при организации своих хозяйств. И можно категорически утверждать, что крестьянство, предоставленное само себе, без серьезнейшей организационной и технической помощи извне, никогда не сможет свои сотни и тысячи индивидуальных хозяйств организовать в крупное механизированное с.-х. производство. Это задача величайшей трудности и сложности. К ней нельзя подойти с той легкостью, с какой мы подходим к организации машинотракторных товариществ и простейших колхозов. Кустарничество в этом деле должно быть совершенно изгнано. Организация крупного с.-х. производства дело не менее, а, пожалуй, более сложное, чем организация фабрики или завода. А ведь никому никогда не приходит с голову мысль, что можно собрать тысячу или две тысячи рабочих, дать им нужные технические и денежные средства с тем, чтобы они без организаторов и инженеров сами, путем самодеятельности, построили себе фабрику или завод и сами организовали бы в нем производство.

Точно так же нельзя считают, что достаточно дать данному селу или группе крестьян 2—3 трактора, прочесть 2—3 агитационных лекции, чтобы село это из сотен своих иидивидуальных хозяйств организовало крупное с.-х. производство. Это—утопия, так никогда не бывает. Если мы не имеем до сих пор значительного развития крупного хозяйственного производства, то это в значительной мере потому, что мы очень кустарно к этой задаче подходим. Надо ясно сознать, что для действительного успеха крестьянину должна быть оказана в этом деле огромнейшая организационная и техническая помощь.

Так подходит к этому вопросу УСХО. Оно поставило перед собой задачу оказать имеющимися у него организационными и техническими силами помощь крестьянину в деле организации механизированного крупного с.-х. производства. Можно утверждать, что опыт удался полностью.

Весьма существенно знать тот метод, какой применялся УСХО. Оно поставило себе задачу стать посредником между крестьянином и машиной, между крестьянином и техникой; стать подлинным организатором этого крупного механизированного хозяйства, не отстраняя крестьянство, а организационно вовлекая его во всю эту работу. Это совершенно ясно из типового договора, который заключается между УСХО и крестьянами. Приводим основные пункты этого договора.

Договор

Мы, нижеподписавшиеся, уполномоченные 238 граждан села Балайчук, Березовского района, Одесского округа. действующие на основании прилагаемых полномочий и именуемые в дальнейшем „крестьяне“ — с одной, стороны, и Заместитель Председателя Правления Украинского Об'единения Совхозов (такой-то), именуемый в дальнейшем „УСХО“— с другой стороны, в целях переустройства мелкого единоличного крестьянского хозяйства в крупное обобществленное культурное хозяйство с лучшим техническим оборудованием, заключили между собой настоящий договор в следующем:

1. Крестьяне об'единяют всю свою земельную полевую площадь в размере 3.000 *га*, или сколько после точного измерения в ней окажется, в один земельный массив для полной общественной тракторной обработки. Все межи, отделяющие индивидуальные земельные участки отдельных крестьян, уничтожаются.

2. Севооборот устанавливается уполномоченными от крестьян по соглашению с Укрсовхозоб'единением.

3. УСХО обязуется организовать и предоставить крестьянам тракторный отряд со всеми прицепными к нему орудиями, необходимыми для проведений всех предусмотренных установленным севооборотом полевых работ, а именно: вспашки, обработки почвы, боронования озими, посева, уборки, возки снопов к молотилке и молотьбы хлебов. Все указанные работы производятся крестьянами под руководством агронома и механика, назначаемых УСХО. Все указания агронома и механика крестьяне обязаны выполнять точно и аккуратно.

4. Всю без исключения необходимую работу, в том числе работу на тракторах, во все с.-х. периоды производят сами крестьяне, без права найма рабочей силы со стороны. Каждый двор выполняет работу в размере пропорционально числящемуся за ним земельному наделу. Работы должны производиться своевременно и со всей тщательностью по первому требованию агронома и механика УСХО. УСХО берет на себя обучение крестьян всем работам на тракторах и усовершенствованных орудиях и машинах.

Примечание. Порядок организации рабочей силы устанавливается особой инструкцией по взаимному соглашению.

5. Все расходы, связанные с организацией производства, амортизацией и ремонтом с.-х. инвентаря, покупкой горючих и смазочных средств для тракторов, а также, оплата агротехнического персонала производится УСХО.

6. Посев производится чистосортным семенным материалом, доставляемым УСХО из его семенных хозяйств.

7. В случае несвоевременного предоставления рабочей силы или недобросовестной работы УСХО предоставляется право взыскания с крестьян убытков и расторжения договора.

8. Пропашный клин, предусмотренный севооборотом, подлежит только общественной тракторной вспашке и засеву чистосортным семенным материалом. Обсемененное пропашное поле распределяется между отдельными дворами, участками, согласно их земельным наделам. Вся дальнейшая работа по уходу за культурами и сбору таковых производится тщательно каждым двором на отведенном ему участке своими средствами.

Примечание. В случае ненадлежащего ухода за пропашным полем тем или иным двором УСХО по соглашению с уполномоченным предоставляется право нанять рабочую силу для производства необходимых работ за счет пользующегося данным участком.

9. В виде уплаты за все указанные в п. 5 расходы УСХО получает одну четвертую часть зерна озимой пшеницы по пару и одну третью часть зерна всех остальных озимых и яровых посевов (без пропашных) — после молотьбы. Расходы на семена распределяются пропорционально получаемой части урожая, а именно: на посев озимой пшеницы по пару крестьяне дают три четверти посевного материала, а Совхоз одну четвертую, на посев прочих культур крестьяне дают две третьих посевного материала, а Совхоз одну третью часть.

10. За вспашку и засев пропашного поля, производимых тракторами согласно п. 8, УСХО получает денежную плату по отдельному соглашеннию с крестьянами, без участия УСХО в части урожая.

11. Часть урожая зерна, принадлежащая крестьянам, а также вся солома и полова распределяются между отдельными дворами пропорционально земельным наделам, числящимся за каждым двором. Молотьба производится в селе в нескольких гарманах.

12. Настоящий договор заключается на пять сельскохозяйственных лет, то-есть до 1 октября 1933 г.

13. За год до истечения действий настоящего договора, т.-е. не позже 1 октября 1932 г. обе стороны должны решить вопрос о дальнейшем продлении договора. Если стороны к этому времени не придут к соглашению, под'ем и обработка пара, а также посев озими в 1933 г. УСХО не производит.

14. Каждому двору предоставляется право досрочного отказа от настоящего договора. Но в этом случае двор обязан предупредить УСХО о желании прекратить для себя действие сего договора за год до фактического выделения. УСХО для выделяющихся дворов в год выделения под'ем и обработку пара и посев озимых не производит.

15. Выделяющимся, согласно п. 14, дворам числящийся за ними земельный надел отводится в конце каждого поля севооборота. В паровом поле причитающийся надел выделается весной, а в остальных полях севооборота—после уборки урожая.

16. В случае досрочного выдела 50 % всего числа дворов, УСХО также предоставляется право полного расторжения договора с обязательством предупреждения крестьян за год до фактического прекращения действия договора. В год расторжения договора под'ем и обработка пара и посев озимых не производятся.

17. Действие п. 14, т.-е. право досрочного расторжения договора с предварительным годичным предупреждением, предоставляется не только каждому двору, но и всему поселку в целом.

18. В случае прекращения договора, все произведенные УСХО постройки, а также весь приобретенный ими инвентарь остаются в полной собственности УСХО. За УСХО оставляется право разбора построек, сдачи их в аренду и продажа таковых.

19. Если крестьяне в период действия настоящего договора или по окончании его пожелают приобрести в общественное пользование совхозовский отряд тракторов с прицепными к ним орудиями в целях дальнейшего ведения хозяйства на коллективных началах, УСХО таковой инвентарь передает выделенной крестьянами юридической организации (земельному общественному с.-х. товариществу, товариществу по общественной обработке земли, организованному коллективу и проч.) на условиях и по ценам по обоюдному соглашению

20. УСХО обязуется оказать организационную и техническую помощь крестьянам в деле организации новых обобществленных сельскохозяйственных отраслей (групповой сад, групповой виноградник, молочная ферма, общественный огород и проч.) в каждом отдельном случае на договоренных началах.

Такие договора заключены с 24 селами на территории около 30.000 *га* всей земли.

Остановимся на основных моментах договора. Совхоз предоставляет крестьянам тракторный отряд со всеми необходимыми прицепными орудиями, а также техническое и агрономическое руководство в лице механика и агронома. Вся рабочая сила, начиная от трактористов и кончая сторожем,— крестьянская. Совхоз помогает им на первых порах организовать и рабочую силу применительно к требованиям и условиям крупного механизированного сельского хозяйства. Совхоз предоставляет селу в кредит на первый год чистосортный семенной материал до первого урожая, пока оно не обзаведется собственным семенным фондом. Совхоз берет на себя ремонт всего сельскохозяйственного инвентаря в своих крупных мастерских. Совхоз обучает крестьян работе на тракторах и усовершенствованных сложных машинах и помогает им организовать свой труд. Село принимает всеми дворами устав товарищества по общественной обработке земли и выбирает правление, которое и руководит организацией труда крестьян. Договоры обычно заключаются со всем земельным обществом, за исключением небольшой группы, главным образом, кулачков, которых в таких случаях выделяют в конце полей севооборота. В договоре имеется пункт, по которому крестьянам предоставляется возможность в договорный период или по окончании его приобрести весь нужный им инвентарь на условиях и по ценам по обоюдному соглашению (п. 19). Таким образом, совхоз может стать только временным посредником между техникой и крестьянином. Совхоз помогает им организовать крупное общественное сельскохозяйственное производство, потому что ему, располагающему организационно-техническими силами и возможностями, это по силам; он это сделать может, а крестьянское село, даже получивши все необходимые технические средства (трактор, инвентарь и т. д.), никогда этого крупного общественного, сельскохозяйственного производства без организационно-технической помощи со стороны не соорганизует.

Это мероприятие УСХО провело в начале с переселенцами. Его пугали, да и оно само опасалось, что старожилые села на это не пойдут, что крестьянин не пойдет так легко на отказ от своего индивидуального сельского хозяйства, на сложное, неведомое ему, крупное механизированное хозяйство, требующее от него с первого же дня полного и окончательного уничтожения его межи, т.-е. полного обезличения земельной площади.

Но когда по настоянию Наркомзема УССР совхозоб'единение перешло в наступление на старые села, результат оказался для всех совершенно неожиданным. Уже сейчас имеются 12 крупных старых сел, производство которых полностью обобществлено и механизировано. Среди них отдельные села с площадью в 3.000 и более гектаров (десятин) земли и в несколько сот дворов.

Каковы дальнейшие перспективы развития этого мероприятия? Можно уверенно сказать, что в этих селах через года два — три индивидуальное крестьянское полеводство останется в помине. Крестьянин совершенно освоится и привыкнет к новому строю производства. Достаточно будет тогда только перерезать пуповину, которая их сейчас соединяет с совхозами,— и получится крупное, подлинно крупное обобществленное механизированное крестянское с.-х. производство, уже не нуждающееся в организационной помощи со стороны. Но может быть эту пуповину резать и не придется.

О том, что крестьянство охотно на это мероприятие идет, достаточно отмечалось в печати, но вся организация этого дела проходила при сильнейшем противодействии кулачества (причина совершенно понятна, о ней говорить не приходится), при колоссальной поддержке, при необычайной активности со стороны бедноты и части середняков и при некоторых колебаниях со стороны другой части середняков, которая в конечном результате примкнула к большинству, перешедшему на общественное производство.

В настоящее время, после того как все тракторные отряды вышли на работу, после того как закончена работа с яровыми культурами,— во всех этих селах мы имеем почти поголовные заявления от всех отставших крестьян, даже от части кулаков с просьбой принять их в общественную обработку. Таким образом, ряд сел полностью, на все 100% дворов, уже охвачен этим самым договором.

Сохранена ли в этом деле самодеятельность крестьянства? Этот вопрос нужно осветить. Совхозоб'единение упрекали и упрекают в том, что оно подменяет крестьянина, ослабляет его самодеятельность. По поводу всех этих упреков следует сказать, что очень часто разговорами о крестьянской самодеятельности мы хотим лишь прикрыть и оправдать свою собственную бездеятельность. В самом деле, где и в чем совхоз подменяет крестьянина? Крестьянин сам работает на тракторе, сам организует свою рабочую силу применительно к новым формам производства, сам производит абсолютно все работы, без права пользования наемной рабочей силы, кроме тех, которые надлежит выполнять агроному и механику. Но никто не рекомендует заменить агротехническое руководство крестьянской самодеятельностью. Совхозоб'единение не только не ослабляет, но, наоборот, развивает самодеятельность крестьянства, оно вызывает его активность, направляет эту активность на целый ряд дальнейших мероприятий, связанных с этим механизированным хозяйством. Совхоз только помогает организационно и технически. Так должно и обязано поступать советское хозяйство. Это его обязанность. Без активного участия и помощи Советского государства, без организационно-технической помощи государственных и кооперативных органов, мы никогда не реорганизуем крестьянского хозяйства, без

нее мы никаких не добьемся результатов, и эту помощь нельзя рассматривать как стремление подменить крестьянство. Наивно думать, что можно организовать 24 общественных механизированных села без самодеятельности селянства. Из всех упреков — это самый незаслуженный и нелепый.

Как оплачивают крестьяне совхоз за всю оказываемую ему помощь? Совхоз предоставляет тракторный отряд со всеми прицепными орудиями, дает горючий и смазочный материалы, берет на себя расходы по амортизации и полное техническое обслуживание (текущий и капитальный ремонты), которые не под силу отдельному селу. Совхоз предоставляет крестьянам молотилку, за которую другие не механизированные села уплачивают 10% своего урожая. И за все это совхоз получает одну четвертую часть урожая зерна от озимых по пару и третью часть зерна всех остальных культур.

Но если подсчитать и получаемую от тракторизации выгоду, а крестьянин это подсчитывает, то окажется, что фактически он совхозу ничего не платит. Эту четверть урожая совхоз имеет возможность получить, благодаря переходу на крупное с.-х. производство и возможности применения всех агрикультурных приемов, в результате которых уже через 2—3 года, при правильной постановке дела, урожай подымается на 40—50% выше среднего урожая индивидуального хозяйства. Крестьяне это понимают и сейчас, когда отряды вышли на работу, крестьянин, видя качество и своевременность всех полевых работ, убеждается в том, что три четверти урожая, которые у него останутся при этом общественном хозяйстве, будут больше целого урожая, который он получал до сих пор. Кроме того, он освобождается от каких бы то ни было затрат на лошадь, инвентарь, наем молотилки и проч.

Но пойдем дальше. У крестьян освобождается людская рабочая сила. Как предполагается использовать этот освобождающийся труд крестьянина? Вопрос этот весьма серьезный. Но этот сложный вопрос, который почти не разрешим в индивидуальном крестьянском хозяйстве, гораздо легче разрешается при этих условиях. Только в крупном с.-х. производстве можно действительно найти способ использования и притом рентабельного использования освобождающейся рабочей силы. Каким путем? Во-первых, путем изменения севооборота и введения более трудоемких культур, путем расширения площади под кукурузой, сахарной свеклой или другой пропашной трудоемкой культуры,—мы можем в самом полеводстве увязать значительно больше ручного труда, чем это было до сих пор в индивидуальном крестьянском хозяйстве. Во-вторых, путем введения новых интенсивных отраслей. Достаточно указать, что от механизированных сел уже имеются заявки на закладку около полуторы тысяч гектаров виноградников, при чем эта интенсивная отрасль должна быть также организована в форме крупного обобществленного производства. Это ведь совершенно небыва-

лый размах роста интенсивных культур. Конечно, не везде организуются крупные виноградники; в других районах создаются сады, в третьих крупные поливные огороды, в четвертых хмельники и т. д.

Далее открываются большие возможности рентабельного использования освобождающегося труда путем расширения пользовательного животноводства. Ведь совершенно понятно, что в механизированных селах количество лошадей должно резко уменьшиться. Не только не следует огорчаться этим сокращением количества лошадей, но, наоборот, следует приветствовать этот процесс и ему содействовать. Крестьянин, имеющий сейчас две—три лошади в лучшем случае оставит себе одну лошадь для разных домашних нужд, крестьянин однолошадный может и вовсе отказаться от лошади. В таком случае у него освобождается большое количество фуражного зерна и огромное количество грубых кормов, самых ценных грубых кормов, которые и будут использованы для значительного расширения пользовательного животноводства. Вот результаты первого года: за период с весны 1927 г. до весны 1928 г. количество лошадей в селах, механизированных с прошлого года, несмотря на то, что лошадей там и раньше было мало, сократилось вдвое, а количество коров увеличилось в $2^1/_2$ раза. Это результат работы только лишь одного года.

По всей Украине механизация может повысить пользовательное животноводство минимум на 2 миллиона голов. Сокращение конского состава повлечет за собой также освобождение концентрированных кормов в значительных размерах. Достаточно указать, что около миллиарда пудов (167 млн. тонн) зерна у нас в Союзе поедается лошадьми. В этом отношении весьма интересны данные из с.-х. практики С.-А. С. Ш. Там мы имеем следующее движение конского состава: до 1918 года замечалось увеличение лошадей, правда, не резкое, но все же увеличение: к 1910 г. было 19.800 тыс. голов, а к 1918 г. 21.500 тыс. голов, увеличение было на 1.700 тыс. голов. С 1918 г. в Америке начинается сокращение числа лошадей, продолжающееся до настоящего времени и принявшее характер закономерного явления. Цифры за 10 лет такие: 21.500 тыс. лошадей в 1918 г., в 1919 г. 21.400 тыс., в 1920 г. 19.800 тысяч в 1921 г. 19.500 тыс., в 1922 г. 18.500 тыс., в 1923 г.—17.900 тыс., в 1924 г.—17.200 тыс., в 1925 г.—16.600 тыс.,в 1926 г.—15.800 тыс. и, наконец, в 1927 г. — 15.200 тыс. Это данные Департамента земледелия по фермам Соед. Штатов и сокращение это не является следствием сокращения посевной площади,— наоборот, посевная площадь, одно время сократившаяся, в 1927 году по С.-А. С. Ш. даже несколько больше площади 1918 г. Приписывать это кризису сельского хозяйства поэтому не приходится, сокращение конского состава при стабильности или даже расширении посевной площади—явление здоровое, связанное с ростом техники хозяйства, а не с кризисом. Будет гораздо правильнее связать это с тем, что в 1917 г. Форд выпустил первые 237 тракторов, а к 1925 г. в фермах С.-А. С. Ш. уже работало около 500 тыс. тракторов.

К чему привело такое сокращение конского состава? Если считать расход концентрированного корма на фермерскую лошадь только в 1,3 тонны зерна, то это означает ежегодную экономию в полмиллиарда пудов (85 млн. тонн) зерна в фермерском хозяйстве. На полмиллиарда пудов зерна увеличивается товарность его хозяйства, на (85 млн. тонн) эту сумму увеличивается его спрос на продукцию фабр.-заводской промышленности. Это явление не случайное, оно идет из года в год закономерно. Сокращение конского состава—вполне сознательное и разумное освобождение от излишнего количества прожорливых едоков. Это подтверждается движением цен на конский молодняк. Однолетка, которая в 1918 г. стоила 46 долл., стоит в 1926 г. 23 долл. Цена на двухлетку также упала со 116 долл., до 66 долл. Другими словами, вся экономика фермерского американского хозяйства свидетельствует о том, что явление это не случайное. Вот способ, каким американское сельское хозяйство нашло полмиллиарда пудов (167 млн. тонн) зерна ежегодно. Нужно и нам стать на такой путь экономии зерновой продукции. Мы уже сейчас имеем зерновой кризис. Мы его имели в 1927/28 г., и есть большие опасения, что в 1928/29 г. этот кризис будет значительно острее. Наш баланс зерновой продукции находится все время в неустойчивом равновесии, и достаточно маленького неурожая, маленького недорода, который лишь на 10—15% понизит нашу урожайность, а это может быть в любой год, и мы уже оказываемся в тяжелом зерновом кризисе. Уменьшение количества лошадей при механизации сельского хозяйства, следовательно, имеет колоссальное значение в деле развития товарности нашего сельского хозяйства, в деле развития целого ряда ценнейших отраслей и культур в нашем сельском хозяйстве. Механизация сельского хозяйства Украины, при исключительно скромных подсчетах, дала бы ежегодно увеличение товарности на 400 млн. рублей.

Можно и нужно остановиться на целом ряде других перспектив, которые нам сулит механизация и обобществление крестьянского хозяйства. Остановимся, например, на деле расселения: мы сейчас проводим чрезвычайно тяжелую для крестьянства политику расселения; мы вынуждены сейчас к этому прибегать потому, что нельзя крестьянину на лошадях ездить десятки раз на расстояние 10,7—16 *км* (10—15 верст), в поле, для того чтобы вспахать, обработать почву, засеять, потом убрать, потом свезти и т. д., и т. д. При таких условиях дальноземелье разрушает крестьянское хозяйство. Поэтому мы и вынуждены приблизить крестьянина к его полевой площади путем расселения. А что значит это расселение для крестьянина? Это значит—оторваться от старого села, строить новую хату, копать новый колодезь, перейти на положение переселенца, это значит ослабление его хозяйственной

мощи на целый ряд лет. Но при конной тяге нет другого выхода для индивидуальных хозяйств. При обобществленном механизированном хозяйстве мы сможем применять расселение в значительно меньших размерах, а возможно и совсем к этому процессу не придется прибегать, ибо оптимальные размеры механизированного хозяйства значительно увеличиваются в сравнении с оптимальными размерами хозяйства конского. Достаточно указать следующее: в хозяйствах УСХО тракторы выходят из усадьбы на работу в поле весною и возвращаются в усадьбу только осенью, по окончании всех полевых работ. Они ночуют там, где вечером кончают работу. Тракторный отряд сопровождается будкой на колесах, где в случае отдаленности от усадьбы, ночуют трактористы. При таких условиях возможно из одного центра вполне рентабельно обрабатывать хозяйства, площадью в 10 тыс. *га* и, следовательно, не расселять села с 600—700 дворов. Правда, это повлечет за собой несколько увеличенный расход на один процесс — на возку соломы из поля в усадьбу, но этот расход с лихвою покрывается теми преимуществами, которые имеет крупное село. А преимущества крупного села огромны: наличие школы, наличие больницы, наличие переработочных пунктов с.-х. сырья, наличие с.-х. товариществ, наличие мельницы и т. д., и т. д. Все эти плюсы, которые имеет крестьянин в крупном селе, во много раз с лихвой покрывают ту небольшую разницу, которая будет у него при дальней возке соломы. А если бы мы могли применить в хозяйстве кроме тракторов еще и грузовики, то расход этот был бы еще более сокращен, и оптимальные размеры механизированного села можно было бы исчислить не в 10 тыс. *га*, а в 15 тыс. и больше, поэтому, надо полагать, последующий период пойдет у нас не под знаком расселения, а под знаком соединения маленьких сел и организации крупных культурных сел—городов взамен нынешнего процесса расселения. Именно таким должно быть и будет дальнейшее социалистическое переустройство села.

Велико значение механизации и для направления процесса землеустройства. Землеустройство в той форме, в какой его приходится проводить сейчас, отпадает, оно сводится к выделению полей севооборота, что и производится без особого труда. Отпадает доведение землеустройства „до двора", до указания каждому хозяину его полосы. Землеустройство сводится к технически простому мероприятию, облегчается — что чрезвычайно важно — переход от одного севооборота к другому. При индивидуальном крестьянском хозяйстве эта проблема практически почти неразрешима. Чтобы все село перевести, скажем, с шестипольного севооборота на семи-или восьмипольный севооборот, нужно менять поля и каждому двору отводить новые участки на новых полях, т.-е., иначе говоря, провести новое землеустройство, что сейчас почти совершенно невозможно. При механизированном крупном общественном сельском хозяйстве переход от одного севооборота к другому не представляет никаких организационных и технических трудностей.

Что касается экономических выгод для государства, то реальность их безусловно ясна. Получаемые от крестьян за предоставление тракторных колонн $^1/_3$—$^1/_4$ урожая дают в руки государства больше хлеба, чем те же крестьяне отдают при хлебозаготовках.

Из всего сказанного для нас ясно и не составляет никаких сомнений, что крупное механизированное с.-х. производство сулит нам величайшие перспективы.

Больше того, это единственный путь подлинного обобществления нашего сельского хозяйства, дальнейшего его развития и перевода его на социалистические рельсы. Другого пути нет. Весь вопрос сейчас, как это все сделать. Пока механизация проводится в виде опыта, это, конечно, не так сложно. Но оно приобретает величайшую сложность, когда мы от опыта перейдем к массовой организации крупного механизированного сельского хозяйства. Необходимо отдельно остановиться на тех факторах, которые при переходе на механизированное хозяйство будут в минимуме. Многие полагают, что в минимуме будут денежные средства. Это неверно, что можно видеть из нижеследующей схемы.

Схема капитальных вложений на организацию механизированного крестьянского хозяйства площадью в 1000 *га* пахоты

	Цена	Сумма
8 тракторов (с плугами)	1300	10.400
1 молотилка 10 сил	2600	2.600
6 сноповязалок 8 футов (2,4 *м*)	450	2.700
4 лобогрейки	170	680
24 ключа борон	22	528
15 культиваторов	40	600
5 букеров восьмилемешных	180	900
10 сеялок	225	2.250
4 площадки	200	800
1 палуба (будка на колесах)	—	500
8 бочек для керосина	40	320
1 водовозка	—	200
Походная кухня	—	500
Мелкий инвентарь	—	1.000
		23.978
Округлено		24.000

Подсчет затраты для полного оборудования механизированного хозяйства, для оборудования его лучшим инвентарем дает на 1000 *га* пахотной земли 24 тысячи рублей или 24 рубля на гектар. Из них на импортные машины 16 рублей и на инвентарь внутреннего производства 8 рублей. Вот те средства, которые нам нужны. И минимум будет не в средствах, ибо один затраченный на это мероприятие рубль уже в течение года увеличивает товарность хозяйства на один рубль, т.-е. на 100%. Те 100 тракторов, которые

УСХО в этом году получило для механизации крестьянских хозяйств, стоят 150 тыс. рублей, но уже в будущем году, благодаря им, мы дадим лишних 200 тыс. пудов (около 3,4 тыс. тонн) зерна для экспорта.

Нам в первое время можно было не приобретать большего количества. В самом деле, мы имеем в Союзе сейчас 30 тыс. тракторов, при чем каждый трактор сейчас пашет 50—60 *га*, а мог бы при правильной организации полностью обработать около 150 *га*, и если бы все эти тракторы были бы правильно использованы для организации крупного сельского хозяйства, мы имели бы сейчас около 5 млн. *га* механизированного обобществленного крупного с.-х. производства. Значит, дело сейчас—в правильной организации использования. Нужно, чтобы каждый трактор был правильно использован, чтобы каждый трактор действительно организовывал бы крупное механизированное сельское хозяйство. Основной минимум сейчас в организационных затруднениях. Организация крупного с.-х. производства не простое дело, а задача большой сложности и трудности. Организация крупного с.-х. строительства требует больших организаторских и технических сил, большой организационной и технической подготовки.

Ведь мы не имеем сейчас ни механиков, ни соответственно подготовленных агрономов, так как без преувеличения можно сказать, что 99% наших агрономов не умеют организовать крупное с.-х. производство. Нам нужно переподготовить наших агрономов, создать настоящий кадр высококвалифицированных специалистов, которые были бы на своем месте. Пока мы этих людей не имеем нам нельзя взять широкий размах. Поэтому вопрос организационный, вопрос подготовки кадра работников, должен стать сейчас центральным.

Многие опасались отрицательного отношения крестьянства к механизации и обобществлению. Полагали, что крестьянство на это мероприятие не пойдет, что придется преодолевать вековую инертность, косность, цепляние за свое единоличное хозяйство и т. д. Жизнь эти опасения опровергла и показала, что крестьянство прекрасно поняло и пошло на это мероприятие. Нужно только, чтобы оно было правильно поставлено. Крестьянство охотно пойдет на переустройство своего хозяйства, если оно убедится, что сможет получить от гектара хотя бы на 0,6 тонн больше, чем раньше получало, и если бюджет его рабочего времени при этом изменился в благоприятном для него смысле. Но, разумеется, что при всем том вопрос организации крестьянства — один из важнейших вопросов, на котором также должно быть заострено наше внимание.

Механизация обработки земли теснейшим образом связана с вопросом об автотранспорте. Тут у нас происходит совершенно непонятное. Мы ввезли в страну 30 тыс. тракторов. Одно УСХО получило за все время 700 тракторов, но оно не получило ни одного грузовика, ни одной легковой машины: без этого, мол, можно обойтись. Тот кто считает, что в механизированном крупном сельскохозяйственном производстве грузовик и легковая машина менее важны чем трактор, допускает величайшую ошибку. Как нам приходится в жизни исправлять эту ошибку? УСХО два — три трактора в каждом хозяйстве использует для перевозки. Два—три трактора стоят 4—5 тысяч рублей, тогда как один маленький грузовичок, стоимостью в 1000—1500 рублей, мог бы прекрасно заменить эти два — три трактора. В каждом хозяйстве УСХО содержит около 20 лошадей исключительно для раз'ездов, а если бы ему дать одну легковую машину в 1000 рублей, то каждое хозяйство за счет освобождающегося корма ежегодно сдало бы органам Наркомторга лишних 2—3 тыс. пудов (ок. 35—50 тонн) зерна на экспорт за каждую легковую машину.

Что может явиться угрозой для проведения механизации и обобществления? Прежде всего, стихийность. Организация крупного с.-х. производства — явление не стихийного, а организационно-технического порядка. Без крепкой технической и организационной базы нельзя организовать крупного механизированного с.-х. производства. Вот этой стихийности, того, что возьмутся за дело без достаточной организационно-технической подготовки, надо бояться в первую очередь. Вот недавно пришлось в газетах читать, что такое-то товарищество решило последовать примеру совхоза им. Шевченко и тоже организовало колонны и т. д. Надо опасаться, что все это выльется в кустарничество, а при кустарничестве дело провалится, потому что у этого товарищества нет той технической базы и той организации, которая бы позволила ему это дело организовать, как следует. Это не под силу отдельному с.-х. товариществу, как это не под силу и отдельному совхозу. Разве совхоз имени Шевченко сам организовал все это дело? Все это мероприятие с первой до последней мелочи в районе совхоза им. Шевченко проводится Украинским об'единением совхозов. Предоставленный собственным силам совхоз, конечно, провалился бы в первый же год. Вот этого стихийного кустарничанья надо бояться в первую очередь. Оно так же опасно, как и стихийное, технически и организационно неподготовленное строительство в фабрично-заводской промышленности.

Вторая угроза механизации, как это ни покажется странным, это — наше отечественное тракторостроение в том виде, в каком оно ведется до настоящего времени. Дело не столько в дороговизне наших тракторов, сколько в их плохом качестве, которое чрезвычайно затрудняет их использование.

И при всем том мы изготовляем не ту машину, которая наиболее рентабельна. Мы изготовляем „Красивый Путиловец" копию „Фордзона", но его американский оригинал, американский „Фордзон" значительно менее рентабелен по сравнению с теми машинами, которые сейчас выпускаются в Америке, скажем в сравнении с „Интернационалом". Работа „Интернационалов" сейчас обходится УСХО в полтора раза де-

шевле, чем работа „Фордзона". Сам Форд в этом сейчас убедился и прекратил производство трактора „Фордзон" и взялся за его реконструкцию, а мы в это же время начинаем выпускать „Путиловский Фордзон", который во много раз хуже американского „Фордзона". Он значительно хуже по качеству металла, он в два—три раза скорее амортизируется, в два — три раза больше требует запасных частей, а самые запасные части стоят значительно дороже и т. д. Словом, мы начинаем выпускать плохую копию плохого трактора, который себя изжил в мировой технике, который сошел со сцены. Если мы к вопросу механизации сельского хозяйства хотим относиться серьезно, если мы поставим это во главу угла дальнейшего производственного обобществления сельского хозяйства, нужно и к вопросу отечественного тракторостроения подойти более осторожно, более серьезно, чем мы подходили до настоящего времени.

Нужно подготовиться и выпустить высокого качества трактор, который был бы производственно рентабельным. Пусть он стоит дороже, но пусть будет такого качества, которое позволило бы им без остановок для ремонта проработать хотя бы один сезон. Если же трактор три дня работает, а на четвертый день начинает „кашлять", то все с.-х. производство „кашляет" вслед за ним еще сильнее. Ведь выход одного трактора из строя во время работы, это выход 10—15 лошадей, а в сельском хозяйстве при сезонности и спешности всех работ, всякое запоздание в работе влечет за собой непоправимые беды. Если во время не произвести боронование, мы высушиваем почву, если во время хлеб не уберем, осыплется половина урожая и т. д., и т. д. Если все это верно, то это должно быть крепко учтено нашими товарищами, ведущими тракторостроением, в дальнейшей своей работе.

Мы изложили и достижения и трудности, которые имеются в проведенном Украинским совхозоб'единением опыте механизации и обобществления крестьянского хозяйства. Этот опыт показал, что совхозы могут многое сделать в этом направлении, но из этого не надо делать того вывода будто только совхозы призваны реорганизовать крестьянское хозяйство, будто только они могут организовать крестьян в крупное с.-х. производство, и что никто другой этом делом заниматься не может. Такое утверждение было бы несуразным. УСХО имело возможность сейчас провести это мероприятие, потому что оно уже имеет опыт в организации крупного с.-х. производства и, что важнее всего, располагает для этого необходимыми организационно-технической базой и силами. УСХО может это мероприятие расширить, может охватить не 30 тыс. га, а, скажем, при специальной большой подготовке, 300 тыс. га, наконец, миллиона два гектаров, но, конечно, УСХО не может организовать все украинское крестьянство, охватить его целиком. Оно и не ставит себе такой задачи. Нелепо думать, что совхозы призваны реорганизовать все крестьянские хозяйства, а кооперацию — по боку. Ничего подобного. Конечно,

за это дело должна взяться кооперация, но не теми методами и не теми способами, какими кооперация до сих пор обобществляла и продолжает обобществлять крестьянское хозяйство; не методом так называемой „самодеятельности" крестьянства и фактической бездеятельности кооперации. Трактор, мол, дан, товарищество организовалось — и крышка. Крестьянин сел на трактор и уже самотеком попадает в социалистический рай. Нет, — не таким путем, а путем подлинного организационного и технического воздействия на крестьянское хозяйство, путем не стихийного вырастания крупного с.-х. производства, а путем планового его созидания, путем планового его построения при полном организационном и техническом вооружении, так как строят новые фабрики и заводы, а не кустарные мастерские. Мы не останавливаемся сейчас на вопросе о том, как кооперация должна этим делом заниматься, как должна быть сконструирована эта кооперативная организация, какие формы она должна принять. Это — вопросы, которые требуют специального обсуждения. Одно несомненно — если мы решили механизировать ускоренным темпом сельское хозяйство, если мы включаем в наш пятилетний план свыше 100.000 тракторов, то немедленно должна быть создана специальная организация, которая смогла бы эти 100.000 тракторов использовать для подлинной механизации и обобществления крестьянского хозяйства. Иначе рискованно вкладывать огромные средства. Совхозы, со своей стороны, должны сыграть большую роль в этом деле, должны провести большую работу в этом направлении и в первые годы могли бы быть застрельщиками, пионерами в этом величайшей важности деле.

И. Г. Туровский

Рынок промышленных товаров и методы его регулирования [1]

4. Плановая база на рынке

Важнейшими факторами, определяющими роль и значение плановой базы на рынке, являются: а) размеры синдицирования промышленности, б) роль обобществленного сектора в проведении важнейших товаров и, в частности, роль гендоговоров и в) внутренняя связь между важнейшими частями обобществленного сектора на рынке.

Процесс синдицирования развертывается чрезвычайно быстрым темпом. В среднем, за 1926/27 г. 12 важнейших отраслей легкой индустрии, реализующих промышленную продукцию на 4.644 млн. руб., были синдицированы на 85%. Сбыт синдицированной промышленности указанных отраслей через синдикаты достигал 89,5%. Ко всей продукции 12 отраслей промышленности сбыт составлял 77%. Сбыт промпродукции 14 синдикатов в 1927/28 г. (по данным промфинплана) достигает 3.780 млн. руб. Если к этому присоединить реализацию продукции Сахаротреста и Резинотреста по галошам (тресты, выполняющие в значительной мере синдикатские операции), то централизованный сбыт промпродукции, могущий быть вовлеченным в сферу регулирования, достигнет цифры порядка 4,5 мрд. руб. по отпускным ценам. Приводимая ниже таблица показывает, что и система потребительской кооперации заняла доминирующее положение на рынке промтоваров. Этим в значительной мере об'ясняется успех кампании по снижению цен.

Товары	Удельный вес потребкоопер. в реализац. промпродукции		Удельный вес гендоговоров в кооперативном сбыте	
	1926/27 г.	1927/28 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Хлопчатобумажные ткани	52	80	65	95
Сахар	68,0	76	67,0	81,0
Соль	85	90	80	100
Галоши	65,0	80	54	89
Спички	60	75	не было	75
Металлы	40	46,0	34	56
Силикаты	55,0	76	34,0	74
Махорка	70	75—80	25	40

[1] Окончание. См. „План. Хоз.“, № 5 за 1928 г.

Роль кооперативной системы в проведении важнейших товаров широкого потребления, как видно из таблицы, достигает в 1927/28 г. 70—80%. Рост кооперации происходил и происходит, в первую очередь, за счет вытеснения частника, а затем и госторговли. Как видно из той же таблицы, интенсивно развивается система гендоговоров.

Работа Комиссии СТО по рационализации товаропроводящего аппарата в значительной мере устранила больные вопросы, тормозившие развитие нормальных взаимоотношений между госпромышленностью и потребкооперацией. Таким образом, к 1927/28 г. мы имеем в основных чертах, пока вчерне, законченную организацию мощной плановой базы. Эта организация дает возможность в 1927/28 г. сделать следующий шаг на пути к организации социалистического распределения — перейти к текстильной промышленности на систему предварительных заказов.

Однако, опыт истекшего полугодия показал, что отсутствие или недостаточность плановых решений по ряду важнейших вопросов организации плановой базы не устранили всех трещин внутри обобществленного аппарата, не дали надлежащего темпа расширения плановой базы, частично обусловили разрыв между целями регулирующих организаций и возможностью их выполнения. Нерешенными или недостаточно решенными остались:

1) взаимоотношения между организованным кустарем, с одной стороны, и синдикатами и потребкооперацией, с другой;

2) вопрос о путях плановой организации сбыта продукции местной промышленности;

3) формы и методы планирования строительства сети (оптовой и розничной);

4) крайне недостаточное развитие регулирующей роли в кооп-системе центров кооперации;

5) несоответствие периода заключения гендоговоров задаче подготовки к хлебозаготовительной кампании и несовершенство техники их заключения.

В виду недостаточно организованного охвата сбыта продукции местной и кустарной промышленности, имеющей большое значение в снабжении села товарами широкого потребления,— плановая база была заметно сужена (по коже, металлам, подсолнечному маслу и пр.). В то же время крупная госпромышленность была использована и кустарем и местной промышленностью, как поставщик дефицитного промсырья; при этом и кустарь и местная промышленность, пользуясь относительной свободой распоряжения своей дефицитной продукцией, повышали цены и частично обусловили дезорганизацию сырьевого рынка.

Отсутствие планового строительства торговой сети обусловило несоответствие между планом завоза и задачами в области с.-х. заготовок и торговой емкостью рынка.

Не менее угрожающим фактором является крайне недостаточное регулирование центрами кооперации всей коопсистемы. Достаточно указать на то, что в условиях централизованной покупки товаров у промышленности, Центросоюзом передаются, большей частью, предоставленные ему средние условия расчета на равных основаниях городской и сельской кооперации, Украине и Уралу, Северному Кавказу и Москве. Центры кооперации, осуществляя централизованное распределение товаров по стране, не имеют сколько-нибудь достоверных сведений о состоянии товарных запасов. Это положение грозит в дальнейшем самыми серьезными осложнениями и для промышленности и для коопсистемы, а следовательно, и для всего народного хозяйства. Необходимо срочное принятие мер, гарантирующих коренное оздоровление внутрикооперативной работы.

Наконец, довольно затяжной процесс заключения гендоговоров между промышленностью и коопсистемой в сентябре и октябре ослабляет маневренные операции кооперативной системы и промышленности в период наибольшего развития рыночного оборота и постоянно (в том числе и в 1927/28 г.) обусловливает перебои в организованном снабжении потребсистемы.

Особняком стоит крупнейший вопрос о взаимоотношениях потребительской и сельскохозяйственной кооперации.

На ходе сельскохозяйственных заготовок с достаточной рельефностью выявилась неустойчивость сельскохозяйственной кооперации, как фактора, организующего производство сельского хозяйства вследствие невыясненности наиболее рациональных форм взаимоотношений между потребительской и с.-х. кооперацией. Таким образом, важнейшая проблема планового хозяйства — достижение единства регулирующих мероприятий, проводимых обобществленным сектором на ответственнейшем участке хозяйства — остается пока не решенной.

Мы не считаем возможным более подробно останавливаться на указанном вопросе, так как он выходит далеко за пределы нашей темы.

Несмотря на указанные недочеты наличная плановая база на рынке позволила уже во II квартале осуществить весьма сложный народнохозяйственный маневр. Однако, использование мощнейшей плановой базы не соответствует тем высоким организационным формам, каких достиг наш плановый сектор. Методы использования примитивны и неэффективны и в значительной мере обусловливают слабость приводов между плановым замыслом и действительностью.

Ниже мы рассмотрим наиболее универсальный метод регулирования товароснабжения — планы завоза.

5. Планы завоза

Посредством планов завоза Наркомторг стремится по возможности равномерно распределить общий дефицит продукции между всеми районами Союза, при чем, в первую очередь, ставит своей целью стимулирование заготовок с.-х. продукции.

Планы завоза стали применяться НКТоргом в самом конце 1924/25 г. и получили свое развитие в последующие годы. Постепенно, по мере увеличения круга дефицитных товаров, увеличивается и сфера применения планов завоза.

В период возникновения планов завоза на важнейших рынках на ряду с синдикатами тресты реализовали через собственные аппараты (по преимуществу оптово-розничные) большую часть своей продукции, притом наиболее ходкой. Центросоюз, испытавший огромные финансовые затруднения в 1923/24 г., еще и в 1924/25 г. был нежелательным клиентом для промышленности; в таком же положении были взаимоотношения между промышленностью и большинством райсоюзов. Синдикаты и тресты через широко развернутую сеть, вплоть до розничной, устанавливали непосредственные связи с низовой кооперацией.

Высокая кон'юнктура обусловила концентрацию сбыта промпродукции в центрах производства, наиболее выгодную для трестов, а это, в свою очередь, вызвало огромный рост постоянных представительств торговых и кооперативных организаций. Спекуляция, перепродажи дефицитных товаров внутри обобществленного сектора были почти общим явлением.

В описанных условиях планы завоза ставили себе целью в принудительном порядке направить товары из центров на периферию по возможности кратчайшими путями.

В самом начале планы были формой борьбы со спекуляцией, с оголением отдаленных районов.

Установившаяся с 1924/25 г. высокая кон'юнктура на рынке промтоваров, мероприятия правительства по санированию кооперации обусловили значительный хозяйственный рост оптовых звеньев кооперации. Одновременно, благодаря центростремительным силам развертывающегося хозяйства и соответствующей активной политике государства, быстро развивались советские синдикаты, имеющие тенденцию стать концентрированным, монопольным орудием промышленности на рынке.

На следующем этапе стало возможным установление высших организационных форм взаимоотношений между промышленностью и кооперацией на основе системы гендоговоров. Базой системы гендоговоров должна явиться система предварительных заказов, на основе которой должны строиться производственная программа и осуществляться распределение товаров по стране. Следующим и уже недалеким этапом является установление условий расчета между прмышленностью и кооперацией на основе торгово-финансовых планов.

Построение народнохозяйственного плана на базе максимальной диференциации внутрихозяйственного расчета важнейших хозорганизаций — становится отличительной чертой концентрационных процессов на рынке.

Несмотря на глубочайшие изменения в организации нашего хозяйства, планы завоза и в 1927/28 г. применяются в тех же формах, что в 1925/26 г.

Каковы трудности, препятствующие целесообразному применению планов завоза и каковы результаты действующих планов завоза? Основными трудностями являются: а) крайне недостаточное знание покупательных фондов районов, а тем более диференциации их на отдельные товары. Применяющиеся Наркомторгом районные показатели (вес районов в планах хлебных и сырьевых заготовок и количество городского и сельского населения) с достаточной ясностью иллюстрируют неподготовленность к осуществлению порайонного планирования; б) согласование народнохозяйственного расчета (если имеется гарантия, что этот расчет отражен в планах завоза) с внутрихозяйственным расчетом планируемых организаций.

Как преодолеваются указанные трудности? Анализ планов завоза и их выполнения показывает следующее: фактический завоз значительно отклоняется от плановых предположений по всему СССР в целом (особенно по кожевенным и металлическим товарам) с преобладанием тенденции к превышению планов („скрытые резервы" торгующих организаций):

Выполнение планов завоза по районам

Районы	Хл.-бум. ткани			Кожтовары			Металл. тов.		Шерст. ткани	
	1925/26	1926/27	1927/28 I кв.	1925/26	1926/27	1927/28 I кв.	1925/26	1926/27	1926/27	1927/28 I кв.
Сев. Кавказ. . .	107,0	107,7	100,9	122,3	97,6	106,6	106,6	98,5	107,1	99,5
Центр.-Земл. . .	107,2	97,6	98,5	—	70,4	104,9	65,1	95,1	142,7	117,1
Украина	109,8	115,4	99,3	142,3	138,1	100,1	115,7	110,6	106,7	82,0
Башкирия . . .	79,5	102,8	99,4	56,0	55,6	91,8	57,6	88,7	90,1	95,9
Казакстан . . .	97,6	99,6	108,6	84,3	51,2	79,6	75,6	118,4	100,6	104,2
Моск.-Пром. . .	121,8	105,7	100,2	154,5	144,9	146,9	199,4	130,3	116,2	84,2
Сев.-Западн. . .	122,1	114,8	105,8	136,9	99,6	140,2	127,9	143,1	107,4	78,1

Еще более резко расхождение между планами завоза и их выполнением (как в одну, так и в другую сторону) по отдельным районам. Отклонение по кожевенным и металлическим товарам настолько

велико, что не позволяет говорить о какой-либо реальности планов завоза по этим товарам, при этом характерно недовыполнение планов завоза по районам, в которых слабо развита торговая сеть (Казакстан, Башкирия).

Сопоставление фактического завоза (превышающего обычно плановые наметки завоза в хлебозаготовительные районы) с ходом хлебозаготовок обнаруживает довольно слабую зависимость между фактическим выполнением завоза и ходом хлебозаготовок.

Выполнение планов завоза промтоваров и планов заготовок зерновых хлебов

(В %% к планам)

Районы	1926/27 с.-х. год			I кв. 1927/28 с.-х. г.			II кв. 1927/28 с.-х. г.		
	Весь завоз	В том числе хлоп.-бум. ткани	Хлебозагот.	Весь завоз	В том числе хлоп.-бум. ткани	Хлебозагот.	Весь завоз	В том числе хлоп.-бум. ткани	Хлебозагот.
Сев. Кавказ.	106,1	107,5	87,6	98,0	103,3	63,3	104,0	100,9	80,0
Урал	107,7	108,4	105,9	110,0	101,5	96,0	101,5	101,0	39,0
Сибирь	112,9	113,6	108,7	72,7	113,9	54,0	101,2	99,8	58,0
Казакстан	97,9	102,3	98,7	91,9	94,9	95,2	105,9	108,6	65,3
Крым	118,4	120,3	88,8	113,8	107,2	168,4	113,7	102,9	65,0
Украина	120,8	119,5	90,8	111,2	107,7	166,4	98,4	99,3	70,0

Приведенная таблица показывает, что в то время как план завоза по основным хлебозаготовляющим районам значительно перевыполнен в 1926/27 с.-х. году (по Сев. Кавказу на 6,1—7,5%, по Украине на 19,5—20,8%), план хлебозаготовок в тех же районах недовыполнен на 9—12%. Очевидно, не планы завоза являлись решающими для выполнения хлебозаготовительного плана, а ряд прочих обстоятельств, планом не учтенных. В то же время нереальный порайонный план хлебозаготовок является основным фактором, предопределяющим распределение товаров по районам.

Весьма показательно сравнительное сопоставление порайонного завоза достаточных и недостаточных промтоваров (см. табл. на стр. 130).

Приведенная таблица свидетельствует, с одной стороны, о том, что коммерческий завоз по районам, в основном, не нарушает интересов хлебозаготовительных районов, а с другой — что удельный вес районов в реализации достаточных и недостаточных товаров колеблется весьма незначительно.

Эта устойчивость веса районов в завозе планируемых и непланируемых товаров особенно ярко подчеркивается специальной работой Наркомторга.

Снабжение районов недостаточными и достаточными промтоварами (по планам завоза и по коммерческим планам) в 1925/26 г. [1]

(В %% к итогам по СССР)

Районы	Товары, планируемые НКТоргом [2]		Непланируемые [3] товары (фактич. завоз)
	По планам завоза	Фактич. завоз	
I			
Сев. Кавказ.	9,2	9,1	7,1
Сибирь	7,4	7,1	4,6
Урал	6,4	5,7	5,1
Ср. Азия	8,8	8,2	5.7
Сев.-Западн. . . .	5 3	5,9	7,7
Северный	1,3	1,3	2,1
II			
Украина	14,8	15,6	17,4
Центр.-Земл. . . .	5,2	4,5	7,1
Поволжье	6,5	6,0	6,9
Крым	0,9	0,8	1,6
Моск.-Пром.	20,2	22,5	22,3

Наркомторгом произведены подсчеты колебания удельного веса районов в завозе хлопчатки за три года, в том числе и за 1924/25 г. Несмотря на то, что в течение двух лет завоз жестко планировался, а в течение одного года (1924/25 г.) завоз определялся, по преимуществу, коммерческими планами множества организаций, несмотря на значительные изменения в географии урожая, удельный вес районов за три столь разных года обнаружил значительную устойчивость. Этот расчет с очевидностью показал, что в пределах 20% резерва возможно исчерпывающее корректирование коммерческих планов завоза, возможно достаточное дополнительное целевое снабжение районов, в которых сосредоточены крупнейшие заготовки или в которых наблюдается наибольшее напряжение спроса.

Однако, не последние расчеты являются решающими для наших выводов о системе регулирования.

Предыдущие годы, а тем более 1927/28 г., показали с исключительной ясностью, что основные привода между плановым замыслом и действительностью оказываются недостаточно активными, несмотря на завершенный, вчерне, процесс организации плановой базы на рынке. Приведенный анализ показывает, что методы использования плановой базы совсем не эффективны. Достаточно указать на то что бронируемые Наркомторгом на бумаге квартальные резервы реально не существуют, так как хранение их не обеспечено соответствующим финансированием, и наивно было бы думать, что при

[1] Расчеты сделаны ВСНХ СССР.

[2] Хлоп.-бум. ткани, металлотовары, кожтовары и обувь.

[3] Сахар, соль, чай, табачные изделия, спички, керосин, галоши.

остром недостатке средств в торговле торгующие организации могли бы без специальных кредитов, даже кратковременно, иммобилизовать часть товарных фондов. Таким образом, важнейший элемент маневра, основанного на конъюнктурных показателях и целевых установках регулирующего органа, выпадает из рук регулирующего аппарата, оставляя лишь бумажную иллюзию резерва. Но мало того. Планы завоза не только не дают желаемого эффекта в регулировании рынка, они обессиливают регулирующие начала.

Приведенные выше данные о роли синдикатов и кооперации в проведении потребителю промышленных товаров, о размерах гендоговоров, факт правительственного постановления о переходе на систему предварительных заказов показывают, что синдикаты и кооперсистема приобрели значение решающих народнохозяйственных факторов.

Осложнения в работе кооперативного аппарата или в синдикатской работе могут обусловить потрясения всего народнохозяйственного организма. Вот почему крупнейшей народнохозяйственной задачей является повышение качества работы обобществленного сектора на рынке, всемерное стимулирование творческих, инициативных начал внутри обобществленного сектора.

Злейшим врагом развивающегося планового хозяйства является бюрократизация хозяйственного аппарата.

Чем лучше учитывает наш хозяйственный аппарат потребности рынка, чем выше качество обслуживания этих потребностей, тем больше шансов лучшего познания и руководства хозяйством. Вот почему крупнейшая задача планового руководства хозяйством может быть решена только на основе умелого сочетания народнохозяйственного расчета с внутрихозяйственным расчетом важнейших элементов обобществленного сектора. Мы считаем, что в настоящее время решение этой задачи (при правильном подходе) может быть значительно облегчено, так как такие организации, как синдикаты и кооперативная система при достигнутом уровне своего развития могут правильно решать свои внутрихозяйственные задачи только в случае их соответствия народнохозяйственным интересам. Вот почему промфинплан 1927/28 г. является гораздо более эффективным актом планирования и регулирования, чем, скажем, производственные планы главков, формально более близкие к методам социалистического хозяйства.

К сожалению, на рынке промтоваров мы наблюдаем и в 1927/28 г наиболее отсталые, упрощенные, примитивные формы регулирования, не соответствующие современной организации обобществленного сектора. Планы завоза строятся без учета торгово-финансовых планов, а торгово-финансовые планы утверждаются без учета планов завоза. Планы завоза по

об'ективным причинам (вследствие указанных выше трудностей) не могут наметить правильного распределения товарных масс по районам, и важнейшая данность, на основе которой возможно правильное распределение, — диференцированный учет торговыми организациями потребности районов, учет напряженности спроса — выводится за скобки при проектировке завозных планов.

Мы уже указывали, что торгово-финансовый план синдикатов и кооп-системы следует рассматривать, как и промфинплан, как фактор народнохозяйственного значения. При таком подходе задачей планирующих и регулирующих органов является, с одной стороны, общая ориентировка хозяйствующих организаций в основных народнохозяйственных задачах, конкретизированных для данного отрезка времени, и путей участия хозяйствующих организаций в разрешении указанной задачи; а с другой — реальная помощь хозяйственным организациям на основе их торгово-финансового плана в выполнении поставленных задач.

Практика планов завоза, как мы уже указывали, противопоставляет народнохозяйственные (?) интересы внутрихозяйственным интересам организаций, деятельность которых имеет крупнейшее народнохозяйственное значение. Таким образом, не только подрубается сук, на котором покоится регулирование, но выхолащивается ответственность и инициатива обобществленного сектора на рынке. Достаточно сослаться на то, что гендоговоры и система предварительных заказов — эта высшая форма взаимоотношений между промышленностью и рынком — фактически срывается и заменяется планами завоза; работа планируемых организаций в „идеальном" (с точки зрения планов завоза) разрезе должна превратиться в работу чиновничьего аппарата, выполняющего поручения оторванного от рынка штаба.

Мы считаем, что необходима иная система регулирования, которая обеспечивала бы повышение эффективности в выполнении плановых заданий на основе: 1) реального сочетания народнохозяйственных задач с оперативными планами, 2) максимального повышения ответственности хозяйственных организаций и 3) увеличения реальных маневренных возможностей Наркомторга.

Для осуществления указанных задач необходимо, чтобы Госпланом, совместно с ведомствами, при составлении контрольных цифр был детально проработан план хозяйственных мероприятий и маневров, направленный к максимальному обеспечению планового развития рыночного оборота между городом и деревней. Для 1928/29 г. особо должны быть проработаны конкретные мероприятия:

а) По преодолению сезонных разрывов между спросом и предложением путем накопления товарных запасов, перераспределения товарных масс по сезонам между городом и деревней и перевода остановок фабрик, по преимуществу, в III квартале.

б) По расширению планового охвата предложения промпродукции, в том числе местной и кустарной промышленности. В виду того, что контрольные цифры, составляемые в августе — сентябре, дают прогноз и директивы лишь на $^3/_4$ года (на что мы уже указывали в первой главе), мы считаем необходимым, чтобы Госплан, совместно с ведомствами (ВСНХ, НКФ, НКТорг), разработал не позднее 1—15 июля план хозяйственных мероприятий в IV квартале на основе предварительной оценки хозяйственной кон'юнктуры IV квартала.

На основе всего плана хозяйственных мероприятий НКТоргом СССР должны быть даны директивы (при контрольных цифрах) о взаимоотношениях и об'еме работы, а также о построении сети основных товаропроводящих систем по районам и по важнейшим товарам.

Синдикаты и кооперация на основе прогноза и общих директив НКТорга о задачах, стоящих перед хозяйственными организациями, строят свои годовые и квартальные торгово-финансовые планы, на указанные организации возлагается ответственность за равномерность насыщения районов и выполнение поставленных НКТоргом задач. Торгово-финансовые планы до представления в НКФ и Госбанк (к составлению кредитного плана) обязательно должны иметь заключение НКТорга, оценивающего их с точки зрения их соответствия задачам рынка и увязки промышленности с товарооборотом.

В том случае, если на предстоящий квартал предвидится дефицит обязательных товаров, НКТоргу должно быть представлено право резервировать в свое распоряжение до 20% продукции синдицированной промышленности, реализуемой хозяйственными организациями в сроки и районы по указанию НКТорга. Сохранение резерва должно быть обеспечено соответствующим кредитным планом.

Указанные принципы регулирования и порядок их осуществления могут быть введены в жизнь лишь после предварительной организационной подготовки аппарата регулирующих организаций.

Мы сознательно опустили в настоящей статье вопрос о системе регулирования цен и крупнейшую плановую проблему — регулирование потребления. К этим весьма обширным темам мы предполагаем вернуться в связи с проектировкой ближайших контрольных цифр и перспективного плана.

Методология генерального плана

Дискуссия в клубе плановых работников
им. Г. М. КРЖИЖАНОВСКОГО

Доклад Н. А. Ковалевского[1]

Разрешите в последней части доклада кратко остановиться на критическом просмотре того, что есть в нашей литературе по части методологии генерального плана. К сожалению, приходится констатировать нашу крайнюю бедность в этом отношении. Когда мы поставили своей задачей почерпнуть все возможное из существующих литературных материалов для разработки и уточнения методологии построения генерального плана, мы должны были констатировать, что мы вынуждены итти своим собственным путем. Просмотр, например, литературы мест приводит в этом отношении к чрезвычайно печальным результатам. В прошлом году у нас в Союзе было свыше 400 экономических журналов, а если говорить о социально-экономической литературе в более широком смысле, то их было около 750, помножьте это на ряд лет и вы получите десятки тысяч экземпляров книг. Из этих десятков тысяч книг колоссальнейшее большинство падает на местную прессу. В ней вы найдете свыше сотни работ по генеральному плану и среди них лишь 3—4 небольших статьи, посвященных вопросам методологии его построения. Я остановлюсь здесь на более ранней из них; другие относятся преимущественно к 1927 г. и писаны уже под влиянием директив Госплана.

Я имею в виду вот эту книжку: „Наше хозяйство“ (рязанское хозяйство). В ней писал некий тов. Р-кий из Рязани. Он писал „О методе построения генерального плана развития сельского хозяйства“. Статья эта тем более интересна, что она написана в 1923 г., когда в союзной литературе по вопросам методологии перспективного планирования еще ничего найти нельзя. И вот в 1923 г. этот

[1] Первую центральную часть доклада, посвященную положительному построению методологии и программы генерального плана и представляющую собой изложение работы докладчика, напечатанной в № 4 „План. Хоз.“ за текущий год, мы здесь опускаем. Помещаем лишь последнюю часть доклада, посвященную критическому рассмотрению нашей литературы по методологии генерального плана.

В интересных и весьма содержательных прениях по докладу, развернувшихся в течение двух заседаний, высказалось 18 товарищей. По недостатку места мы вынуждены поместить здесь наиболее экономически значительные и интересные из этих выступлений. Стенограммы (за исключением речи В. А. Базарова) обработаны авторами. Р е д.

рязанский товарищ здесь высказывает некоторые весьма интересные вещи, которые полностью сохраняют свою значимость и сейчас. В противовес той статистической серости и абстрактности средних чисел, которая была распространена у нас в течение переходного периода от генеральных проектировок плана ГОЭЛРО к настоящему времени, когда идет работа над созданием первого перспективного народнохозяйственного плана в условиях новой экономической политики, этот товарищ уже в 1923 г. ставит вопросы довольно конкретно. Он говорит: тщательное исследование, изучение отдельных районов, строгий анализ их особенностей, определение и выявление основных положительных тенденций эволюции сельского хозяйства каждого района должны составить одну из главных задач построения генерального плана его развития. „Принципы районирования, — говорит он, — являются особенно ценными и необходимыми для Рязанской губ., различие природных и экономических условий отдельных местностей которой должно, несомненно, отразиться на характере развития сельского хозяйства как во всем его целом, так и в специальных его отраслях“. Как видите, товарищ задумался о судьбах своего края и совершенно конкретно мыслит пути его развития. Он ставит задачу не только обрисовать общие контуры развития сельского хозяйства, но и наметить „организационные типы хозяйства“ по районам, „наиболее отвечающим местным естественно-историческим и экономическим условиям“. Однако, рядом с этими совершенно правильными установками, под которыми можно подписаться и сейчас, имеется одна установка, на которой я остановлюсь, потому что она имеет для нас интерес по отношению к литературе союзного порядка. Этот рязанский товарищ говорит „Тот срок, в течение которого возможно ожидать переустройства сельского хозяйства на началах, полагаемых в основание генерального плана, определяется из опыта западно-европейских стран (разрядка моя. Н. К.), сельское хозяйство которых переживало в свое время те же этапы в своем развитии, которые имеют место и у нас“. Дальше он говорит: и там господствовало трехполье, низкая урожайность, несовершенство технических приемов севооборота, остро стоял кормовой вопрос и т. д. — все это сравнительно недавно переживало западно европейское хозяйство и при всем том оно в течение 20—25 лет смогло перестроиться на рациональных началах и достигнуть высокой степени процветания. „Этот же срок, — заключает он, — можно считать достаточным при разработке генерального плана и для нашего сельского хозяйства“.

Мы, однако, считаем это совершенно не критическим приемом перенесения опыта развития сельского хозяйства капиталистических стран в нашу страну со всеми ее особенностями. Аргумент, который автор приводит далее в защиту своего положения, на деле обращается против него самого: „Особенно принимая во внимание быстрый темп нашего роста, обеспеченного сосредоточением власти

в руках трудящихся". Именно это понимание особенностей нашего строя и должно было бы привести автора к мысли о недопустимости простого перенесения темпов развития стран капитализма на наши проектировки. Я подробно остановился на этом дефекте его маленькой статьи, потому что это имеет для нас интерес с точки зрения тех споров, которые велись здесь у нас в Госплане и за стенами Госплана.

У В. А. Базарова имеется литературный документ, являющийся в отношении литературных дебатов по методологии перспективного планирования первым (если не считать еще более ранних споров об едином хозяйственном плане). Я имею в виду его брошюру: „К методологии перспективного планирования", изданную в 1924 г. Госпланом Союза в дискуссионном порядке. Если бы мы теперь подошли к этому документу с точки зрения наших современных установок, то я бы сказал, такой подход был бы неправилен, тут нужен генетический подход, нужно подойти с учетом, что называется, обстоятельств места и времени. Если прочесть его внимательно, то мы обнаружим, что и сам В. А. Базаров считает, что речь идет скорее о „плане восстановления", чем о „плане реконструкции". Он оговаривается при этом, что термин „восстановительный" нельзя понимать слишком буквально, что простое восстановление нашего хозяйства в тех формах и соотношениях, какие оно имело до войны и революции, не может быть задачей современного планирования. „Довоенные отношения,— пишет он,—указывают в первом приближении лишь тот минимальный уровень производительных сил, которого необходимо достигнуть, для того, чтобы дальнейшее развитие могло быть поставлено на здоровые рельсы; но они никоим образом не дают готовой схемы желательных соотношений между отдельными подразделениями народного труда". Проектируется этот восстановительный план на 5—10 лет. Уже и здесь В. А. говорит о необходимости балансового метода плана и возражает против погодного расчета, считая, что он может быть продуктом либо наивного утопизма, либо прямого шарлатанства.

Затем он отстаивает ту мысль, что все отрасли народного хозяйства, в том числе промышленность, нужно проектировать в формах нэпа, что нельзя отрицать форм нэпа при проектировках перспективного плана и что ценностные категории на данной стадии являются необходимыми. Дальше чрезвычайно любопытным является такое отражение взглядов того времени. „Спрашивают, — говорит В. А.,— возможно ли и нужно ли разрабатывать перспективный план государственного хозяйства, когда огромное большинство трудящихся — крестьяне, кустари, ремесленники, — работают вне непосредственного государственного контроля, когда не поддающийся никакому регулированию „урожай" может перевернуть вверх ногами самый прекрасный план и когда над этой двойственной системой государственных и частных хозяйств господствует товарный

рынок с его стихийными приливами и отливами. Не правильнее ли, при таких условиях отбросить утопии (некоторые прибавляют: „мелкобуржуазные" утопии) широкого и далекого планирования, довольствуясь экономической политикой, основанной на точном учете кон'юнктуры момента и ближайшего, конкретно уже намечающегося будущего".

На этот вопрос, подвергающий сомнению самую возможность построения плана, В. А. отвечает—и это необходимо отметить, чтобы правильно уяснить его позицию — отрицательно.

Переходя далее к конкретным методам построения плана, В. А. считает, что на первый взгляд наиболее трезвым и надежным подходом можно было бы признать экстраполяцию уже фактически определившихся в динамике нашего народного хозяйства за последние годы тенденций к его оздоровлению. Такой чисто генетический путь к выяснению перспектив ближайшего развития, говорит он, попытался применить Трансплан в своей большой и во многих отношениях очень поучительной работе, набрасывающей на 12 лет вперед основные линии развития железнодорожного транспорта и грузооборота. Однако, работа эта вскрыла полную невозможность последовательного проведения „генетического метода". Нигде „генетический" метод не дал удовлетворительного результата. И В. А. Базаров вполне правильно видит об'яснение этому в том, что „экстраполяция коэфициентов, выведенных из наблюдения хозяйственного развития двух — трех последних, в высокой степени анормальных лет, не может послужить фундаментом для построения перспективной программы нашего хозяйственного возрождения". Он приходит к выводу, что „план восстановления и реконструкции той части национального производства, которая находится в непосредственном заведывании государства, должен строиться не генетически, а телеологически, не путем проектирования в будущее фактической динамики настоящего, а путем целевого построения таких преобразований в современной промышленности, при осуществлении которых ее фактическая динамика впервые сможет стать выражением тенденций здорового и прочного развития".

Иначе обстоит дело с сельским хозяйством. Государство здесь не является хозяином; лишь косвенно, мерами экономической политики может оно стимулировать те или другие, естественно намечающиеся тенденции. „Целевая конструкция,— пишет В. А. в своей брошюре,— была бы в данном случае лишена всякого практического значения. Перспектива сельскохозяйственного развития может быть построена лишь генетически; ...выявление фактических тенденций развития в крестьянском хозяйстве (фактических тенденций развития в первые годы нэпа! Н. К.) сможет дать достаточно надежные коэфициенты и во всяком случае представляет единственный путь к уяснению перспектив (разрядка всюду моя. Н. К.) этой количественно доми-

нирующей отрасли национального производства". „Телеологически... вносимые коррективы могут быть здесь лишь скромной надстройкой на широком базисе генетически установленных тенденций развития".

И отсюда вывод: „Следовательно, генетически выведенный перспективный план сельскохозяйственной продукции явится тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей промышленности" (разрядка моя. Н. К.). Любопытный вывод, от которого теперь В. А. вероятно, радикальнейшим образом откажется. Что тем самым провозглашается? Примат сельского хозяйства, его ведущая роль. Сделав „реверанс" в сторону телеологического момента, В. А. немедленно же затем поворачивается к нему спиной. Хорошенькая телеологическая установка в плане развития народного хозяйства, которая целиком подчинена ведущей роли сельского хозяйства! При чем какого сельского хозяйства?! — В основном стихийно развивающегося по линии тенденций первых лет нэпа. И это на 5—10 лет, т.-е. во втором случае до 1934 г.

Уже значительно позже, в 1926 г., в статье „О методологии перспективных планов", напечатанной в июльском номере „План. Хоз.", касаясь той же темы, В. А. пишет: „Прямое воздействие на крестьянское хозяйство мы можем оказывать лишь в той мере, в какой государственная промышленность представляет определенный спрос на с.-х. сырье. Косвенно, через фонд заработной платы размах оперативной деятельности государственных предприятий и учреждений определяет ту долю товарной сельскохозяйственной продукции, которая потребляется рабочими и служащими. Таким образом, в этой части развитие производительных сил в сельском хозяйстве с количественной и качественной стороны предрешается потребностями государственного сектора, в пределах которого плановая телеология находит себе наиболее широкое применение. В остальном перспективы сельского хозяйства должны базироваться на об'ективном изучении исторически наметившихся закономерностей внутреннего роста и тенденцией мирового рынка". Позволительно спросить: В. А. полагает, что никаких иных методов воздействия на сельское хозяйство, кроме перечисленных выше (прямое воздействие через спрос на с.-х. сырье, косвенное — через фонд заработной платы), у нас нет? Ну, а контрактация, — это прямое, организованное воздействие государства на продукцию сельского хозяйства, прямые задания произвести определенные количества пшеницы, ржи, кукурузы и т. д. с подписанием соответствующих контрактов! Ну, а такой метод, как снабжение удобрениями по льготным ценам определенных категорий производителей? А машиноснабжение? А государственный кредит сельскому хозяйству, а тракторные колонны с индустриальными методами обработки земли и продуктов сельского хозяйства,

а прямая организующая роль рабочего класса и его партии? Словом, здесь мы должны констатировать прямой недоучет возможностей организованного воздействия даже на этот стихийный сектор народного хозяйства, возможностей его подчинения себе, возможностей постепенного уменьшения этой стихийности и все большего врастания сельского хозяйства в систему нашей экономики.

Вот эти установки чрезвычайно характерны и для об'яснения последующих работ В. А., к которым я перейду. Вы, таким образом, видите, что в основе проектировок сельского хозяйства, — а за ними тянутся и проектировки других отраслей, — должны лежать кривые их прошлого развития за большие периоды времени. Отсюда и „все качества" и основная окраска работы В. А. о „Кривых развития капиталистического и советского хозяйства", — интереснейшей работы, которая была напечатана в ряде номеров „План. Хоз." за 1926 г., начиная с № 4 и затем отдельным изданием со значительными дополнениями.

Я не имею возможности останавливаться на различных сторонах этой работы, остановлюсь только на том основном, что мне кажется наиболее характерным для нее и определяющим и что предрешает ее оценку.

В. А. правильно говорит, что мы, будучи заняты в наших работах планирования, часто не имеем времени для того, чтобы теоретически надлежащим образом осмыслить происходящее и на теоретических построениях базировать наши проектировки. Поэтому он обращает свой взор к арсеналу „существующей науки" и ставит вопрос: не можем ли мы что-либо позаимствовать оттуда, чтобы вооружиться в наших работах. С точки зрения перспективного планирования, говорит он, нас интересуют две кардинальных проблемы: первая — условия равновесия хозяйственной системы, вторая — „траектория перехода" (я бы и здесь сказал: условия перехода! Н. К.) от одной системы равновесия к другой. Общие контуры для решения первой проблемы (впервые постановленной Кенэ) даны Марксом в т. II „Капитала". Дальнейшей разработки она еще ждет.

Иначе обстоит дело со второй проблемой, разработке которой посвящены многочисленные исследования.

„В буржуазной науке изучению динамики капиталистического хозяйства уделено особенно много сил, — говорит В. А. И, несмотря на неприемлемость с марксистской точки зрения тех теоретических предпосылок, которыми руководились буржуазные ученые, многие добытые ими частичные результаты и, в особенности, многие методологические приемы исследования заслуживают самого серьезного внимания со стороны деятелей советского планового хозяйства". Я с ним совершенно соглашаюсь. Конечно, многие практические приемы, методические приемы разработки, — будут для нас чрезвычайно полезны. Но вот тут-то, как-раз, корень зла и заключается: бытие В. А. определило в дальнейшем его сознание, — изучение им

с этой целью буржуазных экономистов сделало то, что он подпал под некоторое их влияние и пришел в самом начале к выводу, который сразу же необходимо критически оценить и взвесить. Он говорит: „Форма эволюторной кривой, возможные темпы общего развития и закономерности в смене этих темпов,— вопросы, которые прежде всего приходится решать, приступая к перспективному планированию". Вот, товарищи, отсюда и „все качества", отсюда и споры о том, будет ли кривая развития носить эс-образный характер или какой-либо иной. Но отсюда и пути проектировки отраслей и отдельных проблем народнохозяйственного целого. Вначале проектировка формы эволюторной кривой, а затем, в последующем,— конкретизация.

Но как вы будете проектировать эту кривую? На основе, очевидно, какого-то опыта. Какого опыта? Совершенно ясно, что над вами будет тяготеть тот самый опыт, который очаровал и рязанского товарища. Совершенно ясно, что здесь прошлое будет тяготеть над вашими проектировками, будет на вас давить. И вот эта сторона дела, этот первоначальный дефект в самом подходе, он будет сказываться на всей последующей работе.

Но у В. А. этот первородный грех как будто находит все же, под влиянием плановой практики и воздействия коллектива, в котором он работает, значительное преодоление. В частности, в этом споре о примате телеологического принципа в проектировках или генетического, В. А. сумел занять наиболее верную позицию, и в своей статье в № 2 „План. Хозя." за 1928 г., в работе, которую он вел отчасти несколько позже, отчасти параллельно с нашими методологическими проработками по генеральному плану,— он пишет: „Всякий перспективный план народного хозяйства, будет ли это генеральный план, пятилетка или контрольные цифры, должен представлять собой синтез директивы и прогноза, т.-е. должен иметь определенную целевую установку и генетическое научное обоснование ее осуществимости. Часто возникающие среди плановых работников прения о том, какому из этих двух элементов должно быть отдано преимущество, по нашему мнению, являются сплошным недоразумением, вытекающим из неправильной постановки вопроса. Телеология и генетика — не конкурирующие между собой антагонисты, а диалектически связанные друг с другом моменты единого органического целого". Если согласиться с В. А. и если так подойти к делу, то тогда следует сказать, что эти самые кривые развития придется принимать с большой осторожностью. Вернее, принимать их совсем не придется, а придется лишь пользоваться ими, сопоставляя с ними наши проектировки. И во всяком случае придется отрешиться от приведенных основных установок, которые дал В. А. (сначала форма эволюторной кривой, а затем уже, исходя из нее, детализация разработки плана). Форма эволюторных кривых, темпы развития,— все это вопросы, которые получат разрешение лишь в результате глубочайшей

и всесторонней проработки проблем генерального плана и выявления возможностей всесторонней реконструкции как технико-и организационно-производственной, так и социальной, т.-е. лишь к моменту „окончательной" верстки плана. Затем они будут пересматриваться по мере его уточнения. Мы не говорим уже здесь о „закономерностях". Каких закономерностях? Закономерности нового общества глубоко отличные от старого, могут быть познаваемы в лучшем случае лишь по мере развертывания того строя, над созданием которого мы работаем, и меньше всего они могут быть определены в самом начале работы.

Переходя к другим литературным документам, я хочу отметить работу тов. Шарова „Цель в плане и задачи нашего хозяйства", которая является протестом другого товарища из Рязани против того увлечения этими самыми кривыми развития, господствовавшими почти безраздельно в течение ряда лет. Тов. Шаров в июльском номере „План. Хоз." за 1926 г., совершенно правильно указал на организующую роль государства и подчеркнул, считая себя и сторонников его концепции телеологическими максималистами, что „телеологический максимализм смотрит на советскую государственность, как на власть, которая имеет право, долг и возможность рассматривать себя и действовать в качестве действительного организатора народного хозяйства, а не в качестве одной из равноправных сил, борющихся за руководство этим хозяйством и балансирующих на волнах стихии".

Однако, все на свете развивается диалектически, и тов. Шаров не составил в этом отношении исключения. Борясь против фаталистической безыдейности и пассивности проектировок, завязших в „кривых развития", он впал в противоположную крайность, недооценивая значения об'ективных факторов в планировании. Наиболее ярким выражением этого увлечения может служить следующий абзац из названной его статьи: „С точки зрения целевой установки план является не исследованием и не предсказанием, а подготовкой и наметкой решения. Само составление плана представляется, таким образом, работой не научно-исследовательской, а административной". В этом отношении его более ранняя работа „К вопросу о губернских хозяйственных планах" (№ 1 „План. Хоз." за 1925 г.), в которой он уделяет много внимания и генеральному плану, является гораздо более свободной от чрезмерных увлечений всемогуществом „администратора-распорядителя".

Я, товарищи, не имею возможности останавливаться здесь на целом ряде других работ, имеющих отношение к генеральному плану, не буду этого делать по разным причинам. Интереснейшие работы Г. М. Кржижановского, напечатанные, главным образом, в „Плановом Хозяйстве", в большинстве случаев касаются регулятивных идей принципов экономической политики, основных принципов генерального плана, основных идей реконструкции и т. д. Словом, выходят уже за рамки методологических проблем в собственном смысле слова и

относятся к вопросам, которые так или иначе должны рассматриваться уже в самом плане. Особое, руководящее место занимают две его программные работы, напечатанные в № 7 „План. Хоз." за 1925 г. и давшие первоначальный толчок работам по генеральному плану.

Работы П. С. Осадчего, напечатанные в „План. Хоз.", и статьи, печатавшиеся прошлым летом в „Правде", целиком посвящены проблемам реконструкции технико-экономической. Затем имеется статья на методологические темы В. Р. Чернышева в „План. Хоз."; некоторые методологические замечания можно найти в статье С. Г. Струмилина в № 3 „План. Хоз." за 1927 г. Я не имею здесь возможности на них останавливаться. Я не буду детально останавливаться также и на двух последних интересных работах — на работе В. А. Базарова в февральском номере „План. Хоз." — „Принципы построения перспективного плана", как и на его работе „Использование бюджетных данных для построения структуры городского спроса", о которой можно было бы говорить;—не буду останавливаться и на интересной брошюре тов. Вайсберга „Принципы и пр.", потому что и эта работа посвящена, в первую очередь, политическим установкам, принципам экономической политики, регулятивным принципам. Лишь в конце тут затронуты некоторые методологические вопросы, такие, как скажем, вопрос о балансовых прикидках, о вариантах в плане, сроках проектировок, о погодной разбивке. Остановлюсь лишь еще на двух работах, которые не напечатаны, но коснуться которых я испросил разрешение у их авторов. Это, во-первых, работа проф. Никитского, доложенная в Комиссии генерального плана: „О методах и результатах построения перспективного и генерального планов". Она интересна потому, что представляет собой крайнее выражение вот этого, если употреблять установившуюся терминологию, генетического течения. Проф. Никитский неоднократно применял свой метод и в печатных работах. По его предсказаниям бюджета, например, можно судить о том, к чему этот метод сводится. Это есть логическое развитие метода кривых. Идя этим методом, он определяет сначала на основе закономерностей прошлого и корреляции явлений в прошлом суммарные величины, затем разлагает и детализирует их. Опираясь на вековые линии развития, он эмпирическим путем, руководствуясь чисто внешними признаками, проектирует развитие таких надстроечного порядка явлений, как, например, бюджет нашего Союза и утверждает, что с величайшей точностью может предсказать этот бюджет на ряд лет вперед. Формулировки его настолько характерны, что я прямо зачитаю некоторые из них:[1] „Определение сначала результативных величин (на основе вековых линий развития. Н. К.). увязка их между собою и последующее разложение их на те частные слагаемые, из которых они состоят — метод, пропагандируемый

[1] Доклад проф. А. А. Никитского „О методах и результатах построения перспективного и генерального планов"; тезисы 4 и 5.

мною". И дальше: „Осторожное пользование субъективными элементами планирования, т.-е. идеями реконструкции хозяйства, возможности воздействия на экономику политикой, достижения в определенные сроки определенных целей и т. п., словом, большее ударение на момент научного предвидения, чем возможных результатов преобразований". Вот логически развернутая концепция проектировки плана на основании закономерностей прошлого.

Прямыми антиподами проф. Никитского являются цитированные мною выше тов. Шаров и тов. Астерман, работа которого также не опубликована. Как я уже упоминал, я имею разрешение от автора также коснуться и ее. За недостатком времени постараюсь это сделать в двух словах. Работа эта чрезвычайно интересная. Я должен прямо сказать, что если бы я ознакомился с ней не пять дней тому назад, а полгода тому назад (она написана в марте 1927 г.), то наша критическая работа по генеральному плану была бы в значительной степени облегчена. Что же касается положительных построений, то мы пошли значительно дальше.

Это имеет место как в отношении разработки программы генерального плана, так и в отношении разработки общей методологии его, методики, проработки отдельных частей плана и сводки его в единое экономическое целое. Так вот, в этой работе тов. Астермана мы имеем прямой антипод методологическим установкам проф. Никитского. Тов. Астерман также полагает необходимым взять вначале для проектирования основные установки, но какие: не результативные величины, запроектированные на основании изучения закономерностей прошлого и кривых развития, как это делает проф. Никитский, а их прямую противоположность: во-первых, коренную техническую реконструкцию; во-вторых, „к о р е н н у ю (подчеркнуто Астерманом) перестройку (хозяйства СССР)... в социально-экономическом отношении". Социально-экономическая реконструкция, которую проектирует автор цитируемой работы, „предполагает полную и коренную перестройку взаимоотношений агентов хозяйственного процесса в сторону подавления индивидуального хозяйства обобществленным". К 1941 г. (конечный срок старых проектировок генплана) „все народное хозяйство представляется обобществленным". Это относится ко всем видам промышленности, всему транспорту, обращению и всему сельскому хозяйству. „Частное хозяйство в нуле".

Полученное, таким образом, построение ретроспективно направляется к минимуму, т.-е. к исходному году, как выражается тов. Астерман, т.-е., говоря проще, разверстывается во времени. Какой год при этом является „исходным" — строго говоря решить трудно.

Таким образом, перед нами две крайне противоположных концепции, два крайне противоположных метода, которые, однако, благодаря этой крайней противоположности, обнаруживают черты сходства: там — определение сначала на основе закономерностей прошлого „результативных величин" и „последующее разложение их на частные сла-

гаемые" с призывом к осторожности в пользовании идеями реконструкции и целевыми установками, здесь — дедуктивное построение цели, если так можно выразиться, стопроцентного (и, по сути дела, в такой стопроцентности лишь абстрактно мыслимого) социализма (действительность дает экономические формы всегда осложненными) при чем построение его к произвольно взятому сроку, и затем—ретроспективная разверстка заданий во времени.

Обе методологические концепции, кроме всего прочего, страдают крайней упрощенностью. Таких планов по методу, предлагаемому т. Астерманом, можно построить n-ое количество, и все они будут одинаково обоснованы или необоснованы.

По методу проф. Никитского может быть построен, строго говоря, только один план, который и представляет собою вариант экономического развития, от века предрешенный закономерностями прошлого.

Само собою разумеется, что ни та, ни другая методологическая установка не может быть нами принята. Мы в своей работе противопоставляем этим приемам метод изыскания и построения возможного оптимума развития, определяемого[1] на основе познания потенциальных производительных сил и производственных возможностей, имеющихся в нашем распоряжении в данное время, изучения достижений современной техники и закономерностей развития за прошлый период и прочих условий проектирования и соподчинения всех этих моментов тем целевым установкам, которые мы ставим перед собой.

Эту методологию генерального плана, плана реконструкции, мы и предлагаем вашему вниманию.

---

[1] Или, если хотите, конструируемого, чтобы кто-либо не понял это как пассивное искание вне нас лежащего оптимума, который только надлежит найти.

Прения по докладу

Речь П. П. Маслова

Я не принадлежу к касте плановиков и не варился в плановом бульоне, так что значительно, вероятно, отстал от тех достижений, которые сделаны плановиками. Для меня даже многое непонятно. Наприм., мне совершенно непонятно, что такое воспроизводство рабочей силы, как задача планового хозяйства. Я знаком с понятием простого воспроизводства, расширенного воспроизводства, но к этому воспроизводство рабсилы никакого отношения не имеет. Что такое воспроизводство рабсилы? Это удовлетворение личных и общественных потребностей населения, т.-е. потребление продуктов его производства, это цель нар.-хоз. деятельности. А расширенное воспроизводство — это средство для достижения этой цели. В дальнейшем я выясню, почему происходит такое смешение. Мне кажется, что в планировании до сих пор существовало два метода — один метод статистический, о котором вы все знаете, типичным представителем которого является пятилетка. Этот метод удобен тем, что темп развития хозяйства можно как угодно ускорить — нужно поставить определенный темп роста, дать согласованный темп роста различных отраслей промышленности, чтобы получился баланс, и сбалансировать это. Если найдут этот темп слишком медленным, то можно ускорить его. Неудобно это с той стороны, что жизнь идет не в канцелярии и удваивать темпы развития не легко. Существует еще другой метод планирования, который я называю методом хозяйственным. Этот метод говорит конкретнее — он исходит из конкретной действительности и в частном хозяйстве его применение рационально и необходимо.

Этот метод и рекомендуется сегодня докладчиком, конечно, в известной комбинации со статистическим методом. Чем он удобен? Для частного хозяйства он не заменим, потому что в каждой отрасли хозяйства можно планировать наиболее желательный темп развития этой отрасли хозяйства, исходя из того, что если процессы накопления капитала в этом предприятии или в этой отрасли хозяйства недостаточны для того, чтобы достигнуть данного темпа развития, то можно взять капиталы из других отраслей промышленности и этот темп получить. Таким образом, частнохозяйственный метод применим к каждой отдельной отрасли промышленности, предполагая,

что развитие этой отрасли промышленности находится вне зависимости от развития всего народного хозяйства. Мы можем планировать развитие какой-нибудь промышленности в 2—3 раза, сделавши известные вложения, которые взяты из других отраслей хозяйства. Таким образом, этот метод реалистичен в том смысле, что он, опираясь на определенные достижения техники, на достижения опыта, сможет действительно осуществить тот или другой темп развития отдельной отрасли хозяйства или отдельного предприятия, базируясь на из'ятиях из других отраслей промышленности. Но по отношению ко всему народному хозяйству этот метод тоже никуда не годится, хотя он наиболее доступен, наиболее понятен, потому что каждый хозяйствующий суб'ект руководствуется этим методом.

Как же подойти к планированию с народнохозяйственной точки зрения? Я не плановик и не намерен вам излагать свой особый метод планирования, но думаю, что все-таки в общих чертах я могу указать, по крайней мере, на те недостатки, которые вытекают из планирования, которое применяется, исходя из другого метода.

Буржуазная экономика не дает, по моему, никакого материала для построения перспективного плана, но его дают, по моему мнению, работы К. Маркса, а именно его главы о простом и расширенном воспроизводстве. Если вы посмотрите из чего исходит простое и расширенное воспроизводство, то вы придете к тому, что расширенное воспроизводство базируется на накоплении, что без учета накопления вообще невозможно никакое планирование. Какое накопление? Есть производственное накопление, есть непроизводственное накопление, на каком накоплении возможно расширенное воспроизводство? На производственном накоплении. Какое значение имеет непроизводственное накопление? Отрицательное, противоположное. Если у нас больше непроизводственное накопление, значит меньше производственное накопление, и обратно. Значит в основном, прежде чем что бы то ни было планировать, приходится исходить из таких самых общих положений о производственном и непроизводственном накоплении. Но производственное и непроизводственное накопление в свою очередь связано с производством и потреблением.

Вот эти проблемы ставятся при построении перспективного плана? Я не заметил их. Экономического цемента, которым сцепляется весь тот громадный материал, из которого предполагается построить здание генплана, этого цемента я не вижу. Докладчик, так же, как и другие плановики, говорит: „вот на этом месте мы свалим кирпич, а на этом месте свалим лес, а здесь железо"—и доходит до деталей: „а вот здесь ручка от дверей, а здесь стекла и т. д.". Вся картина, как будто, хороша, только одного недостает — цемента, который мог бы спаять это в цельное здание. Какой материал для этого нужен? Все знают, что нужен лес, железо, стекло и т. д., но как строить, где тот цемент, посредством которого можно весь сырой материал превратить в здание, об этом не говорят. В самом

деле, где же тут проблема накопления, а где же проблема производственного и непроизводственного потребления, в каком отношении находится это производственное и непроизводственное потребление к проектируемому зданию? Задача накопления — это необходимое условие для развития хозяйства и темп этого накопления определяет темп развития. Недостаточно одного пожелания реконструировать хозяйство на основе самых новейших достижений техники. Почему мы в течение 10 лет не сможем получить западно-европейских достижений техники? Потому что у нас нет средств. Значит, достижения техники определяются исключительно только темпом накопления. Мне часто приходилось слышать: позвольте, вот имеется такое-то изобретение, применение этого изобретения и позволит нам произвести реконструкцию. Может быть, это и прекрасное изобретение, но если производственного накопления не будет, то и изобретение приложено не будет. Так что проблема накопления должна быть учтена в первую очередь.

Но накопленный капитал может потребляться в течение одного года, в течение двух лет, трех, пяти, двадцати. Ясно, что если сумма накопленного капитала (положим, 100 млн. рублей) является в виде капитала, который затрачивается и потребляется в следующий год, то это будет одно дело — это будет означать, что в следующий год расширенное воспроизводство достигнет, положим, 10%, но в последующие за тем года расширенного воспроизводства не будет. Если накоплен такой же капитал, но этот накопленный капитал в виде, положим, машин, служит 10 лет, такая форма накопления обеспечит расширенное воспроизводство в течение этих 10 лет. Таким образом, срок, в течение которого накопленный капитал реализуется, определяет темп накопления на все последующее время и, значит, если вы большую долю накопленного капитала затратите на короткий период, вы будете иметь расширенное воспроизводство, главным образом, предметов личного потребления. В этот период личное потребление может повыситься, но расширенное воспроизводство в следующие годы сократится и личное потребление тоже сократится. Обратно—если вы производите многолетние затраты капитала, то относительно личное потребление у вас сократится в ближайшие годы, но это обеспечит вам линию развития в дальнейшем. Значит учет, не только простой учет накопления, но и характера накопления, характера вложений, является необходимым условием для того, чтобы мы могли себе представить действительную картину дальнейшего развития.

Теперь пойдем дальше. Как можно распределять производительные силы, распределять накопленное? Я говорю, что и здесь мы должны поучиться у Маркса. Он начинает с простого воспроизводства. При простом воспроизводстве какое существует распределение производительных сил, т.-е. какой потребуется национальный доход при простом воспроизводстве? Возьмем схему Маркса. Поло-

жим, 20% необходимо на потребление рабочих, 20% на „*c*“ (малое), 20% на „*C*“ (большое). Вот распределение производимых средств или производимых ценностей между различными категориями народнохозяйственного потребления. Это, я бы сказал, распределение, необходимое для простого воспроизводства. Значит, эту сумму мы должны вычесть из национального дохода, как необходимую для простого воспроизводства. Остальная сумма должна быть затрачена на расширенное воспроизводство, с одной стороны, и на удовлетворение общественных потребностей. Какое тут должно быть соотношение? Ведь опять-таки этот остаток можно реализовать в виде оборотных средств, т.-е. они могут быть истрачены в один год, в два, в три, в пять лет, часть потребляется в определенном проценте. Что же может явиться критерием распределения этого накопляющегося капитала между этими долями по срокам потребления? Критерием может быть распределение капитала при простом воспроизводстве. Но так как расширенное воспроизводство и технический прогресс требуют относительно большей доли длительного потребления, т.-е., говоря проще, орудий производства, то этот остаток должен уже распределяться не так, как при простом воспроизводстве, а с уклоном в сторону более длительных затрат.

Я бегло наметил только схему, это требует проработки. Как правильно здесь указывалось, это надо проверить на западно-европейских данных распределения капитала по указанным мною категориям, и исходя из того сырого материала, который можно собрать и по районам и в промышленности и т. д., уже сгруппировать по намеченной выше схеме. Может быть, это покажется ересью, но, мне кажется, без такого чисто экономического анализа, без теоретического подхода, всякое планирование будет рядом благих пожеланий, которые в жизни едва ли осуществятся.

Речь В. А. Базарова

Докладчик довольно много времени посвятил критике высказанных мною взглядов по поводу методологии перспективного планирования. Но прежде чем перейти к этим вопросам, я хочу сказать несколько слов по поводу сказанного здесь П. П. Масловым. П. П. говорит, что немного отстал от перспективного планирования. Я думаю, что беда эта небольшая, так как достижения у нас очень скромные, но факт остается фактом. Если бы П. П. взглянул на наши работы, то для него бы стало ясным, что проблема накопления, например, не только не игнорируется нами, но всегда является центром перспективного плана. Вопрос о том, какой получается фонд потребления и какое в этом направлении необходимо расширение воспроизводства, мы считаем, конечно, обязательным, если хотим проектировать будущее, так же как и вопрос о развитии производства средств производства. И это не только у нас было рассчитано, но это было зафиксировано в директивах XV с'езда.

Однако, вопрос этим не исчерпывается. Дело в том, что не каждый рубль, затраченный на расширение производства, скажем, средств потребления, дает одинаковый результат; результат получается в зависимости от того, как этот рубль затрачен. Тут дело не в средствах только. Иногда бывает так, что мы берем точный расчет: и накопление у нас рассчитано, и строим фабрику по известной схеме, по последнему слову науки, рассчитываем на ряд лет, а результат получается совсем не тот, который мы рассчитали. Оказывается, что наш просчет зависит от недостатка в стране квалифицированной рабочей силы. У нас нет достаточно квалифицированной рабочей силы для ряда новых производств, часто просто нет рабочих, которые умели бы работать на новейших машинах с применением новейших методов. Простая рабочая сила воспроизводится в достаточных размерах в порядке физиологическом, а вот квалифицированных рабочих мы воспроизводим недостаточно. В результате на деле получается часто не то, что мы запроектировали.

Отсюда вытекает та постановка вопроса, которая была у меня, а именно: когда мы говорим „телеология“, это не значит, что можно приказать осуществить что угодно. Так что положение здесь значительно сложнее, чем представляет себе П. П. Размер накопления определяется реконструктивным процессом, наличием кадров рабочей силы и перспективами возможного ее рационального использования; есть ряд других моментов, на которые раньше мы не обра-

щали внимания, но которые дают себя очень остро чувствовать. Вот вам пример: делаются новые вложения, но оказывается, что и простым расширением можно достигнуть огромного эффекта в смысле производительности при ничтожных вложениях При установке новых производств получается гораздо более длительный период „детских болезней", чем можно было ожидать. В связи с этим период нормального действия предприятий оттягивается. Но на ряду с тем, что исторически накопился ряд факторов, которые мы не в состоянии рассчитать надлежащим образом при использовании накопления, на ряду с этим у нас имеется еще огромная свобода действий там, где мы имеем дело с организованным уже ранее производством. Тут наши возможности еще очень незначительны; при чем, конечно, всякое распределение вложений должно соответствующим образом балансироваться. Если не будет надлежащей пропорции, то вступает в силу свирепый закон минимума: многое оказывается лишним, ненужным, не может быть осуществлено и реализовано.

О принципах экономической политики я говорить не буду. Целевая установка у нас есть, — она фиксирована в директивах с'езда и в инструкции Госплана. И у меня она имеется.

Меня интересует другой вопрос: как можно было бы точно обосновать возможные темпы развития. Это можно сделать только путем вскрытия натурального материального процесса производства. То-есть мы должны показать, что не просто имеется какой-нибудь завод и получается такая-то продукция. Если мне говорят, что будет там-то построен металлический завод, темп будет такой-то, при этом коэфициент в Западной Европе такой-то, а у нас он принимается с известной скидкой, тогда я действительно могу знать, какая продукция получится.

Теперь я перехожу к вопросу о моих прежних работах. Действительно, в первой брошюре недопустимо было ориентироваться на аграрную эволюцию. Там сказано, что промышленность почти нельзя планировать, не учитывая тенденции развития сельского хозяйства, что мы можем только несколько стимулировать нашу политику и на этой базе строить переходный период. Нехорошо получилось. Но это было в 1923 г. А в 1920 г. была дана такая директива одним марксистом: „Вот так постройте план: предположите, что будет 100 млн. пуд. хлеба для экспорта, и на этом постройте план развития промышленности". Эта директива дана была Лениным.

Был такой момент, когда мы зависели от хлебного базиса. Позже, в 1923 г., структура нашего хозяйства была уже не такой острой. Но здесь было что? Во-первых, в настоящее время имеется целая масса приводов, которых в то время не существовало, а во-вторых, тогда имелись такие перспективы, что мы собственно новое строительство развертывать и вообще не можем. У нас было накопление, мы производительно его затрачивали. Но оно было у нас

в таких размерах, что мы расширять производство, которое существовало, скажем, в промышленности в 1920/21 г. и которое составляло лишь 17% от довоенного (загрузка равнялась 17% нормы) не могли. И вот все наше накопление шло на то, чтобы увеличить количество сырья, стимулировать так производство, чтобы создавать у себя сырье, отчасти выписывать его из-за границы и т. д. Это мы и называем восстановительным процессом. Тут творчество, телеология были чрезвычайно ограничены. Тут приходилось разбираться в том, что же раньше развивать: текстиль или металлургию. Мы должны были учитывать, что целый ряд новых районов будет на новой энергетической базе давать иную продукцию, мы должны были рассчитывать, какие предприятия наиболее рационально развивать. Но такого выбора как теперь у нас в то время не было. Мы не могли отпускать массу средств на металлургию, так как тогда получалась бы острота в других отраслях. Были такие фабрики, оборудование которых не соответствовало своему назначению и степень загруженности которых определялась расчетным балансом. Было накопление, но его нужно было распределять по отдельным отраслям, соответственно потребности, которая была наиболее острой в данный момент. Так что телеологическая установка здесь тоже была, но она определялась условиями момента.

Основной вопрос нашего перспективного планирования — это вопрос о том, каким темпом мы будем двигаться. И тут я перехожу к вопросу о кривых. Когда говорят о кривых развития, то у многих такое убеждение, что „кривая" вывезет, а я думаю, что „кривая" не вывезет. Когда мы имеем перед собой временные экономические ряды, то тут нельзя делать экстраполяции из прошлого. Здесь нельзя никогда продолжать кривую по какой-нибудь формуле, просто исходя из прошлого. Я исходил не из прошлого, не из эмпирических соображений, а из теоретических. Теория здесь заключается в том, что наши материальные возможности предначертаны. Материальные возможности в смысле форм, которые промышленность может развивать, материальные возможности в смысле средств, которые мы можем каждый год бросать, — тоже предначертаны. Но вот оказывается, что темпы были различными в разные годы. Казалось бы, что мы могли после военного коммунизма, в начале нэпа взять очень большие темпы, а потом они должны были бы снижаться. Но получилось так, что в начале эти темпы были 30%, а потом 60% и больше. Почему это так? На основании знания того, что было сделано, я говорю, что это был не просто восстановительный процесс. Если бы это был просто восстановительный процесс, то в первые месяцы был бы огромный скачок, а потом рост был бы меньше. А тут была эволюция, которая состояла в том, что организовать производство было не так просто, а когда эти трудности были преодолены, то рост пошел быстрее. Когда я сопоставил эти кривые с данными нашей Промсекции, то они подтвер-

дили, что 1924 год был годом настоящей реорганизации. Это результат чисто экономического анализа действительности.

Я должен сказать, что действительно бывают случаи, когда люди проектируют на основании того, что было раньше. Я давал теорию, т.-е. анализ экономической обстановки. Всякая кривая может иметь разный смысл, и потом можно и без всякой кривой сделать проектировку в будущее, — именно, на основании прошлого или без всякого основания. В начале удвоение народного дохода было просто запроектировано, как такая точка в будущем, до которой мы хотим довести народное хозяйство. Это мы знаем. Но потом что произошло? Потом все наши районы, исходя из этого удвоения, стали делить все наше хозяйство на пятилетки. Но почему именно через 15 лет будет это удвоение? Нужно было доказать это теоретически или можно было это вывести генетически, что некоторые госплановцы и делали. Но когда практически это оказалось фиксированным к 1941 г., то это вышло гораздо менее осторожно, чем я предлагал.

Вы говорите, что уверены, что будущие проектировки генплана окажутся минимальными и будут превзойдены. Добиваться того, чтобы была точная проектировка, это можно тогда, когда вы из года в год будете исходить из учета тех вложений, которые будут сделаны; но это крайне трудно и эта методология была бы неправильной. Конечно, нужно дать общую установку, а потом разбирать по годам. Но все-таки, когда вы даете такую установку и думаете, что она будет превзойдена, то важно знать, насколько она будет превзойдена. Может быть нам придется не только планету Землю включить в план, но и Марс и Венеру, может быть, перспективы наши совершенно необ'ятны. Но когда строятся планы ВСНХ, то проектный способ овладения миром не принимается. Генеральная проектировка была в свое время проделана на удвоение. Последний вариант пятилетки, представленный ВСНХ, дает за пятилетие планомерно по 18% прироста годовой продукции. Когда они это докладывали, то мы спросили: вытекает ли это из специфических условий данного периода, и пусть они покажут, что здесь делается. Но этой конкретизации нет. Что это будет достигнуто благодаря техническому прогрессу — здесь этого тоже нет. Писали в печати и говорили здесь, что у нас никакой затухающей нет и 18—20% — это нормальный рост советского хозяйства. Вот какая психология получается: рост за пятилетие в 2,4 раза. Проведите дальше этот темп и у вас получится через 15 лет рост производства в 30 раз, а через 30 лет в 160 раз. Корректировать можно тогда, когда вы точный расчет производительных сил производите в натуре; но и некоторые предварительные грубые соображения о форме кривой могут дать предварительные ориентировочные данные о том, правдоподобна или нет такая вещь.

Когда я разбираю последние два года, то я должен сказать следующее: почему возникает вот этот оптимизм? Вы здесь говорили,

что в 1926/27 г. восстановительный период исчерпывается. Но вот 1927/28 г. дал еще больший рост. Конечно, тут обстоятельства кон'юнктурные, но дело в том, что этот тип роста продукции без новых сооружений, путем большей нагрузки старых сооружений, не прекратился. При капитализме никогда не может быть технически предельной нагрузки. Всегда экономический предел загрузки при капитализме меньше технически возможного. А у нас в наших специальных условиях это имеет место. Мы можем сделать чрезвычайный скачок в использовании производительных сил. Мне представляется, что этот двадцатипроцентный коэфициент роста при заведомо довольно плохих достижениях в области нового строительства получился потому, что сверхвосстановительная нагрузка тех же самых предприятий имела у нас место, и мы еще можем процентов 30 на это дать. Но это ничто по сравнению с 240%, на которые ВСНХ хочет за это пятилетие увеличить продукцию. Совершенно ясно, что один этот момент сам по себе не обеспечит такого результата; может быть есть какие-нибудь новые методы и способы, которые могут это обеспечить, — пока мы к этому не готовы, а этот самотечный коэфициент загрузки все-таки кончается. Такие соображения заставляют меня думать, что здесь в ближайшее время предстоит некоторое затухание, которое потом в случае, если мы сумеем овладеть реконструкцией, к концу процесса ее облегчит. К моменту завершения этого радикального преобразования старой техники будет опять некоторое затухание. Это не есть какие-то законы или неприложные формы, это есть суррогаты, помогающие нам ориентироваться.

Мы уже два года добиваемся, чтобы нам хотя бы ЦОС в своих отчетах дал отдельно: какие результаты получаются на предприятиях, на которые почти ничего не затрачено, какие на тех, на которые больше затрачено, какие на тех, которые почти совсем переоборудованы, наконец, какие на новых предприятиях. Тогда бы мы знали примерную эффективность наших вложений и могли бы посмотреть, на основании этих данных, в какой степени затухание нам грозит, и что тут было за счет сверхвосстановительной загрузки, а что за счет новых вложений. При отсутствии таких данных даже общие соображения полезны для того, чтобы в этих проектировках можно было ориентироваться. Для того, чтобы критически отнестись к таким вещам, полезно иметь в виде маленькой предварительной прикидки общие соображения относительно полноты овладения всем народным хозяйством.

Генезис в построении кривой никакой роли у меня не играл. Что можно организованно и правильно развивать обобществление хозяйства, да я этого не отрицаю. Какие здесь возможны методы? У меня была книжка, где я говорю, что вместо того чтобы была установка на вольный рынок, нужно добиться, чтобы крестьянин работал на обобществленное хозяйство, как на заказчика, который

дает ему сырье и берет продукт. Я об этом писал еще в 1922 г. Я тогда говорил о принципах перспективного планирования, имея в виду возможность наметить в ближайшие годы определенные мероприятия. Вы помните, как тогда шла проектировка? — К нам приходили представители ведомств и говорили, что намечен такой-то процент роста на год; а через месяц все это менялось. Нужно было сначала установить какие-то основы для того, чтобы проектировать даже на небольшой срок вперед. Это не был генеральный план, а это было желание немного ориентироваться, найти кое-какие твердые опорные пункты в текущей перспективной планировке, которая охватывала очень небольшой период. Совершенно естественно, что чем больше мы овладевали производством, тем больше становилось телеологии.

Но я думаю, что мы преувеличиваем силу нашей телеологии. Возьмем такой факт, как кредитование бедноты. На волость отпущены определенные кредиты на обсеменение. На каждого бедняка приходится 10—15 рублей. И вот происходит следующее: в сельсовет вызывают зажиточного крестьянина, приписывают к нему 10 бедняков, дают ему 150 рублей и говорят: ты за эти деньги должен обсеменить их поля — вот какие курьезы получаются из хороших планов. Так что и теперь мы далеко еще не овладели частным сектором, несмотря на все контрактации. И потом, контрактации значительны только в свекле и в хлопке. Тракторы, конечно, очень стимулирующий момент. Но пока этих опытов мы имеем мало.

Речь А. Л. Вайнштейна

У меня, собственно говоря, немного замечаний по докладу, потому что в значительной степени я согласен с теми положениями, которые докладчик выставил в своей печатной работе. Свои соображения я начну с заключительной части доклада. Докладчик сказал, что всякий план, который нами будет построен, генеральный план, разумеется, за 15 лет, будет планом минимальным. Мне кажется, что если генплан составлен с реальным учетом всех ресурсов и перспектив, известных в момент его составления, то нужно под этим тезисом всецело подписаться по тем соображениям, которые докладчик указал сам. В самом деле, если мы возьмем первый попавшийся пример, то увидим, какие могут произойти изменения в нашем плане, если какие-нибудь крупные усовершенствования, которых мы сейчас не знаем, будут иметь место в жизни. В этом, мне кажется, имеется существенное различие между планом, составленным на короткий срок (годичным и даже пятилетним), и планом развития длительного порядка. Например, если бы мы 15 лет тому назад стали бы проектировать в Германии развитие сельского хозяйства, то мы должны были бы базироваться, допустим, в отношении азотистых удобрений, необходимых для поднятия сельского хозяйства Германии, на ввозе их. Между тем, через 2—3 года после начала этого пятнадцатилетия мы имеем новое открытие, которое дает нам азотистое удобрение, полученное фабричным путем, открытие, которое изменяет, в конце концов, радикально темп под'ема сельского хозяйства, давая Германии свой новый и дешевый источник азотистых удобрений, необходимых ей в качестве дополнительного фактора к тем минеральным удобрениям, фосфорным и калийным, которые она имела ранее внутри страны. Можно привести другой пример. Как известно, Германия стремится получать внутри страны жидкое горючее и пытается разрешить эту проблему получением жидкого топлива из каменного угля. Эта проблема уже ею разрешена, и если она будет осуществлена заводским способом в массовом масштабе, то тракторизация Германии, которая в настоящее время в силу отсутствия у нее собственного нефтетоплива проводится не очень сильно, пойдет несравненно более быстрым темпом. Это обстоятельство, так же как и в Америке, приведет к сокращению лошадей и вытеснению в посевной площади овсяного клина, что приведет к усилению производства продовольственных культур и улучшению хлебного баланса Германии. Возможно, что Гер-

мания сможет обходиться совсем без ввоза хлеба, что может иметь значение и для развития народного хозяйства СССР.

Мы находимся в таком периоде, когда в течение ближайших 10 лет могут произойти грандиозные научные открытия, которые приведут к новым крупным техническим изобретениям, а может быть и к новой революции в технике промышленности. Если вы проследите историю крупных технических изобретений, то вы увидете, что научные открытия так же, как и изобретения, рождаются пачками.

В Кон'юнктурном институте НКФ была проведена работа по изучению динамики научных открытий, начиная с конца XVIII столетия, пока по физике, которая показывает, что открытия действительно идут пачками, определенными циклами. В настоящее время мы находимся также в полосе такого под'ема цикла открытий, а следовательно, и изобретений, которые дадут большой под'ем промышленности. Может быть, не все технические открытия и изобретения послужат к росту нашего хозяйства, ибо некоторые из них могут усилить мощь конкурирующих с нами капиталистических стран, однако, в общем результате мы должны предвидеть, что, в действительности, под'ем будет больше по сравнению с тем развитием, которое проектируется сейчас. Поэтому я присоединяюсь к тому положению докладчика, что действительно, как бы мы не строили план для пятнадцатилетнего периода, он всегда будет минимальным при отсутствии исключительных событий, потому, что невозможно предусмотреть, каковы будут технические усовершенствования, которые еще можно будет использовать в массовом масштабе в течение 10—15 лет.

Такой общий темп роста для нас, как, напр., удвоение глобального национального дохода в течение, примерно, 15 лет, вообще говоря, не может считаться невозможным, ибо мы знаем в капиталистических странах такие годы, когда национальный доход увеличивался на 6—7%. Если предположить, что за 15 лет мы будем иметь бескризисное развитие народного хозяйства, то эти 6% дадут удвоение (по сложным процентам). Поэтому в качестве такой ориентировки можно было бы принять (здесь, по крайней мере, нет ничего не реального) удвоение национального дохода за 15 лет. Но я бы, может быть, все-таки поостерегся давать оценку срока, в течение которого должно быть удвоение, потому что, может быть, удвоение будет за меньшее количество лет, а может быть, и за несколько большее, ибо как только дали какое-то количественное задание на определенный срок за 15 лет удвоить национальный доход, то появляется соблазн посмотреть: что же предполагаемая проектировка даст ли 100%, произойдет ли через 15 лет такое удвоение и увязывается ли это с основными заданиями по другим отраслям. Чтобы это проверить, нужно исчислить национальный доход, а для этого нужно знать будущие цифровые элементы всех отраслей народного хозяйства через 15 лет. Поэтому, давая цифровое задание, вы тем

самым неминуемо становитесь на путь статистических подсчетов, на путь обширной статистической программы. Поэтому здесь я хотел бы сделать одно замечание. Оно, как будто, не относится к статье тов. Ковалевского, который пишет: „Статистические подсчеты должны играть в этом плане сугубо служебную, подчиненную запросам политики, экономики и техники роль". Но дальнейший текст и обширность программы требующихся подсчетов, необходимость увязки всего этого,—выдвинут статистическую работу неизбежно на первый план. Тут, собственно говоря, мое расхождение с докладчиком будет заключаться в том, что для генерального плана мы должны вовсе отказаться от статистических подсчетов будущих элементов всего народного хозяйства. Это не значит, что я отвергаю статистические подсчеты для генерального плана. Мы должны произвести сугубо тщательный анализ тех тенденций, которые были в прошлом и намечаются для настоящего времени, и именно должны произвести сугубо тщательный статистический анализ. Я согласен также с тем, что для перспективного плана и для контрольных цифр мы должны иметь статистическую базу, статистический подсчет для всего пятилетия, но для генерального плана, мне кажется, мы не должны стремиться к статистической базе и статистическому балансированию. Докладчик указывает, что мы должны представить себе тип каждого района в будущем, должны отдать себе полный отчет в будущих формах и типах нашего хозяйства и по отраслям, и по районам, и по социальной структуре. В этом и должна заключаться проработка генплана. В плане мы должны конкретизировать те основные установки, которыми мы должны руководствоваться. Например, принцип индустриализации. План должен показывать, с какой постепенностью в смысле районов, в смысле отраслей, каким темпом этот принцип будет распространяться в жизнь, идеальный тип данного района в индустриальной стране, но цифровые наметки для будущего, сколько будет выработано за 15 лет, — этого не требуется.

Мы должны определить, что фактически представляет собой промышленность в отношении каждого района, естественные ресурсы этого района, транспортные условия и потребности страны. Затем мы представляем себе контуры, схему идеального типа этого района. Это мы дожны знать, это будет тот маяк, к которому мы будем стремиться, но когда мы его достигнем — через 12—15 лет или 25 лет, — мне этот вопрос представляется второстепенным. Конечно, мы будем стремиться достичь как можно скорее, но прежде всего должна быть поставлена конкретная (а не цифровая) цель и в этом заключается задача составления генплана: дело не в статистических расчетах, а именно в том, чтобы выявить будущую экономическую физиономию каждого района. Собственно говоря, докладчик вначале так и заявил, но потом он все-таки сполз на эту проторенную статистическую дорогу. Я и боюсь, чтобы построение генплана не вылилось в сводку обширного статистического материала, в ко-

тором с трудом можно будет различить, а может быть, и нельзя будет, основные контуры. Из-за лесов, которые будет окружать постройку, нельзя будет разглядеть самой архитектуры проектируемого здания.

Последнее замечание относится к тому вопросу, который поднял здесь П. П. Маслов. Он указал, что исходным пунктом всякого плана должен быть вопрос о соотношении накопления и потребления. В. А. Базаров уже подчеркнул, что П. П. ломится в открытую дверь, что тезис о превышении роста производительности труда над ростом зарплаты является основным при построении плана и должен отражать соотношение между настоящим потреблением и будущим потреблением или накоплением. Однако, конкретное разделение этих двух частей должно быть дано в плане. В генплане мы должны дать указание, насколько производительность труда должна расти быстрее, чем зарплата, в каком конкретном цифровом выражении и в каких отраслях это отставание будет больше, а в каких меньше. Этого нельзя получить из статистических материалов, это соотношение должно быть дано сверху, в порядке целого ряда соображений и не только экономического порядка. Конечно, можно обсуждать оптимальность того или иного соотношения — это другое дело. Но во всяком случае, это соотношение должно быть дано заранее и должно быть, прежде всего, прощупано по отдельным отраслям народного хозяйства.

В заключение хотел бы указать тов. Ковалевскому на то, что в последнее время начали появляться проектировки на длительный срок и в иностранной литературе, в частности, мне пришлось столкнуться с работой Bowley, который дает исчисление народонаселения Англии на 15 лет, и, конечно, это исчисление имеет нечто общее с экстраполяцией или с работой американских авторов (L. Grau, O. Baker, Marschner and Weiz) о перспективах сельского хозяйства С.-А. С. Ш. Но, конечно, прав В. А., что всякая экстраполяция не есть просто продолжение прошлого, а есть изучение того, что было в прошлом. Экстраполяции, в виде графического продолжения тенденции прошлого, никакой статистик или математик не предложил бы. Однако, значение экстраполяции значительно суживается при проектировке на длительный срок, ибо уменьшается правомерность применения всякой экстраполяции.

Речь В. Г. Громана

Тов. Ковалевский назвал в докладе несколько человек, моей фамилии он не назвал, но намекнул, что он имеет в виду оратора, который говорит о примате генетической точки зрения. Мне пришлось при обсуждении методологии перспективного планирования в Госплане дать эту формулу; я продолжаю на ней стоять. Я полагаю, что если развернуть содержание того, что говорил здесь докладчик, если взять содержание того, что он читал из статьи тов. Базарова, то вы придете к данной мною формуле. Когда вы ищете логическую основу „синтеза генетической и телеологической точек зрения“, то вы должны сказать, что самая формулировка цели вытекает из генетического процесса. Маркс назвал свой социализм научным в отличие от утопического, ибо доказал, что самые силы, которые имеют преобразовать мир в социалистический, эти силы и эти устремления создаются в самом капитализме. Вот в этих пределах я и говорю, что примат всегда принадлежит генетической точке зрения, я и думаю, что я прав. Скачка из царства необходимости в царство свободы мы еще не произвели.

Если нам говорят, что каждый наш генеральный план будет неизбежно планом минимальным, потому что мы не в состоянии учесть ни будущего технического творчества, ни будущего организационного творчества и даже не знаем, что у нас под ногами окажется, когда будут вскрыты наши естественные богатства, то я скажу, что самые знания наши в каждый данный момент о хозяйственной жизни будут расти и тем самым будут увеличивать нашу мощь. Мы просто не знаем степени нашей мощи, определяемой степенью нашего знания. У нас есть формула — учимся на ошибках. Что такое ошибка? Ее происхождение, прежде всего, в незнании. Мы будем делать все меньше и меньше ошибок, так как все больше и больше будем знать. Так что целый ряд факторов за то, что сказал тов. Ковалевский, что мы строим минимальный план. Но ведь есть противоборствующие силы. Нет ничего имеющего только одну сторону. Есть силы, действующие в обратном направлении. Часть тех и других сил он отмел: сознательно отмел военные конфликты, отмел также факторы положительного характера, так как мы не можем учесть момент мировой революции и т. п. Но позвольте, товарищи, у нас есть величайшая стихийная сила — 25 млн. мелких хозяйств, 125 млн. людей, производство которых зависит от погоды. Ведь еще не осуществилось то, о чем говорит тов. Ковалевский в

конце своей статьи в № 4. „Но что произойдет, если оправдаются на широкой практике и получат хозяйственное применение работы американца Вильяма Хэйта по искусственному регулированию погоды при помощи сверхмощных токов электричества (напряжением до 1,5 млн. вольт). Последователи Хэйта утверждают, что 750 специально установленных на территории СССР вышек с затратой на это дело всего лишь 22 млн. рублей достаточно, чтобы регулировать атмосферные осадки в необходимых для сельского хозяйства пределах на территории всего Союза!“[1] Сноска на статью инж. Кажинского, который прибавил, что 22 млн. руб. достаточно, чтобы удвоить или утроить урожай, т.-е. дать на 150 млн. тонн лишнего хлеба, которым можно засыпать весь мир. Но этого еще нет, товарищи! И вот проектировать такие возможности, это значит фантазировать как угодно.

Н. А. Ковалевский. — Кто же так проектирует?

В. Г. Громан. — Вы свою статью этим кончили, так для чего же вы привели это в вашей статье?

Н. А. Ковалевский. — Для того чтобы показать, что этого мы еще не можем проектировать.

В. Г. Громан. — Вот эту склонность к фантастическим построениям нужно тоже совершенно устранить; нужна большая реальность построений. Для того чтобы эту огромную стихийную силу — 25 млн. хозяйств, зависящих от внешних условий, прежде всего, в характере своего производства, сделать такими, какими они нужны для нашего социалистического сектора, нужны величайшие усилия и огромные капитальные вложения в это дело. Вот первая проблема: освобождение этих хозяйств от зависимости от метеорологических условий. Вторая проблема — освобождение их от того, что им органически свойственно и о чем говорил недавно тов. Сталин, когда он сказал, что мелкие хозяйства до такой степени консервативны, что не поддаются быстрому прогрессу и только при коллективных формах этих хозяйств можно ожидать быстрого прогресса. Эти проблемы стоят в первую очередь.

Тов. докладчик сказал, что, собственно, от 15-летнего срока он отказывается. Момент ликвидации технической отсталости и момент такой степени обобществления, при которой мы становимся, по прекрасному выражению одного товарища, „действительными организаторами народного хозяйства“, — этот момент для нас является основным. Значит, на всем протяжении генерального плана мы еще не полные хозяева, мы еще не полные организаторы народного хозяйства, потому что пока еще не овладели этой крестьянской стихией, не овладели способами борьбы с метеорологическими условиями. Мы можем дать такую формулу: в меру овладения нами силами природы мощь нашего сознательного воздействия на надстройку производ-

[1] См. „План. Хоз.“, № 4 за 1928 г., стр. 44.

ственных отношений будет все более и более развиваться и усиливаться. В той мере, в которой это хозяйство будет подчинено силам природы, которыми мы не овладели, в той мере оно будет расти и развиваться стихийно. Смотрите на факты, а не сочиняйте себе среду, в которой вы живете. Не сочиняйте среду, а изучайте среду. Прежде всего нужно дать себе ясный отчет и сказать, что мы еще в таком состоянии находимся, что кроме сил, которые делают наш план минимальным, есть еще силы, которые могут его потащить назад. Скрывать эти силы от себя не нужно.

Второе, товарищи. Вот докладчик взял в основу совершенно правильно народонаселение и говорит, что народонаселение зависит от всех общественных отношений, но почему-то назвал его функцией благосостояния. Это неправильняя формула. Рост народонаселения гораздо более сложная вещь, он зависит не только от степени благосостояния. Не очень благосостоятельная страна, царская Россия, давала средний коэфициент роста на достаточном протяжении времени 1,8. В этот самый период Германия давала 1,3, Англия давала 0,9, а Франция 0,09 — в 10 раз меньше, чем Англия и в 20 раз меньше, чем царская Россия, а теперь мы выводим третий год коэфициент 2,3 прироста населения в полном недоумении. Значит, формула закона народонаселения чрезвычайно сложна и зависит не только от благосостояния, но и от всего строя. Когда вы всмотритесь в причины, почему во Франции такая рождаемость, то вы увидите целый ряд факторов. Спроектировать наперед народонаселение на эти 15 лет в России это уже значит спроектировать и все остальное. Вы говорили здесь о законе цепной связи. Это величайший закон, без которого никуда не пойдешь. Если Кювье по одной кости восстанавливал целое животное, то можно сказать с большим правом, что если вы дадите для страны закон роста ее народонаселения, вы тем самым дадите и развитие ее производственных отношений, и уровень благосостояния, и все прочее.

Н. А. Ковалевский. — Почему же вы недоумеваете третий год?

В. Г. Громан. — Потому что об'яснить не умеем, потому что мы большие невежды, мы мало знаем свое хозяйство и свой строй. Вы, знаете, что хотя народонаселение и его закон связаны со всем строем экономическим и культурным, со всем строем производственных отношений, но в нем есть некоторая устойчивость. Чтобы перейти от коэфициента 1,8 до коэфициента 0,09, нужна какая-то катастрофа.

Практически нужно считаться с определенной тенденцией развития крестьянского хозяйства. Почему? Потому что крестьянское хозяйство имеет, прежде всего, целью собственное потребление: на свою семью, свой двор. Вы должны вскрыть, научно понять, почему так развивается хозяйство. Ибо вы должны построить железные дороги в соответствующем направлении, открыть рынки сбыта

чтобы вы смогли направлять это хозяйство в сторону товарности, а до этого оно будет полностью покрывать свои потребности картошкой, пшеницей, льном. Так что, когда вам говорят будто эта колоссальная стихийная сила — 25 млн. хозяйств — не имеет об'ективной тенденции развития, это неправильно.

Нам нужно считаться с тремя группами явлений, в меру овладения средствами производства: промышленность, транспорт, сельское хозяйство. В статье В. А. Базарова точь-в-точь то же сказано, что говорил и Глеб Максимилианович Кржижановский, который в 1928 году утверждал, что в деле изучения крестьянского хозяйства закономерности имеют и до сего времени актуальное значение. Значит, мы должны считаться с различной степенью нашего влияния на отдельные группы явлений в меру нашего овладения средствами производства. Но, во-первых, над 25 млн. хозяйств мы еще не хозяева. Чрезвычайно трудно сочетать их производственное развитие и социальное приближение к нужному нам типу. Мы почти хозяева в области крупной промышленности и транспорта, но и здесь мы должны считаться с об'ективными тенденциями, с условиями развития мелкого крестьянского хозяйства.

Речь И. А. Трахтенберга

В течение довольно продолжительного срока я был далек от плановой работы и от работы практической. Само собой разумеется, это является недостатком, ибо я не знаком с теми практическими спорами, которые велись, очевидно, весьма, тщательно, по поводу выработки предлагаемого нам для обсуждения плана; но, с другой стороны, я думаю, это может быть является и достоинством. Дело в том, что практицизм, вообще говоря, вещь хорошая и говорить о реальности всех показателей нужно, но этот практицизм не должен становиться практицизмом узкого хозяйственника. В сущности, само построение генерального плана может показаться заданием не реальным. Но дерзание заложено в самой советской системе. Узкий практицизм отразился и на построении обсуждаемых здесь работ плана.

По поводу общей постановки доклада я хотел бы сделать одно замечание. План реконструкции, нам представленный, в сущности, является реконструкцией технической. Цель генерального плана формулируется, как преодоление нашей технической отсталости. Телеологический принцип, подчеркиваемый планом, сводится к технической реконструкции. Однако, только так поставить вопрос, я думаю, неправильно. В сущности, план любого хозяйства есть преодоление технической отсталости и цель всякого хозяйства есть технический прогресс. Но есть и другие целевые установки не менее, пожалуй, более важные, чем преодоление технической отсталости. В начале доклада было совершенно правильно указано, что наша цель перестроить всю систему общественных отношений, а между тем, перестройка общественных отношений не устанавливается как априорная задача. Такие целевые установки, как сокращение рабочего дня, следовательно, уменьшение физического человеческого труда и повышение заработной платы, не могут быть только осложняющим моментом в генеральном плане, как это представляется докладом. Я говорю не о пятилетнем плане, который является планом строительства социализма. В докладе же повышение заработной платы является только усложняющим моментом. Правильно Н. А. указал на то, что генеральный план отличается и от контрольных цифр и от пятилетнего плана тем, что в генеральном плане должны быть установлены только основные положения. Вот как формулирует докладчик эти положения: „План должен представлять основное направление, основные контуры развития районов, приблизительно основные типы хозяйства и плановое движение

к этим целям". Основные вехи, основные контуры — совершенно правильно. Но когда мы переходим ко второй части плана, которая разрабатывает конкретную методологию, то оказывается, что речь идет не только об основных контурах. Здесь докладчик делает попытку дать генеральный план в том же почти масштабе, как контрольные цифры, т.-е. с чрезвычайной тщательностью и подробностью. „Основные контуры" превратились в тщательную разработку деталей. В генеральном плане это не нужно.

Но более существенным я считаю следующее. Два момента, чрезвычайно важные и интересные устанавливаются в плане. В первоначальной стадии работы исходными берутся: неизменность цены и неизменность цены рабочей силы — заработной платы. Докладчик указал, если бы мы взяли подвижную цену, то получилась бы такая каша, что трудно было бы с работой справиться. Это возражение не принципиальное. Разрешите перечитать из вашей статьи, то, что вы совершенно правильно говорите о цене. Когда вы говорите о цене, то вы совершенно правильно указываете: „особое внимание в методологии генерального плана должно быть уделено вопросу о цене... В системе ценностного обмена (сохраняемой пока в генеральном плане) цена есть фокус народнохозяйственных отношений, в котором мы находим отображение сдвигов, происходящих в области производительности труда и завоеваний человека в его упорной борьбе за подчинение себе материи и ее энергетических проявлений. Но, вместе с тем, ценовой обмен есть метод перераспределения ценностей, создаваемых в этой упорной борьбе, именуемой производственным процессом, — перераспределения между различными отраслями производства и различными слоями и классами общества"[1], т.-е., иначе говоря, в меновом обмене и в цене конденсируется весь комплекс социальных отношений. Это, конечно, правильно. Но отсюда следует, что если мы, проектируя генеральный план хотя бы в первой стадии, устанавливаем неизменность цены, значит мы заранее устанавливаем неизменность всех социальных отношений. Таким образом, в качестве априорной предпосылки предполагается, что сохраняется весь комплекс старых социальных отношений. Но кроме этого, получается неправильно и с точки зрения механизма обращения. В самом деле, в условиях капитализма изменение цен способствует установлению некоей хотя бы противоречивой, но все же пропорциональности всей системе. При такой же методике вы получите систему, в которой отдельные части совершенно друг с другом не связаны. Я считаю это вопросом большой принципиальной важности; я бы лично не исходил из неизменности цен, потому что если вы априорно предполагаете, что имеете дело с отрезком времени, когда сохраняются ценностные отношения, то вся реконструкция возможна только при изменении цен.

[1] См. „План. Хоз.", № 4, за 1928 г., стр. 20.

Ковалевский. Но для того чтобы учесть эффективность реконструкции каждой данной отрасли, нужно начать с неизменной цены.

И. А. Трахтенберг. — В чем вы найдете выражение этой эффективности, что будет показателем эффективности? (Голос: „Производительность в натуральном выражении"). В том-то и дело, что если вы делаете исчисления в ценах, вы не можете оперировать „натуарльными" величинами. Уже потом, когда все отдельные проектировки будут готовы, предполагается усложнение расчетов изменяющимися ценами. Усложнение это сводится не к пересчету, а к тому, что вам придется начать работу заново.

Таким образом, считая приемлемой общую позицию доклада, считая, что он представляет большой интерес, важность и практически реален, я указываю только на необходимость внести некоторые поправки. Во-первых, нужно такие моменты, как увеличение заработной платы и сокращение рабочего дня, брать как исходную предпосылку и, во-вторых, нужно цены априори брать измененными.

Н. А. Ковалевский. Разрешите все-таки задать вам вопрос: в чем же именно выражается влияние практицизма на эту работу?

И. А. Трахтенберг. Хотя бы в том, что у вас техническая реконструкция довлеет. Она выражается в том, что у вас развертывание хозяйства сводится к техническим достижениям и нигде я не вижу во всей вашей концепции тех социальных сдвигов, о которых вы очень много говорите в начале статьи. В самой методологии работы они не предусмотрены. Во всяком случае, вопрос о практицизме не устраняет тех замечаний, которые я сделал.

Речь Р. Е. Вайсберга

Я постараюсь быть очень кратким в виду недостатка времени. В связи с последним выступлением тов. Трахтенберга я хотел бы сделать только одно замечание. Мне представляется, что статья тов. Ковалевского о методологии значительно выиграла бы если бы он предварительно остановился на экономико-политических регулятивных идеях. Он поставил своей задачей выявить, главным образом, более близкие методологические элементы. Это чрезвычайно важная задача, но если бы ее проделать на фоне выявленных экономических регулятивных идей, то не было бы оснований для непонятных мест.

Переходя к развернувшейся здесь дискуссии, я хотел бы остановиться на тех недоразумениях, которые не должны иметь места ни в какой методологии. Здесь мне приходится подойти, прежде всего к тому вопросу, который в сегодняшней дискуссии занимал много места. Это вопрос о генетике и телеологии и о месте этих двух элементов в плане. По этому вопросу у нас были споры. Тов. Громан высказал однажды свою точку зрения насчет примата генетики над телеологией. Потом он вносил как будто поправку. Что наиболее странно, это то, что тов. Громан чрезвычайно упорно апеллирует к Марксу и соответствующим образом его интерпретирует. Я не беру на себя смелости такой, как тов. Громан — интерпретировать Маркса, я, может быть, не знаю настолько Маркса, но я просто обращаюсь к Марксу, который, на мой взгляд, уже не может быть истолкован с различных сторон, потому что то, что я вам сейчас оглашу, говорит об определенной точке зрения, которая толкованиям по своей ясности и точности не поддается. С этой точкой зрения можно только согласиться или не согласиться. Четыре года тому назад вышла книжка, которая называется „Архив Маркса и Энгельса". В чрезвычайно интересной статье о Фейербахе Маркс и Энгельс ставят вопрос о том, что должен представлять собой практицизм, конечно, не узкий, что должен представлять собой практический материализм и как следует понимать коммунистическую работу вообще. И вот что они говорят: „Для практического материалиста, т.-е. для коммуниста, дело идет о том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он застает их, и изменить их". Можно согласиться с этим или не согласиться, это вопрос другой, но мне кажется, что толковать по разному в ту или другую сторону эти слова никак нельзя. Здесь определенная установка — что практический материалист, т.-е. тот, кого Маркс и Энгельс называют коммунистом, должен выступать в своей работе против вещей. О том, что он должен выступать против людей, об этом сказано у них во многих местах. Нам приходится преодолевать сопротивление и вещей и людей, для того чтобы в чрезвычайно тяжелых условиях и внутри страны и международных вести социалистическое строительство. Я думаю, что именно в наше время, когда мы стоим на таком переломе, вот эти слова Маркса и Энгельса должны сделаться для нас знаменем. От этой печки нужно танцовать. Здесь дело не в догме (нам могут сказать, что это догма и отсюда все качества). Возьмем по существу — что значит в наших условиях примат генетики. Что такое наша страна? Это страна, которая имеет 300 лет дома Романовых, страна чрезвычайно отсталая, страна, которая имеет чрезвычайно много варварских пережитков, страна, которая очень поздно вступила на путь капиталистического развития, в конечном счете, страна пяти ленинских укладов. Здесь довлеет над нами генетика, чрезвычайно тяжелая. Если сказать, что вот эта генетика довлеет и должна довлеть над нашим планированием, тогда надо поставить крест на всем социалистическом строительстве, тогда никакого места для планирования нет, тогда мы занимаемся чем угодно только не делом. Ведь это нужно понять: речь идет не только о цифрах, речь идет об определенной экономической системе, о том, что представляет реальная жизнь. Мы можем планировать только выступая против вещей и против людей, преодолевая пределы сопротивления. Тов. Ковалевский указывает, что вопросы генезиса и телеологии решены пролетариатом еще в Октябрьскую революцию. Совершенно верно. Но повидимому те, кто должен от имени пролетариата строить социализм, для них этот вопрос не решен, его решить еще нужно и чем раньше, тем лучше. Я думая, что этот вопрос заслуживает специальной дискуссии. Здесь нужно заострить положение, иначе мы будем связаны по рукам и по ногам в нашем планировании. Конечно, я не хочу делать вывода о том, что мы можем строить воздушные замки, что мы произведем прыжок от царства необходимости к царству свободы. Отсюда определенный оптимум. Если говорить об определенном примате, то мы должны принять тот примат,— который указан Марксом, Энгельсом, а не тот, который вытекает из ложных интерпретаций. Я не буду долго останавливаться на этом вопросе. Я только подчеркиваю, что этот вопрос заслуживает внимания, и нам, может, быть не раз придется возвращаться к нему, поэтому, здесь нужна полная ясность.

Я хочу сейчас остановиться на одном моменте, который затронут тов. Ковалевским относительно брошюры В. А. Базарова, напечатанной в 1924 г., и неправильной установки этой брошюры и затем относительно тех положений, которые выдвигает тов. Ковалевский о минимализме наших плановых проектировок. Я должен разграничить эти моменты формально и по существу. Формально мне кажется,

что над точкой зрения В. А. Базарова в свое время определенным образом довлела та экономическая обстановка, которая тогда была. Это об'ясняется и тем кризисом, который переживало наше хозяйство. Действительно, наш социалистический сектор был несколько на задворках и говорить так смело о социалистическом строительстве, как можно говорить сейчас, конечно, тогда было трудно. Я хочу сейчас, в связи с вопросом о минимализме нашего плана, указать на то, что теперь у нас имеется тоже какой-то специфический оттенок в планировании. Если взять то, что мы проектировали за последние годы и то, что получилось в действительности, то как будто бы является доказанным, что наш план отстает от действительности (голос: „это не верно"). Я берусь в более свободное время это положение проиллюстрировать на конкретном материале. Во всяком случае, такая установка, что у нас планирование отстает от жизни, от того, что получается в действительности, в настоящее время имеется. Мне представляется, что тов. Ковалевский исходит из этой установки и говорит заранее, что у нас план должен быть минимальным (голос: „не должен быть, а будет"). Я лично думаю, что и в интересах достижения и максимума и оптимума, в интересах достижения того, к чему мы все стремимся, мы должны были бы строить если не несколько вариантов, то по крайней мере еще один вариант с таким расчетом, чтобы вы могли максимально учитывать все возможные организационные достижения нашего социалистического хозяйства, его направляющее влияние на частнохозяйственный сектор, чтобы и в этом варианте дать определенное задание тем, которые осуществляют этот план, определенные установки на то, чтобы действительно добиться максимума и оптимума. Мне думается, когда речь идет об одном варианте, можно согласиться на то, чтобы иметь некоторый минимальный план, отстающий от того, что будет в действительности. Вероятно, у нас будут еще варианты, которые должны максимально учесть все возможности, все наиболее вероятные комбинации и к ним стремиться. Для такого плана можно создать и соответствующее цифровое выражение, как говорил В. А. Базаров.

Что касается тов. Базарова, то здесь речь идет о следующем: если вы возьмете ту точку зрения, которая тогда проводилась и возьмете некоторых людей, которые на этой точке зрения задерживались еще на 2—3 года позже, то от этого получаются такие экономические выводы, которые, мягко выражаясь, ослабляют наши возможности планирования. Так что тут мы имеем еще некоторое заблуждение по существу, которое, на мой взгляд, не могло найти отражения в работе, говорящей о длительном периоде плана, и для дальнейшего периода должна быть установка на то, что промышленность города является ведущим началом. В чем было дело в 1923 г.? Да в том, что это превращение города в ведущее начало не могло еще в достаточной степени конкретно проявиться, хотя потенции

эти были, и в настоящее время мы имеем на разных участках социалистического сектора ряд возможностей, которые еще не выявлены, но мы полагаем, что при нормальном развитии они выявятся, и сейчас нам приходится исходить из скрытых возможностей, которые мы недостаточно обнаружили. Но поскольку мы говорим о длительной перспективе, мы должны сказать, если не сейчас, так через несколько лет они как-то выявятся.

Когда тов. Громан говорит о том, что будут достижения к концу генерального плана, а теперь их еще нет, то это совершенно правильно. Правильно по отношению к пятилетнему плану, правильно в отношении контрольных цифр и т. д., но самый процесс развязывания наших социалистических возможностей, этот процесс должен получить наиболее четкое выражение, особенно в генеральном плане. Мне думается, этот вопрос тоже стоит сугубо подработать.

Я хочу еще остановиться на выступлении А. Л. Вайнштейна. Он заявил, что он согласен с положениями, которые выдвигал тов. Ковалевский. Хотя тов. Ковалевский не развивал всех экономических установок, которые должны быть в генеральном плане, но я думаю, что многие из установок, данных тов. Ковалевским, не вяжутся с последним выступлением А. Л. Вайнштейна. Когда Вайнштейн говорит: давайте строить план, то он заявляет, а все-таки без статистики. Я думаю, что в Госплане нет таких, которых можно было бы обвинять в статистическом увлечении в настоящее время и даже тов. Громан больше всех других выступал против статистического увлечения. Но говорить о том, что мы можем принять план, который ни к чему нас не обязывает, не дает никаких цифровых выражений,— это значит катиться по волнам стихии, которая имеется не только в частном секторе, но и в государственном хозяйстве. Нам нужны лимиты не только ограничивающие, но и заставляющие нас работать и двигаться вперед. При составлении контрольных цифр на 1926/27 г. тов. Вайнштейн доказывал, что дать цифровое выражение денежного обращения никак невозможно. Это вело к тому, что мы должны построить такой план на год, который нам никаких придержек не дает и никаких, толкающих нас вперед моментов не предусматривает. Другой момент: он указывает, что если не заниматься статистикой, то все-таки соотношения между зарплатой и производительностью труда нужно спроектировать. Если это положение связать с недавними выступлениями А. Л. Вайнштейна и его единомышленников, то это может навести на грустные размышления. Во всяком случае, в этом вопросе нужно гораздо больше ясности.

Речь Б. А. Гухмана

Интересная статья Н. А. Ковалевского „Методология плана реконструкции", его доклад на ту же тему и развернувшиеся по докладу прения, — побуждают меня высказать несколько замечаний по затронутым вопросам.

Всякий хозяйственный план есть система экономической политики, направленная к наивыгоднейшему и легчайшему достижению поставленных целей. Поэтому не может быть никакого плана без заранее сформулированных социальных и хозяйственных целей, к которым этот план должен привести общество. Однако, в том и отличие плана от утопии, что самые цели должны быть не только точно сформулированы, но и научно обоснованы. Совершенно очевидно для всякого марксиста и не требует доказательства, что иных целей кроме научно-обоснованных, творец плана не имеет права в него вводить, а пролетариат—как классс—тавить. Научное же обоснование этих целей может быть дано только при условии тщательного исследования генезиса хозяйственного развития, знания хозяйственной эмпирики.

Исходя из этих соображений и я, вместе с В. А. Базаровым и Н. А. Ковалевским, полагаю, что спор о примате генетики или телеологии в плане является в советском государстве праздным спором; без целевой установки не может быть плана вообще; если эта установка не обоснована научно, нет плана, а есть утопия. Больше того, я готов утверждать, что это не только праздный, но и вредный спор. Прежде всего, это спор не о материальной методике плана, а о его метафизике, если можно так выразиться, а главное, что этот спор невольно заставляет подозревать сторонников „телеологии" в „теологии", а сторонников „генезиса" в отсутствии „телеологических" установок. В частности, вряд ли кто станет подозревать Р. Е. Вайсберга в том, что он „телеологию" хочет заменить „теологией", план — утопией и т. д., а В. Г. Громана в том, что он активную волю к преобразованию общества на основаниях научного социализма хочет заменить хвостизмом пассивного и слепого повиновения об'ективно-установленным тенденциям хозяйственного процесса,— как это мог бы предположить человек со стороны, послушавший их спор на прошлом заседании. К счастью, все здесь присутствующие знают их не только по этому спору, но и по делам. Я, как и другие товарищи по плановой работе, могу свидетельствовать, что не раз „телеолог" Вайсберг бывал на практике не меньшим

„генетиком", чем Громан, а последний часто своими законченными „целевыми" установками и построениями приводил в невольный трепет Вайсберга.

Чем скорее этот спор о словах будет прекращен, тем будет лучше, ибо есть неизмеримо более серьезные вещи, о которых стоит и придется не раз еще спорить.

Методология перспективного плана должна быть разделена на две части: общую и частную. Первая устанавливает обязательные формальные требования, без соблюдения которых никакой план вообще не может быть построен. Частная же методология формулирует конкретные принципы построения плана. В записке о „Методике построения перспективного плана", представленной мною в Президиум центральной комиссии перспективного планирования, следующим образом формулированы основные методические требования к составлению народнохозяйственного плана:

„Всякий народнохозяйственный план должен отвечать следующим условиям. Прежде всего, должна быть сформулирована общая экономико-политическая идея плана и конкретно характеризован выбранный тип развития народного хозяйства. Затем, должно установить, какие имеются для данного отрезка времени и территории об'ективные факторы, способствующие и препятствующие осуществлению этого замысла: после чего надо указать те методы экономической политики, при помощи которых можно усилить первые и ослабить вторые. Лишь после формулировки этой общей стратегии и тактики плана можно (и должно) определить тот участок траектории общего плана, который можно пройти в намеченный отрезок времени, т.-е. выразить план в виде цифровой гипотезы.

Эта гипотеза должна: 1) опираться на эмпирическое знание народнохозяйственного процесса, и в тенденции своего развития согласоваться с ним; 2) в последовательном развертывании временного ряда плана этапы развития его отдельных элементов должны быть взаимно связаны и должны быть в соответствии с временной проекцией плана народного хозяйства в целом и 3) на каждом данном временном этапе плана определять условия динамического равновесия хозяйственной системы и условия ее перехода в каждый следующий временный этап. Эти последовательные этапы работы органически связаны друг с другом, и каждый из них может оказать влияние и на самую платформу плана, в известной мере ее модифицируя, что вызовет необходимость построения ряда новых вариантов плана".

Помимо этих условий, обязательных для всякого хозяйственного плана, может быть предложен ряд частных методических положений. Но последние целиком уже связаны с той конкретной обстановкой, в которой такой план формируется; они целиком зависят от времени и места составления плана. Совершенно очевидно, что методика перспективного плана СССР и, скажем, Германии была бы различна,

а методика плана для эпохи восстановления совсем не та, что реконструкции и т. п.

Генеральный план СССР есть план социальной реконструкции на базе новой техники. Этим в огромной мере определяются и основные принципы его построения. Прежде всего этим определяется значение проблем технической политики в предстоящий период и в системе плана. Так, характер предприятий — конкретный и оптимальный для каждой отрасли и района—должен быть выбран прежде всего. От правильного решения вопросов технической политики зависит успех всей реконструкции производственной базы. В этом смысле огромное значение получает, прежде всего, план организации теплосиловой энергетической базы страны. При этом революционирующая и организующая роль электрификации является, несомненно, доминирующей в тех рычагах планового воздействия, которым может быть достигнута эта реконструкция. Новое общество может быть организовано только с новой техникой, а последняя в современном хозяйстве, прежде всего, определяется теплосиловой, энергетической базой и ее наиболее пока совершенным элементом — электричеством. При этом, если переход от ремесленного и мануфактурного производства к фабричному был возможен благодаря появлению машин, если машина дала возможность организации замкнутого индивидуального капиталистического производственного организма, с собственным источником двигательной силы, то переход к электрической энергии знаменует собою разрушение этой замкнутости производственного организма, появление новых источников двигательной силы, общих ряду предприятий, в которых заинтересованы различные отрасли, — является могучим фактором и новых социальных отношений, выражающихся, прежде всего, в необходимости регулирования этого основного источника производственной деятельности, и знаменует собою необходимость планового начала, об'ективно ставит вопрос об обобществлении средств производства. Вот почему организация энергетического хозяйства,—электрификация, — в плане реконструкции СССР занимает основное место. Но рациональная организация энергетического хозяйства определяется, прежде всего, источниками энергии, и проблемы их размещения и освоения встают в этом плане во весь рост. Народнохозяйственный план есть план общественного разделения труда и с этой точки зрения размещение энергетических ресурсов в стране, естественных богатств и населения является одной из основных проблем плана. Районирование плана, представление о районах, как о хозяйственных комплексах в общей системе народного хозяйства страны, является обязательным в плане реконструкции.

Но не меньшее значение имеет и вторая часть вопроса —организационные проблемы и, прежде, всего проблема культурного уровня. Не надо забывать, что реконструкция производственной базы возможна лишь при условии создания соответствующих форм организации хозяйства и культурного уровня населения.

Исходя из этих положений, я считаю возможным сделать следующие выводы. В общем, я согласен с теми общими положениями, которые установлены в докладе Н. А. Ковалевского, я формулирую их следующим образом. Основной проблемой плана реконструкции является проблема социального переустройства и организации новой производственной базы. Последнее должно основываться на рациональной организации энергетической базы и активизации естественных богатств. Поэтому, исходя из двух основных, дающихся элементов: 1) естественных богатств и энергетических ресурсов и 2) данного культурного уровня и социальной организации общества, — ставя перед собой цель реконструкции этих элементов в определенном направлении,— должна быть сформулирована гипотеза об оптимальном решении этих проблем. Тем самым будет дана некая модель нового общества. Лишь после этого можно заняться расчетами о том, в какой срок, какими методами, какими последовательными этапами может быть достигнута поставленная цель.

Здесь мы подходим к техническим приемам расчетов. С этой точки зрения гипотеза об удвоении или ином коэфициенте роста народного дохода на душу населения есть лишь гипотеза об определении участи общего плана движения уровня производства и потребления, пройти который возможно в тот или иной срок. То же относится и к численности населения. Несомненно, что в некий момент народный доход удвоится, утроится и т. д., — несомненно, что в известный момент и численность населения увеличится в некое число раз. Но будет ли когда-либо такой момент, когда сумма всего народного дохода страны будет равняться произведению этих двух величин раз они устанавливаются самостоятельно — нам неизвестно. Ибо нет никакой уверенности в том, что законы движения населения в период реконструкции не изменятся, а есть, наоборот, полная уверенность, что они должны измениться. Что это явление устойчивое — спора нет, но уменьшение всего на 0,3% в год, что при нынешних огромных коэфициентах роста населения вещь вполне возможная, или увеличение на ту же величину естественного прироста населения в связи с падением смертности, — может за 15—20-летний промежуток времени дать чрезвычайно большое отклонение от того, если бы рост населения проектировался по неизменному коэфициенту. Не эти расчеты, я полагаю, должны быть положены в основание определения пути, который можно пройти за тот или иной период. Мне кажется, что прежде всего должна быть определена та сумма капитальных вложений, которую требует намеченная модель,— исходя из установленного развития производительных сил как материальных, так и культурных. Затем, исходя из гипотезы об удвоении, утроении и т. п. валовой (а не на душу) суммы народного дохода должно быть установлено вероятное, возможное, жела-

тельное распределение ее на потребляемую и накопляемую части. Первая — определит под'ем уровня благосостояния, а вторая — возможный об'ем вложений при этой же гипотезе. Лишь после этого возможно пойти дальше и определить те примерные сроки, в которые это может быть достигнуто и более точно установить остальные элементы плана.

Последние, разумеется, должны быть строго ограничены и тщательно выбраны.

Я хотел бы остановиться еще на одном положении докладчика, которое вызвало здесь возражения И. А. Трахтенберга. Это о расчетах в неизменных ценах. В чем заключается здесь идея?

При составлении плана важно вскрыть реальные отношения, скрывающиеся за меняющимися ценами. Основные расчеты приходится вести в натуральных измерениях, но нет масштаба измерения, при помощи которого можно было бы определить весовые изменения. Построение индексов физического об'ема и т. п. технически затруднительно и поэтому мы прибегаем к выражению всех основных элементов плана в неподвижных ценах. Этим самым получается определенный индекс физического об'ема. Эффективность данного капитального вложения также приходится мерить в натуре и неподвижных ценах: понижение норм расхода топлива, сырья, рост производительности труда, падение норм затраты труда на единицу продукта, — и, наконец, суммарный показатель, — падение себестоимости при условии, что цены на средства производства неизменны, а рост заработной платы — реальный, т.-е. в неизменных ценах, — тот или иной в зависимости от условий плана.

Это есть технический прием для определения некоторых основных элементов плана — физического об'ема производства, потребления и т. д. Затем надо произвести расчет в изменившихся ценах. При этом за основу должно быть принято изменение реальной заработной платы, затем средств производства и, наконец, предметов потребления. Должна быть установлена система цен, исходящая из условий сравнительной себестоимости производства и цепной связи между ценами. И это не является еще окончательным расчетом, ибо затем все это должно быть переведено на язык рыночных отношений, на номинальные цены. Все это — последовательные этапы расчета.

Система перспективного планирования сложилась, как система генплана, пятилетки и контрольных цифр. В принципе пятилетка отрезок генплана, а контрольные цифры — отрезок пятилетки. В действительности, мы строим контрольные цифры, не имея пятилетки, и последнюю до генплана. Это положение вещей является трагедией для плановой работы. Я не сомневаюсь, что если в период до реконструкции мы делали порядочно ошибок в годовых планах, так как не имели перспективных, то в период реконструкции без генплана нельзя планировать. Если до сих пор это еще не осознано,

то только потому, что над нами еще тяготеет восстановительный процесс, когда мы уже его перешагнули в целом. Чем скорее будет осознано, что в этот период генеральный план — основная и необходимая работа плановых органов, — тем, по-моему, будет лучше. Работа эта, очевидно, будет, если можно так сказать, постоянной, и генплан будет расширяться концентрическими кругами: от захвата меньшего об'ема к большему. Упрощенство здесь было бы, конечно, гибелью всей работы. Это — упорная и длительная работа и я полагаю, что чем скорее она будет организована, тем будет лучше и для пятилетки и для контрольных цифр. В частности, пятилетка, очевидно, сможет быть удачно составленной лишь в меру развития работ по генеральному плану.

Речь А. С. Гордона

Я позволю себе остановиться на тех замечаниях, которые были сделаны в прошлый раз И. А. Трахтенбергом и тов. Вайсбергом: И. А. возражает против метода неподвижных цен и неподвижных ставок зарплаты, хотя от его внимания не ускользнуло, что впоследствии, при сверстке генплана, вводятся и подвижные цены и подвижная зарплата. Но он, повидимому, полагает, что отвлечься от подвижных цен нельзя и в первом этапе работы. Я думаю, что это или недоразумение или И. А. Трахтенберг не прав. Если мы обратим внимание на этапы составления генплана, как они изложены у Н. А., то мы увидим сначала отраслевые проработки плана и затем проработку экономики целого. Метод неподвижных цен вводится в первом этапе работы. Можно ли при отраслевой проработке плана, т.-е. на первом этапе работы, ввести подвижные цены. Что мы получили бы если бы попытались их ввести в первую стадию работы? Могу на это ответить на основании опыта, который я проделал полтора года тому назад, работая над генпланом Сев.-Зап. области. Первый вопрос, который тогда перед мной стал,—это вопрос об учете эффективности реконструкции. Как можно учесть эффективность реконструкции по каждой отрасли промышленности, если сразу ввести подвижные цены. Ведь мне важно знать, что дает реконструкция данной отрасли сама по себе, независимо от эффективности других отраслей (голос: „Какая реконструкция?"). Я говорю о технической реконструкции данной отрасли. Но мало того, что я не могу учесть эффективности реконструкции данной отрасли, если сразу введу подвижные цены, я просто не в состоянии ввести подвижные цены, не вводя произвол в исчисления. Дело в том, что я не только должен показать изменение цен продукции данной отрасли промышленности, но и ввести подвижные цены на сырье и материалы, которые потребляет данная отрасль промышленности, а так как я не знаю, по каким ценам сырье, полуфабрикаты и оборудование будут отпускаться данной отрасли другими реконструируемыми отраслями промышленности, то я должен буду построить какую-то гипотезу снижения цен на все виды сырья, материалов и т. п. Конечно, ничего, кроме произвола в подобных исчислениях не может быть. Ввести сразу по всей линии подвижные цены просто практически невозможно: это внесло бы произвол в наши построения. Но это и методологически неправильно, потому что мы не имели бы никаких указаний на то, какова эффективность технической реконструкции именно данной отрасли промышленности.

Дальше И. А. Трахтенберг упрекает Н. А. в том, что он не приводит в своем докладе ни целевых, ни социально-экономических установок. Генплан не есть просто план технической реконструкции; генплан сам по себе представляет социально-экономическую установку. Над генпланом мы работаем собственно даже не 2 — 3 года, а лет 5 — 6 и за это время мы не только себе шишки набили, но и получили кой-какие результаты, договорились до каких-то определенных понятий и выработали общие социально-экономические установки и конкретную целевую установку. Эти установки разработаны, существуют и о них сейчас говорить и спорить совершенно бесполезно. Если хотите, то целевые и социально-экономические установки генплана даны в постановлениях директивных органов и, в частности, в постановлениях XV с'езда. Говорить, поэтому, по поводу социально-экономических установок, когда мы обсуждаем вопрос о методике составления генплана, совершенно бесполезно. Вопросы о целевых и социально-экономических установках перспективного планирования уместны в семинарии по перспективному планированию, в учебниках по составлению планов, если таковые будут, они уместны в самом генплане и перспективном плане и при их разработке, но при обсуждении методологических вопросов, это — этап, который мы прошли, и разговаривать об этом нечего. Методология перспективного планирования должна показать, как найти те конкретные хозяйственные задания, которые являются развитием социально-экономических установок плана. Поэтому, я считаю, что Н. А. прав, когда он в своем докладе о методике генплана не останавливается на том, что нам уже известно и до чего мы определенно и твердо договорились в процессе работы над генпланом.

Теперь по поводу замечания тов. Вайсберга о связи телеологии и генетики. Я думаю, что и здесь Н. А. прав, когда он этот спор отметает. Он прав, когда говорит, что этот вопрос решен революцией. Не знаю, почему В. Г. Громан настаивает на своей формулировке, т.-е. на примате генетики над телеологией. Но я хочу указать на то (что мы все отлично знаем), что В. Г. очень охотно вспоминает и приводит слова Маркса: „Мы изучаем мир для того, чтобы его изменить". Если, стало быть, его формулировка примата генетики над телеологией сводится к тому, то мы не можем ставить никаких целей, не изучив предварительно то, что мы хотим изменить, то это, в сущности, такая элементарная истина, против которой и спорить невозможно и против которой не стал бы спорить, конечно, и тов. Вайсберг. Совершенно естественно, что для того чтобы что-нибудь изменить, нам надо изучить то, что мы желаем изменить, но ведь целеустремленность плана от этого не теряет своего значения, и примат целеустремленности В. Г. в плане остается все же непоколебленным. В связи с этим я бы хотел по-

делиться одной мыслью, возникавшей у меня не раз, когда я работал над проблемой перспективного планирования; мысль, которая, быть может примыкает к концепции В. А. Базарова, а может быть, и сливается с ней, если я его концепцию правильно понимаю. Генеральный план, это есть план глубокой социальной трансформации, т.-е. план трансформации социальных масс, но такой трансформации, которая произошла бы без социальных взрывов и без разрыва и распада социальных связей. Но ведь социальные массы обладают чрезвычайно большей силой инерции (я прошу это понимать, как образное выражение, а не как механическое толкование общественного явления). Социальная масса обладает громадной инерцией, которая, как мы отлично знаем, заключается и в старых трудовых навыках, и в давлении знаний, нами усвоенных, и в быте, и которая покоится на унаследованной нами от прошлого технике, на существующем географическом размещении производств и т. д. Вот эту силу социальной инерции мы как-то должны преодолеть. Но для этого нужно знать силу сопротивления, которое нам оказывает социальная среда. Здесь дело не в простом изучении социальной массы, ее об'ема и структуры, а в изучении ее сопротивления. Поэтому мне кажется, что те кривые, которые В. А. Базаров проектирует и которые, как они мне представляются, являются попыткой определения направления и сопротивления социальных масс, что эти кривые могут быть очень полезны. Они не являются кривыми плана; наоборот, они представляют собой отрицание плана именно потому, что они характеризуют сопротивление социальных масс, то сопротивление, которое мы должны преодолеть, чтобы реализовать целевую установку плана. Но изучение направления и силы сопротивления представляет собой очень интересный и очень важный методологический прием в нашем перспективном планировании.

Если обратиться теперь к тому строю мыслей, которые изложил Н. А. в своем докладе, то я должен сказать, что когда я читал его доклад и когда слушал прения, у меня создалось впечатление, что мы в нашей работе по перспективному планированию еще находимся в стадии методологии самой проблемы методологии. Казалось бы, что метод плана определяется об'емом и содержанием плана, как всякий метод определяется содержанием и об'емом того, что мы желаем изучить или сконструировать. Здесь же, и особенно это обнаружилось в прениях, мы имеем, как будто, обратное: метод приводит нас к об'ему и содержанию плана. Н. А. пришел к такому содержанию и к такому об'ему плана, которые (я имею в виду, разумеется, количественную сторону) привели меня в содрогание: нам — старикам не дожить до конца работ по генеральному плану, хотя не исключена возможность, что захватить краешком период развернутого социализма нам еще удастся.

Если серьезно отнестись к изложенной Н. А. программе работ по генплану, то я вижу только два метода справиться с поставленной им задачей: 1) метод интуитивных проектировок и 2) метод дальнейшей счетной обработки этих интуиций. Некоторые очень талантливые люди пользуются иногда этими двумя методами, и не без успеха. Но рекомендовать их коллективу, хотя бы и весьма квалифицированному, я бы не стал. Методы, которые рекомендует Н. А. как для создания самих материалов, так и для дальнейшего овладения ими в целях конструирования систематического целого, технически не осуществимы, а потому они практически, помимо его воли и желания, приведут к указанным мною в шутку двум методам построения плана: к интуиции и к счетной обработке интуиции.

Я должен отметить, что в докладе Н. А. имеется очень много интересных мыслей и верных положений; я бы сказал что они преобладают. Но они ориентируются на такой об'ем плана, который искажает его правильные исходные положения. Невозможно правильно сочетать изложенную им программу — монстр генерального плана с его указанием (которое должно стать девизом методики составления плана) на необходимость ограничить количество показателей совершенно необходимым минимумом, „иначе мы рискуем быть захлеснутыми морем цифр и утонуть в статистических абстракциях, способных задушить живую реконструирующую мысль". Н. А., который в своих положениях так боится (и правильно боится) „статистической серости", в программе генплана решительно отбрасывает эту боязнь. Он спрашивает: „Парфюмерная промышленность и металл,— кто осмелится бросить их разом на чашки экономических весов?" Но в программе генплана они на чашки весов разом и брошены. Н. А. не раз повторяет мысль, которая мне особенно понятна и кажется в высшей степени ценной, мысль о необходимости конкретизации плана. Нам нужен, говорит он, не генеральный план вообще, а конкретный план, нам нужны в генплане не заводы вообще, а заводы с указанием места их постройки, их производственного типа и т. д. Трудно сочетать эту верную мысль со „статистической серостью" программы, даже если программа предназначена для того, чтобы скопить материалы для „экономики целого". Слишком большой „запас прочности" берет Н. А. для генплана, слишком большие запасы материалов хочет он заготовить на постройку сооружения, для которого значительная часть этих материалов не будет нужна, слишком растянет он, поэтому, сооружение генплана во времени и, боюсь, что, благодаря всему этому, генплан, построенный на такой программе, будет очень далек от того изящного образа, который рисуется Н. А. в его сравнении „экономики целого" с типом и характером, уловленным и переданным талантливым художником несколькими линиями и штрихами.

Что приводит Н. А. к программе, чрезвычайно перегруженной, а потому и, казалось бы, не только не нужной, но и практически вредной с его же собственной точки зрения? Мне кажется, что первопричина здесь кроется в том представлении об оптимуме, об

оптимальной линии развития, которая будто бы может быть найдена на 15 лет вперед и изыскания которой должны быть начаты одновременно во всех отраслях, по всем разделам работы. При таком взгляде на пути нахождения народнохозяйственного оптимума естественно стремление поставить „разведки“ и изыскания оптимума как можно шире, чтобы обеспечить себе надлежащий выбор сочетаний при монтаже народнохозяйственного целого. Напрасная мечта: число сочетаний окажется практически безграничным.

В свое время работники генплана выдвинули идею удвоения народного дохода на душу населения в качестве предпосылки генплана. Это — первородный грех генплана, отзвуки которого имеются еще и в докладе Н. А. Первоначальная мысль, как это нам сообщил Н. А., была — удвоение народного дохода без указания срока, в течение которого это удвоение происходит. Но если берется не удвоение валового народного дохода, а удвоение на душу населения, то элемент времени все же, хотя и в скрытом виде, вносится в предпосылку и поэтому нет ничего удивительного в том, что отраслевики и все районы дали удвоение народного дохода через 15 лет. Другого способа проектировать удвоение, утроение или какое-либо иное изменение народного дохода на душунаселения, как проектировать его во времени, нет. Но кроме того, от народного дохода к проектированию продукции нет возможности перебросить мост. Для того чтобы этот мост можно было перебросить, необходимо принять в качестве предпосылки не только то или иное изменение народного дохода на душу населения, но и определенное изменение в его структуре. Но дать размер народного дохода на душу населения и одновременно дать его структуру,— значит дать генплан. У Н. А. коэф. изменения народного дохода носит характер не предпосылки генплана, а „рабочей гипотезы“. Но непонятно, для чего она нужна и какую полезную службу она может сослужить.

Итак, из методологических соображений Н. А., мне кажется, надо взять то, что в них ценно, технически осуществимо и практически полезно: конкректность хозяйственных заданий, отбор „ведущих“ проблем и „определяющих черт“ народного хозяйства, решительное противопоставление, „статистической серости“ „красочности и конкретности качественных характеристик“. Это не значит, что в генплане не должно быть цифровых расчетов, но они должны быть доведены до необходимого минимума, памятуя об „относительном значении цифровых и плановых предположений“. Отбор „ведущих“ отраслей и „ведущих“ проблем народного хозяйства есть не венец, а именно начало, исходный пункт работы. Только выяснив путем такого отбора, что должно быть содержанием генплана, мы сумеем найти и надлежащие методы его построения.

Речь В. Г. Громана

Так как по поводу моего выступления выступил тов. Вайсберг, а затем, не называя моего имени, но указывая на громкий голос, высказался И. А. Трахтенберг, а сегодня и тов. Гордон, то я чувствую потребность раз'яснить недоразумение, тем паче, что обстоятельства мне помогли. За эту неделю вышел проект программы Коминтерна, где вы можете прочесть в буквальном смысле почти те же слова, что я говорил относительно проблемы степени нашей власти над хозяйством при наличии 25 млн. крестьянских хозяйств. Здесь сказано следующее: „Чем больше удельный вес раздробленного мелко-крестьянского труда в общей экономике страны, тем больше об'ем рыночных отношений, тем меньше значение непосредственного планового руководства, тем в большей степени общехозяйственный план основывается на предвидении стихийно складывающихся хозяйственных отношений“. Вы помните, как я говорил, что с тремя кругами явлений приходится иметь дело: с явлениями природы, с явлениями этой стихии 25 млн. массы мелких крестьянских хозяйств и с явлениями той сферы хозяйства, средствами производства которого мы непосредственно владеем. Я и говорил, что для этой массы крестьянских хозяйств именно необходимо изучить об'ективные тенденции развития, продумать перспективы стихийно складывающегося хозяйства, с которыми приходится считаться. Для меня это и было, между прочим, иллюстрацией того, что логический примат при построении р е а л ь н о г о плана хозяйства принадлежит генетике. Я говорил, что вполне солидаризируюсь с формулой, которую дал В. А. Базаров, которую принимает и тов. Вайсберг, что в плане и генетическая точка зрения и телеологическая представляют собой диалектическое единство, но для того чтобы он представлял это диалектическое единство, а не противоречие, примат логической мысли должен принадлежать генетической точке зрения.

Совершенно верно тов. Гордон напомнил часто повторяемое мною изречение Маркса: „Мы изучаем мир, чтобы изменять его“. Но тов. Вайсберг противопоставлял цитату из Маркса, что „приходится бороться с вещами“, и не договорил, что Маркс мыслит: с вещами нужно бороться при помощи вещей, с людьми — при помощи людей. Самый генетический процесс должен создать определенную силу и определенную техническую силу, которая позволила бы преодолеть другую социальную силу, другую силу техники, и вот забвение этой точки зрения, которая с полной ясностью

выявляется в том, что я только что процитировал в проекте программы Коминтерна, приводит к большим ошибкам.

Действительно, Николай Александрович говорил о необходимости творческой фантазии, а тов. Трахтенберг упрекал в излишнем практицизме. Однако, как правильно заметил один из выступавших товарищей, чтобы фантазия не была фантастичной, необходим элемент творческого процесса конструирования. Где грани? С того момента, как вы перестаете оперировать реальными силами или реальным развитием, с этого момента вы впадаете в фантастику. И вот величайшая опасность заключается в том, что в построение неожиданно влезет элемент фантастики.

Я уже говорил, что Маркс называет свое учение научным социализмом в противовес утопическому социализму, у Энгельса есть выражение, что мы возвели социализм до науки, и, может быть, очень опасно проделать обратный процесс. Мы шли от утопии к науке неужели затем, чтобы потом от науки пойти к утопии?! Выступление тов. Трахтенберга меня прямо испугало, он говорит: практицизма много, а я боюсь, что у нас слишком мало практицизма. Слишком тяжелы последствия, товарищи, если не учитывать сопротивления среды. Какой же инженер забывает о сопротивлении материи? Что он может в таком случае построить? И вот это сопротивление стихии раздробленных мелких хозяйств находится под влиянием стихий природы. Если мы логически отвлечемся от этого факта, хотя бы на одно мгновение, то мы построим фантастику, а не план — план великих работ — для социального преобразования производственных отношений, поэтому вопросам логической конструкции нашего планирования надо уделять больше времени, чем уделялось до сих пор.

Тов. Гордон сказал, что методология у нас еще смутно вырисовывается, а тов. Кржижановский говорил на С'езде, что после всех прений все-таки приходится возвращаться к методологии плана ГОЭЛРО. У нас есть формулировка для контрольных цифр, что то есть синтез прогноза и директивы. Я думаю, что в общем это пригодно и для генерального плана и вообще для предвидения будущего. Но, товарищи, с отдалением периода времени, несомненно, теряет свою определенность, свою конкретность, свою точность и наше предвидение. И в связи с этим наши директивы становятся более общими.

Нужно сказать, что у Н. А. в конце его речи, где он в двух—трех штрихах изображает разного типа людей и кончает словами: „основные контуры", содержится идея, что генеральный план должен дать нам именно основные контуры будущего развития народного хозяйства, и это основная его идея. Но контуры чего? Контуры не результатов, — не здесь центр тяжести, а контуры методов преобразования жизни, технических и организационно-социальных, — вот в чем центр тяжести генерального плана.

Речь С. С. Зака

Самое существенное в докладе тов. Ковалевского я усматриваю в том, что он устанавливает определенную разницу между генеральным планом и перспективным планом. Эту разницу до сих пор у нас очень мало сознают. Частенько под генеральным планом у нас понимается план на известное число лет с превышением обычной пятилетки. Вряд ли также могло бы быть содержанием плана материальное определение увеличения народной доходности или дохода, примерно, на душу в два раза. Тут все вертится около вопросов „перспективного" плана. Под генеральным планом нужно понимать нечто более существенное. В докладе тов. Ковалевского я именно это и почувствовал. Под генеральным планом нужно понимать план перехода от одной стадии социально-экономической жизни к другой стадии. Генеральный план должен охватывать собой законченный историко-экономический цикл. Он должен нам дать некоторый процесс развития, который в результате дает какой-то новый социально-экономический уклад. Если подойти к этому вопросу с точки зрения исторического цикла, то конкретно нужно сказать, что в СССР генеральный план должен охватить некоторый хозяйственный процесс, который ликвидирует так называемую „новую экономическую политику" и построит социализм как стадию, предшествующую коммунизму. Следовательно, вся конструкция генерального плана должна быть построена таким образом, чтобы она дала нам процесс ликвидации нэпа и создания на развалинах нэпа какого-то нового уклада, который называется социалистическим. Пожалуй, что в этом представлении о генеральном плане усмотрят больше фантазии, чем в предложении предшествовавшего оратора о перенесении столицы из Москвы на Урал. Но дело в том, что мы волей-неволей должны остановиться на этой „фантастической" идее, потому что нэп — это переходная стадия. Если мы желаем составить генеральный план, то это значит, что последний должен ликвидировать эту переходную стадию. И тут мы упираемся в старый спор о генетике и телеологии.

Долго останавливаться на этом споре я не стану, скажу только, что когда вместо генетики берут статистику, то делают грубейшую ошибку. Рассматривать какой бы то ни было исторический процесс, как продолжение какой-то ломаной линии, нельзя. История не повторяется и не продолжается, а изменяется. Экономическая жизнь имеет свои законы развития — общие, и для каждой страны в отдель-

ности. Эти законы необходимо изучать, но не для того, чтобы им подчиняться, а чтобы их подчинить задачам экономической политики. В данном случае, при построении генерального плана мы должны быть в роли механика, который использует физику. Конечно, инженер учитывает сопротивление материалов, о котором говорил тов. Громан, но не подчиняется этому сопротивлению, а подчиняет его себе. И если мы так подойдем к телеологии, именно в этом смысле, а генетику поймем в том смысле, что она открывает те законы, которыми мы будем пользоваться для своих построений, не подчиняясь этим законам, а подчиняя их себе, то, конечно, мы в работе по генеральному плану отведем определенное место и генетике и телеологии. Повторяю: экономическая политика—это вовсе не политика, которая подчиняется каким-то определенным экономическим законам; экономическая политика подчиняет экономические законы себе.

Поясню свою мысль конкретно. Если вы вскроете определенные экономические законы, то увидите, что одни благоприятствуют тому пути развития, по которому народное хозяйство СССР должно пойти от нэпа к социализму, а другие противодействуют развитию в этом направлении. Мы имеем возможность ослаблять вредные влияния и содействовать положительным влияниям. Если мы так поставим вопрос, то, конечно, нет никакого противоречия между генетическим и телеологическим моментами в работе, потому что действительно они будут друг друга дополнять. Решающей здесь является правильная формулировка основной задачи генплана: что мы строим в этом плане,—вообще какие-то линии неопределенного развития, или мы идем к какой-то определенной цели. Я думаю, что генеральный план будет ценен постольку, поскольку он нам конкретно представит процесс перерождения нэпа в социализм. На этом фоне потом мы будем строить перспективные планы в границах тех или иных отрезков времени, которые нас приближают к поставленной цели. Отсюда ясно, что вопрос о времени не должен предшествовать работам по генеральному плану. Время выяснится тогда, когда вопрос будет проработан в целом.

Прибавлю, что, конечно, генеральный план не должен быть общим лозунгом. Это должно быть конкретное, проверенное числовыми расчетами выражение всего развития. Хотя, с другой стороны, я бы не особенно конкретизировал генеральный план и ограничился бы общими контурами. На этом фоне потом можно расположить перспективные планы, достаточно детализированные.

Итак, самым ценным в докладе тов. Ковалевского я считаю то, что он вводит генеральный план в рамки, отвечающие именно такому смыслу генерального планирования.

Речь И. А. Трахтенберга

Я взял слово только для того, чтобы пояснить, что мною было сказано на прошлом заседании. Поэтому могу ограничиться только парой замечаний.

Было бы чрезвычайно досадно и я бы сожалел о своем выступлении, если бы докладчик так же меня бы понял и так же упростил бы вопрос, как это сделал один из выступавших здесь товарищей. Возможно, впрочем, что в таком упрощении я сам виноват, так как неясно изложил свою мысль.

Какова основная высказанная мною мысль? Н. А. талантливо и правильно прокламировал социально-экономическую установку в первой части своего доклада, но во второй части доклада программой работ не гарантируется эта установка. Программа составлена так, как будто все дело сводится к технической реконструкции. Социально-экономические изменения же явятся результатом технической реконструкции. Я же полагаю, что социально-экономические изменения должны быть априорным заданием. Предусматриваемая программой хотя бы и в начальной стадии работ неизменность цен является для меня одним из показателей неправильной постановки вопроса Вопрос этот я считаю вопросом не техническим, касающимся только техники работы, а вопросом принципиальным.

Я полагаю, что указанный мною недостаток можно исправить, не нарушая стройности чрезвычайно интересного и продуманного построения, представленного нам Н. А.

Н. А. Ковалевский

Заключительное слово

Петр Павлович Маслов начал свою речь замечанием, что есть два метода планирования. Один метод — статистический. В его изображении это метод произвольных статистических построений, которые можно так же произвольно менять, как они проектируются. Другой метод, как он говорит, более конкретный и реальный, это — метод хозяйственный. Он применяется с успехом в частном хозяйстве, им руководствуется каждый хозяйствующий суб'ект. Особенностью этого хозяйственного метода является отсутствие органической связанности в проектировках с другими отраслями народного хозяйства, независимость проектировок от них. По отношению ко всему народному хозяйству этот метод тоже никуда не годится. Вот к этому второму методологическому типу и относит П. П. тот метод, который предлагает сейчас комиссия генерального плана. Сам он утверждает, что стоит на иной точке зрения и предлагает иной метод.

Я попробовал отнестись внимательно к словам Петра Павловича, и внимательно прочел стенограмму его речи. Какой же метод он рекомендует? Отвергнув оба приведенных метода он ставит вопрос: „Как же подойти к планированию с народнохозяйственной точки зрения"? И отвечает: „Буржуазная экономика не дает, по моему, никакого материала для построения перспективного плана, но его дают, по моему мнению, работы К. Маркса, а именно его главы о простом и расширенном воспроизводстве". И дальше он говорит: „Если вы посмотрите, из чего исходит простое и расширенное воспроизводство, то придете к тому, что расширенное воспроизводство базируется на накоплении, что без учета накопления вообще невозможно никакое перспективное планирование". Какое накопление? — спрашивает он. Есть производственное накопление, есть непроизводственное. Первое имеет положительное значение, второе отрицательное.[1] „Значит в основном, прежде чем планировать, нам приходится исходить из самых общих положений о производственном и непроизводственном накоплении". „Но производственное и непроизводственное накопление в свою очередь связано с производством и потреблением. Все эти проблемы ставятся при построении перспективного плана? — Я не заметил их",— говорит Петр Павлович.

[1] Отмечу здесь мимоходом, что не всякое непроизводственное накопление есть отрицательный момент, как думает П. П.; накопление, напр., необходимых товарных запасов, страховых и резервных фондов не есть отрицательный момент.

Вот это странное обстоятельство, что Петр Павлович не заметил постановки этих проблем, заставляет меня теперь продемонстрировать перед вами, каким образом они поставлены.

На стр. 32—35 „План. Хоз.", № 4 за 1928 г., напечатана „Программа работ по экономике народнохозяйственного целого". В этой программе имеется глава 7, тема которой: „масса вновь создаваемой ежегодно в СССР ценности". Эта колоссальной, решающей важности проблема приводит далее к целому ряду новых проблем: „Распределение вновь создаваемой ежегодно в СССР ценностной массы: потребление, воспроизводство (простое), производственное накопление (расширенное воспроизводство), накопление товарных запасов, личное накопление в предметах потребления (жилище, одежда и пр.) и сокровища".

„Социалистическое накопление и возможности расширенного воспроизводства при рациональном использовании трудовых ресурсов.

Темпы расширения воспроизводства".

Далее, в главе 9 специальный пункт гласит: „Потребление (непосредственное, осуществляемое как в индивидуальном, так и в общественном порядке): 1) потребление рабочего; 2) потребление крестьянина; 3) потребление служащего".

Специальная глава 12 посвящена „балансу продукции и потребления". В этом балансе мы вновь встретимся с производственным и непроизводственным потреблением; сальдо баланса покажет нам степень использования создаваемых ресурсов, а анализ баланса покажет направление их использования, в том числе производственное и непроизводственное накопление.

Наконец, глава 16 указанной программы посвящена „проблеме равновесия хозяйственной системы, его материальным условиям и количественному выражению". В этой главе и должно найти свое развернутое и конкретизированное выражение применение марксовых схем воспроизводства и кругооборота общественного „капитала".

Нужно быть слепым, чтобы не заметить этих глав в программе нашей будущей работы. Тем более, что в них (если вы внимательно прочтете их полностью в тексте работы), сформулировано, по существу, дерзостное задание: попытаться вскрыть фетишистическую оболочку ценностных отношений и выявить основные производственные отношения в рабочем времени. Мы считаем, что в генеральном плане строительства социализма мы обязаны уже так поставить вопрос.

Но эта странная слепота П. П. Маслова продолжается и дальше. „Экономического цемента,—говорит он,—которым скрепляется весь тот громадный материал, из которого предполагается построить здание генплана, этого цемента я не вижу. Докладчик, так же, как и другие плановики, говорит: „вот на этом месте мы свалим кирпич,

а на этом месте свалим лес, а здесь железо..." и доходит до деталей,— „а вот здесь ручки от дверей..." но как строить, где тот цемент, посредством которого можно весь этот сырой материал превратить в здание, об этом не говорят". Где же этот цемент?

Приходится констатировать, что только своеобразной слепотой и можно об'ясить то обстоятельство, что П. П. Маслов не заметил целого раздела в программе наших работ, целую треть этой программы, не менее и даже едва ли не более важную, чем отраслевые и порайонные проработки и посвященную экономике народнохозяйственного целого. Как не заметил он и того, что целая треть работы, напечатанной в № 4 „План. Хоз.", посвящена вопросу о том, как, каким образом, пользуясь частными порайонными и поотраслевыми проработками мы должны будем создать картину целого, и что мы должны предвидеть уже сейчас в этих проработках, чтобы обеспечить их сводимость, т.-е. той части работы, которая посвящена методике сводки. Я не говорю уже об отдельных замечаниях, рассыпанных по всем главам нашей работы и свидетельствующих о постоянном внимании к проблеме целого.

П. П. Маслов поучал нас здесь марксовым схемам воспроизводства. У В. А. Базарова в его „Кривых развития" есть очень хорошее сравнение. Он говорит, что, конечно, знаменитые марксовы схемы воспроизводства, данные им в томе II „Капитала" для нас так же обязательны, как обязательны для инженера законы Ньютона о движении. Однако, самая практика регулирования народного хозяйства неизмеримо сложнее и требует разработки целой теории народнохозяйственной статики и динамики, в которой марксовы схемы воспроизводства займут такое же почетное место, как законы Ньютона в современной механике. Но совершенно так же, как, опираясь на одни только законы Ньютона, нельзя построить электрическую станцию, так нельзя создать народнохозяйственный план, опираясь на одни только марксовы схемы воспроизводства. И вот я спрашиваю вас: представьте себе, что физик пришел бы на Днепрострой и, подняв палец кверху, начал бы декламировать: „Corpus omne perseverare in statu suo quiescendi vel movendi uniformiter in directum..." и т. д. (первый закон Ньютона). Как бы взглянули на него люди, работающие сейчас над созданием Днепровской электрической станции? Только, как на чудака.

Между тем, мы с вами были сегодня свидетелями подобного выступления. Разрыв между общими теоретическими построениями и запросами практики, характерный для выступления П. П. Маслова, целиком его обесценивает и делает странным, как выступление вот этакого философа на Днепрострое. Разумеется, это азбука для нас! И эта азбука нами учтена, как это не трудно заметить при внимательном чтении.

Эта теоретичность выступления П. П. делает понятным, почему он недоумевает и относительно постановки вопроса о расширенном воспроизводстве рабочей силы. Он говорит, что в других областях он это понимает, но в этой отказывается понять. И это станет об'яснимо, если обратиться к самой установке тов. Маслова. Как он формулирует проблему? Он говорит: „Что такое воспроизводство рабочей силы? Это удовлетворение личных и общественных потребностей населения, т.-е. потребление продуктов его производства". Таким образом, из поля его зрения целиком выпадает актуальнейший вопрос, которым болеет сейчас плановая мысль, вопрос о специальной подготовке квалифицированной рабочей силы — школа всех видов и прочие виды специальной подготовки. Между тем, момент этот имеет огромное значение в деле планового регулирования. В. А. Базаров совершенно правильно отмечал это здесь. Часто мы просто не в состоянии развивать ту или иную новую отрасль промышленности из-за недостатка подготовленной рабочей силы. И этот момент исчезает из поля зрения П. П. Маслова.

Далее, говоря об общих схемах воспроизводства, П. П. пытался популярно об'яснять нам важность проблемы темпа воспроизводства и темпа накопления. Ну что сказать человеку, который тоном меламеда поучает нас здесь на эту тему, в то время как мы считаем этот вопрос одним из важнейших вопросов в наших проектировках, считаем его одним из важнейших и решающих моментов в нашей борьбе с капиталистическим миром! Кстати сказать — вопреки А. Л. Вайнштейну,—который полагает, что не важно, достигнем ли мы поставленной цели через 12—15 или через 25 лет.

Резюмируя сказанное по поводу речи П. П. Маслова, мне кажется, можно констатировать, что никакого иного метода, кроме развитого нами в нашей работе, П. П. Маслов здесь не предложил. Хозяйственным он, повидимому, показался ему в сравнении с той бесхозяйственностью, которую он сам обнаружил сегодня в обращении с материалами, ставшими об'ектом его критики. Впрочем этот термин П. П. не так уже одиозен по существу в применении к плановому хозяйству. Этим методом, говорит П. П., руководствуется каждый хозяйствующий суб'ект и он с успехом применяется в частном хозяйстве. Что же удивительного, если им пользуется и коллективный хозяйствующий суб'ект — пролетариат? Через свои плановые органы он имеет все основания поставить вопрос о конкретном и рациональном построении своего хозяйства в противовес иррациональности капиталистического народнохозяйственного регулирования. Вполне понятно поэтому, что многие из методов, доступных ранее лишь в небольшом отдельном хозяйстве становятся достоянием рационалистического руководства в хозяйстве СССР.

Иосиф Адольфович Трахтенберг упрекнул меня в узком практицизме. Раньше мне пришлось выслушать упрек иного порядка: меня упрекали в профессорской установке, и если хотите, ваш упрек в практицизме я воспринимаю до известной степени, как похвалу,

ибо он свидетельствует мне, что, очевидно, практический дух во всяком случае не чужд моей работе. А между тем, ведь эта наша работа имеет своей целью организовать всех нас для работ по генеральному плану. И если бы она была лишена практического духа, было бы чрезвычайно печально. Правду сказать, я воспринял этот упрек очень остро. Вы помните я задал вам вопрос: в чем собственно заключается этот практицизм? Вы ответили: „Хотя бы в том, что у вас техническая реконструкция довлеет. В том, что у вас развертывание хозяйства сводится к техническим достижениям и нигде я не вижу во всей вашей концепции тех социальных сдвигов, о которых вы очень много говорите в начале статьи. В самой методологии работы они не предусмотрены".

В вашей речи, И. А., вы также утверждаете, что „план реконструкции, нам представленный, в сущности, является реконструкцией технической". „Телеологический принцип, подчеркиваемый планом, сводится к технической реконструкции" и „перестройка общественных отношений не устанавливается, как априорное задание".

Не трудно показать, что это прямое недоразумение. Как определяем мы в своей работе задачи генерального плана? В главе 2, посвященной этому вопросу, можно прочесть следующее: „Чем должен быть генеральный план? Он должен представлять собой нашу экономическую программу, программу реконструкции всего народного хозяйства СССР на энергетической базе с оптимальным использованием достижений мировой техники и применением принципа общественного разделения труда между экономическими районами. Это должен быть экономический план нашего движения к социализму".

Вслед за этим идет большой абзац, из которого И. А. цитировал начальные слова каждой фразы, чтобы показать мои формулировки, характеризующие генеральный план, как план, который должен быть очерчен основными контурами. Если дочитать каждую фразу этого абзаца до конца, то там мы встретим вот какие задания и целевые установки:

...„План этот должен определить основные типы и формы социально-экономического развития как отраслей, так и народнохозяйственного целого, диференцируя их по районам, 4) план должен дать компановку модели народнохозяйственного целого на определенном этапе развития, когда с точки зрения наших современных социально-экономических и технических представлений реконструированная техника и обобществленные формы будут настолько преобладающими, что позволят уже говорить о новом типе общества, о существенном приближении к поставленной перед нами конкретной цели и, наконец, 5) это должен быть конкретный план движения к этой цели, без чего он мог бы оказаться нереальным, оторванным от действительности. План должен показать, как, какими путями, с применением каких организационных методов, с каким использованием материальных и энергетических ресурсов мы сможем в кратчайший срок и наиболее экономно этой цели достигнуть".

Ведь в этих строках колоссальнейшая программа работ по социально-экономической реконструкции. Как же можно говорить после этого, что „в самой методологии работ они (социальные сдвиги) не предусмотрены?"

Дальше в главе „Общие вопросы методологии генплана" на стр. 11 читаем: „Все эти работы (речь идет о работах по выявлению оптимумов по отраслям, районам и народнохозяйственному целому) должны вестись не только в технико- и организационно-производственном аспекте..., но и в социально-экономическом аспекте (социально-экономические типы и формы производства, организация людей и их отношений), с четкой формулировкой тех целей, достижением которых мы задаемся в плане реконструкции".

Затем дальше в этой же главе, на стр. 12, там, где приведен пример с сельскохозяйственным машиностроением, говорится следующее:

„Однако, одного агротехнического аспекта для разрешения вопроса о количестве и ассортименте с.-х. орудий и машин еще недостаточно. Необходимо взвесить потребность в с.-х. машинах и орудиях и с точки зрения социально-экономических форм развития сельского хозяйства. Будем ли мы иметь через 12—15 лет 35 миллионов индивидуальных крестьянских хозяйств, как думают некоторые, или, задержав парцеллирование их, сохраним имеющиеся сейчас 25 миллионов дворов, оставляя их индивидуальными хозяйствами, или же поведем крестьянство по пути обобществления и как поведем его, какое количество земли будет у нас обрабатываться в совхозах, какое в артелях, какое будет об'единено по типу украинских „громад" (Сычевка), — или иными путями? В зависимости от того или иного разрешения вопроса о социально-экономических формах развития внутри, скажем, того же „тракторного сектора" (если говорить о техническом типе хозяйства), количество тракторов может быть потребно совершенно различное. Известно, например, что при переходе к общественной обработке земли в больших масштабах количество тракторов, необходимых для с.-х. работ, сокращается почти вдвое по сравнению с количеством, необходимым для индивидуальных хозяйств. Технический тип тот же самый, но изменившиеся социально-экономические формы вызывают и резкое изменение количества необходимых машин".

„И лишь проработав вопрос о с.-х. машиностроении со всех этих точек зрения — технической, организационно-производственной и социально-экономической, — мы можем питать надежду избежать явных несуразностей и нелепостей в наших проектировках. То же

самое будет иметь место и по отношению к каждому разделу, каждой отрасли, каждому району.

Поэтому вопрос о технико-и организационно-производственных типах и социально-экономических формах развития должен прорабатываться не в одном каком-либо разделе работ, но во всех разделах: отраслевом, порайонном и всесоюзном".

Читая дальше абзац за абзацем, главу за главой, вы убедитесь в том, что все они пронизаны мыслью о социально-экономической реконструкции, для которой реконструкция техническая является лишь необходимым вооружением.

Тов. Зак совершенно правильно понял нашу основную мысль. Тот генеральный план, который мы конструируем сейчас в СССР, должен охватить собою переходный период вплоть до того момента, когда количественные изменения, накапливаясь, создадут уже иной и качественный результат, т.-е. вплоть до того момента, когда обобществленные формы и реконструированная техника станут настолько преобладающими, что можно уже будет говорить о новом типе общества.

Но в некоторые формулировки тов. Зака необходимо внести поправку. Он говорит: „Вся конструкция генерального плана должна быть построена таким образом, чтобы она дала нам процесс ликвидации нэпа и создание на развалинах нэпа какого-то нового уклада, который называется социалистическим".

Конечно, ни о каких „развалинах" нэпа, ни о какой „ликвидации" его говорить не приходится. Никаких „развалин" нэпа не будет.

Уточняя формулировку тов. Зака, следует сказать: генеральный план должен охватить собою период завершения того исторического маневра, который принято называть новой экономической политикой, или, как говорит дальше сам же тов. Зак, — конкретно представить нам „процесс перерождения нэпа в социализм".

Вот этот переходный период и призван по всей нашей концепции охватить конструируемый в настоящее время генеральный план.

Во втором своем слове И. А. Трахтенберг уже сдает половину своих позиций и утверждает лишь, что социально-экономическая установка, прокламированная в первой части доклада, не гарантируется программой работ.

Возражая П. П. Маслову, я уже привел целый ряд пунктов программы, показывающих, что это не так. Здесь я добавлю следующее:

1) Программа отраслевых проработок начинается вводным абзацем, который гласит, что каждый параграф ее прорабатывается с подразделением по социально-экономическим типам хозяйства (как в его современном состоянии, так и в проектировках) до социалистического уклада включительно. Определение социально-экономических форм, в которых проектируется развитие, таким образом, является обязательным для каждой отрасли.

2) Программа порайонных разработок плана заканчивается подобным же указанием о том, что, работая над каждой главой районной программы, необходимо продумывать ее в социально-экономическом аспекте, с обязательным определением социально-экономических форм развертывания хозяйства.

Тем самым программа представляет достаточный простор для того, чтобы целевые установки, данные в методологической части, смогли получить надлежащую и конкретизированную разработку.

Наконец, 3) программа работ по экономике целого имеет с этой целью ряд специальных глав:

Гл. 4. „Общие принципиальные установки в технической, энергетической и социально-экономической реконструкции СССР." В проспекте этой главы можно прочесть следующие строки: „Кроме вопросов энергетической и технической реконструкции, здесь должны быть продуманы и очерчены социально-экономические формы хозяйства, об'ем, охватываемый ими, и их удельные веса в системе хозяйства Союза, организационные формы кооперирования города и деревни и т. д., и т. п."

Гл. 6. Организация труда.

Гл. 7 и 8, ставящие проблемы наиболее рационального распределения народнохозяйственной продукции по руслам производства, накопления и потребления, и проблему отношений города и деревни.

Гл. 9, охватывающая весь комплекс так называемых социально-культурных проблем.

Гл. 13, ставящая проблемы организационной рационализации всего процесса распределения народного дохода и замены современных его форм (бюджет, кредит, ценовое распределение) формами адэкватными сущности новых отношений, складывающихся к концу периода, охватываемого генпланом.

Гл. 17 и 18, ставящие проблему планового регулирования народного хозяйства, его методов и рычагов во весь ее рост, как основную организационную проблему социализма, ставящие, затем, экономические проблемы организации промышленности, транспорта, сельского хозяйства, товарооборота и т. д., рационализации их организационных форм, отыскания адэкватного организационного выражения происходящих изменений социальной сущности протекающих в них хозяйственных процессов и, наконец, вопросы „конституционного" выражения этих проблем — перерастания государственного аппарата в экономический аппарат коллективного хозяйствующего суб'екта.

Менее характерных проблем, стоящих в плане работ, я здесь не привожу.

Эта программа, вместе с целевой установкой на строительство социализма, данной в первой части работы, как раз и является гарантией, которую ищет И. А. Трахтенберг.

Неудовлетворенность И. А. станет понятной только в том случае, если предположить, что он ищет не программу работ, а ответа на вопрос о том, каким образом эти проблемы разрешаются в генеральном плане. На этот вопрос, разумеется, отвечать в нашей работе было бы преждевременно.

Затем я перехожу к вопросам, возбудившим столько недоумений, и прежде всего к вопросу о стабильных ценах. Тов. Гордон своим выступлением облегчил мне задачу защиты этого приема разработки плана. Поэтому я добавлю немногое.

Что сказали бы вы, если бы кто-либо поступил следующим образом. Допустим, вам требуется 25 помножить на 13. Я начинаю:

$$\begin{array}{r} 25 \\ \times\ 13 \\ \hline 75 \end{array}$$

В это время кто-то говорит: „Чорт знает, что такое: у вас $25 \times 13 = 75$!“

Примерно то же происходит здесь. И. А. Трахтенберг упрекает меня в том, что здесь заранее устанавливается неизменность всех социально-экономических отношений, что комплекс старых социальных отношений сохраняется в качестве априорной предпосылки и т. п. Позвольте, я хочу 25×13, вы останавливаете меня на полдороге и начинаете анализировать „результаты“, как будто бы умножение уже произведено. Необходимо понять, что это незаконченный момент счета, что мы здесь на половине дороги и что о первом приближении генерального плана в этой стадии счета еще нельзя говорить. Позже, когда мы введем подвижные цены, подвижную заработную плату и т. д., распределим народный доход по различным руслам его движения, сбалансируем проектировки,— мы получим связную картину социально-экономического целого. Только тогда можно предъявлять те экономические требования, о которых вы говорите.

Между прочим, эта ошибка и эти возражения крайне типичны и повторяются почти каждым синтетически мыслящим человеком, когда он впервые знакомится с этим техническим приемом проектирования. Имея в виду это обстоятельство, тов. Гухман говорил мне, что может быть об этом приеме не стоило упоминать. Однако, я думаю, что если речь идет о технике построения генплана, то об этом говорить следует, так как без этого приема нам не обойтись. В самом деле, мы подходим к проектировке развертывания отраслей по всем отраслям сразу, или хотя бы по ведущим отраслям. Можем ли мы ввести в проектировку какие-либо иные цены, кроме тех, которые нам известны сейчас? Тов. Гордон уже на этом останавливался. Что, кроме фантазии, тут можно ввести в качестве ценообразующих факторов в калькуляцию цен еще до разработки планов развития других отраслей, если отказаться от цен отправного года? Что, кроме вреда, получится от таких помноженных друг на друга фантазий?

Чтобы сделать расчеты соизмеримыми, мы берем всюду цены отправного года. Вводя в калькуляцию стабильные цены и стабильную сетку заработной платы, мы тем самым делаем возможным определение эффекта, который получится от реконструкции данной отрасли, самой по себе.

Возникает вопрос: какой реконструкции? Тов. Гордон на этот, поставленный ему с места вопрос ответил: технической реконструкции. Не только технической. Возьмем пример: кустарная промышленность, производящая 10.000 штук столовых ножей ежегодно. Вы проектируете заменяющую ее государственную фабрику, производящую 1.000.000 штук ножей ежегодно. Вы здесь имеете сложную реконструкцию: с одной стороны—техническую, с другой—социально-экономическую. Учесть ее итог в смысле снижения себестоимости продукта, не обманывая себя и других успехами реконструкции в других отраслях, вы сможете, лишь пользуясь неподвижными ценами отправного года.

Другой пример. Скажем, вы рассматриваете производительность труда на одно лицо, занятое в производстве, и себестоимость тонны пшеницы — в сельском хозяйстве данной волости, имеющей определенное количество земли, рабочих рук, имеющей определенный инвентарь, применяющей трехпольную систему севооборота и представляющей собою сумму индивидуальных крестьянских хозяйств; и затем рассматриваете те же показатели в том же сельском хозяйстве волости, но только целиком реконструированном путем введения тракторной тяги и машинной обработки и путем производственного кооперирования той же волости, перешедшей на общественную обработку земли и уборку урожая и на многопольный севооборот.

Вы имеете здесь еще более сложную реконструкцию: техническую, организационно-производственную и социально-экономическую. Непосредственный экономический результат ее вы можете учесть в таких показателях, как производительность труда на одно занятое в производстве лицо, себестоимость единицы продукта и пр.

Но как вы практически сможете учесть производительность труда? Только исчисляя разнородную и меняющуюся по своему составу в результате реконструкции продукцию волости в неизменных ценах отправного года. Этот практический прием с допустимой степенью приближения заменит вам количественное исчисление продукции на одного занятого рабочего, не осуществимое в натуре в виду несопоставимости разнородных продуктов. Снижение себестоимости тонны пшеницы в результате проведенной реконструкции вы также сможете учесть, лишь оперируя неизменными ценами отправного года. В противном случае все окажется спутанным.

Получив, таким образом калькуляцию себестоимостей по всем отраслям по ценам отправного года и наметив соответственно необходимые отпускные цены, вы вводите эти измененные цены во все калькуляции и получаете новое снижение себестоимостей, на этот

раз уже являющееся для каждой отрасли результатом реконструкции других отраслей. На основе этого нового снижения вы проектируете новые отпускные цены, которые вновь вводите в пересчет. Повторив эту процедуру несколько раз, вы, наконец, исчерпаете действие ваших проектировок на себестоимость и получите экономическое выражение народнохозяйственной реконструкции в ценах товаров.

Все это даст затем возможность судить о чистом росте реальной заработной платы в результате запроектированной реконструкции при стабильной еще сетке ее, после чего вы сможете подойти к разрешению вопроса о необходимой и всесторонне взвешенной линии динамики номинальной заработной платы.

Разница в ценовом выражении валовой продукции страны по ценам отправного года и по ценам, полученным в итоге народнохозяйственной реконструкции к конечному году проектировки (при стабильной еще сетке зарплаты) составит тот фонд, который будет подлежать распределению, в оптимальном с народнохозяйственной точки зрения отношении между: 1) добавочным накоплением, идущим на расширение производства; 2) ростом благосостояния населения, получающимся в итоге снижения цен (рост реальной зарплаты), и 3) ростом номинальной зарплаты.

В целях уменьшения количества счетных операций можно было бы изменения в сетке зарплаты ввести в расчеты одновременно с введением в кулькуляцию снижающихся цен. Однако, это затруднило бы проектировку рационального использования экономических результатов намечаемой реконструкции.

Таким образом, мы приходим к выводу о методологической необходимости и правильности применения в качестве подсобного приема — стабильных цен и неизменной сетки зарплаты.

Останавливаюсь здесь еще на одном методологическом приеме. Ряд товарищей возражал здесь против идеи удвоения народного дохода. Возражения эти продолжались и после того, как я в порядке фактической справки напомнил, что нигде в докладе, ни в печатной работе момент удвоения не фигурирует.

Должен сказать, что меньше всего эти возражения относятся ко мне. „Патриотом" метода удвоения я вовсе не являюсь. В свое время работниками комиссии генплана была выдвинута идея замены конечного срока проектировки генплана некоторым экономическим моментом, в который и должен быть произведен „моментальный фотоснимок" состояния народного хозяйства, каким оно представляется на рассматриваемой стадии реконструкции. Таким моментом они выбрали удвоение народного дохода (среднего реального на душу населения). Этот методологический прием был в свое время принят комиссией и, как известно, старые проектировки генплана им пользуются.

Мне удалось доказать, что в таком виде это методологическое допущение не выдерживает критики, ибо момент удвоения, во-первых, практически не устраняет собою срока и по целому ряду причин проектировки фактически ведутся на три пятилетия. Поэтому, как я говорил уже в докладе, нам пришлось посмотреть правде в глаза и принять, что мы ведем свои проектировки во времени, хотя и не фетишизируя календарных сроков. А во-вторых—момент удвоения не является каким-либо показательным или переломным экономическим этапом, который бы заслуживал того, чтобы о нем стоило говорить и к нему приурочивать проектировки генерального плана в советском государстве. К моменту удвоения никакого генерального плана могло бы и не получиться; это мог бы быть просто некоторый отрезок перспективного плана. Поэтому мы остановились на ином моменте: мы взяли своей основной установкой социально- и технико-экономическую реконструкцию в том понимании, которое я изложил в своем докладе, и все остальное, кроме, разумеется, основных регулятивных идей, об'явили искомым.

При этом в качестве методологического приема, позволяющего нам разорвать замкнутый цепной связью круг экономических явлений, мы приняли метод рабочих гипотез: о сроке, в течение которого может быть достигнута намечаемая степень реконструкции, о росте населения — этой основной производительной силы страны,— о росте народного дохода — в целях получения некоторой предварительной ориентации относительно емкости рынка и возможных размеров будущей продукции.

Рабочие гипотезы эти должны быть приняты на основе некоторой предварительной проработки вопроса, с тем, чтобы потом проверяться и уточняться по мере разработки плана. Что касается гипотезы о росте народного дохода, то ей мы придаем „сугубо условный характер" и принимаем лишь „для первых этапов работ". [1]

При чем, однако, считая масштабы продукции одним из решающих моментов в проектировках, мы предупреждаем от рутинного подхода к нему, направляя мысль проектировщика ко всестороннему взвешиванию возможностей развертывания производства. Мы говорим: „Если бы мы подошли к развертыванию данной отрасли лишь с меркой коэфициента изменения народного дохода, то получился бы весьма печальный результат". [2] Пример — проблема развертывания производства удобрений.

Но метод проектировки ориентировочного коэфициента изменения народного дохода вовсе не единственный способ подхода к первоначальной наметке масштабов продукции. (Речь идет о самой первоначальной наметке. Иллюстрируем это примером из другой

[1] См. главу „Специальные вопросы общей методологии генплана", стр. 17, п. 2.
[2] Глава о сводке, стр. 41.

области. Вы приступаете к лепке; какой ком глины вам надо взять: в килограмм или в тонну?). Возможны и другие пути. В своей статье на стр. 41 я пишу: „В генеральном плане мы ставим своей задачей ликвидацию технической отсталости по сравнению со странами передовой техники. Это влечет за собой и ликвидацию отсталости в потреблении. Отсюда мы можем подойти к первоначальному определению необходимых размеров продукции, привлекая на помощь показатели изменений структуры спроса и производства в странах капитализма по мере их индустриализации, роста культуры и благосостояния, памятуя, конечно, что к этим показателям необходимо относиться критически и пользоваться ими лишь в качестве опорных точек для собственных суждений".

Мы ликвидируем нашу техническую отсталость по сравнению со странами передового капитализма.

Тем самым мы потенциально ликвидируем и нашу отсталость в потреблении, технически обеспечивая производство.

Отсюда вывод о возможности приблизиться к определению примерных масштабов продукции к моменту такой ликвидации отсталости, взяв передовые нормы потребления стран капитализма и модифицировав их применительно к нашим естественно-историческим, технико-производственным и социально-экономическим условиям (беря предположительно второй и третий факторы по их состоянию к концу периода генплана).

Этот метод-гипотеза структуры потребления к моменту ликвидации отсталости и отсюда гипотеза примерных масштабов продукции, — может заменить собою метод ориентировочного определения коэфициента изменения народного дохода на душу населения. Он является более конкретным, и потому, может быть, более соответствующим принятой нами методологии плана реконструкции.

Если принять этот первый путь, тогда материальная задача генплана в первоначальный момент работы может быть сформулирован так.

Дано задание: достигнуть таких-то масштабов продукции (обратная сторона — потребления и накопления) на единицу населения. Даны условия его выполнения: наличные естественные ресурсы, средства производства, наличная рабочая сила общества, наличные достижения мировой техники, отношения с капиталистическим миром и пр. Спрашивается, какими технико-производственными методами, в каких социально-экономических формах (при какой степени обобществления) и, наконец, при какой организации процесса расширенного воспроизводства и кругооборота „капитала", — эта задача в кратчайший срок может быть разрешена?

Таким образом, вы видите, что предварительная ориентировочная проектировка коэфициента роста народного дохода получает настолько подсобный характер, что от него без труда затем можно отказаться. Как выразился кто-то из работников генплана, наши

рабочие гипотезы, это — лишь леса, применяемые при постройке здания, которые затем будут сняты.

Теперь несколько слов относительно статистических подсчетов. А. Л. Вайнштейн предполагает, что в генеральном плане чуть ли не совсем нужно обойтись без статистики, или во всяком случае почти без статистики. Я неоднократно упоминал в своей статье о том, что статистика должна носить подчиненный запросам экономики, политики и техники характер. Но отказаться вовсе от статистики — это значит решиться на проектировку воздушных замков, абсолютно ничем не обоснованных, пойти по пути утопии и фантастики, против чего здесь предостерегал целый ряд товарищей.

В связи с этим возникает вопрос об об'еме работ.

А. С. Гордон говорит, что намеченный об'ем работ его приводит в содрогание, он опасается, что ему не удастся дожить до окончания работ по генеральному плану.[1] Думаю, однако, что эти опасения коренятся в нашем прошлом, когда, находясь в подготовительной стадии, работы по генеральному плану велись разрозненным фронтом и в порядке „кустарного производства". Тот путь построения генерального плана, который мы теперь предлагаем, можно было бы называть индустриальным методом. Идя широким фронтом целостного охвата народного хозяйства, мобилизовав для этих работ силы, которые необходимы для охвата стоящих перед нами и требующих своего разрешения в генеральном плане проблем, мы сможем проделать эту работу и дать первую компановку плана (не „материалов", а самого плана) в пару лет. То, что кажется недоступным для ума отдельного исследователя, будет успешно разрешено в порядке организованного сотрудничества грандиозного многотысячного коллектива. Он и явится той колоссальной машиной, которая „переварит" этот пугающий отдельного исследователя материал и приподнесет его в компактной и обозримой форме конкретных выводов и таких немногих „статистических" величин, как коэфициент нашего энергетического вооружения, коэфициент роста производительности труда по каждой отрасли, ожидаемое снижение цен по основным товарам, осуществимый рост благосостояния рабочего и т. п.

Меня упрекают в том, что, поставив задачу нарисовать генеральный план — программу движения к социализму — немногими основными штрихами, я затем впал в противоречия с самим собою, развертывая огромную программу работ. Но, упрекая меня в этом, товарищи очевидно забывают, что у художника эти немногие основные штрихи есть лишь видимый результат большого глубокого и тонкого предварительного изучения предмета, изучения анатомии, изучения стиля эпохи и т. п. Для того чтобы иметь возможность

[1] Напомню А. С., что по моей концепции искания оптимумов — работы по генеральному плану будут вестись вечно. И, однако, никого из нас это в содрогание не приводит.

схватить и выделить наиболее характерное в человеке и передать его облик несколькими штрихами, художник должен видеть и наблюдать его целиком, он должен знать человека всего. И это глубокое знание предмета и проникновение в его сущность отличает рисунок гения от безграмотной мазни дилетанта.

То же следует сказать и об основных контурах народного хозяйства.

А. С. Гордон опасается, что об'ем программы приведет к необходимости пользоваться интуитивным методом. Вот как-раз без такого глубокого изучения народного хозяйства и без конкретизации и серьезного обоснования проектировок ничего кроме „интуиции" и не остается в нашем распоряжении.

И. А. Трахтенберг, А. С. Гордон и другие товарищи,— все они соглашаются с тем, что проектировки должны быть конкретными. И даже П. П. Маслов говорит, что нужен не только простой учет накопления, „но и характера накопления, характера вложений... для того чтобы мы могли действительно себе представить картину дальнейшего развития". Но что значит учесть конкретно характер вложений? Необходимость этого учета и заставляет нас в программе требовать ответа на вопрос, каковы эти капитальные вложения: есть ли это простое расширение (без реконструкции), есть ли это новая стройка предприятий старого типа (а таких „белых ворон реконструкции" сейчас сколько угодно), есть ли это подлинная реконструкция старых предприятий, есть ли это постройка предприятий новейшего типа, или это, может быть, еще только „компромисные" предприятия.

Ведь не охватив современного состояния отрасли, вы же не в состоянии ответить на вопрос: что дальше делать? Как и какую реконструкцию осуществлять?

А для того чтобы конкретно, а не в пустых ничего не значащих, ничего не фиксирующих и потому не к чему не обязывающих фразах запроектировать реконструкцию данной отрасли промышленности, вы ведь должны продумать и показать в вашем плане хотя бы в основных и главнейших чертах не только технику, но и самые методы (технологию) производства и те действительно новейшие и оптимальные в наших условиях приемы, которые вы вводите в процесс. Ведь это же прямая обязанность детальных проектировок, составляющих материалы плана и обосновывающих его.

Товарищи должны понять, что между требованием конкретизации и ростом об'ема материалов плана, как-раз никакого противоречия и нет. Общие, абстрактные формулировки всегда компактнее и короче конкретных, рисующих явления в их многообразии.

Но это не должно нас пугать, план исследования и план изложения вовсе не одно и то же.

Для того чтобы наши проектировки были обоснованы и реальны, а не фантастичны и не „интуитивны", надо проделать большую работу предварительного проектирования и собирания материалов, из которых то, что окажется не характерным, „серым", можно будет отбросить. Зато это даст возможность выделить все типичное, яркое, основное и показательное.

План изложения еще далеко впереди.

Затем, большой группой вопросов являются те вопросы, против которых полемизировал с такой остротой В. Г. Громан. Каким будет генплан? Мы в своей работе характеризуем наше построение, как минимальное, полагая, что жизнь нас опередит. Возражая, В. Г. говорит, что мы исходим в своем утверждении из благоприятствующих факторов, но что есть и противоборствующие явления. К этим противоборствующим явлениям он относит стихию 25 млн. крестьянских хозяйств, стихию природы и т. д.

Однако, не трудно заметить, в чем заключается ошибка В. Г.

Я говорю о будущих технических изобретениях, будущих организационных достижениях, будущих открытиях естественных богатств, т.-е. о факторах в момент проектировки отсутствующих, вернее—не существующих вовсе. А 25 млн. крестьянских хозяйств—разве отсутствующий фактор? А климатические условия—разве отсутствующий фактор? Взятый на 15—20 лет климат есть величина постоянная, и мы ее обязаны учесть. Стихия 25 млн. крестьянских хозяйств — фактор непостоянный. Но если даже американцы считают возможным разрабатывать план развития сельского хозяйства, то мы обязаны это сделать всем существом советской системы хозяйства. Стихия крестьянских хозяйств—фактор непостоянный, но в какую сторону он меняется? Что будет происходить на протяжении периода, охватываемого генпланом? Будет ли эта стихия усиливаться или она все более и более будет охватываться методами планирования? Очевидно, действие этого фактора будет постепенно смягчаться, его противоборство будет уменьшаться. Но так или иначе его действие мы обязаны учесть.

Что касается военного варианта и варианта мировой революции — я сознательно оставляю их в стороне, потому что о них речь должна итти особо; в докладе я отмечал, что мы, прежде всего, должны дать вариант мирного строительства. И именно об этом варианте мы и говорим, что он неизбежно явится минимальным.

В. Г. особенно ополчился на меня в связи с моими примерами из области возможных в будущем технических изобретений, влияния которых мы сейчас учесть, а потому и ввести в наши проектировки,— не в состоянии. Я не знаю, что его так вывело из равновесия. Может быть, та опасность, которая угрожает со стороны установок Хэйта его излюбленному предмету кон'юнктурных наблюдений — дождям?

Замечу кстати, что В. Г. непомерно преувеличивает значение этого естественно-исторического фактора на развитие общественных отношений. В. Г. дает формулу: „В той мере, в которой это хо-

зяйство (речь идет о сельском хозяйстве) будет подчинено силам природы, которыми мы не овладели, в той мере оно будет расти стихийно" (стенограмма речи). Явная переоценка значения метеорологического фактора: климат и метеорологические условия могут оставаться неизменными, а техника обработки земли и социальные отношения меняться. Больше того: этот стихийный фактор гораздо успешнее может быть обуздан и подчинен человеку в плановом хозяйстве, чем в хозяйстве разрозненных и стихийно регулируемых товаропроизводителей. Приведенная же формула В. Г. Громана по сути своей содержит в себе отрицание возможностей успешного развития процессов обобществления в сельском хозяйстве до тех пор пока мы не овладели метеорологическим фактором.

Итак, установки Хэйта приведены мною лишь как пример одного из возможных технических завоеваний в будущем, учесть которые мы в настоящем не в состоянии.

Приведу еще один пример: в тот самый вечер 25/V, когда мы здесь на прошлом заседании клуба спорили на эти темы, два химика — проф. Ракузин и проф. Зелинский, делали на заседании Осоавиахима доклад об открытом ими методе использования почти неисчерпаемых залежей глауберовой соли залива Каспийского моря Карабугаза, естественной фабрикой которой он является. Ими найден новый метод получения из глауберовой соли — соды и серной кислоты, с таким колоссальным производственным эффектом, сосоединенным с такой простотой производственных процессов, что это во много раз удешевляет продукцию. Если эти опыты оправдаются в промышленном масштабе — это целая революция в современной химической промышленности, ибо эти продукты — сода и серная кислота—являются для нее основными.

Если это окажется верным, то я спрашиваю: имели ли мы право неделю тому назад, не зная ничего, учитывать такой новый фактор? Очевидно, нет. Мы знаем, что подобные факторы будут появляться и впредь, но когда они будут появлятьсь и что они будут собой представлять, сейчас предвидеть этого невозможно.

Итак, резюмируя наш спор с В. Г., мы должны сказать следующее: в процессе планирования мы встречаем благоприятствующие и противоборствующие факторы. С учетом их мы строим генеральный план. Но вот ряд факторов, не существующих в момент проектировки, появится лишь в будущем. Мы расчленяем их на три группы: новейшие изобретения, организационные усовершенствования, открытия естественных богатств. Их революционизирующая роль колоссальна. Постоянное появление в будущем таких факторов будет осложнять наши проектировки, заставит пересматривать генплан, заставит перманетно работать над выявлением оптимума. Поэтому я считаю, что мы не поколеблены в своем предположении о том, что генплан, который мы строим, по необходимости явится минимальным.

Тов. Вайсберг как-будто обижается на это обстоятельство и это, конечно, понятно. Но ведь мы тоже ставим своей задачей, как предлагает и тов. Вайсберг, учесть все возможности максимального развертывания производства и максимальных темпов движения к социализму. Однако, об'ективным ходом исторического развития мы обречены на недоучет возможностей реконструкции. То, что тов. Вайсберг говорит о просчетах годовых планов и материалов к пятилетке—здесь не указ. Недочеты плановой работы никто не предлагает возводить в принцип. В годовых планах мы обязаны учесть все возможности реконструкции, принять во внимание все новейшие достижения техники. В пятилетнем плане, выражаясь мягко, это сделать труднее. В генеральном плане это просто невозможно, и мы вынуждены проектировать его, исходя из существующих достижений и изобретений, заранее подчеркивая, что будем вносить в него в дальнейшем изменения в зависимости от прогресса техники, организации и наших знаний естественных богатств.

Что я из замечаний В. Г. Громана принимаю, так это поправку к формуле роста народонаселения. Давая формулу: „прирост населения есть функция народного благосостояния, меняющегося в генеральном плане", мы брали понятие „народного благосостояния" в весьма расширенном значении. Но, пожалуй, такой общей формулировки действительно не достаточно, нужно ее развить, дополнить и уточнить. И здесь мы обращаемся с запросом к нашим демографам. Они должны подметить выявляющиеся закономерности, обнаружить конкретные причины происшедших и происходящих сдвигов в темпах рождаемости и смертности, установить зависимость их от социально-экономических форм хозяйства, частной собственности, общинного владения, влияние душевых земельных наделов, влияние перехода от капиталистической фабрики к национализированной промышленности, влияние наших мероприятий по охране материнства и младенчества и т. д., и т. п.

Все это для нас крайне важно в целях правильной ориентации в будущем росте народонаселения, ибо в конце концов человек есть центр внимания и основа наших проектировок.

Однако, эти соображения — лучшее доказательство того, что нельзя брать кривые развития народонаселения без всякой критики, наоборот, нужно à priori предполагать какую-то реконструкцию этой кривой.

Затем разрешите перейти к вопросу о кривых развития и о пользовании ими.

В. А. Базаров, выступая прошлый раз, согласился с тем, что у него действительно „нехорошо получилось" в его первой брошюре о методологии, напечатанной в 1924 г., там, где он за основу всего плана развития народного хозяйства рекомендует взять генетически выведенный перспективный план сельского хозяйства. Но он пытается найти себе союзника в этой ошибке и вспоминает, что

в 1920 году Ленин дал директиву строить план, исходя из возможного сбора хлеба и возможного развития экспорта. Однако, я думаю, что В. А. всуе вспоминает имя Ильича. Что писал В. А. в своей брошюре? „Генетически выведенный перспективный план с.-х. продукции явится тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые перспективные планы отдельных отраслей промышленвости" (стр. 9). А о чем заботился Владимир Ильич? Он считал народнохозяйственной задачей каждый „лишний" пуд хлеба, полученный от сельского хозяйства, бросить куда? Какой замыслил он план? На какой план вдохновлял Г. М. Кржижановского? — На электрификацию страны, на план реконструкции всего народного хозяйства, в том числе и сельского, именно на этой основе. План электрификации считал он второй программой партии. Далеко это от признания ведущей роли сельского хозяйства!

Методология Ленина: применение наиболее совершенного и наиболее революционизирующего метода разрешения проблемы энергетики в целях реконструкции и промышленности и всего народного хозяйства. Методология В. А. Базарова (в 1924 г.!) — кривые развития наиболее отсталой, наиболее архаической отрасли хозяйства в нашей отсталой стране взять за основу построения плана развития всего народного хозяйства и к ним приноравливать телеологические установки перспектив развития других отраслей!

В своем докладе я отмечал, что к этим работам В. А. уже необходимо подходить „генетически", с учетом обстоятельств места и времени. В рассматриваемом случае это нужнее, чем где бы то ни было. Приведенные установки „по человечеству" можно было бы понять, если бы они относились к 1920—21 гг. Но в 1924 г. — в году, который является переломным в нашей экономической политике, в году, с которого начинается переход в наступление социалистического сектора, реорганизовавшегося и собравшего силы на новых позициях после отступления первых лет нэпа, — в 1924 г. эти установки не могут быть оправданы.

В. Г. Громан, защищая В. А. Базарова, пытается притянуть на помощь Г. М. Кржижановского и говорит, что последний „в 1928 году утверждал, что в деле изучения крестьянского хозяйства закономерности имеют до сего времени актуальное значение". Но одно дело утверждать, что закономерности имеют актуальное значение, а другое дело утверждать, что весь план развития народного хозяйства нужно строить на основе кривых, полученных генетически от изучения динамики прошлого нашего нищенского, отсталого, архаического сельского хозяйства.

Это чрезмерное хотя, может быть, и невольное подчинение своих проектировок кривым развития прошлого находит подтверждение в установках В. А., даже в выступлении его здесь в прошлый раз. В своей речи он говорил: „Материальные возможности в

смысле форм, ктоорые промышленность может развивать, материальные возможности в смысле средств, которые мы можем каждый год бросать — предначертаны" (стенограмма речи). Я утверждаю, что, высказывая это фаталистическое суждение, тов. Базаров недоучитывает организующей роли государства. Материальные возможности не падают с неба, они создаются руками человеческими. Организуя рабочую силу страны тем или иным образом, применяя ее труд в том или ином направлении, организуя кругооборот общественного „капитала" в одних или других пропорциях, вы создаете и различные материальные возможности. Направляя развитие страны по линии проектировок Кондратьева или по линии проектировок и методов Кржижановского, — вы получите разные результаты и в зависимости от них и разные материальные возможности. Фатализм, высказанный здесь В. А., органически родственен рассмотренной выше его концепции, с которой он борется, но преодолеть которую полностью ему не удалось еще и до сих пор.

В заключение остановлюсь еще на следующем. Весь мой доклад посвящен методологии построения генерального плана в некоторых случаях вернее, может быть, было бы сказать — методике, построения его. Сознательно я избегал всяческих загромождений. Я совершенно не считал возможным, например, загромождать эту работу рассуждениями о тех установках, которые будут иметь место в самом уже плане. Поэтому и в заключительном слове я не останавливался на тех, высказанных здесь некоторыми товарищами замечаниях, которые относятся уже к содержанию самого плана. Из тех же соображений я касался только тех регулятивных идей, затронуть которые необходимо в связи с вопросами методологии. Правильно ли я действовал в данном случае? Полагаю, что правильно. Я сосредоточил свое внимание, прежде всего, на методологии построения плана в подлинном смысле этого слова

И вот здесь я не согласен с утверждением тов. Гухмана, что регулятивные идеи будут иметь значение и для Германии и других стран, а методология будет у них специальная. Я полагаю, что в наших методологических работах мы выделяем как раз общезначимое. Что в других странах после прихода в них пролетариата к власти разрешение проблем методологии построения генерального плана пойдет теми же путями — это для меня ясно. Я полагаю, что ни Германии, ни Чехо-Словакии, ни Англии, никакой другой стране не уйти ни от искания оптимумов, ни от балансового метода, ни от метода сопоставления со статикой и динамикой прошлого и т. д., и т. п. — от тех конкретных методов построения генерального плана, которые мы применяем в нашей работе. А вот регулятивные идеи — это другое дело. Конкретность условий диктует и конкретные идеи. Там они могут отличаться от тех, которыми мы руководствуемся сейчас здесь. Скажем, чисто индустриальная страна не будет так заботиться об отношениях пролетариата и крестьянства; такая бесспор-

ная для нас регулятивная идея, как курс на индустриализацию, для нее была бы бессмыслицей и т. д. Методика построения плана будет в значительной степени та же, — регулятивные идеи будут своеобразны в зависимости от своеобразия каждой данной страны.

Не касаясь в докладе по приведенным соображениям многих больших принципиальных вопросов, я в первой, положительной части доклада остановился кратко на вопросе о генезисе и телеологии, сформулировав свою точку зрения в паре абзацев. Во второй части доклада, посвященной критическому просмотру нашей литературы, я наоборот уделил этим вопросам очень много внимания. Строго говоря, им посвящена почти вся вторая часть доклада: вопрос о кривых развития и о целевых установках в работах В. А. Базарова и других товарищей, о доведенной до логического развертывания генетической концепции у проф. Никитского и целевой — у т. т. Шарова и Астермана, — все это лишь конкретные формы проявления той же проблемы.

Тов. Вайсберг соглашается со мной в принципиальной оценке состояния разрешенности этой проблемы, полагая лишь, что не для всех еще это в достаточной степени ясно. Поэтому он считает необходимым и впредь заниматься этим вопросом.

Тов. Гухман также соглашается со мной, но он формулирует свое отношение к этому спору иначе. Он говорит, что „это не только праздный, но и вредный спор" и полагает, что „чем скорее этот спор о словах будет прекращен, тем лучше". Я с этим не согласен. Это спор не о словах, а большой принципиальный спор и если я в положительной части доклада уделил ему лишь небольшое количество строк, то не потому, что я считаю, этот вопрос неважным, а потому, повторяю, что проблема сущего и должного, законов причинности и телеологических устремлений теоретически в основном разрешена еще основоположниками научного социализма, а практически разрешается повседневно с момента захвата власти пролетариатом и в наше время нужно действительно уже не дискутировать на эту тему, а изменять мир на основе познания причинных связей явлений. Но вот тут то, когда мы подходим к действительности, чтобы ее изменять, часть товарищей и тянет нас назад и кричит, что мы забываем о „генетике". И вот здесь этим товарищам, поскольку они участвуют с нами в строительстве социализма, нужно сказать предостерегающее слово. Они должны понять, что в логическом развертывании этой „генетической" концепции — мертвое хватает живое. Что рекомендует нам эта концепция? По сути дела она рекомендует победоносному пролетариату склонить голову перед закономерностями развития капиталистического общества, принять его темпы, итти его путями, отказаться пользоваться как раз наиболее эффективным оружием, выкованным пролетариатом в огне Октябрьской революции: оружием организованного воздействия на экономику, быть слепым по отношению к нему, т.-е. отказаться от тех преимуществ, которые пролетариат имеет сейчас в решающей борьбе со своим классовым врагом. Это должно быть абсолютно ясно для каждого из нас.

На этих замечаниях, товарищи, разрешите мое заключительное слово окончить.

Я, вероятно, упустил не один серьезный аргумент, выставлявшийся здесь и вполне заслуживающий того, чтобы на нем остановиться, но, к сожалению, времени, которым мы располагаем, несмотря на двухдневное заседание совершенно недостаточно, чтобы охватить все то колоссальное количество проблем, которые встают перед нами в связи с работами по генеральному плану. Но на основные вопросы я все же ответил. Думаю, что после сказанного здесь, ясна и наша точка зрения по проблемам более частного порядка.

Для дальнейшей нашей работы, товарищи, чрезвычайно важно констатировать, что методология, разработанная Комиссией генерального плана, остается непоколебленной в результате этой дискуссии. Отдельные детали, о которых мы жарко спорили, может быть, будут еще подрабатываться, мы может быть еще в процессе последующей работы будем их уточнять, но в основном наши установки, сложившиеся в результате еще более жестокой критики, чем та, которую они выдерживали здесь — критики жизни, критики фактов, — в основном эти установки остаются непоколебленными.

К. Вейдемюллер

Война за нефть

„Когда хотят об'яснить человеческие отношения, говорят: „Ищите женщину". Когда приходится об'яснять трагедии и комедии международных отношений, следует сказать: „Ищите нефть". Мировая война 1914 года была порождена интересами угольной и железной промышленности, теперь же первенство переходит к нефти. Мы живем в нефтяном веке, и на первом плане стоит нефтяной империализм. История ближайших двух поколений пройдет под знаком борьбы за нефть".

Луи Фишер („Империализм нефти," стр. 174-175)

1. Рост потребления нефти

В современном мировом хозяйстве нет проблемы более острой, с точки зрения советской экономики, — нет вопроса более жгучего, чем нефтяной вопрос.

Вопрос этот включает две стороны: чисто экономическую и политическую.

Экономическая часть проблемы определяется, в первую очередь, тем чудовищным ростом потребления нефти, какое отличает мировое хозяйство в последние десятилетия. На чем же основан столь значительный рост потребности в нефти?

Когда Джон Д. Рокфеллер основал в 1867 г. (в Кливлэнде, в штате Охайо) свой первый нефтеочистительный завод,[1] то производимым им продуктом был, преимущественно, обыкновенный керосин, ибо главным назначением нефти тогда было — питать „керосиновую лампу доброго старого времени".

Весьма скоро, однако, обнаружились и другие потребительные свойства нефти. В соприкосновение с машиной, с промышленностью она пришла, прежде всего, в качестве смазочного масла, сильно облегчившего задачу автоматического смазывания быстро движущихся механизмов; дальнейшим шагом было употребление ее в качестве жидкого топлива. Это имело большое значение для всех паровых котлов; но в особенности преимущества нефти перед углем сказались на море.

В 1914 г. нефтяное отопление употребляли 364 судна, с общим тоннажем в 1,3 млн. тонн, что составляло 2,62% всех судов мирового торгового флота. В 1922 г. число таких судов поднялось до 2.793, с тонна-

[1] Под фирмой „Рокфеллер, Эндр'юс и Флэглер". Это и была первоначальная клеточка, из которой развился потом гигантский трест „Стандард-Ойл".

жем в 14,38 млн. тонн, что составляло уже 22,34% всех плавающих единиц. Еще значительнее, однако, роль нефти как жидкого топлива в морском военном флоте. Жидкое топливо оказывается не только практически бездымным, но и весьма заметно увеличивает быстроту хода и радиус действия военных кораблей. Нужно ли удивляться, что если в мировую войну с нефтяным отоплением вступило, по авторитетному свидетельству лорда Керзона, 45% всех военно-морских сил Великобритании,— то после войны, в 1921 г., этот процент был уже вдвое больше—90%? Недаром „первый лорд адмиралтейства", лорд Фишер, еще задолго до войны пророчески воскликнул: „Нефтяное могущество — есть мировое могущество".

Лорд Фишер не подозревал тогда еще, что оправдание его пророческие слова получат путем, несколько отличным от того, какой он имел в виду.

Роль нефти в качестве жидкого топлива совершенно бледнеет перед тем ее значением, какое она приобрела после изобретения так называемых двигателей внутреннего сгорания. Это изобретение превратило нефть в источник не тепловой только, а и механической энергии, что сделало способ ее эксплоатации принципиально отличным от всех предыдущих. Изобретение нефтяных моторов поставило нефть рядом с живыми силами природы и паром — в качестве „третьего элемента". Затем обнаружилось, что коэфициент полезного действия нефтяных двигателей почти в три раза выше соответствующего коэфициента паровых машин. И этот факт технически и экономически дает настолько большие преимущества, что победное шествие двигателей внутреннего сгорания (в особенности после изобретения „дизеля", потребляющего тяжелые продукты нефти, в противоположность автомобильным и аэропланным двигателям, работающим исключительно на легких),— стало реальным фактом. Но в сторону их распространения действовали также причины совершенно иного порядка.

Генералу Галлиэни, защитнику Парижа, удалось повлиять на исход знаменитой битвы на Марне тем, что он сумел выставить в непредусмотренном немцами месте новую армию. Откуда взялась эта армия? Каким образом она могла быть транспортирована? Эту задачу выполнил автомобиль. Париж и нужное место фронта были превращены в две точки кольца, по которому беспрерывной чередой двигались автомобили. В Париже происходила посадка войск, в другой точке—их отгрузка. Следовательно, в известном смысле можно сказать, что битву на Марне выиграл автомобиль или, вернее,— бензинный мотор. Последний оказался, таким образом, важнейшей принадлежностью военного транспорта. [1] Но он, мало-по-малу, сделался также непосредственной частью военного оружия. Не только бронированные автомобили но и уродливый подарок последней войны — танки — совершают передвижение при помощи бензинных моторов; последние применяются также для переброски артиллерии.

[1] Весною 1918 г. французская армия получила от американцев около 100.000 тонн нефти. Это дало маршалу Фошу возможность свободно перебрасывать в нужные места на грузовиках силы, достаточные для того, чтобы восполнять нанесенные немцами потери. Так было предотвращено грозившее ослабление французского фронта, которое могло стать роковым.

Военные машины с бензинными двигателями сделались необходимой частью всех современных армий на суше. Но этого мало. Постепенно к двигателям внутреннего сгорания — вместо паровых машин и турбин— начинают переходить и военные морские суда. В особенности велико значение бензинных моторов в подводном плавании, где применение их создало новый тип подводной лодки. И все же военное значение этих новых двигателей лежит, главным образом, не на суше и не на воде. Поистине беспредельным становится оно в воздухе.

Без бензинных моторов развитие авиации вообще и военной в частности было бы совершенно невозможно. Не только многочисленные эскадрильи аэропланов держатся в воздухе и двигаются исключительно благодаря бензинным двигателям,— все свое значение управляемых воздушных гигантов дирижабли приобретают благодаря им же. И достаточно вспомнить ту роль, какую играли воздушные силы в последней войне; достаточно принять во внимание все значение, какое приобрела— например, во французской или американской армии — как раз воздушная рать (главным образом, для разведывательной службы и химического нападения),— чтобы понять все огромное значение бензинного мотора для военной авиации и предвидеть его предстоящее неизбежное распространение. [1]

Таким образом, бензинный мотор, а следовательно, и нефть — стали одним из условий военного могущества. Кто обладает нефтью,— обладает — и в гораздо более широком, чем то предвидел лорд Фишер, смысле — военной мощью. А так как при современных условиях от военной мощи зависит самая жизнеспособность государств,— тем самым нефтяной вопрос из плоскости чисто экономической переходит в плоскость политическую.

Дать сколько-нибудь полные цифры, выражающие рост распространения двигателей внутреннего сгорания в военном деле — по понятным причинам — невозможно По необходимости мы ограничимся лишь немногими данными относительно роста его в транспорте и относительно роста потребления нефти в целом.

Общее число автомобилей в 1920 г. составляло 8,7 млн. Из них на долю одних только Соед. Штатов приходилось свыше 7,5 млн. К 1925 г. эти цифры соответственно поднялись до 21,3 млн. (включая грузовики) и 17,7 млн. На 1 января 1926 г. общее число автомобилей возросло до 24,6 млн.; другими словами, одна машина приходилась на 71 человек

[1] Немецкий военный специалист Карл Эндрес сообщает следующие интересные данные о количестве аэропланов, которыми располагают для военных целей империалистические державы. В 1925 г. во Франции было 5.500 аэропланов, которые были годны для военного употребления, в Италии таких аэропланов было 1.450; в Англии — 1.050. Само собою разумеется; что в настоящий момент эти цифры уже значительно превзойдены. Что касается аэропланов, служащих исключительно военным целям, то их в 1927 г. было:

Во Франции	1.650	В Польше	600
„ Соед. Штатах	1.600	„ Чехо-Словакии	500
„ Англии	1.215	„ Японии	370
„ Италии	1.100		

Франция обладает также наибольшим количеством танков: 2.568. (Franz Carl Endres, „Vom nächsten Krieg", Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, B. 59, Heft 1, Февраль 1928, стр. 68, примечание).

всего населения земного шара. А на 1 января 1927 г. это число увеличилось до 27,7 млн., что соответствует одной машине уже только на 66 человек (в Соед. Штатах одна машина приходится на 5 человек). Таким образом, за короткий промежуток в 7 лет число автомобилей увеличилось больше чем втрое. Ясное дело, что потребное автотранспорту количество нефти (бензина) возросло в той же пропорции.

С тем же фактом чрезвычайно быстрого роста встречаемся мы и в области применения нефтяных двигателей в морском — коммерческом — транспорте. В 1914 г. только 0,47% общего количества судов было оборудовано нефтяными моторами. В 1925 г. это число поднялось до 4,2%. Зато из общего количества судов, находившихся в том же году в постройке, подлежащих оборудованию нефтяными двигателями было уже не меньше 97%! К средине 1927 г. всего в плавании находилось 6,14% судов с нефтяными двигателями.

Больше половины всех торговых теплоходов принадлежит Соед. Штатам. Если в 1925 г. общее число американских автомобилей составило около 90% машин во всем мире, то в 1927 г. оно уже превысило 95%. До 1924 г. Соед. Штаты потребляли около 70% мировой продукции нефти; после 1924 г. — не меньше 75%. Рост потребления нефти на американском рынке является поэтому весьма показательным для роста потребления ее вообще. Вот характерные цифры ежегодного прироста потребления бензиина в Соед. Штатах.

Рост потребления бензина в Соед. Штатах (в %% к пред. году)

1920 г.	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
24	7	19	23	18	21	17	14

За все время, начиная с 1915 г. — за исключением 1924 г., — потребление нефти в Соед. Штатах превышает их собственную добычу, что указывает на то, под каким давлением развивается нефтяная промышленность.

Производство и потребление нефти в Соед. Штатах с 1915 по 1927 гг.

Годы	Производство (в млн. барр.)	Потребление (в млн. барр.)
1915	281,1	290,7
1918	355,9	412,3
1919	378,4	420,5
1920	442,9	522,4
1921	472,2	520,7
1922	557,5	596,3
1923	732,4	713,7
1924	713,9	734,0
1925	763,7	801,0
1926	770,9	884,0
1927	905,8	—

Таким образом, потребление нефти, беспрерывно растущее в размерах, с какими не может сравниться рост ни одного из других продуктов потребления,[1] не только не уменьшается и не уменьшится в будущем, но, по вышеуказанным причинам, должно еще значительно возрасти. Роль нефти в чисто хозяйственной жизни всех стран огромна. Однако,

[1] Если не говорить о каучуке.

та страстная погоня за нефтью, какую мы наблюдаем до, во время и, в особенности, после войны; то захватническое возбуждение и та готовность драться, воевать чуть не за каждую каплю этой ароматной жидкости, какие доводят империалистов едва ли не потери последних крох сознания, — эта нефтяная горячка, охватившая весь капиталистический мир, становится понятной только, если мы примем во внимание роль нефти в войне — ее политическое значение. Недаром маршалу Фошу приписываются циничные слова: „Капля нефти стоит не меньше, чем капля крови".

Как же развивалось производство нефти?

2. Производство нефти и мировые запасы ее

Добыча нефти совершалась, само собой разумеется, пропорционально потреблению. Исходя из предыдущего мы имеем все основания предполагать, что она носила характер, весьма близкий к хищническому. Факты подтверждают это предположение.

Сколько-нибудь заметное количество нефти было добыто впервые в 1857 г.: 1977 баррелей.[1] Уже через три года оно увеличилось в 250 приблизительно раз, составляя 509.000 барр. В 1861 г. — через год — оно учетверилось (2,1 млн. барр.), в 1873 г. — упятерилось (10,8 млн. барр); в 1880 г. почти утроилось (30 млн. барр.), в 1895 г. — тоже (103,7 млн. барр.); в 1904 г. — удвоилось (218,2 млн. барр.), в 1914 г. — тоже (403,7 млн. барр.). После войны добыча нефти продолжала расти: в 1918 г. она достигала 503,4 млн. барр., в 1919 г. — 555,6 млн., в 1920 г. — 695 млн., в 1921 г. — 766 млн., в 1922 г. — 854,8 млн., чтобы в 1923 г. перешагнуть через „первый" миллиард: 1018,9 млн. барр.

Как же распределялось это море нефти, — какие страны участвовали в производстве миллиарда баррелей?

На этот вопрос отвечает первая строка нижеследующей таблицы. В следующих строках ее мы сводим данные о производстве нефти до конца 1927 года.

Производство нефти по странам от 1923 по 1927 гг.

(В млн. баррелей)

Страны / Годы	Миров. произв.		Соед. Штаты		Мексика		СССР		Персия		Голл. Индия		Румыния	
	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%	абс.	%%
1923	1.018,9	100,0	732,4	72,2	150,0	15,1	38,2	3,8	25,0	2,4	19,8	1,9	10,9	1,0
1924	1.013,6	100,0	713,9	70,8	139,5	14,3	49,0	4,8	30,0	2,8	20,5	2,0	13,7	1,2
1925	1.068,7	100,0	763,7	71,5	115,5	10,8	52,4	4,9	35,0	3,3	21,4	2,0	16,6	1,5
1926	1.095,9	100,0	770,9	70,3	90,4	8,3	62,9	5,7	35,8	3,3	20,8	1,9	23,3	2,1
1927	1.254,0	100,0	905,0	72,3	64,2	5,1	72,4	5,8	36,8	2,9	21,4	1,7	26,1	2,1

[1] Американская единица об'ема (боченок), соответствующая, приблизительно 159 литрам.

Страны / Годы	Брит. Индия		Венецуэла		Перу		Польша (Галиция)		Аргентина		Тринидад		Япония с Формозой	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1923	7,6	0,7	4,1	0,4	6,4	0,5	5,5	0,5	3,4	0,3	3,1	0,3	1,7	0,1
1924	7,5	0,7	9,0	0,8	5,5	0,6	5,5	0,5	3,5	0,3	3,5	0,3	1,5	0,1
1925	8,2	0,8	19,6	1,8	9,3	0,9	6,0	0,6	6,3	0,6	4,4	0,4	1,7	0,2
1926	8,3	0,8	37,4	3,4	10,8	1,0	5,8	0,5	7,9	0,7	5,2	0,5	1,6	0,1
1927	8,2	0,7	64,4	5,1	9,8	0,9	5,8	0,4	8,7	0,7	5,2	0,4	1,7	0,1

Эта таблица чрезвычайно красноречива. Она содержит целый ряд интереснейших указаний. Прежде всего, она обнаруживает неуклонный рост мировой добычи нефти, если темп роста в последние годы и замедлился по сравнению с довоенным временем. Прирост добычи 1927 г. над добычей 1926 г. составляет „только" несколько больше 12%. Однако, дело идет о приросте в абсолютной цифре настолько значительном (158,1 млн. барр.), что он не только покрывает всю добычу нефти от 1857 по 1878 гг. (126,2 млн. барр.), всю добычу 1899 г. (131,1 млн. барр.) но и вполне оправдывает данную выше характеристику эксплоатации нефтяных богатств, как хищническую. Подумать только, что добытая в 1927 г. нефть составляет не менее, чем двенадцатую часть всей нефти, добытой с 1857 по 1926 гг., т.-е. за 70 лет: одну двенадцатую от 15 миллиардов (точнее, 14.566.710.000) баррелей! В 1927 г. всего добыто нефти больше, чем за первые четыре десятилетия добычи, — с 1857 по 1896 гг. Этих миллиона с четвертью баррелей хватило бы для того, чтобы покрыть весь земной шар слоем нефти, толщиной в два миллиметра слишком; на несколько минут — весь наш мир мог бы, таким образом, быть об'ят искупительным пламенем!

Огромно участие в мировом производстве нефти Соед. Штатов. Прирост их производства значительнее, чем прирост производства мирового: он составляет 17,4%, что в абсолютной цифре выражается в 134 млн. барр. Это обстоятельство повысило долю участия Соед. Штатов в мировом производстве от 70,3% в 1926 г. до 72,3% в 1927 г. Последняя цифра является рекордной; до сих пор наибольшей была доля участия Соед. Штатов в 1923 г. (72,2%); за все время добычи нефти до этого — от 1856 по 1926 гг. — она составляла, в среднем, 64,8%. Такое увеличение добычи в 1927 г. является до известной степени неожиданным: об'ясняется оно не только в высшей степени успешным развитием добычи нефти в открытом в 1926 г. месторождении Семинол в штате Оклахома,[1] но и открытием новых залежей вокруг того же Семинола, а также в Калифорнии и Техасе. Одновременно с таким значительным приростом производства спрос на нефть в Соед. Штатах, в особенности в конце года, довольно заметно упал, что находится в связи, в первую очередь, с таким обстоятельством, как сокращение производства автомобилей. Общее количество зарегистрированных на 1 января 1928 г. автомобилей поднялось до 28.900.000, т.-е. возросло на 1,2 миллиона против роста их на 3,1 миллиона к 1 января 1927 года. Производство автомобилей в 1927 г. по сравнению с 1926 г. упало на 21%. Всего автомобилей в 1927 г. было произведено 3.530 тысяч машин по сравнению с 4.434 тысячами в 1926 г. В январе 1928 г. оно, правда, снова весьма значительно поднялось. Всего в январе было выпущено 225 тысяч автомобилей против 133 тысяч в декабре.

[1] За первые 14 месяцев производства Семинол дал свыше 90 млн. барр.

С начала декабря 1927 г. производство нефти в Соед. Штатах начинает сокращаться, и дневная добыча, достигавшая в конце июля 2.586.000 барр., в начале декабря равняется только 2.480.750 барр. К 17 декабря она падает до 2.456.950 барр., к 31 декабря — до 2.419.800 барр., и продолжает это понижательное движение и в 1928 г. 7 января дневная добыча составляла 2.379.900 барр., а 14 января — 2.373.000 барр., 11 февраля она упала до 2.358.000 барр., 18 февраля равнялась 2.363.000 барр., 10 марта снова опустилась до 2.355.700 барр., а 17 марта достигла только 2.388.600 барр. А так как одновременно запасы нефти в Соед. Штатах продолжали возрастать, то перед нами довольно ясная картина перепроизводства, которое не могло не отразиться и на ценах. Не только цены на сырую нефть понизились почти на 1/3 (на 30%),— упали также, в такой же мере, и цены на керосин (30%) и, в еще большей степени — тем самым обнаруживая источник „зла"— цены на бензин (на 32%). Такую конкретную форму приняло перепроизводство в Соед. Штатах; представляя собой один из заметных элементов общей хозяйственной депрессии,[1] хотя производство нефти, по выражению президента „Американского института нефти" („American Petroleum Institute"), и составляет „злокачественную международную болезнь". Перепроизводство, при очерченных в предыдущей главе, условиях, явно не отразится на победном шествии нефти, но оно довольно чувствительно отражается на владельцах нефтяных акций, заметно уменьшая их дивиденды. Как бы то ни было, в отношении перепроизводства нефти 1927 г. является для Соед. Штатов рекордным.

Диаметрально противоположные друг другу тенденции характеризуют развитие добычи нефти в двух других государствах Нового Света: в Мексике и Венецуэле. Максимальное количество нефти было добыто в Мексике в 1921 г.: 193,4 млн. барр. С тех пор это количество начинает беспрерывно падать и достигает в 1927 г. 63,0 млн. барр. уровня более низкого, чем в 1918 г. (63,8 млн. барр.). Количество 1927 г. более чем вдвое меньше количества 1923 г., 150 млн. барр.; еще больше бросается, однако, в глаза то обстоятельство, что доля участия Мексики в мировом производстве уменьшилась за то же время почти в три раза. По сравнению с 1926 г. производство 1927 г. упало на 26,2 млн. барр., или на 30% (в 1925 г. на 17%, в 1926 г. на 21%). Чем же об'ясняется это постоянное и усиливающееся падение производства в стране, запасы которой отнюдь не принадлежат к истощающимся?

Весьма характерно то обстоятельство, что политика мексиканского правительства по отношению к захватившим нефть иностранным компа-

[1] Промышленная депрессия, вплоть до последних дней февраля, характеризуется продолжающейся безработицей, сокращением производства (стали — на 12% в феврале), понижением биржевых курсов, ростом коммерческих банкротств.

ниям повела, прежде всего, к конфликтам с американскими компаниями. В то же время с нею прекрасно мирились до поры до времени английские предприятия. Ясное дело, что эти конфликты были внешним выражением наступления американского капитала, который, однако, вначале не нарушал интересов капитала английского. Так как на помощь американцам пришли известные „меры воздействия“ со стороны правительства Соед. Штатов,— американский капитал оказался вскоре победителем. Тресту „Стандард-Ойл-Индиана“ („Standard Oil of Indiana“) удалось (весною 1925 г.) целиком „проглотить“ все мексиканские предприятия концерна Догени. После столь многообещающего начала американцы шествовали по тому же самому пути; вскоре „Стандард-Ойл-Индиана“ „соединился“ с „Британско-мексиканским нефтяным товариществом“ („British Mexican Petroleum C°“) и овладел обществом, „Lago Petroleum C°“, которое было вначале английским. Благодаря этим и им подобным „комбинациям“ американское влияние в Мексике совершенно очевидно побеждало английское. Если уже в 1922 г. американцы инвестировали в нефтяной промышленности Мексики 52,8% всего ее капитала (против 33,1% английского; 6,8% голландского и только 1,1% туземного мексиканского), то в настоящее время 75% всего мексиканского производства нефти вывозится в Соед. Штаты. Естественно, что „протесты“ против действий находившегося под сильным американским давлением мексиканского правительства за последнее время стали чаще исходить уже от английских предприятий, в частности, от связанных с Ройял-Дэтш-Шелл („Shell-Royal-Dutch“, или — что то же — „Koninklyke Nederlandsche“) групп, как, например, „Мексиканский Орел“ („Mexican Eagle Oil C°“).

В противоположность Мексике, производство нефти в Венецуэле беспрерывно и гигантски растет (см. табл. на стр. 216). Тогда как в 1921 г. Мексика доставила почти четверть всего мирового производства, а Венецуэла только 0,2% его,— в 1927 г. Венецуэле обогнала Мексику. Начиная с 1923 г., производство Венецуэлы ежегодно удваивалось или почти удваивалось. В 1927 г. в ней было добыто на 27 млн. барр. больше, чем в предыдущем. Это составляет увеличение на 70,3 %. Из Венецуэлы оказалось необходимым доставить нефть в Мексику — в качестве нехватающего сырья для нефтеочистительных заводов. Захватом „Lago Petroleum C°“ „Стандард-Ойл-Индиана“ овладел также принадлежавшими этому обществу концессиями связанного с ним „Британского экваториального нефтяного общества“ („British Equatorial Oil C°“) в Венецуэле. Венецуэла становится, таким образом, точно так же почвой для конкурентной борьбы, как ею является Мексика. С той только разницей, что в Венецуэле преобладающее влияние до самого последнего времени принадлежало группе Ройял-Дэтш-Шелл.

Особое значение имеет для нас постоянный и неуклонный рост добычи нефти в СССР. 1927 г. поставил нас в этом отношении на второе место после Соед. Штатов. По сравнению с 1923 г. наша добыча почти удвоилась (вместо 38,2 млн. барр. 72,7 млн.); наша доля в мировом производстве от 3,8% поднялась до 5,8%.[1] В дальнейшем мы увидим, какое

[1] 1927/28 хозяйственный год обещает сложиться еще благоприятнее. За первый квартал всего добыто 2.861 тыс. метр. тонн нефти против 2.584 тонн за тот же квартал 1926/27 г. Азнефть превысила майский план добычи на 5%.

влияние этот результат социалистического хозяйства оказывает на хозяйство мировое.

Из других стран следует отметить относительно медленный, но постоянный рост производства Персии, более энергичный — Румынии, стабилизацию его в Британской Индии и, скорее, падение в Индии Голландской; рост в Аргентине и Тринидаде. В Персии почти безраздельно господствует английский капитал, в Индии—английский и связанный с ним голландский, в Румынии — английский и американский, в Аргентине над частным капиталом преобладает государственный. Пока мы ограничимся этими указаниями.

Итак, как мы видим, добыча нефти в общем развивается больше, чем „успешно“. Это развитие встречается иногда — как в 1927 г. — с препятствиями экономического характера (перепроизводство и недостаточная рентабельность), но в общем — давление острой нужды в нефти в конце концов выравнивает все препятствия, и хищнически растущая добыча составляет одну из предпосылок „нефтяного вопроса“.

Второй предпосылкой его является относительная бедность земного шара нефтяными месторождениями и естественными запасами нефти. Опасение, что нефтяные богатства при чудовищной эксплоатации их вообще скоро иссякнут, еще более усиливает нефтяную горячку и обостряет существующие противоречия.

О размерах нефтяных богатств земного шара от временн до времени высказываются различные авторитетные учреждения: в связи с преобладанием нефтяных масс на американском материке, главным образом, американские. Так, по подсчетам конца 1922 г., американский Геологический комитет („U. S. Geological Survey“) оценивал мировые резервы нефти в 70 мрд. барр. (ок. 10 мрд. тонн) против 10,4 мрд. барр. (ок. 1,5 мрд. тонн), добытых уже к тому времени. Насколько такие суждения являются шаткими, показывает факт, что только за 2 года до этого старший геолог того же учреждения Уайт, подсчитывая запасы нефти по отдельным странам, пришел к иным результатам. По его подсчетам (на основании данных 1918 г.) запасов нефти было в 1920 г. лишь несколько больше 43 мрд. барр. За два года наново было обнаружено, следовательно, не менее 27 мрд. По отдельным странам Уайт распределяет эти запасы следующим образом:[1]

Мировые запасы нефти в 1920 г. по странам

(в млн. барр.)

Соед. Штаты (включая Аляску)	7.000
Канада	995
Мексика	4.525
Южная Америка	9.280
СССР (с Кавказом и юго-западн. Сибирью)	6.775
Румыния, Галиция и др. европ. земли	1.135
Зап. Азия (Персия и Месопотамия)	5.820
Египет и Сев. Африка	925
Британская Индия	995
Ост-Индские острова	3.015
Япония с о. Формоза	1.235
Китай	1.375

[1] Karl Hoffmann. Oilpolitik und angelsächsischer Imperialismus. Ring—Verlag. Berlin. 1927. Стр. 20.

На западном полушарии сосредоточено, следовательно, по этому подсчету — 21.800 млн. барр.; на восточном — 21.255 млн. барр. К северу от экватора находится 36.400 млн. барр., к югу от него — 6.655 млн. барр.

Подсчет конца 1922 г. дает такую картину:

Распределение запасов нефти по странам в %%

(в 1922/23 г.)

Соед. Штаты (включая Аляску)	16,3
Канада	2,3
Мексика	10,5
Сев. часть Южн. Америки (с Перу)	13,3
Южн. „ „ (с Боливией)	8,2
Египет и Сев. Африка (Алжир)	2,2
Зап. Азия (Персия и Месопотамия)	13,5
СССР (с Кавказом и юго-западн. и сев.-восточн. Сибирью и Сахал.)	15,7
Румыния, Галиция и др. европ. страны	2,6
Япония и о. Формоза	2,9
Китай	3,2
Британская Индия	2,3
Ост-Индские острова	7,0

На западное полушарие приходится 50,6% всего запаса нефти, на восточное — 49,4%.

Само собою разумеется, что все цифры относительно нефтяных резервов следует принимать с величайшей осторожностью. Выше мы видели уже, какой богатый источник нашли американцы в 1926 г. в штате Оклахома (Семинол) и в других штатах. Столь компетентное учреждение, как „Федеральный совет по охране нефти“ („Federal Oil Conservation Board“) недавно высказал предположение, что Соед. Штаты обладают запасом нефти в своих недрах не меньше, чем в 92 мрд. барр. (около 12 мрд. тонн). Но еще за год до этого один американский комитет выпустил отчет, согласно которому запасы только одной Америки составляют 87,85 мрд. тонн (в 9 раз, следовательно, значительнее, чем мировые по оценке официального Геологического комитета в 1922 г.)! Этого количества нефти хватило бы Соед. Штатам на 734 года!

Мнения противоположны. Но все они беспристрастного наблюдателя приводят к неизбежному выводу: запасы нефти, быть может, больше предполагаемых. Но они во всяком случае ограничены.

Отсюда империалистические державы делают естественный для них вывод: Захватывай для себя как можно больше. Отымай все, что можно у другого. В особенности грабь побольше там, где законный владелец слабее тебя.

3. Нефтяные концерны и их борьба

По сравнению с другими отраслями добывающей промышленности нефтяная представляет некоторые особенности. Прежде всего, начиная разработку нефтеносных земель, нефтепромышленник никогда не в состоянии определить наперед количество нефти, какое может быть извлечено. Отсюда вытекает тот риск, который может быть сторицей вознагражден, но который иногда делает огромные затраты капитала совершенно бесплодными. Второй особенностью являются условия транспорта — по нефтепроводам и в нефтеналивных судах. И то и другое создает необходимость в огромном капитале, который может быть вложен чаще всего концерном или трестом,— если не государством. По этой причине нефтяные предприятия — в гораздо большей степени, чем все другие — находятся в руках именно этого типа промышленных об'единений. [1]

С другой стороны, помимо типа нефтяных предприятий для последних весьма характерно распределение добычи нефти по странам. Казалось бы, что здесь в первую очередь должен господствовать чисто географический принцип. Добывается нефть страной, какая обладает ее запасами. Вначале это так и было в действительности. Соед. Штаты стали разрабатывать собственную нефть; ни Франция, ни Германия, ни Япония — страны практически не имеющие нефти,— роли в нефтяном мире не играют. Мало-по-малу, однако, создалось совершенно иное положение. Целый ряд стран — Румыния, Персия, Мексика, Венецуэла — должны были уступить разработку своих залежей более богатым чужестранцам. Помимо Америки, которая подошла к разработке нефти прежде всего экономически и использовала свои богатства в момент, когда все ее техническое и экономическое развитие поставило эту задачу на очередь,— помимо Америки разработкой нефтяных залежей стала заниматься Англия, которая, если она и является капиталистически высокоразвитой страной,—к этому подошла исключительно политически: с того момента, как раскрылось политическое значение нефти в качестве средства военного могущества. Соединенное Королевство собственной нефти не имеет. Следовательно, здесь мы имеем дело с принципом отнюдь не географическим. Доказывать, что и для Соед. Штатов „география“ давно уже отступила на задний план,—значит, ломиться в открытую дверь.

„География“ совместно с высоким уровнем экономического развития были теми условиями, какие поставили Соед. Штаты хронологически на первое место в разработке нефтяных богатств. Само собой разумеется, что экономические предпосылки играют здесь доминирующую роль. Ибо как раз последние явились в дальнейшем определяющим фактором, почти совершенно изолировав „географию“. Наиболее развитыми экономически странами являются после Соед. Штатов Англия и Германия. Но Германия, в момент, когда нефтяной вопрос достиг необычайной остроты,— была побеждена, раздавлена и принуждена отказаться от тех попыток, какие она, чтобы овладеть нефтью, дальновидно делала еще до войны (Багдадская железная дорога, оккупация Кавказа). Победа „союзников“ в империалистической войне — передала в руки Англии все возможности, которые она и использовала по мере своих сил.

---

[1] С этой точки зрения небезынтересны следующие данные. Тогда, как в стальной промышленности Соед. Штатов инвестировано 4,5 мрд. долл., а вся ее оценка не превышает 6 мрд., в американскую нефтяную промышленность вложено 11,3 мрд. долл За последние 13 лет в стальную промышленность вкладывалось по 100 млн. долл. ежегодно; в нефтяную за 16 лет—по 500 млн., в 1926 г. — даже 750 млн. Таким образом, капитал нефтепромышленности вдвое больше капитала сталепромышленности; ежегодные вложения первой превосходят вложения второй в 5 раз. За последние 12 лет нефтяная промышленность израсходовала 750 млн. долл. на бурение скважин, совсем не давших нефти, и 500 млн.—на бурение скважин с таким ничтожным содержанием нефти, что затраты повели к значительным убыткам („Нефтяное Хозяйство“, 1928, № 1. Записка американских нефтепромышленников: „Сегодняшний ответ американской нефтяной промышленности“, стр. 102: „Колосальные вложения в промышленность“).

Как обнаруживает отчасти уже наша таблица мирового производства нефти (стр. 215—216), доминирующее положение в нем занимают Соед. Штаты. По подсчетам немецкого специалиста, Альфреда Фабера, американцы „контролируют“ до 79% всего производства нефти. Конкретный результат нефтяного хищничества Англии пока выражается в том, что под ее „контролем“ находится (по тем же подсчетам) около 15% производства. Таким образом, если бы Англия и Соед. Штаты заключили между собой союз, — „англо-саксонская раса“ контролировала бы в настоящее время не меньше 94% производства! Только 6% остается на долю остальных стран!

Этим современный момент в развитии нефтяного вопроса характеризуется достаточно точно и определенно. Тресты и концерны, овладевшие производством нефти, на 94% являются американскими или английскими.

О происхождении крупнейшего треста Соед. Штатов (и в то же время крупнейшего мирового треста) Стандард-Ойл мы говорили уже выше. В 1870 году завод и магазин „Рокфеллер, Эндр'юс и Флэглер“ превратился в „Охайскую компанию Стандард-Ойл“ („Standard Oil Company of Ohio“) с капиталом в 1 млн. долл., а в 1882 г. — в „Трест Стандард-Ойл“ („Standard-Oil Trust“) с начальным капиталом в 70 млн. долл. Основным принципом рокфеллеровских организаций была торговля, а не производство. Монополия и взвинчивание цен: это были те моменты, какие заставили правительство Соед. Штатов два раза распускать Стандард-Ойл на основании закона о трестах (акт Шермана от 1890 г.). После первого роспуска (1892 г.) трест разбился на 20 приблизительно обществ. Воспользовавшись затем особым законодательством штата Нью-Джерсей, он сделал свою Нью-Джерсейскую организацию центральной, и в 1899 г. почти целиком „возобновился“. После второго роспуска (1911 г.) трест распался на 33 почти самостоятельных организации, которыми Нью-Джерсейская продолжает руководить, как центральная,— действуя, при этом, однако, путями и способами, совершенно ускользающими от контроля государства и общества. Наиболее крупными организациями треста являются „Стандард-Ойл в Нью-Джерсее“, упомянутый уже „Стандард-Ойл“ в Индиане, в Калифорнии и в Нью-Йорке. К этим компаниям примыкают другие как американские („Вакуум-Ойл“, „Тайд-Уотер-Ассошиэтед-Ойл К⁰“), так и иностранные.

„Стандард-Ойл“ в целом контролирует около 26% мировой добычи нефти, около 50% перегонки и около 70% транспорта по трубам. [1]

[1] Вот какая часть мирового производства нефти приходилась в 1925 и 1926 гг. на долю отдельных предприятий треста:

Предприятие	1925 г. млн. барр.	1925 г. %	1926 г. млн. барр.	1926 г. %
Стандард-Ойл в Нью-Джерсее	71,9	6,7	61,8	5,7
„ в Индиане	61,3	5,7	57,0	5,2
„ в Калифорнии	53,0	5,0	51,1	4,7
„ в Нью-Йорке	22,6	2,1	30,0	2,8
Тайд-Уотер-Ассошиэтед-Ойл К⁰	23,8	2,2	25,0	2,3
Прэри Ойл-энд-Газ К⁰	20,0	1,9	21,0	1,9
Охайо-Ойл К⁰	14,5	1,4	14,0	1,3
Остальные общества	20,0	1,9	22,0	2,0
Всего	287,13	26,9	281,9	25,8

Наливной флот треста составлял в 1922 г. 1,5 млн. тонн против 5 млн. тонн мирового флота. Что же касается его капитала, то только одна компания „Стандард-Ойл в Нью-Джерсее“ (центральная) на 1 января 1926 г. располагала капиталом в 1.214.558.940 долл. Биржевая же ценность капитала всего треста в конце 1926 г. равнялась ни больше ни меньше, как 4.608.918.200 долл.

Само собою разумеется, что Стандард-Ойл не исчерпывает всей американской нефтяной промышленности. Кроме Стандард-Ойл, с 1921 г. существует „Национальная ассоциация независимых производителей нефти“ („National Association of Independent Oil Producers“), представляющая собою попытку мелких производителей бороться с могущественными трестами. До сих пор больших успехов эта ассоциация не достигла. Что же касается так называемых „тяжелых независимых“ („big independents“), к которым относятся Пьюр-Ойл К⁰“ („Pure Oil C⁰“, номинальный капитал 190 млн. долл.), „Техас К⁰“ („Texas C⁰“, капитал 164,5 млн. долл.) и „Гольф-Ойл Корпорэшин“ (Gulf Oil Corporation“, капитал 120 млн. долл.); прежде же входили концерн Догени („Pan American Petroleum and Transport C⁰“, капитал 230 млн. долл.), концерн Синклера („Sinclair Consolidated Oil Corporation“, капитал 100 млн. долл.); и кроме того относятся еще несколько более мелких концернов (всего „big independents“ одиннадцать), — то все они либо связаны невидимыми путями со Стандард-Ойл, либо зависят от последнего через посредство особой организации, которая по своим принципам и, отчасти, по своим формам весьма напоминает пресловутую Лигу Наций. Я говорю о том самом „Американском нефтяном институте“ („American Petroleum Institute“), о котором мы упоминали уже выше. Основанное в 1919 г.— не государственное — учреждение это имеет своей задачей всячески содействовать нефтяной промышленности Соед. Штатов — на внутреннем и на внешнем рынке. Оно об'единяет все концерны и тресты и руководится президиумом, в котором большинство обеспечено за Стандард-Ойл. Стандард-Ойл, таким образом, играет в „Американском нефтяном институте“ точь-в-точь ту же роль, какую играет Англия в Лиге Наций.

Такова, в самых общих чертах, организация американской нефтяной промышленности. Как же обстоит дело с промышленностью английской?

Английская нефтяная промышленность почти целиком руководится двумя крупнейшими организациями: трестом „Ройял-Дэтш-Шелл“ („Shell-Royal-Dutch“) и группой „Англо-Першин-Бурма“ („Anglo-Persian Oil C⁰“ и „Burmah Oil C⁰“).

„Английский“ трест Ройял-Дэтш-Шелл собственно голландского происхождения, лишний раз показывая, что „география“ в нефтяных делах „не при чем“. Первоначально трест „Конинклийке Недерландше“ („Ройял Дэтш“) был организован (в 1890 г.) для эксплоатации нефтяных мероприятий в Голландской Индии, с капиталом в 1,3 млн. гульденов. В настоящее время, поскольку теперь можно говорить о голландской части в отдельности,— капитал этого треста достигает номинально 600 млн. гульденов. Не прошло и десятка лет, как „Конинклийке Недерландше“ подверглось прямому нападению со стороны Стандард-Ойл, который пожелал ни больше, ни меньше, как подчинить голландское общество своему контролю. Это обстоятельство и было причиной того, что

Ройял-Дэтш поспешил соединиться с английской Компанией Шелл-Транспорт („Shell Transport and Trading C⁰“). Последнее общество, организованное в 1897 г. сэром Маркусом Самюэлем (потом лорд Бирстед), занималось только перевозкой нефти, а не ее добычей; но, как таковое, оно задумало (около 1900 г.) вывозить в юго-восточную Азию русские нефтяные продукты, вступая, таким образом, в открытую конкуренцию со Стандард-Ойл. Так создался побудительный мотив для компании „Шелл“ к образованию союза с „Конинклийке“. В этот союз компания „Шелл“ внесла капитал, достигающий в настоящее время 43 млн. фунт. стерлингов. Затем все пути сплетения и принципы об'единения обоих обществ покрыты мраком неизвестности. Обнаружилось только, что оба они владеют акциями друг друга. Оба общества располагают совместно нефтеналивным флотом, который уже в 1907 г. состоял из 40 судов, вместимостью приблизительно в 120 тыс. тонн (31 из них со 102 тыс. тонн „внесены“ компанией „Шелл“). Деятельность голландско-английского треста, как мы отчасти уже видели, распространилась на Румынию, Египет, Мексику, Венецуэлу и Северную Америку. Эта деятельность, чрезвычайно обострившая конкуренцию с американцами,— по размерам своим далеко оставляет позади ту реальную нефтяную базу, которая существовала в момент образования треста. Голландская Индия (как это видно и из табл. на 215) доставляет только небольшую часть добываемой трестом нефти. За время, протекшее со дня основания треста, он все больше и больше становился английским, ибо этому навстречу чрезвычайно охотно шло английское правительство.

Об'единение „Конинклийке“ с англичанами провел в жизнь „генеральный директор“ голландского концерна Генри Детердинг. Оказавшись на посту генерального директора голландско-английского треста, он понял, что трест в целом будет процветать тем ярче, чем крепче он обопрется на английскую базу. Англичане как раз стали сознавать все значение нефти, и подчинить своим военным интересам столь мощную организацию было в „плане“ их политики. Генри Детердинг с полным сознанием построил экономическую политику своей организации на базе английской мировой политики, встречая полную поддержку „первого лорда адмиралтейства“, упомянутого лорда Фишера, который называл голландского колониального предпринимателя и английского сэра „Наполеоном“ по решительности и „Кромвелем“ по глубине. В конце концов, этот союз государства и треста, если верить газете „Matin“, [1] нашел свое оформление в договоре между ними, согласно которому „Детердинг доставил английскому флоту стратегические базы во всех пунктах мира, Англия же предоставила взамен этого тресту защиту своего флота и свое политическое влияние“. Это означает, что концерн, предоставляя нефть, получает защиту эксплоатируемых территорий (Голландская Индия).

Итак, английская политика создала условия расцвета треста „Ройял-Дэтш-Шелл“. В настоящее время — это самая крупная организация после Стандард-Ойл. В мировом производстве нефти она участвует на 10%. В 1925 г. ее производство достигло 97,5 млн. барр. (9,13% мирового производства), в 1926 г. оно поднялось до 108,8 млн. (9,94% мирового производства). Ее капитал на 1 января 1927 года составлял 1.234.132.069 долл.

[1] „Matin“ от 23 февраля 1924 г. Ср. также Karl Hoffmann, op. cit, стр. 34.

Второй английский нефтяной концерн, группа „Англо-Першим-Бурма“, образовался из двух трестов. Компания „Бурма-Ойл“ („Burmah Oil C⁰“) была основана в 1886 г. (реконструирована в 1902 г.) для эксплоатации индийских месторождений нефти. В 1909 г. компания „Бурма-Ойл“ вложила 2 млн. фунт. стерлингов в до тех пор неудачно развивавшуюся английскую концессию в Персии. Так возник трест „Англо-Першин“, дальнейшие неудачи которого привели к тому, что „первый лорд адмиралтейства“ того времени (1913 г.) Уинстон Черчилль отправил в Персию специальную комиссию. Заключения комиссии были таковы, что английское правительство приобрело (в мае 1914 г.) „контрольный пакет“ акций этого общества. Сделка эта была санкционирована Палатой общин 17 июня 1914 г. „Англо Першин“ должна была по договору доставлять также определенное количество нефти английскому флоту. Во главе треста „Англо-Першин-Бурма“ стоят Чарльз Гринвей и Джон Кэдмен — последний в скромной должности „технического советника“. На самом же деле сэр Джон Кэдмен во всех вопросах английской нефтяной политики играет самую выдающуюся роль; во время войны он стоял во главе правительственного „нефтяного департамента“ (H. M. Petroleum Executive Department“) и вообще он едва ли не является главным вдохновителем английской официальной нефтяной политики. Англо-Першин располагает 48 отделениями в различных мировых гаванях и 333 судами, из которых 67 — для перевозки нефти. В мировом производстве нефти Англо-Першин участвует на 3,8%. Его капитал (к началу 1927 г.) составлял „только“ 633.756.664 долл. Значение этого треста лежит, однако, в его теснейшей связи с адмиралтейством. По существу, он является английским правительственным трестом. „Собственно говоря, концерн является нефтяным отделением адмиралтейства, управляемым при посредстве казначейства“,— говорит Карл Гофман. [1]

Все эти гиганты капиталистического мира —„Стандард-Ойл“, „Ройял-Дэтш-Шелл“ и „Англо-Першин-Бурма“— вместе представляют капитал около 7 мрд. долл.— в первую очередь являются, конечно, предприятиями хозяйственными. И как таковые, они приносят своим акционерам даже весьма незначительный доход. Так, чистая прибыль „Стандард-Ойл“ в 1925 г. составляла 374.632.000 долл., а в 1926 г.— 390.513.000 долл., „Акционеры“ „Роял-Дэтш-Шелл“ получили соответственно 62.375.000 и 67.863.000 долл., а „маленький“ „Англо-Першин-Бурма“ дал „только“ 22.454.000 и 30.115.000 долл. Однако, ни одна отрасль хозяйства не является столь ярким, столь классическим образцом того, что с экономикой неразрывно связана политика и что величайшие политические события и даже катастрофы развиваются на почве хозяйственных недоразумений,— как хозяйство нефтяное.

Мы видели, что крупные британские тресты „Ройял-Дэтш-Шелл“ и „Англо-Першин-Бурма“ теснейшим образом связаны с британским правительством. Не менее крепка, хотя и выражается в других формах, связь между правительством Соед. Штатов и „Стандард-Ойл“. Если для Детердинга и Рокфеллера вопрос об обладании нефтяными источниками есть вопрос, в первую очередь, хищной наживы, то для их правительств это вопрос военного и политического могущества, фактической мировой

[1] Op. cit., стр. 37.

гегемонии. Ибо как оружие, сообщающее безусловный перевес его обладателю, нефть стала об'ектом самых горячих желаний и причиной самых страстных выступлений. Все, что совершает могущественный трест, самым непосредственным образом касается правительства; всякое мероприятие правительства ближайшим образом задевает трест. Тресты и правительство сделались союзниками в мировой борьбе, каторжниками, прикованными к одной и той же тачке.

Мирное существование обеих гигантских групп, английской и американской, было бы возможно только при условии полного равновесия их интересов. Но этого равновесия не существует. Интересы английских и американских трестов так же противоположны, как противоположны интересы соответствующих правительств. Из общего экономического и политического соревнования двух гигантских государственных образований капиталистического мира вытекает соревнование нефтяных групп. Но соревнование нефтяных групп само по себе превращается в причину соревнования государств и постепенно вырастает до размеров фактора столь значительного, что в качестве средства разрешения противоречий начинает все чаще и чаще упоминаться война.

Уже в предыдущей главе мы видели, что яблоком раздора между американцами и англичанами является в последнее время и Венецуэла. Американский капитал с 1925 г. ведет здесь наступление на английский точно так же, как он это делал (и делает) в Мексике. Именно в 1925 г „Стандард-Ойл-Индиана" овладел обществом „Лаго" и венецуэльскими концессиями „Британской экваториальной нефтяной компании". Вслед за своим собратом точно так же поступил и „Стандард-Ойл-Нью-Джерсей", который в начале 1926 г. овладел всеми концессиями „Бритиш-Контроллед". Этому предшествовала четырехлетняя история переговоров и постепенных уступок со стороны британского треста американскому. В руках англичан нераздельно оставалась „Венецуэльская нефтяная концессия" („Venezuela Oil Concession"), связанная контрактами о поставках с „Ройял-Дэтш-Шелл", которая делала их влияние все еще значительным. Но вот в самые последние дни „Стандард-Ойл" нанес им новый удар покупкой у „Креол-Синдиката" пакетов акций различных нефтяных предприятий Венецуэлы.[1]

Если проникновение на американский материк для великобританских трестов не только затрудняется, но и приводит, в конце концов, к тому, что они вынуждены уступать уже завоеванные позиции американским, то иначе обстоит дело на материке европейском и азиатском.

Мы видели уже, что англичане „успешно" прибрали к своим рукам нефтяную промышленность Индии, Персии и часть румынской. Очередную задачу для них составляет сейчас развитие нефтяной промышленности на Ближнем Востоке. Типичным является их поведение в моссульском вопросе.

С помощью своего послушного инструмента, Лиги Наций, Англия добилась в 1925/26 г. признания со стороны Турции верховных прав на Моссул за Ираком. Таким образом, Англия овладела значительным месторождением нефти в Месопотамии — к востоку от Тигра, вплоть до персидской границы. В настоящее время там усердно производятся бурение

[1] „Правда", от 4 марта 1928 г.

и подготовительные работы. Добывать там рассчитывают около 10 млн. барр. ежегодно, около половины того, что добывается сейчас в Персии.

Захват Моссула является результатом комбинированных действий английской дипломатии, английских войск, английских нефтяников. Этот метод алчного захвата сделался правилом. Выступая на различных конференциях, в переговорах „около" них, прямыми соглашениями и непосредственным захватом Англия сумела обеспечить за собой, по американским данным, до 75% всех нефтеносных земель, считая и те, в которых разработка месторождений еще не производится,—хотя непосредственно „контролирует" Англия, как мы видели, пока только 15% всего производства нефти. Быть может эта цифра (75%) и преувеличена, но в какой мере Великобритания в этом направлении не брезгает решительно ничем, показывает недавняя ее попытка захвата Бахрейнских островов в Персидском заливе.

Мы привели только несколько фактов борьбы трестов английских и американских, только те, которые относятся в большей степени к борьбе, так сказать, „колониальной". Есть и другая область этой борьбы — гораздо более широкая и опасная, которая разыгрывается между гигантами империализма непосредственно на рынках „великих" держав. Эта борьба питается в значительной степени и теми алчными аппетитами, которые испытывают империалисты по отношению к советской нефти. Советская нефть является в этой борьбе даже фактором первостепенной важности, если ее роль и окажется совершенно иною, чем та, какую ей весьма охотно навязали бы англичане и американцы.

Вопросом о значении советской нефти в мировом нефтяном хозяйстве мы займемся в следующей главе.

4. Борьба за советскую нефть

Как известно, вопрос о нефти играл выдающуюся роль уже на конференции в Сан-Ремо (апрель 1920 г.). К общему договору, в качестве его дополнения, было присоединено особое соглашение о нефти. Этим соглашением с Францией Англия устанавливала свои „права" на моссульскую нефть. В то же время она создавала дипломатическую базу для дальнейших своих шагов на Ближнем Востоке. Само собою разумеется, что фактически эксплоатация нефтяных богатств Месопотамии должна была находиться в руках треста Ройял-Дэтш-Шелл. Французам англичане предоставляли право покупать у них „по рыночным ценам" 25% продукции.

Попытка англичан подчинить себе французов в вопросах нефти — успеха не имела. В то же время она вызвала к жизни явления, которых англичане (поскольку можно судить по тону их прессы того времени) не предусмотрели. Не что иное, как „нефтяное соглашение в Сан-Ремо", послужило для американцев поводом к тому, чтобы приступить к энергичной защите своих нефтяных интересов. Если уже в марте 1920 г. в американском сенате была принята резолюция, приглашающая правительство сделать доклад „о положении мирового нефтяного хозяйства и его политических последствиях", то самый доклад был сделан после конференции в Сан-Ремо. Этот доклад без всяких обиняков указывал, что „политика Британской империи заключается в том, чтобы не допускать влияния граждан иностранных государств на нефтяные месторож-

дения империи, но, наоборот, стараться приобрести влияние на нефтяные месторождения, принадлежащие другим странам".

Как замечает приводящий эти слова Карл Гофман,[1] в них заключалось, в сущности, „нефтеполитическое об'явление войны". С этого момента начинаются во всяком случае выступления Соед. Штатов, представляющие собою комбинацию актов Государственного департамента и Государственного секретаря по иностранным делам, с одной стороны, и практических шагов Стандард-Ойл,—с другой. Мы видели, что этим двум американским „силам" противостояли Ройял-Дэтш-Шелл и английское министерство иностранных дел. В дипломатических нотах Соед. Штатов, отказавших в признании договора в Сан-Ремо, и Великобритании (подписанных лордом Керзоном) знатоки узнавали „соответственно" стиль председателя совета директоров „Стандард-Ойл-Нью-Джерсей", Альфреда Бедфорда, и упомянутого выше вдохновителя английской нефтяной политики сэра Джона Кэдмена.

Таким образом, попытки англичан захватить нефть Ближнего Востока более или менее бесшумно и безболезненно не удались. Американцы никак не хотели согласиться с таким положением, чтобы нефтяная гегемония с истощением их собственных запасов перешла в руки англичан. И тресту Ройял-Дэтш-Шелл никак не удавалось сравняться по значению со Стандард-Ойл. Тогда он решил к политике мудрого постепенного захвата нефтяных месторождений Ближнего Востока присоединить решительный удар, удача которого могла ему сразу создать положение, быть может, даже более сильное, чем то, какое занимает Стандард-Ойл. Трест Ройял-Дэтш-Шелл при помощи английского правительства решил ни больше, ни меньше, как завладеть той самой, принадлежащей Советскому государству кавказской нефтью, которой не могла овладеть во время войны и интервенции английская „военная сила". Театром действия должна была явиться Генуэзская конференция.

Нельзя сказать, чтобы выступление Ройял-Дэтш-Шелл было неподготовлено. Уже в 1912 г. трест купил у парижского банкирского дома Ротшильд 80% его участия в русских нефтяных предприятиях („Мазут", „Бнито" и др.), увеличив вскоре это количество до 90%. В последующие годы Детердинг овладевал другими предприятиями („Шибаев") не только в Баку, но и в Грозном и в области Эмбы. Накануне Октября Ройял-Дэтш-Шелл возглавлял 10 русских нефтяных обществ с общим капиталом в 126,5 млн. рублей золотом и годовым производством свыше 1,5 млн. тонн (свыше 10 млн. барр.). Можно ли удивляться, что полу-Наполеон, полу-Кромвель не сумел понять значения великого исторического переворота? Вместе с английскими интервентами он верил, что национализация народных нефтяных богатств весьма скоро уступит место прежнему положению хищнического захвата со стороны частных „собственников". Поэтому он продолжал скупать „мертвые души" — акции предприятий у их бывших владельцев.[2] В 1920 г. были приобретены паи фирм Манташева и Лианозова, вслед за ним — Никополь — Мариупольского трубного завода.

[1] Op. cit., стр. 107.

[2] Интересные сведения читатель найдет об этом в статье: A. de Goulevitch Le Pétrole russe Revue Économique Internationale. Novembre, 1927).

Что главным яблоком раздора капиталистических держав на Генуэзской конференции (апрель—май 1922 г.) явится советская нефть — это предвидели еще до конференции. Еще осенью 1921 г. представитель Ройял-Дэтш-Шелл пытался вести переговоры с покойным тов. Красиным; о состоявшемся будто бы уже соглашении между трестом и советскими представителями на конференции было преждевременно напечатано во французских газетах. Знаменитый „меморандум" союзников от 2 мая предлагал такую форму советской нефтяной концессии иностранцам, которая совершенно исключала из нее ни больше, ни меньше как американцев, ибо Стандард-Ойл, скупая подобно Ройял-Дэтш-Шеллу „мертвые души" (акции Нобеля), ни в какой мере не принадлежал к владельцам русских предприятий до национализации, вследствие чего подпадал под исключающее действие § 7 „меморандума".

Нужно ли говорить, что представители Стандард-Ойл, находившиеся в Генуе, отнюдь не были расположены мириться с таким положением вещей? По этой причине, когда заключение Раппальского договора разбило всех участников конференции на две группы, Стандард-Ойл всеми доступными ему средствами, не исключая и дипломатического воздействия, — стал поддерживать французов. Французская и бельгийская делегации вместе с находившимися за кулисами американцами оказались, таким образом, противниками англичан. Дело закончилось появлением на конференции посла Соед. Штатов, Чайльда, который по соглашению с „наблюдателями" от фирмы Стандард-Ойл и французским представителем, Барту, выступил с заявлением, что если сведения французской печати о предоставлении монополии вывоза советской нефти Ройял-Дэтш-Шелл верны, то „американское правительство будет считать себя уполномоченным задерживать всякое судно, груженое русской нефтью, ибо эта нефть может происходить из колодцев, принадлежащих американским гражданам". Так, интересы Стандард-Ойл были спасены, и попытка Детердинга овладеть советской нефтью, по его мнению, именно по этой причине, окончилась неудачей.

Потерпев поражение в Генуе, „генеральный директор" Ройял-Дэтш-Шелл, тем не менее, не отказался от мечты о советской нефти. Правда, он собирался получить ее — в особенности после провала Гаагской конференции, этого продолжения Генуэзской в смысле борьбы больших трестов за советскую нефть — не из рук советского правительства. Каждые полгода, как уверяет Френсис Делэзи,[1] он предсказывал „падение большевиков". Кроме того, вместе с Лесли Урквартом он был уверен, что без иностранного капитала советские нефтяные промыслы весьма скоро захиреют. Чтобы оказать этому посильную помощь, Детердинг взял на себя инициативу образования „нефтяной блокады" Советского Союза, выразившейся в соглашении заинтересованных групп и трестов (не исключая прежних русских владельцев нефтяных предприятий) не вступать отдельно ни в какие относящиеся к нефти промышленные или торговые сделки с советами.

Ни одна из надежд Детердинга не осуществилась. В нефтяной блокаде он сам первый пробил брешь тем, что уже через 4 месяца после заключения „пакта" приобрел 70 тыс. тонн советской нефти и выразил

[1] Francis Delaisi. „Oil and the Arcos Raid". Foreign Affairs (англ.), october 1927, стр. 107.

желание приобрести еще 100 тысяч. Правда, особой лояльности не обнаружил и Стандард-Ойл, пославший своего представителя в Москву хлопотать о концессии.[1] Через год после своего образования группа бойкота распалась, уступив место другим организациям с более или менее эфемерным существованием. Между тем, вопреки надеждам и пожеланиям всех империалистов, несмотря на отсутствие иностранных кредитов, советские нефтяные промыслы (см. таблицу на стр. 215) развивались, и одновременно рос экспорт советской нефти и нефтяных продуктов.

Рекордным годом довоенного времени был 1904 г., когда вывоз составлял 1.837 тыс. тонн. В 1913 г. он опустился до 952 тыс., а в 1925/26 г. поднялся снова до 1.473 тыс. и достиг в 1926/27 г. 2.038 тыс. тонн. Таким образом, вывоз 1926/27 г. на 11% превышает рекордный вывоз довоенного времени. По странам вывоз двух последних лет распределялся следующим образом (в тыс. тонн):

Страны	1925/26	1926/27	Прирост в %%
Италия	380,5	477,6	+ 25,25
Франция	179,4	386,1	+115,5
Англия	384,7	381,0	—
Германия и вновь образов. государств.	240,9	346,0	+ 43,6
Египет и Индия	84,5	156,2	+ 84,9
Бельгия и Голландия	62,3	69,4	+ 11,4
Испания	14,7	69,2	+369,1
Турция, Греция и Болгария	62,7	58,0	+ 7,6
Балтийские государства и Финляндия	29,1	45,4	+ 56,2
Скандинавские государства	13,9	11,3	—
Всего	1.452,7	2.000,2	+ 37,7
Бункерная нефть	20,3	38,2	+ 87,9
Итого	1.473,0	2.088,4	+ 38,4

Не говорят ли эти цифры о блестящем развитии нашего нефтяного хозяйства?[2] Интереснее всего тот факт, что больше всего развивался наш экспорт как раз в Англию. Даже в 1926/27 году он составляет 11% всего английского импорта. Несмотря на все препятствия, наши торговые отношения с Англией развивались и, конечно, в плоскости их дальнейшего улучшения лежал тот кредит, который 11 мая 1927 г. был предоставлен Вестминстерским банком Советскому государству. Этот кредит, несомненно, содействовал бы и экспорту нефти в Англию и вообще дальнейшему укреплению советского нефтяного хозяйства. Все обстояло благополучно. Но вот 12 мая — на другой же день — произошел „знаменитый" налет английской полиции на „Аркос" — под столь же смехотворным, как и неуклюжим предлогом. Этот налет был до такой степени

[1] Луи Фишер, „Империализм нефти", стр. 75.

[2] Согласно только что опубликованным данным, наш экспорт за текущий 1927/28 год развивается еще успешнее. За первую половину текущего года он превысил 1.125 тысяч тонн, что по сравнению с первой половиной 1926/27 года составляет прирост почти на 27%. Превышение экспорта за год составит больше, чем 40%. Еще интереснее данные относительно вывоза продуктов нефти. Так, экспорт керосина возрос почти на 50% (49%). Идет керосин в Италию, Египет, Индию и... Англию. Экспорт бензина и лигроина возрос на 20,5%, нефтетоплива на 23,3%, сырой нефти на 7,8%. Таким образом, наш экспорт улучшается не только количественно, но и качественно. Картина дополняется тем, что Нефтесиндикат выступил на ряде новых рынков; по договору со Стандард-Ойл-Нью-Йорк появились новые пункты для отгрузки (мазута): Порт-Саид, Константинополь и порты Испании (ср. „Правда", № 108, от 11/V 1928).

неожидан и нелеп, что нормальная логика обыкновенного гражданина и обывателя отказывалась его понять. Лишь человек, искушенный в нефтяных делах — в этом чрезвычайно „смелом" и „глубокомысленном" акте угадывал руку Наполеона и Кромвеля — конечно, нефтяных. Известный французский специалист по вопросам нефти, упомянутый уже профессор Франсис Делэзи в своей — также упомянутой — статье пишет черным по белому: „Разрыв дипломатических отношений между Великобританией и Советским Союзом не был добровольным актом британского правительства, но был инспирирован и даже предписан известными крупными нефтяными интересами". И дальше: „По существу набег Министерства внутренних дел („Home office") на деловые помещения Аркоса был набегом нефтяных магнатов на Министерство иностранных дел („Foreign office").[1] Другими словами: полагая, что политика Соединенного Королевства по отношению к Советскому Союзу идет в разрез с их интересами, нефтяные магнаты — точнее „сэр" Генри Детердинг — резко и грубо принудили государственный орган — Министерство иностранных дел — изменить ее.

Если трест Ройял-Дэтш-Шелл — или его директор — нашел „мужество и силу" так подчинить себе свое собственное правительство — в полном противоречии с известными словами британского национального гимна „Rule Britannia", — то можно ли было ожидать, что он отнесется иначе к правительству чужеземному да еще к такому, падения которого он ожидал чуть ли не с часу на час и достаточным средством борьбы с которым считал „финансирование" производства фальшивых червонцев? Разрыв дипломатических и торговых отношений Англии с СССР он считал совершенно достаточным, чтобы создать для СССР и его нефтяной промышленности положение совершенно невыносимое, тем более, что возможность соответствующих соглашений с Францией он постарался предотвратить столь же злобной, сколь и нелепой кампанией французской желтой прессы, поведшей однако, к отзыву, из Франции советского полпреда, — чем было обнаружено влияние чужеземного треста и на французское правительство. Можно себе, поэтому, уже à priori представить ту степень злобного бессилия, кипучего негодования, в какую впали руководители англо-голландского треста и, прежде всего, сам Детердинг, — когда они узнали о том, что советская нефтяная промышленность может прекрасно обойтись и без них, и что для американского треста „Стандард-Ойл" ни в какой мере не является обязательной точка зрения Ройял-Дэтш.

Новость о том, что Стандард-Ойл через посредство двух своих организаций — „Стандард-Ойл-Нью-Йорк" и „Вакуум-Ойл" — заключил с советским правительством контракт на ежегодную поставку 100.000 тонн нефти (на три года), сопровождавшаяся сведениями о намерении американцев направить ее через Константинополь, Суэцкий канал и Коломбо в Индию, — эта новость подействовала, как гром с ясного неба. Правда, в ней заключалась весьма и весьма серьезная угроза. Угроза — что советская нефть, которой трест Ройял-Дэтш-Шелл добивался сначала методами „мирного капиталистического завоевания", скупкой „мертвых

[1] Francis Delaisi, Op. cit. Foreign Affairs, October, 1927, стр. 106 u Novembre 1927, стр. 138.

душ", попыткой коварных переговоров,— затем репрессиями в „государственном масштабе", двинув на СССР целых две „великих державы",— что эта нефть навсегда уйдет от английских рук. А это не означало ничего иного, как то, что честолюбивым мечтам Детердинга и Великобритании—приобрести месторождения нефти, сразу способные дать им преимущество — хозяйственное и политическое—над Соед. Штатами,— сбыться не суждено. Обиднее всего было то, что, продолжая плохо верить в очевидный факт полной самостоятельности и выявившейся уже способности советского нефтяного хозяйства быстро развиваться без всякой иностранной помощи,— в вышеприведенном контракте Детердинг не мог не усмотреть победы „Стандард-Ойл" в смысле овладения тем самым лакомым куском, овладеть которым стремился он сам. Все это приводило его в полное бешенство,— психическое состояние, в котором обыкновенно припоминаются давно забытые образы и понятия далекого детства: мораль, справедливость, честность и т. п. Вспоминаются заповеди, вроде „не укради" и т. д. Вот с этим то жалким идейным багажом и выступил нефтяной Наполеон перед своими сильным соперником, в увлечении не останавливаясь, с другой стороны, перед угрозами и изображая собою того самого Юпитера, который гневается, потому что он не прав. Но глубина Кромвеля изменила на этот раз ее современному обладателю. Он не рассчитал сил. Ни просьбы, ни призыв к нравственному воздержанию от покупки советской „краденой" нефти (которую — увы! — он готов был, как мы видели, покупать и сам), ни угрозы — ему не помогли. Недаром Франсис Делэзи, в упомянутой статье, не без иронии замечает, что уже настоящий Наполеон на собственном опыте узнал, что „Россия — странная земля; никогда нельзя знать, как она реагирует", и что „победное шествие нефтяного Наполеона точно также может превратиться в отступление из Москвы".

Положение для треста Ройял-Дэтш-Шелл осложнилось тем, что ему пришлось отступить не только из „Москвы", но и из Америки. После угрожавшей вот-вот разразиться нефтяной войны между двумя трестами, английским и американским; после приготовлений к ней, как две капли воды напоминавших уже начало „военных действий",— была сделана попытка „мирных переговоров". Чем она кончилась,— меньше всего можно судить по тем официальным сообщениям, какие были опубликованы обеими странами. Решительных событий, во всяком случае, не последовало. И в данный момент, повидимому, ударение делается не на „рынках сырья", не на запасах нефти,— а на рынках сбыта. Приведенная выше таблица нашего экспорта говорит о полной способности советской нефти конкурировать как с американской, так и с английской нефтью на иностранных рынках. Наш вывоз в Италию, Испанию и даже Англию мешает Ройял-Дэтш, а появление советской нефти на французском рынке в больших количествах было бы, кроме этого треста, нежелательно, повидимому, и Стандард-Ойл. По этой причине обоими трестами было пущено в ход их влияние, чтобы провалить проект нефтяной монополии во Франции. Борьба за рынок сбыта привела враждующие стороны к согласным действиям. Но это отнюдь не решает вопроса. Основные исторические тенденции и факторы продолжают действовать. Весьма скоро примат рынка сырья — или примат производства — даст себя знать снова, и борьба возгорится с новой силой.

Как показали уже обстоятельства, то особое положение, какое занимает в мировом хозяйстве СССР, сообщает ему огромные преимущества. Благодаря собственности государства на нефть и монополии внешней торговли СССР обладает абсолютной независимостью и свободой действий. И если эта независимость иногда влечет ожесточеннейшие выступления врагов Союза, то она является в то же время в руках советской власти средством, достаточно могучим не только для самообороны против иностранных нефтяных аппетитов, но и для системы активных выступлений в интересах осуществления собственной экономической программы.

Наша нефть не явится средством обогащения иностранных нефтяных магнатов и условием политического могущества империалистических стран. Она — один из необходимых элементов развития нашего социалистического хозяйства, одно из орудий нашего активного участия в хозяйстве мировом и одно из могучих средств нашей защиты. Мы нуждаемся в ней для ответа не только Чемберлену, но и империалистам всего мира.

Д. И. Опарин.

Парадоксы французского денежного обращения[1]

(Теоретический анализ)

1. Констатирование парадоксов

Анализ периода проведения во Франции фактической стабилизации ценности франка представляет громадный интерес как в плоскости чистой теории, так и для практических целей. Этот анализ обнаруживает очень занятные парадоксы французского денежного обращения, которые кажутся малопонятными с точки зрения количественных соотношений экономических элементов.

В самом деле. 1) Количество денег в обращении во Франции за рассматриваемый период времени не только не уменьшилось, но даже увеличилось, между тем общий уровень цен за то же время значительно понизился. 2) Несмотря на отсутствие какой-либо иностранной помощи, вексельный курс французского франка в течение указанного периода сначала значительно повысился, а затем устойчиво держался на одном и том же уровне. 3) Французский эмиссионный банк скупил за время проведения фактической стабилизации франка очень большое количество твердой иностранной валюты и золота.

Приведенные положения подверждаются следующими данными.

Количество банкнот в обращении составляло к концу июля 1926 г. 56,0 мрд. бум. франков, а на конец февраля 1928 г.—58,4 мрд. бум. франков, обнаруживая, таким образом, повышение за рассматриваемый период на 4,3%. Между тем, общий индекс бумажных цен пал с 850 в июле 1926 г. до 600 в октябре 1928 г.,[2] после чего вновь началось некоторое повышение (622 к концу февраля 1928 г.). Если даже принять во внимание последнее повышение, то и в таком случае общий уровень бумажных цен понизился с конца июля 1926 г. к концу февраля 1928 г. на 36,7%, что с точки зрения обычных представлений о соотношении количества денег в обращении и движения общего уровня цен кажется совершенно парадоксальным.

Увеличилась также внешняя покупательная сила франка. Так, вексельный курс с 12,6% золотого паритета в июле 1926 г. повысился к декабрю того же года до 20,5%, на каковом уровне с некоторыми колебаниями в десятых долях процента, он продолжает держаться до настоящего времени. Следовательно, за рассматриваемый период времени вексельный курс франка поднялся на 62,2%.

[1] Не разделяя некоторых положений, развиваемых в настоящей статье, в частности, аргументов от психологии, применяемых автором, и своеобразного об'яснения, даваемого им терминам „фикционный" и „фиктивный" капитал, редакция помещает статью Д. И. Опарина, как содержащую ряд интересных моментов из практики денежного обращения Франции. Ред.

[2] Индекс построен при основании: июль 1914 г. равен 100.

Наконец, количество золота и твердой иностранной валюты по балансу Французского банка на 22 марта 1928 г. исчислялось в следующих размерах (в млн. золотых франков):

Кассовая наличность банка в золоте	3.679,5
Золото за границей в распоряжении Фр. банка	462,8
Серебро	343,0
Итого . . .	4.485,3
Золото, купленное по закону от 7 августа 1926 г. в размере 2.429,5 млн. бум. франк., что по вексельному курсу 20,42% к довоен. паритету составит	496,1
Статья разных активов (скупленная иностранная валюта) 26.087 млн. бум. франков, что по вексельному курсу 20,42% к довоенному паритету составит	5.327,0
Передано Фр. банком прочим банкам на основе репортной операции иностр. валюты на 7 мрд. бум. франк. что по указанному вексельному курсу составит	1.429,4
Итого . . .	11.838,2[1]

По тому же балансу Французского банка от 22 марта с. г. общее количество банкнот в обращении исчислялось в 58.555 млн. бум. франков, что по курсу 20,42% к довоенному паритету составит 11.957,1 млн. золотых франков. Отсюда следует, что Французский банк в настоящее время располагает покрытием в золоте, серебре и твердой валюте выпущенных бумажных денег почти на 100%.

Таким образом, без какой-либо иностранной помощи правительству Пуанкаре удалось вдруг каким-то „чудесным образом" (точно при содействии волшебных сил) фактически стабилизировать валюту и на внешнем и на внутреннем рынках и накопить большое количество золота и твердой иностранной валюты при некотором увеличении количества бумажных денег в обращении.

2. Теоретические предпосылки об'яснения

Задача данной статьи и заключается в том, чтобы теоретически осмыслить происшедшее во французском денежном обращении „чудесное явление", показав попутно, что механическое понимание соотношения экономических элементов в корне ошибочно.

Никто не отрицает, что общий уровень цен (внутренняя покупательная сила денег) находится в известной связи с количеством бумажных денег в обращении. Однако, обычно денежная масса понимается как нечто единое. Между тем, для правильного экономического анализа в общем составе денежной массы надлежит строго различать три части, а именно: потребительский денежный фонд, т-е. те суммы, которые предназначаются потребителями на покупку товаров; активный денежный капитал, т.-е. те денежные суммы, которые находятся в торгово-промыш-

[1] К этому расчету следует прибавить, что на активе Французского банка числится на то же 22 марта золото за границей, не находящееся в распоряжении банка, в размере 1.401,5 млн. золотых франков, которые числятся находящимися в английском банке для обеспечения французских долгов Великобритании.

ленном обороте и, наконец, свободный денежный капитал, т.-е. денежные суммы, приливающие на текущие счета в сберегательные кассы и банки или непосредственно тезаврированные населением.

В зависимости от того обстоятельства, какая часть общей денежной массы изменяется, за счет чего она изменяется и в каких формах происходит движение денег в том или ином разделе денежного обращения, возникают очень различные экономические феномены в народнохозяйственном организме. Так, для повышения розничных цен необходимо увеличение потребительского денежного фонда, тогда как увеличение денежного капитала, поскольку он не идет в торгово-промышленный оборот, создает обилие свободных денежных капиталов, понижая тем уровень учетного процента. Наконец, увеличение активного денежного капитала происходит обычно на основе расширения торгово-промышленного оборота в связи с требованиями увеличения кредита.

Очень важным теоретическим подразделением является также разграничение денежного капитала на собственно-денежный капитал и на фикционный[1] денежный капитал. В самом деле, расширение денежного капитала (как свободного, так и активного) может происходить или за счет других частей денежной массы, т.-е. через посредство фактического перетока денег из одной сферы в другую, или путем фикционного увеличения на основе записей в бухгалтерских книгах кредитных учреждений, а также на основе денежных суррогатов и безденежных расчетов.[2] Хорошо известно, например, что в Англии и в С.-А.С.Ш. чековой оборот и безденежные (безналичные) расчеты дают возможность „денежного" обслуживания обращения громадных масс товаров. Известно также, что накопление свободных денежных капиталов происходит в большей своей части на основе записей в тех или иных сберегательных учреждениях.

Помещение подобного свободного денежного капитала в обл игаци и в государственные займы из'емлет его для данного момента из распоряжения сберегателей, оставляя в их руках „фикционно-закрепленные сбережения". Увеличение фикционного свободного денежного капитала и из'ятие его для данного момента из распоряжения сберегателей путем выдачи им заемных обязательств имеют громадное экономическое значение для товарного и денежного рынков.

Наконец, следует отметить, что может происходить циркуляция денег в пределах одного и того же раздела денежного обращения, но в разных формах, вызывая тем особые явления. Так, свободный денежный

[1] Мы употребляем термин „фикционный", а не „фиктивный" из следующих соображений: „фиктивный" значит не существующий в действительности, тогда как под „фикционным денежным капиталом" мы подразумеваем такой, который создан посредством некоторых фикций, но который в действительности выполняет те же функции, что и собственно-денежный капитал. Это различие будет особенно ясным, если вдуматься в значение далее применяемого нами понятия „фикционно-закрепленные сбережения". Этот термин значит, что сбережения закреплены за держателями через посредство некоторых фикций (займов или записей в книгах), которые дают им право требовать при определенных условиях уплаты наличных денег. Выражение же „фиктивно-закрепленные сбережения" обозначало бы отсутствие действительного закрепления, что придало бы этому термину смысл, несколько отличный от того, который мы хотим ему приписать.

[2] Все эти разграничения более подробно развиты в нашей выходящей из печати книге: „Конъюнктура и рынки" („Опыт построения схематической экономии обмена"). Изд. „Техника управления".

капитал может принимать оболочку то национальных, то иностранных денег, что сильнейшим образом отражается на движении вексельного курса.

В более или менее „нормальные" периоды экономической жизни соотношения между отдельными частями денежной массы, между фикционным и собственно-денежным капиталами и между свободным денежным капиталом в оболочке национальных и иностранных денег более или менее устойчивы. Совсем иная картина наблюдается в периоды инфляции, дефляции или стабилизации. Психологические настроения и предположения на будущее (спекуляция) играют здесь громадную роль в смысле изменения указанных выше соотношений.

Задача дальнейшего рассмотрения состоит в том, чтобы показать, как под влиянием инфляционной и дефляционной психологии были сдвинуты во Франции соотношения между потребительским денежным фондом и свободным денежным капиталом, между фикционно-закрепленными сбережениями и наличными суммами и, наконец, между свободным денежным капиталом во франках и свободным денежным капиталом в иностранной валюте.

При нашем конкретном анализе мы последовательно рассмотрим с точки зрения установленных теоретических предпосылок три периода, а именно: 1) период резко выраженной инфляции, 2) период фактической стабилизации и, наконец, 3) самое последнее время, когда при общей устойчивости французской валюты на внешнем рынке начали проявляться некоторые новые явления во внутреннем товарообороте страны.

3. Инфляционный период

В более или менее устойчивые периоды экономической жизни денежные доходы населения Франции отчасти превращались в потребительский денежный фонд (шли на цели потребления), а отчасти сберегались, т.-е. переходили в свободный денежный капитал, откуда они изымались государством путем продажи населению различных видов государственных обязательств, ибо французские граждане имели привычку держать свои сбережения в государственных бумагах. Общая сумма французского внутреннего долга (вместе с авансами банка казначейству на 36 мрд. франков) достигала к концу 1925 года 274 мрд. бум. франков.[1] За последнее время особенно были в ходу боны национальной защиты, которые являлись очень краткосрочными обязательствами государства и приносили хороший процент. Сумма бон национальной защиты к концу 1925 г. достигала 45,74 мрд. бум. франков. В этих обязательствах держали средства как мелкие сберегатели, так и крупные промышленники и рантье.

Что же происходит в период, когда государство не в состоянии нормальным путем оплачивать своих обязательств и принуждено прибегать к дополнительным выпускам бумажных денег?

[1] Означенный внутренний долг складывался из следующих статей:

	Мрд. бум. франк.
1) „вечный" и долгосрочный долг	143,7
2) краткосрочный долг	36,5
3) текущий долг (боны, авансы и пр.)	93,8
Итого	274,0

В этот период сильно увеличившиеся номинальные доходы населения немедленно обращаются им на покупку товаров и золота, так как для всех становится очевидным, что покупательная сила франка начинает падать. Крупные капиталы стремятся уйти за границу в форме покупки иностранной валюты и иностранных девиз, ибо вексельный курс франка падает. Общая сумма ушедших в послевоенное время за границу капиталов исчисляется (правда, по очень приблизительным подсчетам) в 20 мрд. франков.

Этого мало. Население начинает пред'являть государству требования оплаты выданных ранее обязательств, как только наступает срок их платежа, и не покупает новых обязательств, так как не верит в устойчивость их курсов. Иначе говоря, фикционно-закрепленные сбережения вновь стремятся получить форму свободного денежного капитала, для того чтобы немедленно превратиться или в денежный потребительский фонд или в иностранную валюту. Государство не имеет нормальных средств для оплаты своих обязательств и постоянно принуждено прибегать к новым выпускам бумажных денег, что ускоряет ход инфляционного процесса. Можно сказать, что Французское казначейство в это время находится под постоянной угрозой краха, ибо краткосрочные боны национальной защиты висят над ним дамокловым мечом.

Таким образом, с точки зрения нашей терминологии и наших теоретических разграничений можно констатировать все три намеченных в главе 2 сдвига. В период обострившейся инфляции сильно увеличился потребительский денежный фонд за счет постоянных выпусков новых бумажных денег и относительно уменьшившейся доли свободного денежного капитала. Оставшийся денежный капитал стремился принять форму иностранных денег. Наконец, прекратилась покупка государственных обязательств и, напротив, фикционно-закрепленные сбережения вновь превращаются в денежную форму для перехода в потребительский денежный фонд и в иностранную валюту, что усиливает дополнительные выпуски бумажных денег. Увеличение потребительского денежного фонда, сильное сокращение фикционно-закрепленных сбережений и превращение относительно уменьшившегося свободного денежного капитала в иностранную валюту создавало сильное падение ценности франка и на внутреннем (повышение общего уровня цен) и на внешнем (падение курса франка) рынках.

Эти процессы выявляются в цифрах нижеприводимой таблицы:

Месяцы	Количество банкнот в обращении в мрд. франков	Индекс оптовых цен в бумажном выражении (1914=100)	Вексельный курс в % к золотому паритету
1925 г.	На конец месяца		
Январь	40,8	525	28,13
Февраль	40,8	526	26,58
Март	40,9	524	27,25
Апрель	43,1	523	26,99
Май	44,7	531	25,96
Июнь	43,8	554	23,83
Июль	44,5	569	24,45
Август	45,4	569	24,30

Месяцы	Количество банкнот в обращении в мрд. франков	Индекс оптовых цен в бумажном выражении (1914=100)	Вексельный курс в % к золотому паритету
	На конец месяца		
Сентябрь	46,4	567	24,55
Октябрь	46,7	584	21,81
Ноябрь	49,2	618	20,10
Декабрь	51,1	646	18,91
1926 г.			
Январь	50,6	647	19,53
Февраль	51,0	649	19,02
Март	52,1	645	18,09
Апрель	52,2	665	17,10
Май	52,7	702	16,58
Июнь	53,9	754	15,08
Июль	56,0	854	12,59

Приведенная таблица показывает, что если падение покупательной силы франка на внутреннем и на внешнем рынках наблюдалось в течение всего 1925 г. и в начале 1926 г., то с апреля 1926 г. оно становится катастрофическим, давая кульминационную точку к концу июля того же года. В этот период времени, как всегда в периоды ярко выраженной инфляции, падение внутренней и внешней покупательной силы денег идет быстрее, чем увеличение количества денег в обращении. Это положение доказывается уменьшением общей ценности количества банкнот в обращении, если ее выразить в довоенных франках, т.-е. общую сумму бумажных франков разделить на индекс цен. Эта операция показывает, что если до апреля 1926 г. общая ценность количества банкнот в обращении в довоенных франках держалась на уровне, примерно, 8 мрд. франков, то в период отмеченного сильного повышения цен она значительно снизилась, составляя к концу июля 1926 г. всего 6,7 мрд. франков. Если сделать пересчет количества денег в обращении в золотые франки по вексельному курсу, то общая сумма к июлю 1926 г. окажется снизившейся до 7,1 мрд. золотых франков против 9,9 мрд. золотых франков на январь того же года, так как к июлю вексельный курс упал особенно низко. Таким образом, не подлежит сомнению, что к середине 1926 г. наблюдалось падение внутренней и внешней покупательной силы денег в более значительных размерах, чем то обусловливалось увеличением количества денег в обращении.

Подобное ускорение болезненного процесса понятно. Если инфляционная психология действует на покупателей в смысле увеличения потребительского денежного фонда и перехода свободного денежного капитала в иностранную валюту и девизы, то в то же время продавцы товаров и твердой валюты, страхуя себя от дальнейшего падения внутренней и внешней покупательной силы франка, вздувают цены на товары и на твердую валюту вне зависимости от наличия номинальной покупательной

силы данного момента.[1] Еще только начинают говорить о возможности увеличения банкнотных выпусков, как вексельный курс уже падает, а затем и общий уровень цен повышается. Так было в отмеченный период острой инфляции, т.-е. в мае, июне и июле 1926 г., тогда как значительное увеличение количества банкнот в обращении произошло только к концу июля того же года (см. данные вышеприведенной таблицы) Этой панической инфляционной психологии сознательно содействовали финансовые банковские круги, которым нужно было показать неспособность к управлению страной даже умеренно социалистических правительств. И, конечно, спекулятивные круги, играя на понижение курса франка, создавали сильное его падение.

4. Период фактической стабилизации

Подобное ненормальное положение могло под влиянием какого-либо психологического толчка измениться (хотя бы на время) в обратном направлении. Переход власти в руки крупно-буржуазного правительства в лице Пуанкаре являлся таким толчком, знаменуя собой переход финансового капитала к обратной политике. При поддержке финансовых кругов Французскому банку удалось повысить курс франка к концу октября 1926 г. до 16,43% золотого паритета. В то же время авансы банка казначейству понижаются с 37,5 мрд. бум. франков на конец июля 1926 г. до 35,8 мрд. франков на конец октября того же года, а количество банкнот в обращении падает с 56,0 мрд. франков до 54,6 мрд. франков. В ноябре продолжается тот же процесс повышения ценности франка и уменьшения количества денег в обращении. Все это создает впечатление возможности игры на повышение курса французского франка. Международная спекуляция стала пред'являть Французскому банку значительные суммы иностранной валюты и девиз, требуя уплаты франков. К этому спекулятивному процессу присоединилось фактическое возвращение французского денежного капитала из-за границы, уход которого в послевоенный период, как было указано, исчислялся в 20 мрд. франков. Французский банк, допустив повышение курса франка до уровня примерно 20% своего довоенного паритета, начал скупать в громадных размерах иностранную валюту, стремясь удержать ценность франка на указанном уровне.

Нижеследующая таблица показывает совершенно незначительные колебания вексельного курса французского франка в течение 1927 г. и сильнейшее увеличение статьи разных активов, которая характеризует собою движение размеров купленной Французским банком иностранной валюты.

---

[1] В эти периоды проявляется наличие инфляционной психологической надбавки к ценам. Что не было куплено сегодня, завтра будет продано по еще более высоким ценам.

Влияние инфляционной психологии было очерчено нами при анализе предпосылок к проведению русской денежной реформы в статье: „Влияние выпуска бумажных денег на уровень цен.— Эмиссионная система и количественная теория ценности денег". (Экономический бюллетень Кон'юнктурного института, № 7—8, 1923 г.).

Месяцы	Вексельный курс франка в %% к золотому паритету	Статья разных активов Франц. банка в мрд. бум. франков
1926 г.	На конец месяца	
Июль	12,59	4,2
Август	15.30	3,8
Сентябрь	14,41	4,1
Октябрь	16,43	5,1
Ноябрь	18,81	4,8
Декабрь	20,52	5,0
1927 г.		
Январь	20,42	7,2
Февраль	20,32	8,9
Март	20,32	11,1
Апрель	20,32	14,3
Май	20,32	19,7
Июнь	20,32	22,3
Июль	20,32	23,9
Август	20,32	23,6
Сентябрь	20,32	23,7
Октябрь	20,37	23,9

Таким образом, мы видим, что при стационарности вексельного курса в течение 1927 г. количество купленной Французским банком иностранной валюты увеличилось почти в 6 раз, т.-е. в совершенно небывалых размерах.

С точки зрения нашей терминологии и теоретических предпосылок понятно, что повышение вексельного курса явилось следствием перехода свободного денежного капитала из оболочки иностранной валюты в форму французских франков, которые продавались Французским банком. Откуда же, однако, банк мог взять средства для оплаты колоссальных сумм пред'явленной иностранной валюты и что происходило в это время на внутреннем рынке?

Нижеследующая таблица показывает изменение количества денег в обращении и движение общего уровня цен за рассматриваемый период времени:

Месяцы	Общее количество банкнот в обращении (в мрд. бум. франк.)	Индекс оптовых бумажных цен (июль 1914 = = 100)
1926 г.	На конец месяца	
Июль	56,0	854
Август	55,3	785
Сентябрь	55,0	804
Октябрь	54,6	768
Ноябрь	53,3	698
Декабрь	52,9	641
1927 г.		
Январь	52,2	635
Февраль	51,7	645
Март	52,4	655
Апрель	52,2	650
Май	52,3	642
Июнь	52,8	636
Июль	52,8	633
Август	52,7	631
Сентябрь	54,2	613
Октябрь	55,9	600

Оказывается, что общая денежная масса за это время осталась стационарной, составляя 56 мрд. франков на конец июля 1926 г. и почти 56 мрд. франков на конец октября 1927 г., а общий уровень цен за тот же период времени понизился на 36,7%.

В понимании всех этих парадоксальных экономических процессов и выступает важность того различия между потребительским денежным фондом и свободным денежным капиталом, которое было сделано нами в главе 2. Бывшими держателями иностранных девиз и валюты являлись рантье, спекулянты и промышленники. Полученные ими франки не шли на потребление (в потребительский денежный фонд), а сберегались в той или иной форме посредством покупок государственных бумаг, внесения денег на текущие счета банков и казначейства. Население, поверив в устойчивую ценность французского франка, также не стремилось к обращению денег в товары, а помещало их в займы, в сберегательные кассы и на текущие счета банков. Отсюда громадный успех государственных займов, выпущенных на сумму в несколько десятков миллиардов франков, отсюда увеличение вкладов и текущих счетов в банках, казначействе и сберегательных кассах. Полученные средства государство передавало французскому банку, уплачивая ему свой долг. Об этих процессах свидетельствует следующая таблица (в мрд. бум. франков):

Месяцы	Текущие счета во Франц. банке (без счетов казначейства)	Остатки вкладов в сберегательных кассах	Авансы банка казначейству
1926 г.	На конец месяца		
Июль	4,1	3,9	37,5
Август	3,3	3,9	36,5
Сентябрь	2,9	4,0	36,7
Октябрь	3,9	4,0	35,8
Ноябрь	4,8	4,1	35,7
Декабрь	5,9	4,1	36,0
1927 г.			
Январь	5,9	4,3	32,6
Февраль	3,3	4,5	29,6
Март	3,8	4,6	28,2
Апрель	6,9	4,7	29,3
Май	10,2	4,8	26,6
Июнь	12,4	5,0	26,9
Июль	12,1	5,1	25,7
Август	10,7	5,3	25,1
Сентябрь	10,4	5,5	24,4
Октябрь	10,2	5,8	25,8

Приведенные данные показывают рост вкладов на текущих счетах Французского банка и в сберегательных кассах, поскольку означенные суммы не снимались покупкой ценных государственных бумаг (займов). Интересно отметить, что в то время как текущие счета во Французском банке увеличились с августа 1926 г. по октябрь 1927 г. в три раза, повышение остатков вкладов в сберегательных кассах обнаружило рост за тот же период всего на 49%. Это различие указывает на скопление денежных средств в руках крупных капиталистов. За тот же период времени казначейство уплатило банку около 12 мрд. бум. франков.

Французский банк, получая средства от казначейства, снимая их с текущих счетов, а также отвлекая от учетно-ссудных операций, ибо его вексельный портфель за этот период уменьшился в четыре раза (с 6,7 мрд. бум. франков к концу июля 1926 г. до 1,6 мрд. франков на конец октября 1927 г.[1] покупал все новые и новые партии иностранной валюты, которые в изобилии к нему пред'являлись. Средства, получаемые от Французского банка бывшими держателями иностранной валюты, не шли ни в потребительский денежный фонд, ни в активный торгово-промышленный капитал, как таковой (ибо в это время во Франции, как всегда в периоды прекращения инфляционного процесса, наблюдалась депрессия), а все время вращались в сфере свободного денежного капитала, вновь тем или иным путем попадая в распоряжение Французского банка.

Таким образом, имела место следующая картина: от Французского банка свободные денежные суммы во франках переходили в руки крупных капиталистов, спекулянтов и рантье путем продажи этими последними иностранной валюты банку; означенные суммы или вновь вносились на текущие счета банка или поступали в распоряжение казначейства путем покупки займов, бон национальной защиты и внесения на текущие счета казначейства, которое опять передавало их Французскому банку, погашая тем свою задолженность. Французский банк вновь обращал эти средства на покупку иностранных девиз и валюты, и таким образом они опять переходили в руки денежных капиталистов и т. д.

Следовательно, благодаря указанному механизму обращения бумажных денег на покупку иностранной валюты и возвращения этих денег вновь в банк или непосредственно или через казначейство[2] оказалось возможным скупить огромные количества иностранной валюты при стационарности общей денежной массы к концу октября 1927 г. и не только при отсутствии к этому времени каких-либо признаков инфляционного процесса, но даже при значительном понижении общего уровня цен, несмотря на постоянное и многократное вливание денег в оборот.

Когда задают вопрос, за чей же счет Французский банк накопил громадные суммы иностранной валюты, то на это следует ответить, что означенное накопление произведено им за счет своих обязательств и обязательств Французского казначейства, которые окажутся реальными, если удастся довести до конца дело стабилизации французского франка, и превратятся в фикцию, если стабилизация франка потерпит крах. В самом деле, если скопление иностранной валюты оказалось возможным за счет сильнейшего увеличения обязательств в отношении французских и отчасти иностранных граждан, которые, веря в устойчивость ценности франка и в возможность его повышения, вкладывали свои свободные денежные средства в банк, в казначейство и в займы, то ведь в некоторый момент времени эта вера могла исчезнуть, и тогда Французскому банку и казначейству были бы пред'явлены требования уплаты наличными деньгами их

[1] Подобное уменьшение являлось, с одной стороны, следствием очень значительной разницы между официальным и вольным учетными процентами, а с другой—результатом развернувшейся за этот период времени торгово-промышленной депрессии.

[2] Следует, конечно, иметь в виду, что в этом механизме обращение средств в известной части происходило фикционным путем на основе кредитных отношений между французским и иностранными банками.

обязательств на громадные суммы, вследствие чего ценность франка потерпела бы немедленное крушение. Вот почему оказалось необходимым каким-нибудь образом так зафиксировать эти обязательства на длинный период, чтобы сделать невозможным их пред'явление к немедленной уплате. Правительство удачно проводит этот маневр, превращая бессрочные и краткосрочные обязательства в долгосрочные. Оно выпускает долгосрочные займы на громадные суммы (например, консолидационный заем на сумму более 18 мрд. франк.) и превращает боны национальной защиты из краткосрочных в долгосрочные путем оплаты первых и выпуска в то же время вторых, о чем свидетельствует следующая таблица:

Процентное распределение бон по продолжительности сроков уплаты

	1 мес.	3 мес.	6 мес.	1 год	2 года	Всего
На 1 сент. 1926 г. . . .	10,4	7,4	9,2	73,0	—	100
„ 1 апрел. 1927 г. . .	—	—	9,1	81,5	9,5	100
„ 1 сент. 1927 г. . . .	—	—	—	67,0	33,0	100

Таким образом, если на 1 сент. 1926 г. совсем не было двухгодичных бон национальной защиты, то на 1 сентября 1927 г. они составляли уже 33% общей суммы, и напротив совершенно исчезли одномесячные, трехмесячные и шестимесячные боны.

Вместе с тем, общая сумма бон национальной защиты почти не уменьшилась, составляя на конец 1927 г. 43,46 мрд. бум. франк. против 45,74 мрд. бум. франк. на конец 1925 г.

Резюмируя процессы периода проведения фактической стабилизации франка в терминах нашей теории, мы можем сказать следующее:

1) За этот период времени относительно уменьшилась доля потребительского денежного фонда в счет свободного денежного капитала, что вызвало понижение общего уровня французских цен,[1] несмотря на постоянное вливание денег в оборот.

2) Свободный денежный капитал переходил из оболочки иностранных денег в форму национальной французской валюты, что создавало тенденцию к повышению вексельного курса французского франка, каковой удерживался Французским банком на стационарном уровне путем скупки иностранной валюты.

3) За указанный период времени происходило громадное увеличение фикционного свободно-денежного капитала, который образовывался путем записей внесенных денег в бухгалтерских книгах сберегательных учреждений при постоянном обращении средств, полученных этими учреждениями, вновь на покупку иностранной валюты.

4) В то же время сильнейшим образом увеличились фикционные сбережения, закрепленные на довольно продолжительный срок в форме государственных займов и долгосрочных бон национальной защиты, при чем освободившиеся денежные средства вновь обращались на покупку иностранной валюты.

[1] См. по этому вопросу интересное построение проф. Шумпетера, где он сопоставляет чистый денежный доход и товарную массу потребительских товаров. „Das Sozialprodukt und die Rechenpfennige"— Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 44 Bd. 3 Heft (1919).

Все указанные превращения с ясностью показывают, каким образом оказалось возможным понижение общего уровня цен при отсутствии уменьшения количества денег в обращении, стационарность вексельного курса без иностранной помощи и накопление Французским банком громадных количеств иностранной валюты за счет своих обязательств и обязательств казначейства на будущее время.

5. Период последнего времени

Благополучное положение французского денежного обращения на основе очерченного механизма продолжалось до IV квартала 1927 г. В этом квартале и в особенности в начале 1928 г. начинают наблюдаться во французском денежном обращении новые процессы, о которых можно судить по движению некоторых основных показателей, приведенных в нижеследующей таблице (в мрд. франк.):

Месяцы	Статья разных активов банка	Текущ. счета банка	Вексельный портфель банка	Авансы банка казначейству
		На конец месяца		
1927 г.				
Октябрь	23,9	10,2	1,6	25,8
Ноябрь	24,6	10,2	1,8	25,3
Декабрь	26,6	10,5	2,2	24,8
1928 г.				
Январь	27,1	8,5	1,6	23,1
Февраль	26,3	7,7	1,7	23,5
Март (на 22)	26,1	7,7	1,5	23,1

Приведенные данные обнаруживают, что за рассматриваемый период времени продолжались продажи Французскому банку иностранной валюты в очень значительных размерах, так как статья разных активов с октября 1927 г. по январь 1928 г. увеличилась на 3 мрд. франков. Правда, в течение двух последних месяцев начинается некоторое понижение по этой статье, однако, это понижение является следствием не уменьшения предложения иностранной валюты, а по причине так называемых репортных операций Французского банка, т.-е. передачи на время иностранной валюты другим французским банкам и таким образом списывания ее с указанной статьи.

Следовательно, Французский банк для оплаты пред'являемой иностранной валюты продолжает нуждаться во франках. Между тем, механизм вращения средств в сфере свободного денежного капитала при создании, с одной стороны, обязательств на будущее время, а с другой— накопления твердой валюты перестает работать с достаточной исправностью. Как показывает вышеприведенная таблица, текущие счета во Французском банке за рассматриваемый период времени не только не повысились, но даже понизились (почти на 3 мрд. франков). Вексельный портфель банка, вместо сильнейшего понижения предшествующего периода, дал повышение к концу декабря 1927 г., а в начале 1928 г. сохранял стабильный уровень. Эти процессы стоят отчасти в связи с начинающимся оживлением торгово-промышленной жизни во Франции с конца 1927 г. Как бы там ни было, Французский банк не только не имеет теперь притока средств во франках, но даже принужден выплачивать известные суммы по текущим счетам и по учету векселей.

В то же время погашение казначейства банку своей задолженности происходит за этот период замедленным темпом. Так, авансы банка казначейству, которые на конец сентября составляли 24,4 мрд. франк., на конец декабря составляют 24,8 мрд. франков и только в 1928 г. понижаются на 1 мрд. Понятно, что при многократном обращении свободных средств часть их просачивается в потребительский денежный фонд, уменьшая тем скорость и размеры накопления. Кроме того, в это время не выпускалось новых займов, и, следовательно, из этого источника не могло быть притока свободных средств. Мало того, общая сумма бон национальной защиты, исчислявшаяся к концу 1927 г. в 43,46 мрд. бум. франк., превысила легальный уровень более чем на 3 мрд. франков, ибо согласно закону их общий размер должен быть равен к началу 1928 г. даже с временной надбавкой в 6% всего в 40,56 мрд. франков. Следовательно, обнаружилась необходимость тем или иным путем погасить обязательств на 3 мрд. бум. франков.

Для того чтобы выйти из создавшегося положения, правительство и Французский банк принимают меры в двух направлениях, а именно: с одной стороны, они стремятся ослабить приток иностранной валюты, а с другой — получить дополнительные количества средств во франках.

Принимая во внимание, что международная спекуляция пред'являет Французскому банку иностранную валюту на основе кредитов английских и американских банков, которые в известной степени опираются на золото и твердую валюту за границей самого же Французского банка, этот последний решил, во-первых, часть свободного золота за границей перевести во Францию, а во-вторых, повидимому, приобрести новые партии золота в обмен на твердую валюту. По этому последнему пункту существуют самые различные мнения. Упорно держится слух, что Французским банком закуплено золота в С.-А.С.Ш. на 50 млн. долларов. Не подлежит, во всяком случае, сомнению, что в марте отправлено во Францию золота из Англии 10,5 млн. фунтов стерлингов (265 млн золотых франков) и из С.-А.С.Ш. 40 млн. долларов (207 млн. золотых франков).

10 января 1928 г. снимается запрещение с вывоза денежного капитала из Франции за границу и, кроме того, понижается официальный учетный процент 29 декабря 1927 г. до 4%, а 19 января 1928 г. до 3,5%[1] с целью содействовать отливу свободного денежного капитала в Англию и в Германию. Этими мероприятиями правительство надеялось уменьшить предложение иностранных девиз Французскому банку. В самом деле, вывоз денежного капитала за границу возможен или в форме внесения сумм на текущие счета иностранных банков или в форме покупок иностранных ценных бумаг. И в том и в другом случае необходимо обращение французских франков в иностранные девизы или непосредственный отток иностранной валюты.

[1] Интересно отметить, что официальный учетный процент в начале IV квартала 1926 г. стоял на уровне 7,5%; затем он постепенно снижался до 6,5%, до 5,5%, до 5% и, наконец, до 4% и до 3,5%. Частный учетный процент в октябре 1926 г. стоял на уровне 7% годовых; в дальнейшем наблюдается процесс постоянного его снижения, приведший к 2,5% в конце 1927 г. Все это свидетельствует о том увеличении свободного денежного капитала во Франции, который имел место за период проведения фактической стабилизации валюты.

Вместе с тем, Французский банк производит так называемые репортные операции, о которых упоминалось выше. Эти операции заключаются в том, что Французский эмиссионный банк предоставляет во временное распоряжение прочим французским банкам свою твердую валюту, получая от них в обмен франки. К концу марта общая сумма репорта, как уже указывалось, составила 7 мрд. бум. франк. Для французских банков означенная операция представляет несомненный интерес. По своим депозитам они платят 1%; обменявши депозиты во франках (по цене 0,5%) на твердую валюту, французские банки могут поместить ее или в обязательства Британского казначейства или передать германским банкам по цене 4% или даже 4,5% (при наличии в настоящее время разрешения вывоза иностранного капитала за границу). Для Французского же эмисссионного банка эта операция имеет большое значение с точки зрения получения средств во франках.

Управление амортизационной кассы и французское казначейство совместно стремятся найти выход из того положения, что сумма бон национальной защиты, как выше нами указывалось, превышает легальный максимум. Выход был найден в том, что амортизационная касса произвела учет одногодичных бон национальной защиты, находящихся в руках разных публичных учреждений и особенно в руках национальных сберегательных касс. Казначейство же в это время выпустило свои боны для помещения в них освободившихся в указанных учреждениях средств. Этим путем к концу февраля сумма бон национальной защиты была доведена до легального уровня, а казначейство получило в свое распоряжение некоторые суммы во франках.

Все это оказывается пока все-таки недостаточным для оплаты пред'являемой иностранной валюты, поэтому французское правительство проектирует в дальнейшем выпуск нового стабилизационного займа на сумму в 10 мрд. бум. франк.,[1] а Французский банк прибегает пока к легкому и испытанному средству дополнительных выпусков бумажных денег. Эти дополнительные выпуски при начинающемся некотором оживлении торгово-промышленной жизни из свободного денежного капитала попадают в известной степени в активный денежный капитал, а затем и в потребительский денежный фонд, содействуя тем повышению общего уровня цен, о чем свидетельствует следующая таблица:

Месяцы	Колич. банкнот в обращении в мрд. бум. франков	Общий индекс цен (июль 1914 = 100)
	На конец месяца	
1927 г.		
Октябрь	55,9	600
Ноябрь	55,5	607
Декабрь	56,6	617
1928 г.		
Январь	57,8	620
Февраль	58,4	622
Март (на 22)	58,6	— [2]

[1] Затем, согласно речи министра Тардье, предполагается еще выпуск займа в 3 мрд. бум. франк. для оплаты мелких претензий жителей областей, пострадавших от войны.

[2] По позднейшим данным уровень цен на конец марта поднялся до 636.

Приведенные данные показывают, что за последнее время общая денежная масса выросла на 3 мрд. бум. франк., в связи с чем общий уровень цен повысился на 22 пункта.[1]

Таким образом, резюмируя процессы последнего периода во французском денежном обращении с точки зрения нашей теории, мы можем сказать, что в это время механизм постоянного вращения средств в сфере свободного денежного капитала потребовал дополнительных приспособлений и пополнений. Весь этот период проникнут стремлением французского правительства и Французского эмиссионного банка, с одной стороны, ослабить приток свободного денежного капитала в форме иностранной валюты и, с другой стороны, получить свободные средства во франках. Все принимаемые меры оказываются, однако, пока недостаточными, вследствие чего приходится прибегать к новым выпускам бумажных денег, которые, просачиваясь в потребительский денежный фонд, стимулируют тем повышение общего уровня цен.

6. Заключение

Такова интересная картина тех своеобразных процессов во французском денежном обращении, которые сделали Францию без какой-либо иностранной помощи из страны с расстроенными финансами страной, претендующей играть известную роль на мировом денежном рынке. Правильное понимание и анализ означенных процессов возможны только с точки зрения тех теоретических разграничений, которые были нами изложены в главе 2.

Из всего нашего анализа явствует, что здание французского денежного обращения подобно в настоящее время пирамиде, поставленной на свою вершину, правда, очень искусно подпертую долгострочными займами. Если это здание не рухнет, то проведения легальной стабилизации можно ожидать после завершения выборов в Палату депутатов, т.-е. июне — июле 1928 г.[2]

[1] Упорно держатся также слухи о том, что имеется еще „невидимая эмиссия" которая, согласно закону, может быть не показана на балансе банка, если идет исключительно на покупку золота и твердой валюты.

[2] Из последних наиважнейших событий в сфере французского денежного обращения надлежит отметить следующие.

Во второй половине мая выпущен стабилизационный заем. По предварительным подсчетам на конец мая — начало июня за наличный расчет приобретено облигаций займа на 10,5 мрд. бум. франк. и, примерно, на 10 мрд. франк. конвертировано краткосрочных и других обязательств.

Правительство предполагает уплатить долг банку в размере 10 мрд. бум. франк. а остальную сумму задолженности казначейства банку (за исключением, примерно 2,5 мрд. франк.) погасить путем пересчета золотого запаса банка на новую счетную, единицу, если будет проведен закон о стабилизации франка на уровне, близком, к фактическому курсу.

По телеграфному сообщению от 13 июня, французский Совет министров, несмотря на упорную борьбу сторонников ревалоризации франка, одобрил проект Пуанкаре о легальной стабилизации франка. Стабилизационный курс франка, повидимому, будет установлен на уровне 20% довоенного паритета.

С. Кукель-Краевский

Борьба за проведение в жизнь основных принципов плана электрификации ГОЭЛРО [1]

В 1921 году, когда утверждался план ГОЭЛРО и советскому правительству и инженерной общественности было ясно, что развитие нашей электрификации должно итти по пути постройки крупных районных станций, использующих местные энергетические ресурсы, а также создания в каждом районе мощных сетей электропередач. Позже, в связи с успехами теплотехники, было решено во всех случаях, когда можно комбинировать производство электроэнергии с производством технологического тепла для какого-нибудь предприятия, устанавливать на нем собственные теплоэлектростанции. Это не противоречило вышеназванной формуле, а только ее дополняло, тем более что для полного использования преимуществ теплоэлектростанций надо их присоединять к общей районной сети, дабы они отдавали в нее свои излишки электроэнергии и, наоборот, в подлежащих случаях получали из нее недостающую электроэнергию. Кроме того, нужно устроить общий резерв для всех предприятий присоединенных к сетям, а этот резерв, естественно, иметь на районных станциях.

После утверждения плана ГОЭЛРО мы начали разворачивать большую работу по выполнению этого плана. Выстроено несколько крупных районных электростанций и еще гораздо большее число их находится в постройке. В целом ряде районов местные власти и организации подымают вопросы о необходимости постройки у них электроцентралей, разрабатывают соответствующие проекты, доказывают их целесообразность. Но финансовые соображения вынуждают сдерживать размах электростроительства СССР и многие заявки мест не могут быть удовлетворены. Инициатива мест в области электростроительства показывает, что идеи плана ГОЭЛРО твердо проникли в сознание советской общественности.

Надо, однако, сказать, что с восприятием идей плана ГОЭЛРО дело шло все же не так гладко, как можно было ожидать, принимая во внимание исключительно благоприятные для электрификации предпосылки, создаваемые нашим политическим и социальным строем.

На Западе, на пути создания единого энергетического хозяйства в каждом районе, на пути, на который становится волей неволей, рано или поздно, под давлением технического прогресса и экономической целесообразности каждая страна,—стоят интересы многочисленных владельцев более или менее мелких электроснабжающих предприятий. У нас этого препятствия нет, у нас все народное хозяйство находится в руках одного

[1] В дискуссионном порядке. Ред.

хозяина, если не считать крестьянские хозяйства, которые пока только начинают становиться об'ектами электрификации.

На Западе надо уговаривать, надо компенсировать, надо законодательным путем добиваться права проводить линии электропередач через частновладельческие земли, и тем не менее, преимущества единого энергетического хозяйства так наглядны и так велики, что даже в консервативной Англии, более всех других стран чтущей „священное право собственности", создаются и фактически выполняются прекрасно составленные планы концентрации выработки электроэнергии на небольшом числе крупных электростанций с прекращением деятельности многочисленных мелких электроснабжающих предприятий. У нас, казалось бы, этот вопрос должен был бы протекать с гораздо меньшими трудностями. Мы можем планировать и проводить в жизнь план, совершенно не считаясь с узкими интересами отдельных предприятий, а учитывая только интересы народного хозяйства в целом.

А все-таки план электрификации выполняется не без борьбы и притом борьбы порою очень упорной.

У нас случилось так, что на пути выполнения плана стало серьезное препятствие в виде „ведомственности". Интересно отметить, что такие организации, как краевые, областные и губернские исполкомы, которые по природе своей являются организациями вневедомственными, всегда широко идут навстречу планам электрификации и проявляют очень большую инициативу в этом деле, тогда как со стороны горсоветов и многих трестов приходится встречать определенное противодействие. Органы, регулирующие деятельность горкомхозов в виде главных коммунальных управлений, и органы, регулирующие деятельность отдельных отраслей промышленности в лице главных управлений ВСНХ, очень часто ведут реакционную и тормозящую политику в деле об'единения электрохозяйства. Побудительные причины к этому у коммунхозов и у промышленных предприятий имеют совершенно различную природу. Для городского хозяйства электрическая станция является крупным источником дохода. Коммунальная электростанция покрывает до 30% расходов городских хозяйств. Доходы 168 городских станций за 1925/26 г. дали превышение над расходами в 15,4 млн. руб. при отпуске 271 млн. квтч., т.-е. около 5,7 коп. на квтч в среднем, тогда как 15 станций районного значения за тот же период получили 7,8 млн. руб., при отпуске 918 млн. квтч., т.-е. 0,85 за один квтч. в среднем.

В то время как тарифная политика районных электростанций строится на основе признания этих станций крупным фактором реконструкции энергетического хозяйства и развития производительных сил страны, дающим государству большую к о с в е н н у ю выгоду, коммунальные электростанции рассматриваются их хозяевами, как крупные источники извлечения прибыли. Естественно поэтому, что города совершенно не склонны отказываться от собственной станции и переходить на питание от районных или крупных фабрично-заводских станций, хотя бы и могущих дать энергию дешевле, чем собственная станция. Мы могли бы привести много примеров борьбы на этой почве, достаточно указать на борьбу, которую приходится вести крымскому правительству за создание акционерного общества „Крымэлектро", имеющего целью соединить Севастопольскую, Симферопольскую и Ялтинскую электростанции

линиями электропередач с одновременным расширением Севастопольской станции, как главной питательной базы единой системы электроснабжения. Это об'единение позволит снабдить сравнительно дешевой энергией целый ряд промежуточных пунктов вдоль линии передач, создаст базу для Южно-бережной электрической железной дороги или трамвая, даст возможность лучше и дешевле обеспечить электроснабжение городского населения и местной промышленности, но образование „Крымэлектро" грозит лишить города источника дохода и в результате — упорная двухлетняя борьба Крымского правительства против этого проекта, борьба, которая ведется коммунальными работниками на местах и в особенности Главкомунхозом НКВД РСФСР в центре.

Нам кажется, что возможен компромисс: районная станция может оставить в руках городов распределительную сеть иногда вместе с мелкими теплофикационными и пиковыми станциями, а следовательно, и доходы, которые можно получить путем тарифной политики при распределении энергии между мелкими потребителями. В некоторых случаях так уже и делается, но и даже в этих случаях Главкоммунхоз ведет борьбу. Так, в текущем 1928 г. Главкоммунхоз при содействии Госплана РСФСР сорвал присоединение к сети МОГЭСа г. Рязани, несмотря на сильное желание городского совета именно так решить задачу своего электроснабжения и несмотря на то, что город уже заключил договор с МОГЭСом. В данном случае город покупал бы энергию от МОГЭСа оптом и поэтому не терял бы своих доходов, а потому сопротивление Главкоммунхоза нельзя в данном случае рассматривать иначе как проявление узкой ведомственности.

Не редко отдельные предприятия и об'единяющие их тресты сопротивляются рациональному решению задач электроснабжения в двух диаметрально противоположных случаях: и в случае, когда по плановым соображениям предполагается закрыть или не строить собственную станцию, снабжая предприятие от районной, коммунальной или другой фабрично-заводской станции, и в случае, когда наоборот по тем же плановым соображениям намечается расширение фабрично-заводской станции до мощности, при которой она может снабжать энергией других потребителей. В первом случае сопротивление плану аргументируется тем, что собственная станция надежнее, а во втором тем, что предприятию неприятно возиться с продажей энергии другим потребителям. Интересно отметить, что в данном случае сопротивление отнюдь не вызывается экономическими причинами, как в рассмотренном раньше случае. Наоборот, присоединение к районной станции означает уменьшение капитальных затрат по сравнению с вариантом собственной станции, а устройство станции, превышающей потребности самого предприятия, сопровождается ассигнованиями по смете электрификации в размере, обычно превышающем добавочные расходы. Цена, по которой предприятие будет получать электроэнергию, в обоих случаях будет дешевле, чем при самостоятельном электроснабжении. В капиталистических странах при таких условиях очень легко достигается соглашение, у нас нередко узкая ведомственность сопротивляется рациональному разрешению задач. И здесь, как и в случае с коммунальными хозяйствами, можно встретить примеры, когда само предприятие идет на отказ от самостоятельного электроснабжения, а вышестоящие органы этой же отрасли промышленности все же препятствуют этому делу. Нам сообщили случай, когда предприятию,

соглашавшемуся отказаться от собственного электроснабжения, вышестоящие органы грозили, что они в таком случае не дадут ему возможности расширить производство.

Мы отнюдь не хотим говорить, что приводимые нами примеры „ведомственности" относятся ко всем предприятиям и стоящим над ними органам. Наоборот, нередки случаи, когда сами предприятия выступают инициаторами либо создания районной станции, либо превращения станции самого предприятия в станцию общего пользования, но тем не менее тоже не редки и те случаи сопротивления выполнению рациональной системы электроснабжения районов, о которых говорилось выше.

На седьмом году выполнения плана ГОЭЛРО мы встретились со случаем, когда серьезные организации поставили под сомнение две основных предпосылки всего нашего плана электрификации: 1) предпочтительность создания крупной районной станции с сетью электропередач перед постройкой ряда сравнительно мелких местных станций и 2) предпочтительность постройки станции на местном топливе перед постройкой станции на привозном донецком угле.

К этим двум вопросам сводился пересмотр целесообразности постройки Брянской и Белорусской торфяных районных станций, произведенный относительно Брянской станции по инициативе Главной инспекции ВСНХ, а относительно Белорусской по инициативе группы инженеров ГЭТа и той же Главной инспекции.

В случае Брянской станции предлагалось взамен постройки станции (22.000 квт. первой очереди — с развитием до 44.000 квт.) около торфяных болот близ железнодорожной станции „Белые Берега" построить такую же станцию на заводе „Профинтерн" около г. Бежицы с тем, чтобы эта станция работала на привозном донецком топливе. Главная инспекция ВСНХ СССР ожидала от этого экономии в первоначальных затратах в размере 12 млн. руб. из 20. Вопрос рассматривала специальная комиссия СТО. При этом выяснилось, что сама станция на заводе „Профинтерн" будет на 2 млн. дороже, чем на станции „Белые Берега", так как вопреки предположению инспекции нельзя будет ограничиться существующим зданием и существующей системой водоснабжения, а наоборот— в действительности условия водоснабжения на зав. „Профинтерн" особо тяжелы и требуют для своего развития крупных расходов. Некоторая экономия получалась в линиях электропередач и в жилстроительстве при варианте на станции „Профинтерн" и в окончательном счете оба варианта были бы в лучшем для завода „Профинтерн" случае равноценны. Выгода в пользу варианта завода „Профинтерн" получилась лишь тогда, когда к обоим вариантам присчитали стоимость топливодобычи, которая для случая торфа значительно больше, чем для угля, если привести топливодобычу к одинаковой калорийности. Таким путем в окончательном счете получилась выгода в первоначальных затратах в пользу станции на привозном угле на заводе „Профинтерн" в 3,5 млн. руб. Тем не менее, Совет Труда и Обороны после доклада комиссии, в которой голоса разделились поровну, остановился по общегосударственным соображениям на варианте торфяной станции и тем подтвердил правильность установки на местное топливо. В действительности, конечно, нельзя было подходить к такому важному вопросу с узко бухгалтерской точки зрения. 3,5 млн. в пользу станции на привозном угле, конечно, не разрешают задачи. В этом расчете не принято во внимание, что в случае, если бы мы остановились на привозном угле, нужно было бы присчитать к стоимости угледобычи еще капитальные расходы, связанные с транспортом и, в частности, подвижной состав, который будет занят на топливоснабжении станции. Кроме того, не принято во внимание совершенно неподдающееся числовому выражению преимущество наличия новой местной топливной базы в важном промышленном районе на случай военных обстоятельств. СТО своим решением все эти обстоятельства учел и они превысили те 3,5 млн. фиктивной выгоды, которую насчитала комиссия. Та часть комиссии, которая настаивала на решении в пользу станции на привозном угле, рассчитывала получить кроме экономии в первоначальных затратах экономию в стоимости топлива. Они подсчитали, что если к районной станции, которая могла питаться торфом, применить для донецкого угля льготные цены и льготный тариф, то килокалория на привозном топливе получается несколько дешевле, чем на торфе (при нормальном тарифе и нормальной цене соотношение получается в пользу торфа). Таким образом, названные члены комиссии не только хотели отказаться от местного топлива, но хотели еще искусственно уменьшить его конкурентоспособность путем введения льготных цен на привозное топливо, т.-е. за счет переложения некоторой части расходов на других потребителей топлива и других клиентов НКПС. В этом предложении несомненно скрывалась большая опасность полного извращения идеи плана ГОЭЛРО. Насколько велика путаница в понятиях, видно из того, что среди трех членов комиссии, предложивших проект постановления СТО об отказе от торфяной станции и о применении льготных тарифов на привозное топливо, находится один из крупных работников в области торфяного дела. Между тем, всем известно, что современное соотношение цен на топливо не есть явление, вполне установившееся, что торфяная промышленность рассчитывает в недалеком будущем применять новые методы, которые и удешевят торф и значительно понизят первоначальные затраты на торфодобычу.

Очень часто забывают, что районная станция строится не для 1—2 лет, а для десятков лет и что основные элементы должны быть выбраны, обязательно имея в виду перспективы дальнейшего развития.

В отношении недоучета перспектив мы часто делаем опасную ошибку, выбирая для новой станции такую мощность и такое число аггрегатов, которые соответствуют только совершенно выявленной нагрузке, не учитывая появления новых, непредусмотренных потребителей. К сожалению, эта ошибка была сделана комиссией СТО и в случае Брянской станции. Таким образом, пересмотр решения о постройке этой станции с точки зрения незыблемости принципов плана ГОЭЛРО не только повлек за собою тот вред, что постройка уже начатой станции была приостановлена, а в связи с этим были излишние расходы, но и еще больший вред тем, что на станции, по предложению комиссии, было решено устанавливать аггрегаты по 11.000 квт. вместо аггрегатов по 22.000 квт., как предлагалось ВСНХ и Президиумом Госплана.

Развитие станции аггрегатами по 11.000 квт обозначает, что станция будет иметь мощность всегда „в обрез" и будет находиться в перманентном состоянии строительства, так как Брянский район, несомненно, имеет

все предпосылки для своего дальнейшего развития, очень мало учтенные комиссией, подходившей к расчету нагрузок чисто бухгалтерски. Устанавливая аггрегаты по 22.000 квт., мы имели бы возможность более свободного развития потребления энергии в районе,[1] обслуживаемом Брянской станцией. Между тем, если заказать все турбогенераторы на советских заводах, то два генератора по 22.000 квт. стоят столько же, сколько 3 по 11.000 квт., давая 44.000 квт вместо 33.000 квт. Если заказать 2 по 22.000 квт. за границей, то они стоят столько же, сколько 2 по 11.000 квт., сделанные у нас, давая за ту же цену 44.000 квт. против 22.000 квт. Кроме того, турбогенератор в 22.000 квт. более экономичен, чем в 11.000 квт. Если бы были в достаточной мере учтены перспективы, необходимость устанавливать турбогенераторы по 22.000 квт. была бы столь очевидна, что никто бы не мог предложить другое решение, но перспективы-то у нас учитываются мало. Насколько мы ошибаемся в перспективах видно из следующих примеров: в 1922 г. был составлен пятилетний план электроснабжения Москвы, по которому в 1927 году потребный максимум должен был быть 151 тыс. квт., а между тем, фактически в 1927 г. искусственно сниженный максимум был 172 тыс. квт., а без искусственного снижения, вызванного недостатком мощности у МОГЭСа, он был бы 190 тыс. квт. Выработка по плану 1922 г. на 1927 г. ожидалась 420 млн. квтч., а фактически была 637 млн. квтч.

В 1925 г. электроплан, проанализировав нагрузку Омской станции, подлежащей расширению, предположил, что понадобится для расширения 2 турбогенератора по 1.000 квт., а через два года оказалось, что нагрузка настолько превзошла предположения, что понадобилось установить два турбогенератора по 3.000 квт. Совершенно то же самое произошло при определении мощности станций в Балашеве, Пскове, Грозном, Пензе и др.

Когда в 1921 г. решалась установка в первую очередь двух турбогенераторов по 10.000 квт. на станциях „Красный Октябрь“ в Ленинграде, на Балахнинской станции у Н.-Новгорода и на Штеровской в Донбассе, то никто не предполагал, что мощность каждой из этих станций превзойдет 100.000 квт. в пределах первого же десятилетия. Но в то время генераторы в 10.000 квт. были крупнейшими, изготовлявшимися на 3.000 оборотов в минуту. Теперь строятся на это число оборотов турбогенераторы в 22.000 квт. и нам следовало бы в крупных промышленных центрах считать их наименьшими единицами для районных станций, как предлагал Г. М. Кржижановский, когда в Президиуме Госплана обсуждался вопрос о выборе единиц для Брянской районной станции. Мы видели, что в целом ряде городов пришлось увеличивать мощность станций уже вскоре после решения об их постройке. В целом ряде городов даже в таких, где новые станции уже выстроены, мы переживаем кризис электроснабжения вследствие недостаточной мощности. Крупнейшее в СССР об'единение электрических станций МОГЭС провело только-что истекший максимум без единого киловатта резерва, несмотря на то, что все меры для снижения максимума уже были исчерпаны.

[1] Надо иметь в виду, что в районе Брянской станции будет иметься устанавливаемый ныне новый турбогенератор в 11.000 квт. на станции завода „Профинтерн“ и еще около 6.000 квт. на существующей станции, которые могли бы служить резервом. Поэтому 2 генератора по 22.000 квт. могли бы, в случае необходимости, быть нагружены полностью, оставляя в резерве все остальное.

Несмотря на то, что недостаток мощности стал повсюду „нормальным“ явлением, несмотря на то, что рост потребности в энергии в общем каждый год превышает все наши предположения (текущий год не составляет исключения из этого правила),—главной заботой при постройке новых станций является мысль: „как бы не перестроить“. В результате, мы повсюду, за очень редким исключением, не достраиваем. Среди многих упреков, которые сделаны были Главэлектро, не было ни разу упрека за то, что мощности почти всех станций оказались слишком малы, но было очень много упреков за то, что в 2 случаях из 24 станции не были с первого года загружены и по этому поводу создалась целая легенда об отсутствии потребителей у наших станций. Таким образом, создается психологическая предпосылка и даже определенная директива к тому, чтобы станции рассчитывать только на потребности первого же года ее открытия, дабы на ней отнюдь не оставалась свободная мощность.

Нам пришлось в № 4 „План. хоз.“ за нынешний год показать, какая тревога появляется в Соед. Штатах Северной Америки у военного ведомства по поводу того, что электроснабжающая промышленность не имеет больших резервов для покрытия тех исключительно крупных потребностей в энергии, которые будут пред'являться электростанциям в случае войны, как уже показал опыт предыдущей войны. По этому поводу говорится, что отсутствие резервов является национальной опасностью. Если это имеет место в С.-А. С. Ш., то тем в большей степени это опасение справедливо для нас: во-первых, потому, что у нас во многих крупных центрах вообще нет резервов, во-вторых, потому, что, не в пример С.-А. С. Ш., мы еще зависим в деле крупного электростроительства от импорта и в случае войны мы лишимся того оборудования для строящихся и расширяемых станций, которое не успеет быть ввезенным, а в-третьем, потому, что по об'ективным причинам постройка новой станции во время войны займет еще больше времени, чем в С-А.С.Ш.

Отсюда надо сделать вывод, что при проектировке новых станций следовало бы обязательно предусматривать некоторый запас мощности, чтобы станция могла несколько лет существовать без нового строительства и чтобы она могла быстро дать в нужный момент добавочную мощность. Оборудование для электростанций изготовляется настолько длительно, что никогда нельзя быстро расширить станцию. В лучшем случае за границей это занимает 9 месяцев, а в наших условиях не менее полутора лет. Для военного времени это совершенно недопустимо длительный срок.

Нам могут возразить, что у нас нет достаточных средств, чтобы строить с запасом; на это мы ответим, что больших средств для этого и не требуется при правильной организации дела. Увеличивать число единиц стоит дорого, увеличивать мощность единиц стоит много дешевле. Мы уже видели из вышеприведенного примера соотношение стоимости станций с единицами в 11.000 и 22.000. Чтобы удовлетворить указанное нами требование, достаточно выбирать при проектировании станций единицы не те, которые соответствуют нагрузкам второго года эксплоатации, а следующие по шкале стандартных мощностей, при чем в этой шкале нам следовало бы допустить единицы в 33.000 квт., как промежуточные между 22.000 и 44.000, а может быть и единицы в 17.500, как промежуточные между 11.000 и 22.000.

Напомним попутно, что турбогенераторы дают наилучший коэфициент полезного действия не при полной нагрузке, а при нагрузке в 75% от полной и во всяком случае коэфициент полезного действия в этом последнем случае не ниже, чем при полной нагрузке. А потому выбор более крупных единиц, чем требует нагрузка первых лет эксплоатации станции, не ухудшит эксплоатационные результаты такой станции.

Интересно проанализировать те два случая, когда выстроенная станция не имела достаточного количества потребителей в течение первых полутора лет и по которым делается вывод, что мы „перестраиваем". Это случай Балахнинской (Нижегородской) станции и Земо-Авчальской. Причиной недогрузки в первое время эксплоатации Нижегородской станции было опоздание постройки новых и переоборудования старых потребителей, в то время как станция была построена к намеченному сроку. Но если потребители и запоздали, то оказалось, что тем не менее они развиваются шире, чем предполагалось вначале и поэтому они стали требовать почти с самого начала большей мощности от районной станции, чем предполагалось раньше. В результате, несмотря на недогрузку станции пришлось ее расширять дальше, при чем психологическое влияние временной недогрузки было так велико, что это задержало дальнейшее развитие станции, и в результате можно через год — два предвидеть положение, при котором будет иметь место обратное явление: развитие станции отстанет от развития потребности. Мы уверены, что такое положение, если правильно учесть все его экономические последствия, причинит государству значительно больший убыток, чем неполная нагрузка станции в течение 2—3 лет и связанная с этим необходимость отсрочить года на два начало амортизации вложенного в станцию капитала.

Аналогичное явление мы имеем в Тифлисе, на Земо-Авчальской станции. Она полностью загрузится в течение трех лет эксплоатации. Здесь тоже было явление запаздывания переоборудования с постоянного на переменный ток и на это надо отнести очень слабую нагрузку первого года. Но дальнейшие два года являются периодом естественного роста нагрузки. Избежать этого периода неполной нагрузки станции можно было бы только в том случае, если бы раньше Земо-Авчальской станции была бы построена тепловая станция, которая каждый год прибавляла бы новый аггрегат, а после вступления Земо-Авчальской станции временно прекратила бы свою работу совсем. Такое решение было бы, конечно, менее выгодно, чем работа Земо-Авчальской станции в течение трех лет без полной нагрузки. Что же касается самой Земо-Авчальской станции, то по местным условиям самые дорогие гидротехнические сооружения, составляющие подавляющую часть стоимости станции должны были быть выполнены сразу на полную мощность и не могли быть созданы частями.

Волховская станция могла быть нагружена сразу по мере вхождения в работу каждого генератора только потому, что она была связана с несколькими паровыми станциями, работа которых сокращалась по мере усиления мощности Волховской станции.

Интересно отметить, что в случае Днепровской гидроэлектрической станции, для которой потребители находятся пока еще в потенции, понадобилось уже через год после начала ее постройки увеличить число первоочередных турбогенераторов с 3 до 7.

Вопрос о мощности генераторов Брянской станции заставил нас отклониться от рассмотрения случаев ревизии основных идей плана ГОЭЛРО для того, чтобы отметить действительную ошибку нашего планирования электрификации, заключающуюся в том, что мы строим недостаточно мощные станции, хотя нас и упрекают в том, что будто бы мы перестраиваем.

Вернемся теперь к отмеченной нами вначале попытке подвергнуть сомнению правильность решения строить районные станции и районные сети электропередач вместо самостоятельного развития электроснабжения отдельных городов и промышленных центров. Мы имеем в виду записку Бюро коллектива инженеров ГЭТа, доказывавшую, что электроснабжение района Белоруссии (Осиновской станции) было бы рациональнее развивать путем постройки электростанций местного значения вместо одной крупной районной станции с соответствующей сетью электропередач, и предлагавшую поэтому пересмотреть вопрос о постройке этой торфяной районной станции.

Осиновская станция строится на мощность первой очереди 20.000 квт. в двух турбогенераторах по 10.000 квт. с тем, чтобы вскоре был бы поставлен еще третий турбогенератор, тоже в 10.000 квт. Тщательная проверка нагрузок, только что произведенная в связи с вышеуказанной запиской, показала, что в первые годы эксплоатации станций один турбогенератор будет полностью нагружен потребителями Витебска, Шклова и Орши, включая только действующие и уже строящиеся предприятия, с тем развитием, которое предполагается на 1931 год. Если же учесть и те предприятия, которые правительство БССР предполагает построить вновь на 1931 г. плюс г. Могилев, отнесенный ко второй очереди в первоначальном проекте, получит полную нагрузку и второй турбогенератор, почему в случае появления этих потребителей придется поставить третий турбогенератор. Центральный электротехнический совет, рассмотрев в специальной комиссии вышеуказанную записку, совместно с авторами ее, нашел, что, вопреки предположениям авторов, постройка четырех местных станций, вместо одной Осиновской с большой сетью электропередач, будет по первоначальным затратам при наиболее благоприятном для варианта самостоятельных станций случае равноценна. Эксплоатационные же расходы будут значительно ниже при варианте районной станции. Таким образом, вновь была проверена и для данного частного случая, в котором мощность районной станции кажется действительно, на первый взгляд, малой по сравнению с размерами высоковольтной сети, выгодность централизованного электроснабжения. Простое равенство первоначальных затрат, конечно, не показательно, поскольку создаваемая одновременно с районной станцией и вошедшая в расчет высоковольтная сеть позволяет питать кроме главных центров потребления еще любой промежуточный пункт, в котором имеется или появится в будущем достаточная нагрузка. В то время как четыре местные станции разрешают задачу электроснабжения только четырех отдельных пунктов, постройка районной станции вместе с высоковольтной сетью разрешает задачу электроснабжения во всем районе, охватываемом сетью. За создание такой широкой энергетической базы для района нужно было бы заплатить отдельно, а между тем в рассматриваемом случае эта задача разрешается попутно при затрате той суммы, которую все равно пришлось бы вложить

в 4 местных станции. Второй добавочной выгодой является удешевление энергии в случае варианта районной станции вследствие меньших годовых эксплоатационных расходов. Правда, авторы записки уверяют, что к тому времени, когда будет загружен только один генератор на Осиновской станции, электроснабжение соответствующих потребителей можно будет осуществить дешевле на 3,5 млн. Этот вопрос ЦЭС не проверял, но возможно, что действительно, если сравнивать Осиновскую станцию мощностью в 20.000 квт плюс большая сеть [1] с самостоятельным развитием электроснабжения отдельных пунктов, то сравнение могло бы быть для этого промежуточного положения не в пользу районной станции. Но сами лица, поднявшие вопрос о пересмотре, теперь согласны с тем, что при создании тех предприятий, которые намечает Белорусское правительство, районная станция будет выгоднее, чем развитие местных станций, несмотря на сравнительно длинные линии электропередач. Мы уже отмечали выше, что один турбогенератор загружается только теми потребителями, которые уже существуют и разве можно предположить, что в течение ближайшего пятилетия Белоруссия не сможет дальше развивать свою промышленность, несмотря на лозунг индустриализации! А если она эту промышленность разовьет и если будет присоединен Могилев, на что требуется сравнительно небольшие дополнительные затраты, загружается и второй генератор. Поэтому несомненно, что в течение пятилетия Осиновская станция будет иметь мощность в 30.000 квт., а при этих условиях она значительно выгоднее отдельных местных станций.

Таким образом, ревизия правильности одного из основных положений плана ГОЭЛРО на примере Осиновской станции привела к тому же результату, как ревизия другого положения на примере Брянской станции: проверена незыблемость этих положений и при нынешней конъюнктуре и даже при сегоднешнем очень узком подходе к разрешению таких задач.

Надо отметить, что инженеры ГЭТа, поднявшие вопрос о пересмотре целесообразности постройки Осиновской станции, не подвергли сомнению положение о местном топливе: они предлагали строить свои местные станции тоже на местном топливе.

В связи с уже отмеченной выше борьбой за создание единого электрохозяйства в Крыму делались подсчеты для сравнения вариантов самостоятельного развития электростанций в Симферополе, Севастополе и Ялте с вариантом дальнейшего развития только Севастопольской станции и устройства треугольника высоковольтных электропередач: Севастополь — Симферополь — Ялта. По подсчетам комиссии Электроплана, которой было поручено детально сравнить оба варианта, вариант централизованного электроснабжения потребует затрат на 1931/32 г. 2.890 тыс. руб. против 2.575 тыс. руб. для самостоятельного расширения электростанций, т.-е. на 315 тыс. руб. больше. За счет добавочного вложения этой суммы будет разрешена задача электроснабжения не только трех перечисленных пунктов, но и всех промежуточных. Кроме того,

[1] Надо отметить, что в СССР стоимость высоковольтных сетей обычно превышает стоимость заграничных сетей в большей степени, чем стоимость станции у нас превышает стоимость заграничных станций, таким образом, высоковольтная сеть у нас относительно дорога, что отражается неблагоприятно на сравнении вариантов.

вариант централизованного электроснабжения дает цену энергии 7,3 коп. за квтч. против 8,1 и уменьшает годовые эксплоатационные расходы для отпуска энергии 1931/32 г. на 164 тыс руб., что составляет 52% от излишне затраченного капитала. Таким образом, мы видим, что централизованное электроснабжение потребует дополнительных затрат, которые окупаются одной только экономией в ежегодных эксплоатационных расходах уже в два года, и таким образом возможность электроснабжения промежуточных пунктов получается, в сущности, даром. При дальнейшем расширении потребления электроэнергии в Крыму разница в капитальных затратах для обоих вариантов дойдет до нуля и затем переменит знак. Мы имеем здесь буквально то же самое явление, которое имело место в случае Белорусской районной станции, но здесь имеется еще один добавочный аргумент в пользу централизованного электроснабжения: при устройстве Южно-бережной железной дороги или трамвая, линия передач Севастополь — Ялта будет совершенно необходима, и потому в случае, если бы остановились на варианте самостоятельного развития станций, пришлось бы при осуществлении указанной дороги, кстати сказать включенной в пятилетний план, затратить сверх суммы на расширение станций еще и сумму стоимости линии электропередач.

Проводя принципы плана ГОЭЛРО не только в случаях, когда выполняется крупная электрификация, но и в тех случаях, когда разрешаются задачи меньшего масштаба, Электроплан поддерживает везде, где это возможно, те варианты электроснабжения городов, которые комбинируют электроснабжение города с электроснабжением какого-нибудь крупного промышленного предприятия или группы промышленных предприятий. В тех случаях когда, как, например, в г. Вологде, который сэкономил, отказавшись от собственной станции и перейдя на электроснабжение от станции бумажной фабрики „Сокол", сумму, превышающую миллион рублей, и получит при этом энергию значительно дешевле, чем от собственной станции, т.-е. в случаях, когда выгода чрезвычайно ярка, выполнение вышеуказанной задачи не представляет больших трудностей. Но когда по об'ективным обстоятельствам нет возможности получить очень большую выгоду для города и когда решающим фактором является не прямая выгода в первоначальных затратах, а иногда трудно учитываемые в денежной форме выгоды для народного хозяйства в целом, приходится встречаться с чрезвычайно упорным сопротивлением со стороны коммунальных органов. За последние два года Электроплану при Главэлектро ВСНХ СССР приходилось вести упорную борьбу за рациональное электроснабжение города в нескольких случаях. Так, было задержано, но все-таки проводится в жизнь электроснабжение г. Сумы в Украинской ССР от станции сахаро-рафинадного завода, задержана предполагавшаяся постройка угольной станции на территории сахарного завода имени Карла Либкнехта около Курска с расчетом снабдить энергией не только завод, но и г. Курск и г. Льгов с возможностью также развить в районе электропередач сельскую электрификацию. По протесту НКВД РСФСР, поддержанному Госпланом РСФСР, заставили город разрабатывать вариант дизельной станции, а пока на 1928 год выполнение указанного плана задержалось независимо от результатов сравнения. Весьма возможно, что в данном случае сам г. Курск мог бы покрыть свои потребности новой дизельной станцией с несколько меньшими затратами в течение

ближайших лет, но с точки зрения интересов электрификации всего района в целом самостоятельное электроснабжение г. Курска было бы очень реакционным решением, задерживающим на долгие годы развитие электроснабжения вне г. Курска. Кроме того, отказ от использования всех возможностей комбинирования выработки электроэнергии и пара на сахарном заводе было бы невыгодно и для последнего.

Аналогичный случай, где НКВД РСФСР стремится отделить город от совместного питания энергией с промпредприятиями и желает построить собственную дизельную станцию, имеет место и в Уфе, где вариант централизованного электроснабжения от новой станции, которая будет связана с промышленными предприятиями и будет работать частично на опилках, частично на челябинском угле, практически равноценен по первоначальным затратам и стоимости энергии с вариантом самостоятельного снабжения группы промпредприятий от собственной паровой станции и города от новой дизельной станции. В этом случае НКВД стоит упорно на варианте дизельной станции, хотя с точки зрения основных идей нашего плана электрификации правительство Башреспублики, ВСНХ РСФСР и Электроплан СССР, принявшие паровой вариант единой станции, несомненно, правы. Интересно отметить, что во всех приведенных нами примерах, как Крым, Курск и Уфа, где НКВД РСФСР выступает защитником варианта самостоятельного электроснабжения города (обычно от дизелей), ему приходится бороться, прежде всего, с местными вневедомственными советскими организациями, как правительство автономных республик, как Губисполкомы и другие, ибо, как мы уже указывали в начале статьи, те органы, которые свободны по своему характеру от узкой ведомственности, вполне прониклись идеями рационального построения системы электроснабжения.

В заключение обзора, в котором изложены случаи борьбы за проведение в жизнь идей нашего плана электрификации, мы хотим еще остановиться на одном новом препятствии к выполнению централизованной системы электроснабжения, препятствии, которое недавно было поставлено некоторыми работниками Госплана РСФСР. Этим препятствием является неправильное толкование последствий разделения нашего бюджета на союзный и республиканский. Дело в том, что крупные районные станции и мощные районные сети электропередач, а также расширение электроустановок союзных предприятий производятся по союзному бюджету, а поддержка расширения электроснабжения городов по республиканскому бюджету. Предположим, что какой-нибудь город, например, Тула, имеющий возможность получить энергию от станций союзного предприятия, захочет построить собственную электростанцию. Он в этом случае может получить часть стоимости станции по бюджету электрификации РСФСР. Но предположим теперь, что он, по своей инициативе или по указаниям плановых органов, решит построить не станцию, а подстанцию, и участвовать в расходах по присоединению этой подстанции к сети районных станций или к станции союзного промпредприятия. Это обычно дешевле и дает более дешевую энергию. При прохождении бюджета электрификации на 1927/28 г. через Госплан РСФСР Президиум последнего, по предложению работников Госплана, прорабатывавших план электрификации, вопреки представления ВСНХ РСФСР, отказал в отпуске средств в подобных случаях по бюджету РСФСР, дабы „не смешивать союзные и республиканские средства“. В частном случае г. Тулы эта аргументация Госплана РСФСР не была разделена ЭКОСО РСФСР, которое не побоялось „смешения бюджетов“ и, согласившись с протестом ВСНХ РСФСР, отпустило необходимую ссуду г. Туле для присоединения к МОГЭСу. Но при выборе об'ектов финансирования за счет средств на электрификацию по РСФСР, величина которых была значительно ниже фактической потребности, вышеуказанное толкование Госплана РСФСР сыграло известную отрицательную роль в прошлом году и сможет еще сыграть такую роль и в будущем.

Непосредственным выводом из основных положений плана ГОЭЛРО является стремление разрешать задачи электроснабжения не изолированно для отдельных городов и предприятий, а в районном разрезе, что приводит, в конечном счете, к прекращению разделений электростанций на станции частного пользования и общего пользования. В каждом районе должна быть использована каждая станция, могущая дать дешевую энергию, преимущественно на местном топливе, для электроснабжения района, независимо от того, на чьи средства она строится или была выстроена, для кого она предназначалась первоначально, на чьей территории она находится и в ведении какого ведомства она состоит. Общее направление наших электрификационных работ идет в сторону этой формулы, но как мы видели выше, имеется целый ряд препятствий, которые приходится преодолевать и которые иногда могут отклонить правильное решение, вследствие недостаточного понимания основных идей плана электрификации и чрезмерно ведомственного подхода некоторых органов и лиц к этим вопросам.

Я. М. Гольберг

Основные тенденции в развитии мирового механического транспорта [1]

В настоящее время вокруг вопроса „автомобилизации" нашей страны развертывается оживленная дискуссия. Есть много мнений по этому вопросу, но правильное его решение можно найти, лишь учтя международный опыт с внесением поправок на особенности общего хозяйственного развития нашей страны.

Во-первых, надо искать правильных путей механизации гужевого транспорта — правильных в смысле экономической рентабельности и выбора типа машин.

Вполне понятно, что из сферы нашего внимания не должно уйти и тесное взаимодействие между механизацией гужевого транспорта и тракторизацией сельского хозяйства.

Ограниченный и притом непродолжительный опыт применения у нас механического транспорта не позволяет в полной мере выявить его роль в общем хозяйственном развитии страны и поэтому для установления закономерной зависимости между отдельными сторонами хозяйства страны и механическим транспортом приходится воспользоваться опытом зарубежных стран.

Истекший 1927 год в отношении наметившихся в предшествующие годы тенденций развития механического транспорта еще в большей мере подтвердил существующую закономерность в автомобилизации отдельных стран.

В качестве ориентировочного материала мы уже не будем столь широко пользоваться практикой Соединенных Штатов (что являлось особенно характерным в предшествующие годы), а наоборот, уделим больше внимания другим странам и, главным образом, Англии и ее колониям (Канаде, Австралии, Нов. Зеландии и Южн. Африке), Франции, Германии, Скандинавским государствам, Финляндии, южно-американским государствам и т. д.

Следует отметить, что за последние несколько лет роль автотранспорта Соед. Штатов в мировом автотранспорте непрерывно уменьшается.

Если на Соед. Штаты в 1922—24 гг. приходилось около 83—84% всего мирового автотранспорта, то в 1925 и 1926 гг. эта доля снижается до 80% и, наконец, в 1927 г. до 79%. [2]

За счет Соед. Штатов растет влияние Англии, Франции, Австралии, Канады.

Как можно видеть из табл. 1, Соед. Штаты за период 1922—28 гг. увеличили свой автотранспорт с 10.505.660 до 23.253.882 машин, т.-е.

[1] В порядке постановки вопроса. Ред.

[2] Считаем необходимым указать что в некоторых наших работах мы для 1923 г. давали цифру 88%, но это неверно. Указанная цифра 88% приводится в справочнике Американской автомобильной торговой палаты, но, в действительности, при пересчете она оказывается равной 83,5%.

на 121%. Все же остальные страны, исключая Соед. Штаты, дают за этот же период возрастание с 2.083.289 до 6.384.653 машины, что составляет увеличение на 207%. И эта тенденция к росту влияния других стран, помимо Соед. Штатов, с каждым годом будет приобретать все более и более отчетливо выраженный характер.

Таблица 1

Рост мирового автотранспорта за 1922—28 гг.

Страны света	1/I 1922 г.	1/I 1923 г.	1/I 1924 г.	1/I 1925 г.	1/I 1926 г.	1/I 1927 г.	1/I 1928 г.
Сев. Америка Южн.Америка	11.162.110	12.995.244	16.091.603	18.651.113	20.981.289	23.430.660	24.814.332
В том числе С.-А.С.Ш.	10.505.660	12.299.770	15.312.658	17.605.495	19.843.936	22 059.910	23.253.882
Европа . . .	1.110.996	1.302.153	1.690.931	2.115.221	2.668.558	3.102.769	3.615.377
Азия	147.111	144.479	161.385	184.158	240.653	295.477	348.496
Африка . . .	55.832	71.368	74.697	101.151	138.531	180.476	229.190
Австралия. .	112.900	150.832	219.792	289.136	423.296	517.856	633.149
Итого . . .	12.588.949	14.743.468	18.238.408	21.374.506	24.452.267	27.527.238	29.638.535

В общем же темп роста мирового автотранспорта за последние 28 лет, а именно с 1900 г., носит в период 1920—1923 гг. более интенсивный характер и затем он постепенно ослабевает, что в значительной степени об'ясняется замедлившимся темпом роста Соед. Штатов.

Но во всяком случае из года в год наличный мировой автотранспорт непрерывно возрастает.

В 1900 году на всем земном шаре насчитывалось 11.000 автомобилей. Спустя 8 лет количество автомобилей достигает 290 тысяч и затем постепенно по мере приближения к 1920 г. количество автомобилей на земном шаре переходит за 10 миллионов. После 1920 г. наличный автотранспорт начинает приобретать все большие и большие размеры.

В общем, рост мирового автомобильного транспорта за 1900—1927 гг. может быть охарактеризован следующей таблицей:

Годы	Количество	Увеличение в %%
1900	11.000	—
1908	290.000	—
1914	1.836.000	—
1920	10.922.278	—
1921	12.558 949	—
1922	14.743.468	15
1923	18.238.408	24
1924	21.374.506	17
1925	24.452 267	14
1926	27.527.238	13
1927	29.638.535	7

Отставание роста автотранспорта Соед. Штатов особенно характерно при сопоставлении с ростом автомобилей в других странах.

Например, Франция за период 1922—28 гг. увеличила свой автотранспорт с 236.146 до 960.000 единиц, т.-е. на 307%, Великобритания показывает увеличение с 497.582 автомобилей до 1.219.477 автомобилей, т.-е. на 145%.

Еще более характерно расширение автотранспорта в таких странах как Южн. Африка, Австралия, Япония, Аргентина, Бразилия. В этих странах рост определяется сотнями процентов (см. табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный рост автотранспорта в С.-А. С. Ш. и других странах за период 1922—1928 гг.

Страны	Количество автомобилей 1922 г.	1928 г.	Возрастание в %
Земной шар	12.588.949	29.638.535	136
Земной шар без Соед. Штатов	2.083.289	6.384 653	206
Соед. Штаты	10.505.660	23.253.882	121
Канада	463.448	939.479	102
Великобритания	497.582	1.219.477	145
Индия	45.983	117.000	152
Швеция	39.913	110.500	177
Швейцария	18.011	53 000	193
Испания	37.560	110.000	193
Италия	53.000	165.000	211
Аргентина	75.000	241.356	221
Нов. Зеландия	37.500	134.215	258
Дания	22.260	83.094	273
Южн. Африка	26.468	100.750	293
Египет	5.084	20.553	294
Япония	12.260	49.556	304
Франция	236.146	960.000	307
Германия	91.384	422.300	362
Австралия	89.191	464.225	421
Голландия	13.500	74.000	446
Бразилия	25.000	140.102	460
Чехо-Словакия	4.133	33.909	721

Сравнительно более быстрый рост автотранспорта в отдельных странах об'ясняется отчасти расширением собственного автопроизводства, а отчасти ввозом автомашин, наиболее соответствующих потребностям местных хозяйств.

Например, вывоз автомобилей из Соед. Штатов, Канады, Италии, Франции и Великобритании достиг в 1923 г. 271.746 автомобилей, в 1924 г. он возрос до 317.679 автомобилей, в 1925 г. он уже равнялся 496.646 автомобилям, в 1926 г.—506.653 и, наконец, в 1927 г. за первую половину года он достиг 315.862, что составляет в среднем за год около 630.000 автомобилей.

В некоторых странах вывозная торговля автомобилями является до известной степени одной из основ существования автопромышленности.

Так, в 1926 г. вывоз автомобилей из Великобритании занял 18,3% всей продукции автозаводов; для Франции этот процент возрастает до 28,4%, для Канады он уже равняется 36,1%. На итальянский же вывоз приходится 62,1% всей автопродукции страны. Хотя, в Соед. Штатах вывоз автомобилей составлял всего 7,2% производства, но следует отметить, что доля вывоза по отношению ко всей продукции североамериканской автопромышленности из года в год увеличивается и притом, главным образом, в отношении не столько пассажирских автомобилей, сколько грузовых автомобилей, преимущественно малого тоннажа.

О росте вывоза автомобилей из Северной Америки можно судить по следующим цифрам: в 1919 г. вывоз по отношению к продукции равнялся 4,0% для пассажирских автомобилей и 5,1% для грузовых автомобилей, в 1927 г. вывоз пассажирских автомобилей увеличился до 9,5% всей продукции пассажирских автомобилей, а вывоз грузовых автомобилей достиг значительной цифры, именно 23,6% всей продукции грузовиков.

Не следует упускать из виду открытые северо-американскими автозаводами сборочные мастерские в разных пунктах земного шара, в которых в 1927 г. и был собран 192.981 автомобиль.

Ниже мы даем таблицу роста сборочных мастерских американских автозаводов за период 1923—27 гг.

Таблица 3

Рост сборочных мастерских сев.-амер. автозаводов и их продукции за период 1923—27 гг.

Годы	Число сборочных мастерских вне С.-А. С. Ш.	Количество собранных имя автомобилей
1923	7	75.985
1924	10	116.148
1925	17	152.262
1926	26	145.774
1927	33	192.981

На ряду с расширением автопромышленности, обеспечивающей снабжение отдельных стран необходимым автотранспортом, успеху автомобильного дела способствовал тот перелом, который произошел в послевоенный период в оценке значения автомобиля, как одного из важных факторов хозяйственного развития страны.

Если в довоенный период преобладающее место среди автомашин занимали пассажирские автомобили индивидуального пользования, то в послевоенный период все большие и большие размеры начинает приобретать грузовой автотранспорт и массовый автотранспорт общего пользования.

Сопоставляя данные о мировом автотранспорте, сгруппированные по двум основным категориям, пассажирских автомобилей и грузовых и специальных автомобилей (в том числе автобусов), можно установить, что за период 1924—28 гг. грузовой автотранспорт возрос на 102%, а пассажирский автотранспорт только на 59%.

Еще более отчетливо вырисовывается уклон в сторону усиления грузового автотранспорта при сравнении за большой промежуток времени автомобильного подвижного состава в отдельных странах.

Так, Германия на 1 января 1907 г. насчитывала 10.115 пассажирских автомобилей и 957 грузовых и специальных автомобилей. Спустя 20 лет, а именно в 1927 г., в числе автомашин Германии можно было насчитать 267.774 пассажирских автомашины (в том числе автобусов) и 116.935 грузовых и специальных автомобилей.

Автотранспорт Соед. Штатов насчитывал в 1904 г. 54 590 пассажирских автомобилей и 410 грузовых автомобилей, а спустя 24 года, а именно на 1 января 1928 г., там зарегистрировано 20.282.214 пассажирских автомобилей и 2.944.668 грузовых автомобилей и автобусов.

В Канаде в 1922 г. находилось 462.275 пассажирских автомобилей и 37.610 грузовых автомобилей. На 1 же января 1928 г. количество пассажирских автомобилей возросло там до 831.542 (т.-е. на 80%) и грузовых автомобилей до 107.937 (т. е. на 184%).

В Австралии в 1922 г. было 116.658 пассажирских автомобилей и 13.438 грузовых автомобилей; на 1 же января 1928 г. наличный автотранспорт состоял там из 383.263 пассажирских автомобилей (возрастание на 229%) и 80.962 грузовых автомобилей (возрастание на 500%).

С подобным же явлением более интенсивного роста грузового автотранспорта по сравнению с пассажирским автотранспортом индивидуального пользования можно встретиться почти во всех странах.

Некоторым исключением является Англия, но здесь уже в довоенное время грузовой автотранспорт и автотранспорт общего пользования

играли важную роль в механическом транспорте. Достаточно указать, что в 1911 г. в составе английского автотранспорта насчитывалось 25.000 грузовых автомобилей и 32.000 наемных автомобилей при наличии 47.000 пассажирских автомобилей. На 1 января 1928 г. в Великобритании (не считая Ирландского свободного государства и Северной Ирландии) зарегистрировано было 807.103 пассажирских автомобиля и 412.374 грузовых автомобиля общего пользования.

Имеются отдельные страны (Норвегия, Швеция, Финляндия, Голландия), где грузовой автотранспорт во всем автотранспорте страны составляет приблизительно 30—40%.

Столь интенсивному росту автогрузового транспорта во многом способствовала правильная оценка наиболее пригодного для хозяйства страны тоннажа.

Исходя из соображений наиболее широкого распространения грузового автотранспорта не только в городах, но и вне городов, главным образом в сельскохозяйственных районах, все страны пошли по пути снижения полезного тоннажа.

Это снижение полезного тоннажа и оказалось основным стимулирующим фактором в деле механизации гужа, при чем оно наблюдается как в странах высоко индустриальных, как, например, Северная Америка, Германия, Англия, так и в странах с широко развитым сельским хозяйством.

Особенно характерно это вырисовывается в Соед. Штатах, где постепенно по мере увеличения количества выпускаемых заводами автомашин доля приходящихся на малый тоннаж автомобилей непрерывно возрастает.

Если в период 1912—18 гг. машины большого тоннажа составляли довольно большой процент среди всех грузовых машин, то в период 1919—27 гг. уже можно отметить вполне определенную тенденцию к снижению полезного тоннажа. И действительно, на машины полезного тоннажа в $^3/_4$ тонны, менее $^3/_4$ тонны и в 1 тонну, в 1919 г. приходилось 68,0%, в 1920 г. этот процент увеличивается до 70,0%, в 1921 г.—до 78,0%, в 1922 г.—до 84,0%, в 1924 г. до 84% в 1925 г.—до 82,5%, в 1926 г. процент этих машин составляет 78,0% и в 1927 г.—82,0%.

В Канаде из числа 30.440 грузовых автомобилей, построенных в 1926 г., 6.015 машин (20%) приходились на тоннаж менее 1 тонны, 23.737 машин (78%) имели тоннаж в 1 тонну и только 688 машин (2%) относились к тоннажу более 1 тонны.

В английском автопроизводстве (по данным, например, за 1926 г.) на долю $^3/_4$-тонных грузовиков приходится 17,9% всей продукции, на грузовики в 1 тонну приходится 35,4% и на 1,5-тонные грузовики—21,0%. Таким образом, на машины малого полезного тоннажа падает большая часть продукции и именно 74,3%.

В германском автотранспорте за период 1922—1927 гг. наиболее интенсивно возрастают грузовики с собственным малым весом (а следовательно, и с малым полезным весом) и замедленный темп показывают грузовики большого собственного веса, а следовательно, и большого полезного тоннажа.

Например, грузовые автомобили с собственным весом до 1 тонны за указанный период 1922—27 гг. возросли с 3.135 до 12.834 (т.-е. на 309%). Точно также и грузовики с собственным весом в 1—2 тонны возросли с 5.356 до 30.964 (т.-е. на 478%), зато грузовые автомобили с собственным весом в 3—4 тонны увеличились лишь с 11.955 до 19.029 (т.-е. на 59%) и, наконец, грузовые автомобили с собственным весом более 4 тонн дали увеличение лишь с 18.554 до 28.041 (т.-е. на 51%).

Если выразить распределение грузовых автомобилей в процентах, то можно видеть, как постепенно увеличивается доля машин малого тоннажа во всем грузовом автотранспорте Германии:

Таблица 4

Распределение (в %%) грузовых автомобилей в Германии (в зависимости от собственного веса) за 1921—27 гг.

	1921 г.	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Собств. вес до 1000 *кг*	7,8	7,2	7,4	8,1	10,6	10,8	12,7
Более 1000 „ 2000 „	12,5	12,3	12,8	14,8	22,2	26,1	30,7
„ 2000 „ 3000 „	10,6	10,8	10,9	10,7	10,7	10,6	10,0
„ 3000 „ 4000 „	25,2	27,3	28,0	27,7	24,5	22,2	18,8
„ 4000 *кг*	43,9	42,4	40,9	38,7	32,0	30,3	27,8
Итого . . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

С подобным же явлением роста автотранспорта малого тоннажа можно встретиться в автотранспорте Дании, Швеции.

Согласно переписи 1927 г., в Дании на грузовые автомобили на пневматиках с собственным весом не более 1.200 *кг* (с полезным весом приблизительно в 1 тонну и менее 1 тонны) приходится 83%.

В шведском автотранспорте на машины полезного тоннажа не более 1 тонны приходилось в 1924 г. 11.088 машин, т.-е. 73% из всего числа 15.246 грузовиков, в 1925 г. из числа 19.203 грузовиков на долю машин упомянутого полезного тоннажа приходилось 14.641 машина (т.-е. 77%) и, наконец, в 1926 г. в числе 22.496 автогрузовиков машин с полезным тоннажем не более 1 тонны имелось 16.850 (т.-е. 75%).

Швейцарский автотранспорт в конце 1925 года в числе 7.231 грузовых автомобиля насчитывал 3.172 машины (44%) с тоннажем менее 1 тонны и в 1 тонну. В конце 1926 г. из числа 8699 грузовых автомобилей 3851 машина (44%) имели тоннаж в 1 тонну и менее 1 тонны.

Мы останавливаемся более подробно на вопросе снижения тоннажа грузовых автомобилей в виду невыясненности этой стороны развития механического транспорта, в результате чего суждения о путях автомобилизации нашей страны нередко получают у нас неправильное направление.

Подобное же явление снижения полезного тоннажа грузовиков имеет место почти во всех странах Южной Америки.

В качестве примера можно указать, что в числе вывезенных в 1926 г. из С.-А. С. Ш. в Южную Америку грузовиков и автобусов на машины с полезным тоннажем до 1 тонны приходилось: в Бразилии—95,5%, в Парагвае—93,0%, в Уругвае—84,4%, в Гвиане—78,0%, в Аргентине—76,0%, в Венецуэле—60,3%.

Известным показателем подобных тенденций к снижению полезного тоннажа может служить распределение вывоза из Сев. Америки грузовых автомобилей по странам и по полезному тоннажу.

Например, в 1926 г. из вывезенных из Сев. Америки 2.291 грузовых автомобилей в Италию поступило 2.284 машины с полезным тоннажем до 1 тонны; на долю Испании из 3.203 грузовых автомобилей, вывезенных из Сев. Америки в 1927 году, пришлось 2.770 автомобилей (87%) с полезным тоннажем менее 1 тонны.

В общем же в числе вывезенных из Соед. Штатов в 1927 году 105.456 грузовиков машин с полезным тоннажем до 1 тонны находилось 85.663 (т.-е. 81%).

Вполне определенно наметившаяся во всех странах тенденция к снижению полезного тоннажа грузовых автомобилей об'ясняется в значительной степени все большим и большим распространением автомашин среди самых широких слоев населения, с одной стороны, а с другой стороны — проникновением механического транспорта в сельскохозяйственные районы и вызванной в результате этого механизацией гужевого транспорта.

Эта тенденция механизации гужевого транспорта в сельских районах приобрела в некоторых странах за последние несколько лет столь интенсивный характер, что привела к опережению роста автомобильного транспорта вне городов по сравнению с ростом автомобильного транспорта в городах.

Сравнивая рост автотранспорта в столице, провинциальных городах и сельских местностях Дании за период 1920—1925 гг. можно видеть, что за этот период все виды автомобильного транспорта дают значительно большее возрастание в сельских районах, нежели в провинциальных городах и столице.

В то время как количество пассажирских автомобилей и таксомоторов за период 1920—1925 гг. возросло в столице на 142%, а в провинциальных городах на 241%, в сельских районах этот процент увеличивается до 389%.

В отношении грузовых автомобилей столица дает 94% прироста, провинциальные города — 286%, а сельские районы — 584%.

Таблица 5

Рост автотранспорта в столице, провинциальных городах и сельских местностях Дании за 1920—25 гг.

		Пассаж. автомобили	Таксомоторы и автобусы	Грузовые автомобили
Столица	1925	8.007	558	4.012
	1924	6.763	554	3.777
	1921	3.802	536	2.208
	1920	3.302	505	2.072
Рост 1925 г. в %% к 1920 г.		142	10	94
Провинц. города	1925	13.195	1.308	4.012
	1924	10.673	1.238	2.906
	1921	5.450	913	1.389
	1920	3.867	962	1.060
Рост 1925 г. в %% к 1920 г.		241	36	286
Сельские районы	1925	21.758	1.041	4.594
	1924	17.704	1.015	3.153
	1921	6.383	497	982
	1920	4.425	809	675
Рост 1925 г. в %% к 1920 г.		389	28	584

С таким же явлением более интенсивного роста в сельском хозяйстве по сравнению с городами можно встретиться в Швеции, Норвегии, Финляндии.

В Финляндии, например, за четыре года 1924—27 гг. характер распределения автомобильного транспорта резко изменился, приобретая вполне ясно выраженный сельскохозяйственный характер.

Если на 30 июня 1924 г. из всех зарегистрированных в стране 8.077 машин — 4.270 приходилось на города и 3.800 на сельские районы, то уже в 1927 г. находившиеся в стране 22.759 машин распределялись таким образом, что в городах находилось лишь 11.237 машин (49%) и в сельских районах 11.522 машин (51%).

Таким образом, если в 1924 году сельские районы обслуживались около 47% всех автомобилей страны, то уже в 1926 г. на долю сельских районов приходится около 51% всех машин, т.-е. количество работающих в сельских местностях автомашин превысило половину всех зарегистрированных в стране машин.

Но что особенно характерно для Финляндии — это необыкновенно интенсивный рост грузового автотранспорта в сельских районах (см.табл. 6).

Таблица 6

Распределение автомашин в Финляндии за 1924—27 гг.

Годы	Пассажирские автомобили			Грузовые автомобили		
	всего	в городах	в сельск. районах	всего	в городах	в сельск. районах
1924	3.271	2.044	1 227	1.439	1.008	431
1925	6.597	3.338	3.259	2.502	1.439	1.063
1926	11.767	5.545	6.222	4.046	2.402	1.644
1927	16.973	7.813	9.160	5.786	3.424	2.362

Рост грузового автотранспорта в сельских районах об'ясняется, главным образом, применением грузовых машин малого тоннажа.

О распределении автомашин между городами и сельскими районами Швеции можно судить по размерам взимаемого налога с автомобилей. Последний показывает все возрастающее значение сельскохозяйственного автотранспорта, вытекающее из значительного роста взимаемого в сельских районах автомобильного налога по сравнению с ростом налоговых поступлений от автомобилей в городах.

Если в 1923 г. в общей сумме автомобильных налогов, составившей в 4.140.992 кроны, на долю городов приходилось 2.333.978 крон (т.-е. 56,4%) и на сельские районы — 1.807.014 крон (т.-е. 43,6%), и в 1924 г. на автомобильные налоги в городах приходилось 2.828.207 крон и в сельских районах — 2.482.687 крон, то уже в 1925 г., а тем более в 1926 г., сельские районы уплатили больше автомобильных налогов, нежели города. В 1925 г. города уплатили 3.500.422 кроны, а сельские районы — 3.505.718 крон и в 1926 г. на города приходилось автомобильных налогов 4.057.150 крон, а на сельские районы — 4.311.511 крон, что составляет 48,5% на налоги, уплачиваемые в городах, и 51,5% на налоги, уплачиваемые в сельских районах.

В Норвегии рост городского и сельского автотранспорта за 1922—26 гг. характеризуется более интенсивным увеличением количе-

ства грузовых автомобилей и мотоциклов в сельских местностях, нежели в городах, зато пассажирские автомобили дают в сельских местностях несколько замедленное увеличение по сравнению с городами. Замедленный рост пассажирского автотранспорта в сельских местностях об'ясняется тем, что пассажирский автотранспорт в этих районах Норвегии развивается не только благодаря применению легковых автомобилей, но и благодаря широкому использованию автобусов.

Действительно, например, в 1924 г. из всех 471 автомобильных линий только 26 линий работало в городах; остальные же 445 находились в сельских местностях. Протяжение городских автобусных линий составляло 115 *км*, а сельских линий — 12.448 *км*.

В 1926 г. (по данным на 15 декабря) из 669 линий, действующих во всей стране, только 55 линий было в городах, а остальные 614 действовали в сельских местностях. Протяжение автобусных линий в городах достигло лишь 160 *км*, в то время как в сельских районах автобусная сеть увеличилась до 17.609 *км*.

Сравнивая рост городского и сельского автотранспорта Норвегии за 1922 — 26 гг., можно видеть, что пассажирские автомобили за этот период увеличились в городах на 152% и в сельских местностях только на 86%, зато грузовые автомобили показывают в городах возрастание на 117%, а в сельских местностях на 231%. Мотоциклы для городов дают увеличение на 12%, а для сельских местностей приблизительно на 30%.

Таблица 7

Сравнительный рост городского и сельского автотранспорта в Норвегии за 1922—26 гг.

Годы	Автомобили пассаж.		Автомобили грузов		Мотоциклы	
	Города	Сельские местности	Города	Сельские местности	Города	Сельские местности
1922	5391	4247	2950	752	3650	3002
1923	7532	5264	3585	1300	3151	3644
1924	8820	5891	4229	1610	4015	3835
1925	10775	6842	5506	2099	3590	3683
1926	13563	7920	6386	2483	4095	3884

В Германии автотранспорт также начал ощущать на себе влияние сельского хозяйства.

Если в 1907 г. процент грузовых автомобилей, работающих в сельском и лесном хозяйстве Германии, не превышал 0,9% всех грузовых автомобилей в стране, то в 1926 г. этот процент возрос до 2,7%, при чем особенно быстро грузовой автотранспорт начал распространяться в сельских и лесных районах в послевоенный период.

Тенденция роста механического транспорта в сельских районах является характерной не только для европейских стран. Внеевропейские страны, главным образом, Соед. Штаты, Канада, Новая Зеландия, вполне отчетливо указывают на постепенную механизацию сельскохозяйственного гужа.

В канадском автотранспорте отмечается также характерная особенность более интенсивного распространения автомобилей в сельскохозяйственных провинциях по сравнению с промышленными провинциями. Уже по данным на 1923/24 г. 37% всех автомобилей принадлежали сельским хозяевам.

Обследование распространения автомобилей в середине 1926 года обнаружило, что сельские хозяева являются наиболее значительными потребителями автомобилей и касается это, главным образом, Западной Канады. Из 241.226 пассажирских автомобилей в 3 степных провинциях (Манитоба, Альберта и Саскачеван) 156.797 автомобилей, или 65%, находились у сельских хозяев.

Точно также и в Новой Зеландии механический транспорт проникает преимущественно в сельские хозяйства и этим об'ясняется преобладание среди грузовых автомобилей машин полезного тоннажа в 1 и менее 1 тонны.

Согласно данным на 30 июня 1925 г. весь грузовой автотранспорт Новой Зеландии в количестве 11.330 машин распределялся по тоннажу следующим образом: грузовиков полезной под'емной силы в 1 тонну насчитывалось 7.915 (т.-е. 70% от всего количества грузовиков), в 2 тонны—1.705, в 3 тонны—761, в 4 тонны—651, в 5 тонн—241, в 6 тонн—42, и более 6 тонн — 15.

Данные на 30 июня 1926 года указывают на подобное же значительное преобладание грузового автотранспорта малого полезного тоннажа, позволяющего найти для автомобиля самое широкое использование в хозяйстве страны.

Из всего количества грузовых автомобилей в 15.885 машин в 1926 г. на грузовики полезной под'емной силы в 1 тонну приходилось 11.321 машина (т.-е. 71%).

В Соед. Штатах за период 1920 — 1926 гг. автотранспорт, работающий в сельском хозяйстве, возрос следующим образом:

1920 г.	было	2.146.362	пасс.	авт. и	139.169	груз. авт.
1924 г.	„	3.453.159	„	„ „	367.926	„ „
1925 г.	„	3.853.526	„	„ „	478.956	„ „
1926 г.	„	4.028.640	„	„ „	499.782	„ „
Увеличение за 1920—26 гг. на		88%			224%	

Приведенные нами данные вполне определенно указывают на то направление, которое механизация гужевого транспорта приняла за последнее время. С этим фактом роста механического транспорта в сельских хозяйствах мы не можем не считаться, так как если мы поставили во главу угла автомобилизацию нашей страны, то тем самым мы должны пойти по пути механизации сельскохозяйственного гужа и признать очередной задачей применение таких машин, которые оказывались бы наиболее пригодными для работы в сельскохозяйственных условиях, а такими машинами, как показывает опыт зарубежных стран, являются машины малого полезного тоннажа.

В связи с этим выдвигается новая проблема увязки механического транспорта и гужевого транспорта, так как за последний пятнадцатилетний период целый ряд стран, показывающих наиболее интенсивное возрастание механического транспорта, обнаруживает дальнейшую приостановку в росте наличного гужа и даже его сокращение.

Достаточно привести данные о наличии гужа за 1913 — 26 гг. в Соед. Штатах, Канаде, Англии, Германии, Финляндии, Австралии и Новой Зеландии, чтобы установить наличие вполне определенной тенденции к вытеснению, или точнее говоря, к замене гужевых транспортных средств механическими (см. табл. 8 на след. стр.).

В свою очередь недостаток гужевых средств неизбежно выдвигает задачу восполнения недостающего гужа механическим.

Перед такой задачей стоит и наша страна, продолжающая и в настоящее время испытывать недостаток в гужевых транспортных средствах и вообще в гуже.

Таблица 8

Изменения количества лошадей за 1913—26 гг. в странах, широко применяющих у себя механический транспорт [1]

Годы	Соед. Штаты	Канада	Англия	Германия	Финляндия	Австралия	Новая Зеландия
1913	20.962.000	2.866.008	1.735.840	3.806.705	366.009	2.521.983	404.284
1920	19.766.000	3.400.352	1.698.932	3.583.005	384.645	2.415.510	346.407
1921	18.564.000	3.813.921	1.718.237	3.684.696	392.558	2.438.182	337.259
1922	17.943.000	3.648.871	1.651.964	3.650.475	398.250	2.390.460	332 105
1923	17.222.000	3.530.641	1.594.729	—	400.239	2.327.440	330.818
1924	16.489.000	3.588.788	1.529.305	3.855.176	402.963	2.292.481	330.430
1925	15.840.000	3.554.041	1.447.427	3.916.914	401.664	2.250.361	326.830
1926	15.279.000	3.558.849	1.403.020	3.873.131	399.928	—	314.867

Правда, недостаток в тягловой силе в сельском хозяйстве восполняется еще применением тракторов, что, в действительности, наблюдается в целом ряде стран и в частности в СССР.

Но ставя задачу тракторизации сельского хозяйства, мы тем самым создаем новый фактор для роста механического транспорта, так как, поскольку показывает практика Соед. Штатов, Канады, Новой Зеландии, тракторизация сельского хозяйства неизбежно сопровождается ростом сельскохозяйственных механических транспортных средств.

В этом отношении весьма ценный материал можно найти в сельскохозяйственной переписи в Сев. Америке, произведенной 1 января 1925 г.

Сопоставляя штаты с наибольшим количеством сельскохозяйственных тракторов и с наибольшим количеством сельскохозяйственных автомобилей, можно отметить почти полное порядковое совпадение таких штатов.

Например, штат Айова, насчитывающий 219.854 автомобиля и занимающий в этом отношении первое место, по распространенности тракторов находится на втором месте. Штат Иллинойс, по количеству тракторов занимающий первое место, занимает по количеству сельскохозяйственных автомобилей третье место.

Указанное совпадение по распространенности тракторов и автомобилей в сельском хозяйстве Северной Америки служит ярким доказательством той тесной связи, которая существует между отдельными элементами механизации сельского хозяйства (см. табл. 9 на след. стр.)

Это явление имеет место, как мы уже указали, в целом ряде других стран, при чем в своей совокупности оно приводит к сокращению гужа в сельском хозяйстве и к освобождению от прежней зависимости от рабочих рук.

Пример Новой Зеландии вполне подтверждает вышесказанное.

Новая Зеландия по распространенности автомобильного транспорта занимает одно из передовых мест среди всех стран мира. Там, в 1927 г., на каждые 10,5 жителя приходилось по 1 автомобилю.

На ряду с ростом автомобильного транспорта Новая Зеландия обнаруживает непрерывное увеличение тракторов, электромоторов и двигателей внутреннего сгорания в сельском хозяйстве за счет паровых и водяных двигателей и рабочих в сельском хозяйстве.

[1] См. табл. 2.

Таблица 9

Количество тракторов и автомобилей в сельском хозяйстве Соед. Штатов на 1 января 1925 г.

Штаты	Колич. тракторов	Колич. автомобилей	В том числе:	
			Пассаж.	Грузовых
Иллинойс	43 358	195.788	184.068	11.720
Айова	37.230	219.854	200.785	19.069
Канзас	31.171	167.160	157.625	9.535
Огайо	30.932	192.080	175.960	16.120
Калифорния	29.948	142.153	125.575	16.578
Уисконзин	29.551	176.179	166.229	9.950
Миннезота	26.774	174.801	164.193	10.608
Нью-Йорк	25.701	178.019	146.748	31.271
Индиана	23.582	161.613	150.823	10.790
Пенсильвания . . .	19.785	191.793	157.368	34.425

Количество тракторов в Новой Зеландии за период 1920/21 — 1925/26 гг. возросло с 380 до 2.025.

В проблеме механизации мирового транспорта выдвинулась еще одна весьма важная для нас сторона.

Оказывается, что рост механических транспортных средств создал новый источник доходов для дорожного строительства.

Взимаемые с автомобилей налоги достигли громадных цифр, выражающихся десятками и сотнями миллионов рублей, и эти средства в значительной части своей (а в некоторых странах целиком) пошли на дорожное строительство, создав тем самым новый благоприятный фактор для успешного применения и широкого развития механического транспорта.

Некоторые ориентировочные данные всего лучше иллюстрируют те средства, которые оказываются в распоряжении отдельных стран от уплачиваемых автомобилями налогов.

В Германии, например, автомобилями было уплачено налога в 1926 г. 105.000.000 марок (около 52.000.000 руб.). Двадцать лет тому назад, а именно в 1907 году размер уплаченного автомобилями налога составлял там всего 1.599.000 марок (около 800.000 руб.).

В Англии от автомобилей было получено в 1925/26 г. около 180.000.000 рублей (18.456.475 фунт. стерл.), во Франции уже в 1925 г. автомобили уплатили 311.275.000 франков, в Бельгии в 1926 г. размер налогов с автомобилей должен был составить сумму в 80.000.000 франков. В Италии за 1925/26 год автомобилями было уплачено 95.770.000 лир.

В Соед. Штатах одни только налоги на автомобили и бензин составили в 1926 году сумму в 476.000.000 долларов, т.-е. около 950.000.000 рублей.

Этот новый источник доходов неизбежно должен усилить темп роста механического транспорта в разных странах и теперь понятно,

что поскольку у нас автомобилизация страны поставлена одновременно с проблемой дорожного строительства, постольку обе эти проблемы должны рассматриваться нами во всей своей совокупности.

Трудно пока указать те пути, по которым будет происходить автомобилизация нашей страны, но во всяком случае выявившиеся в отдельных странах тенденции интенсивного роста применения механического транспорта в сельских хозяйствах, неразрывной связи между механизацией сельскохозяйственного транспорта и тракторизацией сельского хозяйства неизбежно выдвигают перед нами задачу установления наиболее пригодных и наиболее рентабельных для наших хозяйственных условий типов машин и эта задача должна быть признана первоочередной.

По равноценности этой задаче не уступает другая задача, а именно задача дорожного строительства, но таковая не может проводиться в жизнь независимо от механизации гужевого транспорта.

В. И. Зейлингер и Г. В. Шуб

Основные итоги работы по районным контрольным цифрам

Законченная Госпланом СССР разработка материалов районных контрольных цифр на 1927/28 г. представляет собою значительный интерес. Этот первый опыт районного построения контрольных цифр, где охвачена вся территория Союза, дает значительный материал как для дальнейшей организации этой работы, так и для материальных выводов об экономике Союза по районам. Динамические ряды, которые хотя и охватывают небольшой промежуток времени, всего четыре года (1924/25—1927/28 гг.), в соединении с некоторыми общими данными о предвоенном состоянии хозяйства каждого отдельного района, в значительной мере улавливают общее направление развития районов и, естественно, должны служить основанием при построении хозяйственных планов на ближайшее будущее. Результаты этого опыта должны быть учтены при дальнейшем развитии работ по планированию в районном разрезе. Здесь, в настоящей статье, мы попытаемся дать основные моменты и выводы из этой работы в области, с одной стороны, правильной организационной и методологической ее постановки и, с другой — выявления основных экономических проблем в районном разрезе.

I

Проблема построения контрольных цифр в районном разрезе возникла тотчас же после первого опыта построения Союзным Госпланом контрольных цифр народного хозяйства Союза в целом на 1925/26 г.

Первый опыт составления районных контрольных цифр на 1926/27 г. имел еще пробный характер, при чем Госплан Союза в своих заданиях, преподанных районам, ограничился только самыми общими предложениями и указаниями о методях и программе построения контрольных цифр.

В результате только несколько наиболее подготовленных республик и районов решились произвести эту попытку, но каждый из них проводил при этом свою собственную методологию, во многом отличающуюся как от методов Союзного Госплана, так и от соседних районов.

Проблема построения районных контрольных цифр вновь стала в процессе подготовки к составлению контрольных цифр на 1927/28 г. При этом постановка вопроса по сравнению с предыдущим годом существенно изменилась. Союзный Госплан решительно встал на путь составления районных контрольных цифр по всей территории Союза с таким расчетом, чтобы получить порайонное оформление основных народнохозяйственных показателей как в целях практического планирования, так и в целях освещения состояния народного хозяйства отдельных территорий Союза. При этом Госплан Союза исходил из резолюции С'езда плановых работников в марте 1926 г. В ней существенны три момента: 1) осознание необходимости проектировки союзных контрольных

цифр по районам; 2) рассмотрение хозяйственных процессов в каждом отдельном районе в аспекте народнохозяйственного целого и взаимодействия всех его элементов между собою; 3) исследование экономических связей и взаимозависимостей как между отдельными экономическими районами, так и между ними и экономикой Союза в целом.

Одной из основных задач контрольных цифр районов должно было быть выявление того, что районы дают Союзу и что они получают из общесоюзных ресурсов.

Было совершенно очевидно, что осуществить эти задачи в такой расширенной постановке в течение одного года невозможно. На первых порах работы пришлось ограничить лишь наиболее необходимым и осуществимым минимумом.

Общая, для всех районов обязательная программа охватывала наиболее существенные показатели состояния и развития народного хозяйства, разрабатываемые совершенно идентичными методами, с тем, чтобы была обеспечена возможность их сводки в общесоюзные величины, допуская в то же время дополнение и изменение этой программы в остальных элементах. Эта минимальная программа охватила наиболее существенные элементы народнохозяйственного целого каждого района и включила следующие основные разделы: 1) население и труд; 2) продукция и товарная масса как сельского хозяйства, так и промышленности, а отчасти и строительства (городское жилищное строительство); 3) посреднический торговый оборот; 4) капитальные вложения; 5) государственный и местный бюджеты; 6) покупательные фонды сельского населения и городского пролетариата.

Программа должна была характеризовать народнохозяйственные процессы за четыре года (включая и проектирование 1927/28 г.) как в отраслевом разрезе, так и по основным социальным секторам — государственному, кооперативному и частному. Кроме общих сводных данных о продукции, эта программа охватывала и основные элементы, характеризующие структуру продукции как сельского хозяйства, так и промышленности, и тем самым выявляла процессы реконструкции и интенсификации, происходящие в развивающемся народном хозяйстве районов.

В деле осуществления этой программы и руководства всей работой районов по контрольным цифрам Союзный Госплан признал необходимым создать единый централизованный орган, который должен был руководить всеми районами и республиками, независимо от того административного деления территории Союза на республики и области, которое у нас существует.

Обозревая в общем проделанную на местах работу, нужно признать, что несмотря на то, что мы имеем дело лишь с первым опытом составления районных контрольных цифр по всей территории Союза, несмотря на ряд организационных и методологических затруднений, все же в указанной попытке мы имеем большой шаг вперед в деле изучения как народного хозяйства Союза, так и углубления методов планирования его. Впервые каждая отдельная республика и район осознали себя как экономическое целое и поставили основные экономико-политические проблемы, стоящие перед их народным хозяйством.

С другой стороны, Госплан Союза получил возможность на основе конкретной характеристики народного хозяйства в районном аспекте, связывать проводимые им экономические мероприятия и планы с выявляющимися на местах нуждами и ресурсами каждого отдельного района.

Каковы же вытекающие из этого опыта основные практические выводы? Наиболее важным из них является необходимость скорейшего

завершения районирования Союза. Отсюда не следует, что планирование в районном разрезе должно оперировать, как основной и элементарной единицей, только экономической областью или республикой. Наоборот, опытные работы текущего года показали, что мы имеем ряд областных единиц, которые, в свою очередь, представляют сложный экономический комплекс, хотя и об'единяемый некоторыми общими экономическими признаками. Так, например, Украина в экономическом отношении должна быть диференцирована на Полесье, лево- и правобережную лесостепь и степь с выделением в пределах последней Горнопромышленного и Днепропетровского промышленного подрайонов.

Конечно, не все содержание народнохозяйственных планов должно диференцироваться по подрайонам. Главным образом, это требуется для анализа состояния и развития сельского хозяйства и вообще производственной базы районов. Что касается других народнохозяйственных сфер, то здесь необходимо отметить лишь наиболее существенные элементы, действительно чутко реагирующие на экономико-географические особенности отдельных территорий, как-то: покупательный фонд населения, розничный оборот и т. д.

Следующий практический вывод заключается в том, что успешность работы по составлению порайонного хозяйственного плана будет связана с тем, в какой степени центральные наркоматы и хозяйственные организации будут проводить в своих плановых предположениях и отчетах районное деление. Лишь в этом случае удастся установить необходимое равновесие между общесоюзной точкой зрения и местной районной точкой зрения, какая, вообще говоря, проявлялась в отдельных построениях республик и областей.

Третий практический вывод заключается в том, что соответственным образом должен быть реорганизован и весь аппарат наблюдения. К сожалению, серьезным препятствием до последнего времени было отсутствие единообразного и обязательного для всех статистических учреждений районного деления Союза. Это лишало возможности давать сводную статистическую характеристику той или другой территории, которая сочетала бы результаты наблюдения в сферах сельского хозяйства, промышленности, заготовок, торговли и т. д. Лишь в текущем году — после установления Статпланом единственной и обязательной для всех ведомств районной статистической сетки (указанная сетка утверждена Госпланом) — мы, повидимому, сможем рассчитывать на устранение этого основного препятствия. До последнего же времени лишь в области кон'юнктурного наблюдения мы имели такое единообразие группировок основных народнохозяйственных показателей по районам Госплана.

Однако, значительно хуже обстоит дело, когда мы переходим в сферу так называемой конструктивной статистики. Как показывает опыт, непосредственные данные статистического учета требуют целого ряда условных пересчетов и поправок, для того чтобы на основании этих первичных данностей можно было получить действительную, взаимносогласованную картину производства, потребления, товарооборота страны, движения ее капитала, дохода и т. д. Если в сфере первичных статистических наблюдений чрезвычайно трудно добиться единства методов, то в еще большей степени это относится к конструктивной статистике.[1]

[1] В книге, выпускаемой в ближайшее время Госпланом СССР, которая содержит сводку районных контрольных цифр, дан подробный анализ статистического материала, со всей ясностью вскрывающий огромные, еще не изжитые разноречия в статистической методологии не только различных ведомств, но и ЦСУ между центральным его аппаратом и местными органами.

Даже при составлении хлебофуражных балансов, хотя эта работа производится уже не первый год, до сих пор мы не имеем единства методов и согласованных между ЦСУ и его собственными местными органами цифр, характеризующих не только размеры валовых сборов хлебов, но и основные определяющие их элементы (посевная площадь, урожайность).

Повидимому, значительно меньше разногласий, но все же достаточно существенных, имеется и в других областях статистики, где мы в большей степени опираемся непосредственно на первичный статистический материал, где этот первичный материал подвергается меньшей корректировке, в особенности, в области статистики крупной промышленности, населения и труда. Но и здесь государственной статистике нужно обратить серьезное внимание на установление действительно полного единства методов, потому что даже в области учета продукции цензовой промышленности приходится наталкиваться на отдельные противоречия, хотя и частные, но весьма досадные, как, напр., пропуск в том или другом районе отдельных крупных предприятий.

Однако, речь идет не только о большей консолидации наших статистических методов, но и о значительном расширении самой системы наблюдения. Например, до сих пор в плачевном состоянии находится статистика жилищного строительства, лесная статистика и т. д. Вместе с тем, необходимо обратить серьезное внимание на улучшение системы бюджетных исследований, которые чем дальше, тем все большую роль будут играть в анализе состояния и динамики народного хозяйства. Бюджетными исследованиями широко пользуются, распространяя их данные на всю массу крестьянских хозяйств, на всю массу потребительских хозяйств рабочих и служащих и т. д., а между тем далеко не выяснен еще в настоящее время вопрос об их статистической репрезентативности. Вопрос о репрезентативности бюджетных данных и о методах их обобщения становится особо острым, когда мы анализируем народное хозяйство в районном разрезе. В последнем случае требуется не только общее улучшение методов бюджетного наблюдения, но и увеличение самого числа наблюдаемых об'ектов и несколько другое его распределение по территории.

Кроме отмеченных уже необходимых усовершенствований в деле статистического исследования, нужно отметить еще далеко не изжитое отставание разработки этих материалов от момента их собирания.

Мы уделяем здесь особое внимание вопросам уточнения и усовершенствования статистического наблюдения народного хозяйства страны потому, что, только осознав состояние народного хозяйства и процессы, в нем происходящие, можно действительно плодотворно и научно обосновывать планы народнохозяйственного развития на предстоящий период.

Необходимо остановиться еще на вопросе о методах согласования союзных и районных плановых предположений. Это, прежде всего, вопрос о так называемых директивах и лимитах в области капитального строительства. Предусмотренная планом работ прошлого года выработка Союзным Госпланом таких предварительных директив и лимитов в июле, с тем чтобы районы на их основе разрабатывали свои предположения, практически оказалась невыполнимой. Дело в том, что порайонную разверстку капитальных вложений и иных элементов контрольных цифр можно дать лишь после того, как определится возможная их цифра по Союзу в целом. Последнее не может быть сделано иначе, как на основе уже выявивших перспектив сельскохозяйственного рынка, заготовок, экспортно-импортных перспектив, финансовых перспектив и вообще всей кон'юнктуры народного хозяйства в новом сельскохозяйственном году. Раньше конца августа — начала сентября это практически является неосуществимым. Все попытки опередить этот срок, как показывает опыт последних трех лет, приводят к огромным ошибкам в плановых построениях. Таким образом, можно считать неизбежным, что окончательные варианты контрольных цифр республик и районов могут оформляться лишь в течение сентября — октября, т.-е. на основании уже определившихся перспектив народного хозяйства Союза в целом.

Однако, в дальнейшей практике плановой работы необходимо максимально обеспечить самый процесс согласования предположений Союза и районов, в особенности, в области капитального строительства. Это возможно сделать двумя способами, из которых один непосредственно дополняет другой. С одной стороны, необходимо больше развить практику теснейшей и совместной работы всего планового аппарата Союза в целом. Республиканские и районные плановые комиссии должны участвовать в самом процессе оформления контрольных цифр Союза, находясь в этом отношении в постоянном кантакте как с союзными наркоматами, так и с Союзным Госпланом. С другой стороны, к моменту составления контрольных цифр должна иметь место определенная договоренность с республиками и районами относительно основных линий их хозяйственного и культурного строительства по возможности на пяти—десятилетний промежуток времени. Это вплотную подводит нас к вопросу о том, что дальнейший прогресс плановой работы в области составления контрольных цифр районов, как и Союза в целом, будет связан с оформлением перспективного и генерального планов Союза и отдельных районов. Если будет налицо договоренность центра с местами по основным линиям этих народнохозяйственных планов, то на долю годичных контрольных цифр останется конкретизация их и приспособление их в том или другом году соответственно кон'юнктурной обстановке именно данного года. Необходимо, таким образом, во-первых, установить теснейшую связь в работе центральных и местных плановых органов в течение всего периода составления контрольных цифр и, во-вторых, подвести под контрольные цифры базу генерального и перспективного планов.

Само самою разумеется, что работа по построению районных контрольных цифр не должна ограничиваться теми двумя — тремя месяцами, когда производится собственно оформление проектировки контрольных цифр. Изучение динамики народного хозяйства, как необходимой основы этих проектировок, должно итти непрерывно, все более и более углубляясь, соответственно росту требований планового хозяйства и улучшению методов статистического познания.

Подобно тому как кон'юнктурные наблюдения по Союзу в целом в настоящее время широко и практически используются при построении союзных контрольных цифр, необходимо добиться того же и в отношении порайонного наблюдения народнохозяйственной кон'юнктуры Союза и построения районных контрольных цифр.

Останавливаясь в заключение на программе районных контрольных цифр, нужно сказать, что, несмотря на отдельные ее дефекты, программа на 1927/28 г. в общем себя оправдала, как достаточно экономная и вместе с тем доступная не только республикам и районам, наилучше обеспеченным средствами и квалифицированной силой, но и тем из них, которые находятся в этом отношении в менее благоприятных условиях. С другой стороны, практика все развивающихся кон'юнктурных районных наблюдений показывает, что в области проблемы контрольных цифр мы можем уже сделать известный шаг вперед и в некоторой степени усложнить принятую для 1927/28 г. систему показателей. Однако, это развертыва-

ние и усовершенствование системы показателей должно итти с достаточной осторожностью, учитывая все время силы и средства районов. С этой точки зрения обращают на себя особое внимание следующие вопросы. Прежде всего, вопрос о более углубленном исследовании динамики капиталов и строительства. В районную программу 1927/28 г. Союзный Госплан решился включить лишь вопрос о капитальных вложениях, проходящих через обобществленный сектор. На совещании с районами в марте 1927 г., обсуждавшем программу контрольных цифр, большинство районов еще не рисковало расширять в этом отношении поставленные задания и внесение вопроса об изучении динамики основных фондов считало преждевременным в виду отсутствия на местах достаточно полных и доброкачественных материалов. Опыт, однако, показал, что уже в текущем году ряд районов вышел за пределы указанного обязательного минимума и проделал большую работу по исследованию движения своих основных фондов. Кроме того, последние работы ЦСУ, особенно в области изучения мелкой и крупной промышленности, динамики крестьянского хозяйства, а также перепись населения 1926 г.,—дают ряд ценных материалов по этому вопросу с порайонной разбивкой и поэтому в настоящее время уже есть достаточно отправных точек для включения этого важнейшего показателя в программу районных контрольных цифр для предстоящего года. Пожалуй, столь же большое значение имеет вопрос о материальных резервах страны, т.-е. вопрос, если не об оборотных капиталах в полном об'еме, то о материальной части этих капиталов, в особенности о запасах сырья и топлива в крупной промышленности и о товарных запасах страны. Однако, включение этого показателя является более сомнительным с точки зрения его осуществимости уже в программе ближайшего года.

Другое, несомненное и выполнимое расширение программы заключается в том, чтобы охватить народнохозяйственное производство в целом. Анализ совокупности продукции сельского хозяйства и промышленности не дает еще требуемой величины, так как последняя обязательно требует включения и строительства во всем его об'еме. Поскольку анализ движения основных фондов неразрывно связан с исследованием строительства, расширение программы в направлении исследования основных фондов тем самым дает возможность замкнуть и исследование народнохозяйственного производства в целом.

Наконец, большое значение имеет и вопрос об исследовании покупательного фонда и денежного накопления населения. В программе прошлого года пришлось ограничиться в отношении городского населения лишь фондом заработной платы пролетариата. Бюджетные исследования рабочих и служащих дают нам возможность, хотя бы приблизительно, определить и всю совокупность денежных доходов пролетариата. Что касается остальных групп городского населения, то, основываясь на данных последней переписи, данных налогового обложения, динамики и структуры розничной торговли в городах и других показателях, можно хотя бы приблизительно определить, если не их денежные доходы в целом, то хотя бы динамику их покупательного фонда.

Указанный показатель имеет огромное значение не только для районов, но и для Союзного Госплана, так как может быть использован при проектировании емкости рынка предметов широкого потребления на предстоящий год.

Также важным моментом, подлежащим значительному расширению и усовершенствованию в работах предстоящего года, является вопрос о группировке населения по занятиям. В программе текущего года этот вопрос был поставлен только частично, но за отсутствием достаточных

материалов не мог быть выполнен всеми районами. Сейчас, на основе материалов переписи населения 1926 г., выявление этого показателя не может представлять собою больших трудностей, а ценность его не требует каких-либо доказательств.

Еще одно усовершенствование необходимо ввести в программу контрольных цифр по районам. Это вопрос о социально-экономическом анализе классового строения страны. Понятно, что дальнейшее усовершенствование в этой области возможно только в меру успеха проводящихся работ по изучению расслоения деревни и процессов обобществления. Эта проблема должна быть поставлена более полно и должна подвергнуться более углубленному исследованию, но, к сожалению, в отношении этих показателей вряд ли удастся уже в текущем году добиться сколько-нибудь достаточных и главное, общих для всех районов результатов, так как сложность методологических приемов и отсутствие достаточной договоренности в этом отношении не может дать районам необходимой базы для полного овладения этой проблемой. В районном масштабе она, повидимому, сможет быть практически поставлена и разрешена только при построении контрольных цифр следующих лет. В особенности необходимо усиленно подчеркнуть, что совершенно устаревшее деление на государственный, кооперативный и частный секторы должно быть заменено более сложным, дающим возможность учесть социально-экономические процессы, происходящие в стране, что требует диференцирования частного сектора хотя бы на частно-капиталистическую верхушку и сектор простых товаропроизводителей. В этом отношении наибольший интерес представляет область сельского хозяйства, но не следует при этом забывать и о мелкой промышленности, имеющей особое значение именно в районном разрезе.

II

Перейдем теперь к формулировке некоторых основных выводов, вытекающих из порайонного анализа народного хозяйства и имеющих большое значение с точки зрения союзного планирования в районном разрезе.

При формулировке этих общих выводов мы постараемся ответить на следующие основные вопросы. Во-первых, с чем отдельные районы и группы районов входят в новую фазу экономического развития, другими словами, каковы общие итоги восстановительного процесса, как он протекал по каждому району в отдельности и каковы особенности этого процесса в зависимости от экономико-географических условий района. Второй вопрос связан с тем, что мы только абстрактно можем разграничить процессы восстановительные и реконструктивные. На деле мы уже в восстановительном периоде отмечаем часто довольно заметные признаки намечающейся реконструкции народного хозяйства. Поскольку они намечаются в отдельных отраслях народного хозяйства, они достаточно известны и неоднократно формулировались. То, что мы считаем нужным здесь особо подчеркнуть,—это своеобразие указанных реконструктивных явлений, связанное с особенностями экономического развития отдельных частей территории Союза. Конечно, анализируемый нами четырехлетний период (притом последний год только в виде проектировки) слишком короток, чтобы можно было говорить уже о вполне устойчивых выводах. Все же внимательный анализ дает возможность уже в настоящее время уловить некоторые существенные тенденции указанной экономико-географической реконструкции союзного хозяйства.

Наконец, третья группа вопросов следующая. Хотя отмеченные выше процессы восстановления и реконструкции определенно сказываются во

всех районах Союза, но далеко не повсюду они протекают одинаково планомерно и плавно. В процессе своего оформления новые экономические тенденции наталкиваются на разнообразные „узкие“ места. На них нужно обратить особое внимание для того, чтобы в процессе дальнейшего экономического строительства Союза по возможности парализовать их неблагоприятное влияние на обнаружившиеся уже начатки реконструкции.

Остановимся, прежде всего, на первой группе вопросов, которые мы можем при этом формулировать следующим образом. Хотя народное хозяйство Союза мы к настоящему моменту можем считать в целом уже прошедшим восстановительную фазу развития, однако, мы наблюдаем ряд районов о которых приходится сказать, что они еще не довосстановлены, аналогично тому, как мы отмечаем недовосстановленность и в отдельных отраслях союзного хозяйства. С другой стороны, наблюдается ряд районов, которые уже определенно перешагнули за довоенный уровень. Конечно, нет ни одного района, где бы восстановительный процесс протекал настолько плавно и всесторонне, чтобы все отрасли народного хозяйства превзошли к настоящему времени довоенный уровень. Больше того, относительно некоторых элементов народного хозяйства восстановление довоенного уровня в его абсолютных размерах и, особенно, в довоенной пропорции при изменившихся социально-политических и экономических условиях вряд ли достижимо, да и не всегда диктуется интересами развития народного хозяйства в целом. Если, например, остановиться на одном из наиболее мощных районов, Украине, то и здесь приходится сказать, что народное хозяйство УССР имеет еще достаточно много слабых мест и основным из таких является металлургия. Последняя, несмотря на большие темпы развития за последние годы и большие капитальные вложения, все еще не восстановила к настоящему моменту довоенного уровня продукции.

Однако, взвешивая все отдельные элементы по каждому району, можно наметить, если можно так выразиться, общий „индекс восстановления“ и сказать, что такой-то район, хотя и имеет отдельные темные места, в общем все же входит в новую фазу экономического развития. Наоборот, в других районах эти элементы недовосстановленности настолько велики, что заставляют характеризовать эти районы и в целом как недовосстановленные.

Вместе с тем, при анализе восстановительного процесса по районам особо тщательно нужно обращать внимание, имеем ли мы здесь дело с использованием и оживлением уже имеющихся фондов, доставшихся от предыдущего периода, или же начинается процесс дальнейшего развития основных производительных сил районов. Типичной для всесторонне восстановившегося района является, например, Центрально-Промышленная область. С другой стороны, примером района в значительных частях недовосстановленного является Урал. В последнем мы еще наблюдаем заметную недовосстановленность сельского хозяйства, а также и основной, ведущей отрасли промышленности этого района — металлургии. Вместе с тем, восстановительный процесс в уральской промышленности чрезвычайно осложняется необходимостью заново реконструировать основную производственную базу, которая до крайности устарела и совершенно не соответствует даже минимальным требованиям современной техники.

Наконец, типичными районами недовосстановления является значительная часть районов Волжской полосы, где мы отмечаем недовосстановленность сельскохозяйственной продукции, особенно в товарной части ее, и промышленности, главным образом, в той ее части, которая связана с обработкой местного сельскохозяйственного сырья. Так как именно эта отрасль промышленности играет доминирующую роль в экономике волжских районов, то и общий „индекс восстановления“ по ним оказывается заметно ниже общесоюзного уровня. Это еще усиливается тем, что мы и по общей численности населения имеем здесь весьма заметную недовосстановленность против довоенного уровня. Это связано с влиянием гражданской войны и голода 1921 г., особенно сильно отразившихся на этих районах. Указанная полоса недовосстановления одним крылом захватывает Северный Кавказ в области его сельского хозяйства (горнозаводская и тяжелая индустрия Сев. Кавказа уже превзошли довоенный уровень), дальше, подымаясь до Башкирии, идет на восток и охватывает Казакстан, при чем последние два района показывают очень резкие коэфициенты недовосстановленности. Указанные районы недовосстановления или частичного недовосстановления представляют собой огромнейшую часть полосы экстенсивного зернового и животноводственного хозяйства, что отражается и на положении указанных двух важнейших отраслей союзного хозяйства.

С другой стороны, мы наблюдаем ряд районов, которые, хотя и пришли в настоящее время к своему довоенному уровню и даже несколько его превзошли, но самый этот довоенный уровень таков, что восстановление его, в сущности, означает восстановление того крайне отсталого состояния производительных сил, производства и потребления, которое отмечалось здесь еще до войны. К этой группе районов мы должны отнести районы с высокой плотностью населения, с явно выраженными признаками аграрного перенаселения, которые в силу этого уже давно должны были войти в полосу интенсификации своего хозяйства, но в которых эти процессы задерживались в довоенное время социально-экономическими условиями, сложившимися в результате крепостного права.

Затем, мы имеем на территории Союза целый ряд отсталых районов, встречающихся частью в виде отдельных пятен в центральной части Союза, но преимущественно расположенных широкой полосой с одной стороны по крайнему югу, с другой стороны — по крайнему северу союзной территории. Правда, по этим районам, в виду общей их отсталости, мы обладаем в большинстве случаев крайне недостаточными данными о состоянии их народнохозяйственной жизни. Но и при наличии тех данных, которыми мы располагаем в настоящее время, можно совершенно определенно отметить следующее: в отношении крайне северной полосы Союза, где мы имеем абсолютно ничтожную плотность населения, опускающуюся в отдельных частях до нескольких сотых человека на квадратный километр, мы встречаемся с первобытным уровнем производства, крайне низким уровнем потребления и примитивными условиями быта местного охотничьего кочевого населения. Развивающееся в отдельных пунктах оседлое земледелие, которое частично начало появляться еще и в довоенное время, не только не проявляет признаков прогресса, но в отдельных местах наблюдаются определенные деградационные процессы. Данные демографической переписи 1926 г. показывают, что хотя мероприятия советской власти, устранившие хищническую эксплоатацию этих народов со стороны торгового капитала, и создали условия, более благоприятные для существования и развития этих областей, однако, деградационные процессы еще имеют достаточно широкое распространение.

Южную полосу, занятую группой культурно-отсталых областей, представляют собой горские республики Кавказа, кочевое население Киргизии, Казакстана и Средней Азии. Здесь мы имеем, правда, большое развитие земледелия и животноводства, внедрение целого ряда более культурных приемов хозяйствования, но все же общий уровень быта

и культуры остается на достаточно низком уровне и оставляет значительно недоиспользованными имеющиеся производительные ресурсы этих районов. Мы можем все же подчеркнуть, что здесь наблюдается совершенно определенно выявившиеся в последние годы процессы развития,— особенно в горских республиках Кавказа. Отсутствие позднейших материалов затрудняет выявление этих тенденций в достаточно ясных показателях, но наличность их не подлежит в настоящий момент никакому сомнению.

Каковы же причины, определившие отмеченные выше разнообразные темпы и формы восстановительного процесса в отдельных частях Союза?

Прежде всего, здесь сказывается влияние гражданской войны и голода, не в одинаковой степени захватившие различные части территории Союза. В частности, влияние голода наиболее резко выявляется на недовосстановленности восточной полосы Европейской части РСФСР. Затем, большое значение имеет и последовательное чередование урожаев или неурожаев, какое имело место в том или другом районе, что заметно сказывается на динамике сельского хозяйства отдельных районов, при этом влияние неурожайного года не ограничивается только пределами одного календарного года, а нередко распространяется и на несколько последующих лет.

Нужно еще отметить, что известное значение имеет и самая последовательность вступления в общий восстановительный процесс отдельных отраслей промышленности, определяющих положение данного района, благодаря той крупной роли, которую эти отрасли играют в экономике района. Наиболее позднее вступление в период восстановления тяжелой индустрии, естественно, отразилось на темпах и периодах восстановления Урала, Украины, Ленинградской области и т. д.

Наконец, последнее, что надлежит отметить среди группы причин, влияющих на процесс восстановления, это — существеннейшее влияние общей экономической политики как в смысле усиленного финансирования строительства и восстановления тех или других отраслей народного хозяйства, так в виде системы рыночных мероприятий, как-то: заготовительной политики, политики цен и т. д. и, кроме того, в виде регулирования миграционных процессов: переселение из данного района или, наоборот, вселение в данный район новых кадров населения.

Несмотря, однако, на то, что в отдельных районах мы еще не имеем вполне завершившегося восстановительного процесса, параллельно с ним явно вырисовываются тенденции к реконструкции. В чем они выражаются? Для этого остановимся, прежде всего, на сельском хозяйстве. Например, определенно сказываются они во всей потребляющей полосе, где за последние годы развиваются процессы, идущие в общем по линии интенсификации сельского хозяйства — роста животноводства, в интенсивных его формах, постепенного перехода к многополью, внедрения кормового клина, развития технических культур и т. д.

Несомненно, эти процессы обусловливаются, прежде всего, фактором общего порядка, каковым является рост плотности населения, вынуждающий сельскохозяйственных производителей переходить к более интенсивным формам ведения хозяйства. Однако, если мы сопоставим отдельные районы той же потребляющей полосы, то заметим, что степень развития этих процессов не везде одинакова. Таким образом, приходится искать действительные причины, которые нарушают равномерность развития процессов интенсификации в потребляющей полосе. В роли такого рода пертурбационного фактора выступают, прежде всего, промышленность и крупные городские центры с их энергичным воздействием на окружающую сельскохозяйственную среду.

Если мы сравним ряд районов, расположенных вокруг промышленных и городских центров, то мы увидим, что по мере удаления от них, реконструктивные процессы в сельском хозяйстве потребляющей полосы сказываются все с меньшей отчетливостью и, наоборот, всевозможные отрицательные факторы все более усиливают свое задерживающее влияние на эти реконструктивные процессы, как-то отрицательное влияние неудачной политики цен в том или другом году, в особенности, неблагоприятные соотношения эквивалентов между продовольственными культурами и техническим сырьем, то или другое развитие заготовительного и перерабатывающего аппарата, перебои со снабжением зерном и промтоварами и т. д. Таким образом, мы отмечаем своего рода концентрические круги, располагающиеся в общем вокруг основных индустриальных гнезд потребляющей полосы.

Влияние промышленности на сельское хозяйство соответствующих районов даже при анализе экономических процессов за короткий промежуток времени, представляется достаточно сложным и многообразным. Промышленность, прежде всего, влияет на рынок сельскохозяйственной продукции, поскольку она является основным потребителем различных видов сельскохозяйственного сырья и, в особенности, продуктов интенсивного земледелия. С другой стороны, ее влияние заметно сказывается на рынке труда: поглощая избыток рабочей силы аграрно-перенаселенных районов, она дает дополнительный заработок местному сельскому населению и даже дополнительные источники для капитальных вложений в его собственное сельскохозяйственное производство.

Аналогично влияет и лесное хозяйство. Хотя последнее формально относится к сфере сельскохозяйственного производства, но развитие его настолько тесно связано со строительством страны, значительными вложениями капиталов, прежде всего, со стороны крупной промышленности и транспорта, что экономика его в ряде отношений близко подходит к городской промышленности, а с другой стороны — оно тесно связано со всем бытом и экономической жизнью местного сельского населения.

С точки зреня полноты и интенсивности указанных воздействий на сельское хозяйство, нужно, прежде всего, провести отчетливое разграничение между тяжелой и легкой индустрией. Последняя более широко и всесторонне проникает в сельскохозяйственное производство. Это об'ясняется, прежде всего, тем, что легкая индустрия создает в ряде своих отраслей рынки сбыта для продуктов местного интенсивного земледелия. Далее, она нередко работает именно в те сезоны, в течение которых сельское хозяйство высвобождает свою рабочую силу. Наконец, легкая индустрия легче вовлекает привычное к сельскохозяйственному труду население, которое нередко имело уже соответственные производственные навыки, воспитанные долголетней практикой в кустарных промыслах. Текстильная промышленность в Центрально-Промышленной области развилась в значительной мере на базе рабочей силы, привыкшей к аналогичному производству по обработке волокнистых веществ сначала в местном кустарном промысле.

Наоборот, тяжелая индустрия, хотя и создает продукцию, имеющую колоссальное значение для народного хозяйства всей страны, но не так глубоко проникает в экономику окружающей сельскохозяйственной среды. Связь ее с непосредственно окружающим ее сельским населением значительно слабее. В большинстве случаев она питается пришлой рабочей силой из более или менее отдаленных районов, аграрно перенаселенных, где за отсутствием достаточно развитой промышленности, а также отсутствием привычки к кустарным промыслам, мало развитым там, население

вынуждено искать средств к существованию, не останавливаясь перед работой в наиболее тяжелых условиях. Так, в Донецком и в нефтяных районах мы отмечаем значительный удельный вес пришлых рабочих из Центрально-Черноземной области, Волжских районов и, наоборот, сравнительно небольшое участие местного крестьянского населения в этих отраслях. Особое положение в этом смысле занимает Урал, который опирается на местную рабочую силу, но это исключение об'ясняется историческими условиями развития металлопромышленности Урала, которая выросла в условиях посессионных отношений.

Большое значение с точки зрения влияния промышленности на сельскохозяйственную среду имеет самое размещение ее по территории района. С этой стороны различно влияет, например, ленинградская промышленность, сосредоточенная на небольшой территории—непосредственно вокруг Ленинграда, или же бакинская нефтяная промышленность; с другой стороны, резко противостоит Центрально-Промышленный район с текстильной промышленностью, Украина со свекло-сахарной промышленностью, которые широко разбросаны по обширной территории районов и проникают в самые глубины ее сельскохозяйственной среды.

В связи с этим можно установить разные типы комбинирования промышленности с сельским хозяйством. В одних случаях мы отмечаем скорей сосуществование того и другого. В других случаях, экономические связи настолько крепки и многообразны, что перед нами отчетливо вырисовываются сложные сельскохозяйственно-промышленные комбинаты.

В виду этого неудивительно, что все районы Союза, независимо от их современных экономических условий, чрезвычайно энергично выставляют лозунг индустриализации именно своего района. Лозунг этот выставляется ими независимо даже от совершенно определенно выявившихся тенденций развития народного хозяйства данного района, диктуемого рациональным разделением труда между отдельными частями Союза и неизбежно требующего определенной последовательности в развитии процесса индустриализации на территории Союза.

Индустриализация Союза вовсе не означает того, что она должна протекать повсеместно и равномерно, в одинаковом темпе и по всем районам без исключения. Нам неизбежно приходится считаться с основными законами географического размещения промышленности и с теми неизбежными историческими условиями, какие сложились в каждом отдельном районе. Это не исключает того, что индустриальное развитие Союза в общем и целом должно будет постепенно охватывать и те территории Союза, которые до сих пор стояли вне основных гнезд промышленного развития, и в частности, ряд восточных районов Европейской части и Азиатскую часть Союза. Но это не значит, что в этих районах надлежит развивать все отрасли промышленности в целях превращения каждого из них в замкнутый целиком самого себя обслуживающий район.

Формы и пути индустриализации должны сильно варьироваться в различных районах в зависимости от местных условий, ресурсов, условий снабжения, транспортных условий и т. д. Что с этой точки зрения показывают основные данные экономического развития последних лет? Для того чтобы уловить хотя бы основные тенденции, необходимо сгруппировать районы в следующие три группы: районы большой концентрации промышленности, к которым мы относим Ленинградскую область Центрально-Промышленный район, Украину, Урал, Северный Кавказ и Закавказье, далее, непромышленные районы Европейской части Союза и, наконец, непромышленные районы Азиатской части Союза.

Если проследить динамику этих трех крупных групп районов, то мы не замечаем в течение последних 3—4 лет сколько-нибудь существенных изменений их удельных весов в совокупной продукции крупной промышленности Союза.

Заметно иная картина получается, если мы проследим изменения удельного веса тех же групп районов в размерах капитальных вложений в крупную промышленность. В этом случае первая группа дает значительное снижение своего удельного веса, уменьшающегося на протяжении этого периода с 86,50% до 78,61%.

Удельный вес групп районов (в %% к общим итогам)

Группы районов	Продукция крупной промышленности			Капитальные вложения в промышленность		
	1925/26	1926/27	1927/28	1925/26	1926/27	1927/28
Промышленные	83,60	84,11	83,70	86,50	84,07	78,61
Остальн. районы Европ. части	11,70	11,30	11,39	8,80	9,60	13,90
Остальн. районы Азиатск. части	4,70	4,59	4,91	4,70	6,33	7,49
	100	100	100	100	100	100

Напротив того, непромышленные районы как Европейской, так и Азиатской части Союза показывают очень большой рост.

Соотношение этих двух тенденций свидетельствует о том, что в области нового строительства и капитальных вложений союзное правительство и плановые органы в общем идут в направлении расширения охвата территории процессом индустриализации. Чувствуется определенный сдвиг, прежде всего, на восток, поскольку здесь, главным образом, расположены не индустриализированные еще аграрные районы Союза. Очевидно, эффект этого перемещения промышленных капиталов может сказаться лишь спустя несколько лет, когда они дадут и соответственно повышенную продукцию.

Переходя к районам экстенсивного земледелия, нужно сказать, что здесь развитие сельского хозяйства далеко неоднородно, в противоположность тому, что мы имели в интенсивной полосе. Правда, и в интенсивной полосе мы отметили целый ряд факторов, как-то воздействие промышленности и городских центров, которые создают и здесь ряд особенностей в темпах и направлении развития интенсификации, но в экстенсивной полосе эти различия еще более резки. С одной стороны, мы здесь имеем степную экстенсивную полосу Украины, которую, несмотря на гражданскую войну и голод, можно считать уже почти восстановившей свое сельскохозяйственное производство. С другой стороны, восточные экстенсивные районы — волжские районы, Казакстан, — где процессы развития проходили значительно медленнее, в связи с чем мы их характеризовали выше, как недовосстановленные еще и в настоящее время. В известной мере промежуточное положение, хотя и более близкое к группе недовосстановленных районов, занимает Северный Кавказ, где и посевную площадь в целом и, в особенности основную ее товарную культуру, пшеницу, так же, как и рабочий скот, следует считать недовосстановленными. Для всех районов, где аграрная революция привела к ликвидации крупных помещичьих и капиталистических хозяйств остро стоит вопрос о коренной реорганизации производственной базы зернового хозяйства. Эта реорганизация, прежде всего, должна быть направлена в сторону создания крупных производственных единиц (совхозы, колхозы); с другой стороны — путем внедрения ряда засухоустойчивых пропашных культур и, наконец, в направлении развития более культурных методов ведения сельского хозяйства. Здесь требуется также широкое проведение ряда мероприятий по борьбе с засушливостью этой полосы, а также снабжение всеми необходимыми средствами для повышения техники

сельского хозяйства, что должно создать большую его устойчивость и, вместе с тем, привести к росту товарности земледелия этих районов.

Промежуточное значение имеют лесное хозяйство и кустарные промыслы. Динамика лесного хозяйства за последние годы развивалась под влиянием двух основных факторов. Во-первых, лесное хозяйство усиленно вовлекалось в союзный экспорт, являясь одним из его существенных элементов, хотя по абсолютным размерам нам еще до сих пор не удалось восстановить довоенную величину лесного экспорта. Во-вторых, оно начинает играть большую роль в строительстве страны, которое усиливается с каждым годом, пред'являя к нему все большие и большие требования. Обратное значение имеет реорганизация топливного баланса Союза, который в годы упадка народного хозяйства в огромной степени строился на дровяном топливе. Это приводило к хищнической эксплоатации лесов, к расхищению лесных богатств, особенно в полосе, наиболее удобной для эксплоатации, наиболее близкой к путям сообщения. Таким образом, в настоящее время лесному хозяйству предстоит чрезвычайно сложная и трудная задача. Требования, пред'являемые к нему, из года в год возрастают, сводясь не только к количественному росту его продукции, но и к повышению ее квалификации, а в то же время районы, наиболее оборудованные для разработки лесных богатств, уже в значительной мере исчерпали свои естественные ресурсы и выдвигается необходимость передвижения центра лесной промышленности с запада на северо-восток и восток. Это перемещение должно быть, естественно, связано с большими капитальными вложениями, прежде всего, в лесоустройство, затем в прочие строительства, в механизацию лесоразработок и связано с перемещением и созданием вновь соответствующих отраслей деревообрабатывающей промышленности. Речь идет здесь не только о деревообрабатывающей промышленности в собственном смысле слова, но и о создании новых предприятий лесохимических отраслей. При этом общем перемещении центра лесной промышленности не следует забывать о быстро развивающемся лесном хозяйстве Дальнего Востока, имеющего огромное экспортное значение и находящегося в несколько особых условиях.

Наша осведомленность о другой промежуточной сфере народного хозяйства, имеющей, однако, большое значение, а именно, о мелкой и кустарной промышленности, чрезвычайно слаба. Лишь в самое последнее время государственная статистика становится на путь систематических ежегодных наблюдений мелкой промышленности. К настоящему моменту мы обладаем, собственно говоря, лишь одной опорной точкой — это результаты обследования сельской кустарной промышленности, произведенного ЦСУ за 1924/25 г. Районы воспользовались данными этого обследования, произведя сверх того широкую экспертизу с привлечением ряда косвенных показателей, характеризующих состояние динамики мелкой промышленности. Что же дает эта широкая порайонная экспертиза? В общем по Союзу мы наблюдаем рост мелкой промышленности, динамика которой мало отличается от коэфициентов, намеченных контрольными цифрами Госплана Союза. При этом следует отметить следующие характерные черты: 1) самый темп развития мелкой промышленности, судя по этим экспертным оценкам, за последние годы постепенно замедляется, а по своим размерам значительно уступает коэфициентам роста крупной промышленности, и соответственно этому сокращается удельный вес продукции мелкой промышленности в совокупной промышленной продукции Союза; 2) условия развития мелкой промышленности в разных ее отраслях и районах далеко не однородны, при чем неоднородность эта обусловливается, прежде всего, условиями сырьевого снабжения и, в частности, конкуренцией соответствующих отраслей крупной промышленности (в особенности, в области текстильного, кожевенного сырья, металло-сырья и т. д.); 3) связанностью этих отраслей мелкой промышленности с развитием сельского хозяйства соответствующих районов и с чередованием урожаев; связь эта настолько тесна и многообразна, что сколько-нибудь заметное колебание в сельскохозяйственном производстве сейчас же отражается, в свою очередь, и на динамике мелкой промышленности. Организационно это сказывается, прежде всего, в том, что в зависимости от колебаний урожаев сельское хозяйство пред'являет большие или меньшие требования к мелкой промышленности, перерабатывающей производимое им сырье. В этом отношении особенно резко сказывается, во-первых, значимость таких отраслей мелкой промышленности, как мукомолье, маслобойная промышленность, текстильная промышленность и др. и, во-вторых, колеблемость урожаев, и, вообще, продукции сельского хозяйства влияет на динамику мелкой промышленности, определяя состояние покупательных фондов массы сельского населения, которая представляет основной рынок для мелкой промышленности.

Что касается городского ремесла, то для него в настоящее время большое значение имеет концентрация соответствующих отраслей крупной промышленности, в частности, огромное значение будет иметь все усиливающееся развитие крупной конфекционной промышленности (производства готовой одежды и обуви).

На протяжении последнего четырехлетия динамика мелкой промышленности в отдельные годы носит на себе также явные следы влияния изменений в законодательстве и, особенно, в экономической политике. Особенно резкий рост она дает в 1925/26 году, в год товарного голода и усиленного спроса на изделия мелкой промышленности и, вместе с тем, в год, когда были проведены крупные льготы для кустарей и ремесленников. Но, с другой стороны, к группе мелких промышленных предприятий формально относится и ряд предприятий полукапиталистического типа, находящихся до последнего времени в значительной мере в руках частного предпринимателя, особенно, в отраслях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье. В связи с нашей заготовительной политикой последних двух лет, эти частные предприятия сейчас массами ликвидируются и переходят либо в руки государства и кооперации, либо переводятся на консервацию.

В результате, за последние годы даже в сфере мелкой промышленности мы имеем довольно явственно сказывающуюся тенденцию обобществления, хотя абсолютная доля частных предприятий в продукции остается там еще очень значительной, колеблясь в 1926/27 г. по районам между 50 и 96 процентами. В крупной же промышленности процесс ликвидации частных предприятий к настоящему времени почти завершился. Доля их в продукции крупной промышленности в 1926/27 г., считая и концессионные, выражалась в среднем по Союзу 2,4%, и на 1927/28 г. снижается до 2,2%, колеблясь по отдельным районам. Здесь особенно выделяется Дальне-Восточный край и Сибирь, где на долю частника приходится в 1926/27 г. по первому — 12,3%, а по второму — 7,3% продукции крупной промышленности района. Заметные величины мы имеем еще в Западном районе, Средне-Волжском районе, Татреспублике и Крыму (3,5—4,2%). В крупной промышленности бо́льшую роль начинают играть концессионные предприятия, удельный вес которых в текущем году почти будет равняться удельному весу продукции частной не концессионной промышленности.

Также резко сказывается тенденция к обобществлению заготовительной и посреднической торговли. Общеизвестны процессы вытеснения частного предпринимателя с заготовительного рынка зерновых хлебов.

Он почти полностью вытеснен с целого ряда зерновых и рынков специальных сельскохозяйственных товаров. В области посреднической торговли процесс вытеснения частного предпринимателя, особенно в оптовом звене, протекает также очень интенсивно и достаточно однородно по всем районам, хотя по своим размерам удельный вес частного предпринимателя в посредническом обороте колеблется по районам, сохраняясь на относительно более высоком уровне в районах, не индустриальных и расположенных на окраинах Союза. Что касается розничного оборота, то здесь нужно отметить относительно большее сохранение доли частного торгового капитала на городском рынке, чем то имеет место на сельском рынке, при чем в целом ряде районов, преимущественно восточных и в Азиатской части Союза, доля частного предпринимателя колеблется около половины городского розничного оборота. В сельских же местностях мы имеем более однородную картину, и доля частника колеблется здесь по районам, преимущественно, в пределах между $^1/_5$ и $^1/_3$ оборота, хотя нужно отметить, что выделяются некоторые, правда, мелкие районы, где частник сведен почти к нулю. С другой стороны, в волжских районах, где и в городской рознице он занимает более $^4/_5$ оборота, на его долю приходится $^1/_3$ всего оборота.

Что касается значения частного капитала в сельском хозяйстве, то благодаря отсутствию массовых и надежных данных по расслоению деревни на различные социальные группы, мы могли бы говорить только о формальном делении продукции и товарной части сельского хозяйства по социальным секторам в примитивном их виде, а именно, государственный, кооперативный и частный, при чем в последний по статистическим причинам попадает все крестьянство в целом. Экономическая значимость этой группировки настолько незначительна, что не представляет интереса, поэтому мы ограничимся только общим указанием, что доля советских и коллективных хозяйств в продукции земледелия еще остается в достаточной мере низкой и наиболее заметные размеры имеет в Средне-Волжском районе, Белоруссии, на Украине и в Крыму, где она колеблется для 1926/27 года в пределах 5,4 — 6,2%. В остальных районах эта доля значительно ниже, и преимущественно колеблется около 1%, не подымаясь выше 3,1%(ЦЧО). Значительно выше этот показатель, когда мы переходим к товарной части продукции земледелия. Здесь уже по Украине мы имеем 7,2%, по Крыму даже 10,7% против 5,2% и 6,2% по продукции. Соответственный рост мы имеем и по всем остальным районам, но опять-таки, кроме указанных выше районов и потребляющей полосы и по товарной массе мы имеем весьма небольшой удельный вес государственного и кооперативного сектора. В потребляющей же полосе, где доля обобществленного сектора в продукции 1926/27 г. колеблется около 1%, в товарной части этот коэфициент особенно резко возрастает, доходя до 5,3—5,4% в Западном районе и ЦПО и до 12,2% в Ленинградской области, что об'ясняется относительно меньшими размерами товарных излишков в совокупной продукции земледелия этих районов.

В заключение характеристики основных экономико-географических процессов необходимо остановиться на следующих двух вопросах: во-первых, на намечающейся с достаточной определенностью тенденции к усилению межрайонного разделения труда, которое в значительной степени связано с общим восстановительным процессом, но, с другой стороны, сказывается и ряд новых явлений в этой области, несомненно, реконструктивного характера. В годы упадка установившиеся в довоенное время формы межрайонного разделения труда, в значительной мере временно сводились на-нет и целый ряд районов переходил на, так сказать, автаркическое хозяйство. По мере восстановления производства, товарооборота, транспорта, восстанавливалось и довоенное разделение труда, но этот процесс в настоящее время идет дальше, при чем намечаются уже некоторые новые формы межрайонного разделения труда. Так, в области сельского хозяйства мы отмечаем постепенную спецификацию северных сельскохозяйственных районов в области интенсивного животноводства и земледелия, превышающую довоенные размеры, с другой стороны, усиленное развитие в южных и юго-восточных районах культуры пшеницы, подсолнуха и кукурузы. В области лесного хозяйства мы уже отметили тенденцию к вовлечению в его сферу новых северных и восточных массивов.

В области промышленности, пожалуй, наиболее интересна тенденция, намечающаяся в металлопромышленности и топливной промышленности. В топливной промышленности мы имеем в настоящее время совершено отчетливо выявляющуюся тенденцию к интенсивному использованию местных топливных ресурсов (усиленное развитие торфодобывания, буроугольной промышленности) и развитию нефтедобычи в новых районах, а также рост некоторых угольных бассейнов.

Что касается металлопромышленности, то тут намечается тенденция к разделению труда, с одной стороны, между Украиной и Уралом в смысле спецификации последнего на выплавке более квалифицированных сортов железа и производства наиболее ценных сортов металло-изделий, с другой стороны — постепенная спецификация металлообрабатывающих отраслей Ленинградского и Центрально-Промышленного районов на производстве наиболее квалифицированных типов машиностроения. В то же время здесь наблюдается восстановление довоенных удельных весов каждого из этих районов в общей металлопродукции, в значительной мере нарушенных в период гражданской войны. Вместе с тем, нужно отметить более широкое географическое размещение сельскохозяйственного машиностроения и начинающуюся постройку текстильных предприятий в районах хлопководства, отчасти связанную с обслуживанием специфических нужд местного населения соответствующим ассортиментом хлопчатобумажных изделий, а также прилегающих соседних восточных стран. Намечается некоторая тенденция к межрайонному разделению труда и в области химической промышленности в широком смысле слова, где в основных районах лесоразработок мы отмечаем строительство новых бумажных фабрик, целлюлозных заводов, а в районах каменноугольных бассейнов—развитие коксобензольного производства и др.

Параллельно с этим процессом восстановления и дальнейшим развитием межрайонного разделения труда, мы наблюдаем интересное явление и в области внутрирайонного комбинирования отдельных производств. Пожалуй, наибольшее значение в настоящее время представляет собою комбинирование, связанное с энергично проводимой электрификацией Союза. Это, конечно, прежде всего комбинирование местных энергетических ресурсов (гидроэнергии и местных сортов топлива). Электрификация крупной промышленности в таких районах, как Ленинградский и Центрально-Промышленный, Донбасс и Бакинский район, достигла уже достаточно высокой степени развития и указанные индустриальные местности определенно превращаются в крупные электропромышленные комбинаты.

Значительно слабее намечается пока процесс комбинирования сельского хозяйства отдельных районов с непосредственно обслуживающими их отраслями обрабатывающей индустрии. Мы уже отмечали выше, что в целом ряде районов интенсивного земледелия чувствуется определенный недостаток в промышленном производстве по первичной переработке

местного сельскохозяйственного сырья. С этой точки зрения особо большое значение имеет развитие промышленности, перерабатывающей животноводственное сырье,— создание бэконных фабрик, маслодельных заводов и т. д. Что касается растительного сырья, то тут наибольшее значение имеет развитие заводов по первичной переработке льна и по созданию свеклосахарных заводов в новых районах. В районах экстенсивного земледелия чрезвычайно остро стоит вопрос о дислокации мукомолья. Между отдельными зерновыми районами идет в настоящее время определенная борьба за мукомольную промышленность. Районы, поставляющие зерно, заинтересованы в ней в целях использования отходов, как существенно важных ресурсов для развития местного животноводства. С другой стороны, мы имеем ряд районов, представляющих собою основные узловые пункты транспортирования зерна, с унаследованными от довоенного времени крупными товарными мельницами, которые остаются и в настоящее время не загруженными.

Восстановление межрайонных связей и основных путей товарооборота неразрывно было связано в последние годы с восстановлением транспорта. Однако, в этом процессе восстановления транспорта мы имеем часто существенно-узкие места, что особенно чувствуется в недостаточном развитии транспорта восточной части Союза.

Изложенные выше экономические процессы уже в настоящее время существенно отражаются и на соответствующих демографических процессах. Целым рядом статистических данных за последние годы отмечается заметное усиление естественного роста населения. Коэфициенты последнего, как известно, даже превышают довоенные показатели, но с экономической точки зрения, пожалуй, еще более интересны миграционные процессы, которые более тесно и непосредственно связаны с экономическими условиями отдельных районов.

Прежде всего, нужно отметить восстановление основных миграционных процессов, имевших место в довоенное время, а именно: во-первых, передвижение населения на восток и, во-вторых, в основные индустриальные центры. Эти процессы почти вовсе приостановились в годы упадка народного хозяйства, а в отношении миграционного потока между сельскими и городскими поселениями сменился даже огромным обратным переходом, приведшим к оскудению ряда крупнейших центров, даже таких, как Москва, Ленинград и т. д. Сейчас эмиграция на восток вполне отчетливо уже сказывается. Однако, она встречает существенные затруднения в недостаточной подготовленности и в дефектах организации планового переселения в Сибирь и на Дальний Восток. Что же касается миграционных процессов в пределах Европейской части Союза в крупные индустриальные центры, то здесь наибольшие затруднения сказываются в жилищных условиях последних лет. Если в Ленинградском районе они были еще сколько-нибудь благоприятными до последнего времени, то сейчас уже и этот район должен квалифицироваться, как район с неблагоприятными жилищными условиями. Благодаря перемещению некоторых основных экономических центров и недостаточному развитию внешней торговли мы имеем, с другой стороны, ряд довольно значительных, а часто и крупнейших городов, в особенности на южном побережьи Украины, которые стоят вне этого миграционного процесса и часто обнаруживают некоторые признаки застойности. Мелкие городские поселения, расположенные в западной полосе Украины и Белоруссии, определенно деградируют. В других частях территории Союза образование новых административных и культурных центров, связанное с районированием Союза и национальным строительством, приводит к тому, что создаются далеко не одинаковые условия для развития отдельных городов. Быстро развиваются новые столицы республик и центры крупных областей. Задерживаются в своем развитии бывшие губернские и уездные центры (если только они не связаны с промышленностью), замещаемые вновь организуемыми областными центрами.

Все эти сложные и многообразные процессы усиливают общий оборот рабочей силы в стране и не могут не отражаться на состоянии рынка труда. За последние годы у нас образовались многочисленные пункты скопления рабочей силы и безработицы, но характер этих пунктов часто довольно резко противоположный. С одной стороны, это центры притяжения рабочей силы (растущие городские индустриальные центры), где рабочие скопляются именно в силу экономического притяжения, с другой стороны — деградирующие городские поселения или аграрно-перенаселенные районы, где масса безработных скопляется вследствие невозможности в соответствующих районах найти приложение своему труду.

Изложенные выше основные результаты анализа развития народного хозяйства СССР по районам, как оно выявляется построенными республиками и районами контрольными цифрами на 1927/28 г., указывают на крайнюю сложность и разнообразие этого развития. Общесоюзная характеристика этих процессов, без подразделения ее по территории, давая в общем правильное отображение экономики страны, в то же время в своем обобщенном виде не может считаться достаточной базой для построения народнохозяйственного плана. Последний требует более расцененного, более конкретного выявления происходящих хозяйственных процессов. Не ограничиваясь только характеристикой общего роста народного хозяйства Союза в целом, а выявляя конкретные формы этого роста и размеры его по отдельным частям территории, на ряду с изучением всех „узких мест“ и наблюдаемых в отдельных районах признаков отставания или даже упадка народного хозяйства, только и можно построить научно-обоснованный, учитывающий все стоящие перед народным хозяйством трудности, народнохозяйственный план развития Союза.

Поэтому углубление и дальнейшее развитие работы местных плановых органов по изучению хозяйственной жизни районов и по построению, на основе этого изучения, перспектив дальнейшего ее развития является важнейшим элементом действительного проведения планового начала в хозяйственной жизни.

А. Абуляк

Местный бюджет в системе советских финансов [1]

I

Одним из наиболее мощных рычагов, содействующих в эпоху переходной экономики, социальной трансформации современного общества — от смешанных форм хозяйства к интегральному коллективизму — является, несомненно, государственный бюджет. В качестве аккумулятора и перераспределителя громадных средств в сфере народного хозяйства, бюджет при помощи налоговой, тарифной и арендной политики, с одной стороны (по линии доходов), и методов финансирования — с другой (по линии расходов), может дать значительный перевес социалистическим элементам в их борьбе с капиталистическими тенденциями. Это обстоятельство осознано у нас давно и по возможности используется в интересах форсированного развития обобществленного сектора народного хозяйства и советского государства в целом.

Но охватить непосредственно своими щупальцами государственный бюджет может лишь командные позиции народнохозяйственной жизни страны — за этими пределами остается безбрежное море чрезвычайно важных функций по переделке быта широчайших масс трудового населения, по развертыванию и углублению культурной революции, по развитию потенциальных производительных сил на отдельных участках огромной территории Советского Союза. Для разрешения этих задач стратегический замысел новой экономической политики, на первых же шагах своей практической программы, вызвал к жизни в дополнение, усиление и развитие госбюджета целую систему разного калибра местных бюджетов, которыми вооружались советы для практического строительства социализма.

Из десятилетних юбилеев, недавно отпразднованных большинством советских институтов, местный бюджет насчитывает фактически лишь пять лет. Ибо прежде чем возродиться на новой советской почве, местный бюджет совсем было исчез, слившись в эпоху военного коммунизма и хозяйственного централизма с государственным бюджетом. И только накануне восстановительного периода — на рубеже 1921/22 г. — заложены были основы советской системы местных финансов. Главнейшие этапы пройденного пути, в порядке формальном и количественном — развитие правовых, организационных и об'емных форм, неоднократно освещались в общей и специальной печати: [2] от декрета ВЦИК и СНК РСФСР, начиная с 22/VIII 1921 г., через временные переходящие нормы до общесоюзного кодификационного закона и республиканских положений о местных финансах в 1926/27 г., от случайных, неполных, полубюрократических губернских смет „местных доходов и расходов“ на протяжении 1922 г.

[1] Настоящая статья является экстрактом из подготовляемой автором к печати книги „Финансовое хозяйство местных советов Союза Социалистических Республик“.

[2] С. Котляревский, М. Загрядков, В. Твердохлебов, М. Леонтьев и др.

до многих тысяч настоящих бюджетов, автономно проводимых волостными, а во многих местах и сельскими советами, от 300, примерно, млн. руб. в 1922/23 г. до 2.200 млн. руб. в 1927/28 г., — такова внешняя картина проделанной эволюции.

Что же представляет собой местный бюджет и каковы основные тенденции его развития? Нет нужды останавливаться на теоретическом определении этого института с точки зрения государственного, административного и финансового прав. В условиях политического и экономического строя советских республик формальная сторона вопроса — „о центре и местах“, „о природе суверенного государства“ и подчиненных „местных органов самоуправления“, о преимуществах „органической“, „общественной“ или „государственной“ теории самоуправления — теряет свою принципиальную значимость и актуальность. В самом деле, весь политический и социальный уклад нашей страны, как он сложился в результате истекшего десятилетия, покоится на формуле „вся власть советам“ или „вся власть на местах“. Верховная государственная власть олицетворяется с'ездами тех же местных советов и их центральным исполнительным комитетом. В сущности говоря, советское государство и его местные органы по идее являются одновременно политической и экономической ассоциацией трудящихся.

Поэтому все традиционные трактовки предмета и существа местных финансов в старых трудах Ад. Вагнера, Рейценштейна, Рихарда фон-Кауфмана и др. не приложимы к местному бюджету СССР. Не вполне четки также и определения новейших исследователей наших местных финансов. Так, например, проф. В. Твердохлебов говорит в своей последней книге, что „местными финансами называются финансы местных органов самоуправления, противопоставляемых центральным органам государственной власти и непосредственно подчиненным им местным органам управления“. [1] Высказываясь за государственную теорию самоуправления для всех стран вообще, В. Твердохлебов так и не дает ясного ответа на вопрос: что такое советские местные финансы.

Еще проще — пожалуй совсем упрощенно — но не более ясно формулирует предмет местных финансов проф. С. Котляревский: „Местный бюджет — это бюджет различных местных единиц — областных, губернских, уездных, волостных, городских, окружных и районных“. [2] Вот и все. Это напоминает, к примеру, определение государственного бюджета, как „бюджета государства“... Другие попытки вскрыть природу советской системы местных финансов (проф. Загрядков, М. Смирнов, Э. Понтович и др.) также не отвечают, по нашему мнению, социально-экономической концепции финансовой системы Советского Союза в целом. Таким образом, местный бюджет СССР, повидимому, не укладывается в общепринятые рамки финансового права капиталистических государств, а является по существу своеобразной и новой категорией — его можно квалифицировать как органическое продолжение государственных финансов, как множественный финансовый план, примыкающий к госбюджету и дополняющий его. И не случайно ст. I действующего положения о местных финансах гласит: „Местные финансы составляют часть единой системы финансов Союза ССР и состоят в непосредственном ведении местных советов и их исполнительных комитетов“. В этой формулировке заключается отличительный признак советского местного бюджета от других.

[1] В. Н. Твердохлебов, Местные финансы, 2 изд. 1927 г., стр. 5.

[2] Проф. С. Котляревский, „Бюджет и местные финансы“, изд. „Экон.Жизнь“, 1926 г.

В самом деле, ЦИК Союза ССР является, в конечном счете, исполнительным органом всех местных советов, от сельского до республиканского и областного, следовательно, внутреннее единство финансового хозяйства мест и центра есть органическое свойство, хотя формально, технически и организационно местный бюджет не сливается с государственным в одном балансе. Можно провести некоторую аналогию между нашим местным бюджетом и хозрасчетными предприятиями: подобно тому как государственные промышленные предприятия группируются по отраслевому признаку в об'единения — тресты, которые выделяются в условно самостоятельные хозяйствующие суб'екты,— местные советы по территориальному признаку переведены как бы на свой баланс в виде автономного бюджета. В основе обоих явлений лежит одна из глубоких идей новой экономической политики — децентрализация управления внутри огромного государственного сектора народного хозяйства, что на ряду с широким кооперированием трудовых масс и развернутым профсоюзным движением должно вести к построению социализма на всей территории огромной страны.

При таком понимании природы советской системы местных финансов правильно будет считать наш местный бюджет категорией последовательно социалистического и государственного порядка.

Ограничиваясь изложенными общими воззрениями, перейдем к оценке роли и значения местного бюджета в общей финансовой системе Союза, а также к характеристике его структуры, содержания, эволюции и важнейших проблем.

II

Когда говорят о шестимиллиардном государственном бюджете на 1927/28 г., то при этом обыкновенно упускают из виду необходимую поправку, что из этих 6 мрд. руб. около 600 млн. руб. передается в порядке отчислений, субвенций и дотаций местным бюджетам. Таким образом, госбюджет (как таковой) измеряется брутто лишь суммой, примерно, в 5.400 млн. руб. Если же из последней суммы вычесть эксплоатационные расходы по НКПС и НКПиТ, то в распоряжении госбюджета останется сумма в 3.873,4 млн. руб. для удовлетворения всей совокупности нужд общегосударственного и республиканского характера. Но можно итти дальше в этом направлении и отбросить расходы на оборону, и тогда для нашего экономического, культурного и социального строительства госбюджет будет располагать еще меньшей суммой.

Чем измеряется по аналогии финансовый рычаг местных советов в целом по Союзу на тот же 1927/28 г.? По данным контрольных цифр Госплана СССР, все местные доходы исчислены на текущий год в сумме 2.025 млн. руб. После того как были составлены и опубликованы эти цифры, выявилось значительное усиление прямых налогов, большая часть которых автоматически попадает в местный бюджет, а также наметился ряд других факторов, повышающих первоначальные исчисления. Предварительный пересчет показывает, что в настоящий момент можно исчислить баланс местных бюджетов в 1927/28 г. в размере около 2.200 млн. руб. Исключив из этой суммы стоимость эксплоатации местных имуществ и предприятий, проводимых брутто через бюджет, получим цифру порядка 1.800 млн. руб., которыми местные советы могут маневрировать в области экономического и культурного строительства. Таким образом, против 3.000 млн. руб., которые госбюджет условно (в смысле свободы маневрирования и перераспределения) предоставляет в распоряжение центральных общесоюзных и республиканских органов для осуществления

своей программы социально-экономической политики,[1] местные советы в текущем году могут финансировать свои хозяйственные и культурные планы при помощи собственных бюджетных средств в сумме около 1.800 млн. руб. Другими словами, при грубом сопоставлении силу финансово-бюджетных рычагов местных и центральных органов Советского Союза можно выразить отношением 3:5. А это дает количественное представление о высоком удельном весе местного бюджета в деле финансирования хозяйственно-культурного строительства страны.

Еще разительнее сопоставление местного бюджета не со всем единым государственным бюджетом, а только с республиканской его частью. Расходы всех республиканских бюджетов - нетто составляют в текущем году около 900 млн. руб. против 1.800 млн. руб., находящихся, как указано выше, в распоряжении местного бюджета, т.-е. финансовые ресурсы мест, примерно, вдвое больше республиканских. По отдельным республикам соотношения представляются в следующем виде:

Бюджет-нетто	Республ.	Местн.[2]	Разница в пользу местного бюджета
РСФСР	583	1.200	617
УССР	151,5	400	+248,5
БССР	37,8	42	+ 4,2
ЗСФСР	66,3	88	+ 21,7
УзбССР	46,7	58	+ 11,3
ТуркССР	18,0	12	— 6,0
По Союзу	903,3	1.800	+896,7

Приведенные данные характеризуют количественное преобладание местных средств над республиканскими, за исключением Туркменистана, местный бюджет которого в 1 $^1/_2$ раза слабее республиканского.

Наиболее резко выражено финансовое преобладание местного бюджета на Украине, которая, повидимому, финансирует подавляющую часть своих экономических и культурных мероприятий через укрепленные бюджеты округов. В России местный бюджет почти вдвое больше республиканского, но здесь сказывается давление двух столичных центров, которые поглощают около $^1/_3$ местных средств. По БССР местные средства незначительно превышают республиканские, так как последние выполняют зачастую функции местного характера. В Закавказской федерации местный бюджет формально значительно превышает республиканский, но это происходит почти целиком за счет крупнейших дотаций из государственных средств (субвенция). По Узбекистану местный бюджет действительно сильнее республиканского процентов на 25, что об'ясняется большой напряженностью местных нужд. Что касается Туркменистана, то его местный бюджет отстает от республиканского не столько вследствие слабости первого, сколько по причине сравнительной гипертрофии второго: так, душевая квота местных средств там почти достигает в текущем году средней по Союзу 12 руб., в то время как душевая квота республиканских средств почти в три раза выше средне-союзной — 17,0 руб. против 6,05 руб.

Таким образом, не входя здесь в оценку взаимоотношений местного бюджета с государственным по существу мы должны констатировать, что в системе финансовых рычагов планирования местный бюджет

[1] Мы оставляем в стороне кредитную систему и др. источники планового финансирования.

[2] Данные предварительные, так как свода утвержденных местных бюджетов к моменту печатания статьи еще не имелось.

должен занимать по своему удельному весу далеко не второстепенное место. Более того, значение планового стержня особенно применимо в настоящее время именно к местному бюджету, который действует в сфере весьма слабо изученного, многообразного, мозаичного, чрезвычайно пестрого, не имеющего до сих пор общесоюзного организационного центра местного хозяйства. Здесь по аналогии полностью приложима характеристика, данная в свое время тов. Г. М. Кржижановским госбюджету, как организующему плановую работу стержню.

„Надо откровенно признать,— говорит он,— что бюджетная работа НКФ (и того же Госплана) долгое время была как-раз такой стержневой работой. Именно таким путем создавалось единство в многообразном типе плановой работы".[1] Эта характеристика, относящаяся к пройденному этапу в отношении централизованной части государственного хозяйства, сохраняет и теперь свою силу в области местного хозяйства, элементы которого сцепляются между собой внутри и увязываются со всем государственным сектором преимущественно через систему бюджетных планов местных советов. По мере усиления и роста познавательного охвата материального содержания отраслей местного хозяйства, последнее будет непосредственно включаться систематически в орбиту всех видов планирования (контрольные цифры, перспективные и генеральные планы).

Но уже теперь совершенно очевидно, что необходимо установить плановую связь между государственными и местными финансами Советского Союза. В самом деле, нет почти ни одной отрасли государственного или народного хозяйства, которая в той или иной форме, в большей или меньшей степени не затрагивала бы интересов местного бюджета и не находила бы известного в нем отражения, точно также все без исключения нужды мест близко воспринимаются органами центральной власти, как общегосударственные: вопросы управления, культуры, благоустройства, экономики, развития производительных сил, капиталонакопления и даже обороны в самом широком смысле слова одинаково по существу важны для государственного и местного бюджета. Не даром в одном из меморандумов секретариата Лиги Наций по вопросу о размерах военного бюджета Союза ССР, повидимому с целью подтверждения легенды о „красном" милитаризме, приводится многозначительная справка, будто официальные данные Народного комиссариата финансов о расходах на оборону по госбюджету сильно преуменьшены, так как-де в скрытом виде через местный бюджет проводятся дополнительные крупные суммы на военные нужды.[2] Эта вымышленная история, не имеющая под собой никакой почвы, так как местные бюджеты обременены заботами культурного и экономического строительства, тем не менее свидетельствует о том, что финансовые специалисты Лиги Наций плохо знают наши финансы, но прекрасно понимают социальную природу Советов, которые в случае военной опасности, несомненно, присоединят все свои материальные, финансовые и другие ресурсы для усиления обороноспособности страны.

Бесспорно, однако, что с точки зрения советского мировоззрения нельзя трактовать проблемы местного бюджета изолировано от государственного, и наоборот. В противном случае невозможно получить исчерпывающую цельную картину о состоянии и развитии финансового хозяйства Союза. Но если это так, то не приходится доказывать, что плановые начала присущи в одинаковой степени и государственному

[1] „Проблемы планирования", изд. „План. Хоз.", 1926 г., стр. 13.

[2] Société des Nations, Dépenses budgétaires pour la Défense nationale, Gènéve, Septembre 1923. P. 93.

и местному бюджету. Более того, можно утверждать, что планирование госбюджета без учета местного страдало бы большой неполнотой и могло бы вызвать целый ряд ошибок и невязок в практических мероприятиях центральных органов.

Возьмем для примера область налоговой политики. Система прямых налогов планируется, естественно, в центре; но в действительности большая часть поступлений от прямых налогов передается в местный бюджет. Следовательно, подводить более или менее твердые основания при обложении сельского хозяйства, промышленности и торговли можно лишь при достаточном исследовании состояния местных финансов. Ведь по сути дела сельскохозяйственных и промысловый налоги уже в настоящее время являются преимущественно местными. В частности, промналог в государственном бюджете отражается только наполовину, так как надбавки к нему в размере 100% проводятся лишь через местный бюджет. В меньшей степени это относится к подоходному налогу.

Но даже в отношении доходных источников чисто местного характера абсолютно необходимо плановое воздействие в общесоюзных и республиканских рамках: сюда относятся вопросы коммунальных тарифов, жилищной и арендной платы в связи с амортизацией, восстановлением и расширением основных капиталов при соблюдении принципов социальной политики и т. д.

Другой пример можно взять из области местных расходов: вся совокупность массовых мероприятий, имеющих величайшее значение для советской экономики и культуры в целом, как всеобщее обучение, народная медицина, агрономия и т. п., проходит почти целиком через местный бюджет. Можно было бы значительно продолжить аргументацию неразрывного внутреннего единства между государственным и местным бюджетам и по всем направлениям сметной номенклатуры, но и сказанного достаточно для осознания неизбежности усиления централизованного планирования всей совокупности социально-экономических явлений, охватываемых бюджетной системой советов в целом, при одновременном дальнейшем развитии процесса децентрализации управления.

Весьма высокий удельный вес местных бюджетов в единой финансовой системе Союза становится вполне понятным, если учесть широкие функции и необ'ятные потребности советов, как органов социалистического строительства.

В дореволюционное время земские и городские бюджеты в результате полувекового развития все же были несравненно слабее наших современных бюджетов и составляли в совокупности, примерно, 650—700 млн. руб. на 1914 г. в пределах СССР, или около 20% в отношении царского имперского бюджета того времени с поправками на отошедшие области.

Если по государственному бюджету и другим отраслям государственного хозяйства сопоставление с довоенными данными весьма условно и часто мало показательно, то, сохраняя эту оговорку в отношении местных финансов, все же можно отметить, что за пять лет своего развития, советский местный бюджет далеко оставил позади довоенные земско-городские сметы. Исчисляя общую массу местных средств по Союзу на текущий год приблизительно в 2.200 млн. руб., можно сказать, что наш местный бюджет в настоящее время превышает довоенный с учетом товарного индекса, примерно, в два раза. Это обстоятельство указывает на то, что местное хозяйство в настоящее время несравненно шире, полнее и глубже охватывает жизнь широких трудовых масс населения, чем земско-городское, что об'ясняется самой природой нашего общественного и государственного строя: советы

на местах являются одновременно полномочными представителями центральной власти и органами общественного самоуправления. А коллективные нужды трудового населения — сельского и городского — неисчислимы, и все финансовые источники страны привлекаются, по возможности, к их удовлетворению. При этом характерно указать, что единый государственный бюджет в текущем году, при значительном темпе роста (16,5%[1]), все же в реальных рублях едва достигнет 110% довоенных размеров. Если, наконец, сравнить темпы развития местного и государственного бюджета за последнее трехлетие, то и здесь обнаружится форсированный рост первого:

	Местный бюджет Прирост в %	Государств. бюджет[2]
1925/26 г.	42,8	33,1
1926/27 г.	30,5	28,9
1927/28 г.	19,8	16,5

Отсюда возникает проблема плановой увязки поступательного движения местного и государственного бюджета в общей финансовой системе в свете единой народнохозяйственной концепции.

Нужно констатировать, что до самого последнего времени вопросы местных финансов в общеплановой работе всесоюзного характера привлекались лишь спорадически и разрозненно. Не трудно понять причины этого: многообразие и разнокалиберность финансового хозяйства местных советов, чрезвычайная многочисленность суб'ектов местных финансов, экономико-географическая и национально-бытовая пестрота отдельных бюджетных участков, затянувшийся процесс административной и хозяйственной децентрализации, запаздывание в экономическом районировании страны, наконец, общее препятствие для успешного развития плановой работы — крайне неудовлетворительное состояние статистики и отчетности в СССР,— все это в невероятной степени осложняет и затрудняет возможности научных обобщений, социально-экономических прогнозов и установления основных лимитов в области местных финансов.

Для иллюстрации высказанного положения приведем только один штрих: еще и теперь, в 1928 г., в нашем распоряжении нет самых элементарных и первичных данных о точном количестве и размере дифференцированных бюджетных единиц, т.-е. неизвестно, сколько городов, волостей, районов и т. д. имеют в действительности свои самостоятельные бюджеты. Все усилия добыть эти сведения через НКФ оказались тщетными. Только в этом году ЦСУ ставит в своей программе сплошной учет бюджетных единиц. При таких условиях степень изученности и познания децентрализованного сектора государственного хозяйства вообще и финансового в частности оставляет желать многого. Но если в контрольных цифрах Госплана на 1925/26 г.— первом документе, кладущем начало системе планирования — местный бюджет, как таковой, совершенно отсутствует, то несмотря на скудость материалов оказалось необходимым и возможным включение совокупности местных финансов в систему контрольных цифр народного хозяйства на 1926/27 г., конечно, в суммарной, неразвернутой пока форме.

Само собой разумеется, что это было первой весьма условной и осторожной попыткой планового охвата одного из труднейших и ответственнейших участков нашего обобществленного сектора — финансового хозяйства местных советов. При этом необходимо отметить, что 1926/27 г. явился для местных финансов в значительной мере переломным, так как в этом году начал свое действие новый закон, который должен был приносить местному бюджету автоматически добавочные крупные средства путем увеличения процента отчисления от государственных налогов и доходов (главным образом, с.-х. налог, промналог и лесной доход).

[1] Ст. М. И. Боголепова, „Экон. Жизнь", № 56 от 6 марта с. г.

[2] Без отчислений и пособий местам.

На основе анализа взаимоотношений между государственным и местным бюджетами, а также учета необходимости расширения доходной базы республиканских бюджетов и общей напряженности финансовой системы, Госплан СССР пришел к выводу, „что должны быть предприняты меры к обеспечению общесоюзной части бюджета, на которой лежат ответственные задачи (финансирование народного хозяйства, оборона страны, уплата долгов и т. д.), и к обеспечению более гармонического сочетания приростов государственной и местной части единой финансовой системы Союза" (см. „Контрольные цифры нар. хоз. на 1926/27 г.", стр. 94).

Исходя из нового закона, контрольные цифры на 1926/27 г. определили вероятный размер местных средств по Союзу на 1926/27 г. в сумме около 1.700 млн. руб. Эта сумма, которая в свое время вызывала большие сомнения и резкую критику, особенно со стороны НКФ Союза, в действительности, даже оказалось превзойденной процентов на 10, так как по данным предварительной отчетности доходы местного бюджета составили в прошлом году 1.878 млн. руб.

Таким образом, первый общесоюзный плановый прогноз в области местных финансов, несмотря на громадные трудности, оказался более или менее близким к действительности. Дальнейший шаг в этом направлении, после первого опыта составления контрольных цифр, сделан был в опубликованных материалах по пятилетнему плану народного хозяйства, где дана первоначальная ориентировка намечающегося развертывания местных бюджетов на период 1927/28 — 1931/32 гг.[1] В этой работе не следует искать точности цифровых исчислений, в ней необходимо проверить правильность схваченных тенденций и заложенных директив, внутреннее равновесие и соответствие общему темпу роста экономики и культуры страны. В дальнейшем, безусловно, придется включить также сферу местных финансов и местного хозяйства в широкие рамки генплана, по мере познавательного охвата процессов децентрализованного сектора государственного хозяйства. Все это свидетельствует о том, что фронт плановой работы становится все шире и шире, захватывая постепенно новые участки социалистического строительства.

III

Каковы центральные, наиболее актуальные проблемы, стоящие ныне перед местным бюджетом в аспекте единого народнохозяйственного плана? Ответ на этот вопрос следует искать в плоскости генеральных линий экономической, культурной и социальной политики советской системы.

В области экономики общей задачей является максимальное финансовое содействие развитию производительных сил данной местности применительно к особенностям хозяйственных районов и на основе общесоюзного разделения труда. Разрешение этой задачи упирается, правда, в проблему экономического районирования, которая имеет колоссальное

[1] См. статью А. Б. Маймина, „План. Хоз.", № 3 за 1928 г.

значение для рациональной структуры системы местных бюджетов. Некоторые теоретики местных финансов недооценивают всей важности построения местного бюджета, по выражению проф. В. Твердохлебова, на „прочном экономико-географическом базисе“. Последний, высказывая целый ряд правильных соображений о необходимости считаться при районировании с некоторыми моментами не экономического порядка (национальный состав населения, культурные условия и т. п.), приходит к совершенно неправильному выводу, что „большинство задач, лежащих на местных органах, имеют очень слабое отношение к географии данной местности; таковы народное образование, народное здравие, охрана порядка (полиция),[1] социальное обеспечение, организация соответствующих учреждений, характер их деятельности одинаков для всякой местности. Лишь экономические функции, как, например, дорожное дело, содействие земледелию и промышленности, электрификация находятся в тесной зависимости от рельефа местности, почвы, климата, водных сил и т. д. Но перечисленные виды хозяйственной деятельности играют меньшую роль в жизни и бюджетах местных органов, чем народное здравие, образование и т. д.“.[2] Такая точка зрения в условиях советской действительности, разумеется совершенно несостоятельна: экономические функции местных советов чрезвычайно обширны, можно сказать грандиозны, не в пример нашим дореволюционным земствам и городам и даже коммунальным органам Зап. Европы и Америки. Имущественные фонды советов по Союзу, включая жилищное хозяйство и местную промышленность, измеряются по грубому подсчету суммой порядка 12 млн. руб. Общая сумма хозяйственно-производственных расходов составила в местном бюджете за прошлый год не менее 600 млн. руб., или около $^1/_3$ всех средств, а капитальные затраты не менее 350 млн. руб. В текущем году эти цифры значительно возрастут. Говорить после этого о приниженной роли хозяйственной деятельности в местном бюджете и на этом основании оспаривать идею экономического, а не географического районирования можно только при значительном игнорировании советской действительности и планового начала.

Лучший ответ противникам районирования дал Г. М. Кржижановский в своей речи на первом С'езде президиумов Госплана СССР и госпланов союзных республик: „Можно с разных точек зрения оценивать проблему экономического районирования, по разному относиться к этой проблеме. Но что она теснейшим образом связана с задачами проведения в жизнь планового начала, что она дает наибольшие гарантии избежать в этом деле бюрократических уклонов,— в этом не приходится сомневаться“. Поэтому совершенно бесспорно, что индустриализация страны может успешно совершаться лишь при усиленном финансировании местным бюджетом сопутствующих и тесно примыкающих отраслей — коммунального хозяйства, жилищного и дорожного строительства, местной промышленности и т. д. При этом местный бюджет должен отражать правильно динамику хозяйственных процессов своего района, чего в настоящее время не наблюдается. Так, если сопоставить относительный удельный вес местных бюджетов к валовой продукции сельского хозяйства и промышлености по данным контрольных цифр районов, то нельзя найти закономерности и правильной зависимости между этими сопряженными величинами. Это иллюстрируется следующей табличкой:

[1] Очевидно, речь идет о районировании вне времени и пространства или вне СССР.

[2] В. Н. Твердохлебов, „Местные финансы“, издание НКВД РСФСР, 1927 г., стр. 8—9.

Примерные соотношения между местным бюджетом и экономикой районов

Союзные республики и районы	Валовая продукция 1926/27 г. в млн. руб.	Доход-брутто местн. бюдж. 1926/27 г. в тыс. руб.	Процентное отношение к валовой продукции
РСФСР			
Центр.-Землед.	991,5	62.545,0	6,3
Центр.-Промышл.	7.648,6	438.157,8	5,7
Сев.-Западн.	2.324,6	167.676,6	7,2
Крым	142,2	17.717,0	12,4
ДВК	1.436,1	25.336,5	1,7
УССР	5.573,9	352.303,9	6,3
ЗСФСР	980,7	80.078,2	8,2
УзбССР	656,1	39.571,4	6,1
ТуркССР	137,8	9.953,7	7,2
БССР	774,7	34.770,2	4,4

В области культуры перед местным бюджетом встают не менее важные задачи. На ряду с воспроизводством квалифицированной рабочей силы, через местный бюджет осуществляется, главным образом, строительство нового быта, введение всеобщего обучения и ликвидация неграмотности, создание массовой медицинской сети, обслуживание широких крестьянских масс агрикультурными мероприятиями и т. д. На всю эту группу мероприятий уже в истекшем бюджетном году затрачено местных средств свыше 750 млн. руб., или больше 40% всех расходов. В текущем году соответствующие ассигнования вырастут не менее, чем на 20% против предыдущего года. Особенно много средств уделяется „третьему фронту“: по данным предварительной отчетности в прошлом году затрачено по местному бюджету на народное образование около 450 млн. руб., т.-е. почти 25% всех расходов. Итак, культурный фронт, неразрывно связанный с индустриализацией страны, в значительной мере зависит от состояния и планомерного развития местных бюджетов.

Основные капиталы благоустройства и культуры, сами по себе мизерные по сравнению с необ'ятными потребностями населения, накоплены почти исключительно в городах, вернее в крупнейших центрах. Условия жизни и уровень благосостояния трудящихся масс города и деревни служат зачастую причиной болезненных миграционных процессов, жилищных и продовольственных затруднений, известной общественной разобщенности и других отрицательных явлений.

Задача сближения города и деревни, неизбежно сопутствующая социалистической индустриализации Советского Союза, лежит в значительной мере на местном бюджете. Вот как характеризует Фридрих Энгельс эту крупнейшую проблему современности: „Устранение противоположности между городом и деревней, следовательно, не только возможно, оно стало прямой необходимостью для самого промышленного производства, как и для производства сельскохозяйственного и сверх того необходимо в интересах общественной гигиены. Только путем слияния города и деревни можно устранить нынешнее отравление воздуха, воды и почвы и только при этом условии хилые массы городского населения сумеют добиться такого положения, при котором их отбросы будут служить в качестве удобрения для призводства растений, вместо того, чтобы порождать между ними болезни“.[1]

И далее Энгельс указывает, что условием уничтожения резкого разделения города и деревни является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране. „Цивилизация,— говорит он, — оставила нам, конечно, в лице крупных городов наследие, избавиться от которого будет стоить много времени и усилий. Но с ним

[1] Фридрих Энгельс, Анти-Дюринг, „Моск. Рабочий“, 1924 г., стр. 333—336.

необходимо покончить, и это будет сделано, хотя бы это был очень продолжительный процесс. Революционные элементы, которым предстоит устранить старое разделение труда, вместе с отделением города от деревни, и преобразовать все производство, содержатся уже в зачаточном состоянии в условиях производства современной крупной индустрии и встречают препятствия для своего дальнейшего развития лишь в нынешнем капиталистическом способе производства". Для советского хозяйства уже открывается возможность — и этому призван всемерно содействовать местный бюджет — постепенного изживания этой опасной диспропорции и переброски системы мостов между городом и деревней.

Значение сферы местного хозяйства в деле сближения трудящихся города и деревни было также подчеркнуто В. И. Лениным в брошюре „Государство и революция": „Коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов". Отсюда вытекает вся важность распределения местных средств между городом и деревней. По данным предварительной отчетности в прошлом году средний расход на душу городского населения по всем городским бюджетам составлял около 30 руб., а по волостным и районным около 3,5 руб. Этот разрыв, питаемый, несомненно, глубокими причинами, даже при грубом сопоставлении, диктует необходимость планового воздействия на взаимоотношения города и деревни в местном бюджете. Но и внутри деревни местный бюджет является сильным рычагом социальной политики. Достаточно указать на задачу вовлечения средств земельных обществ в сферу местного бюджета, на финансовые мероприятия по содействию кооперированию и коллективизации индивидуалистического мелкого производства — сельскохозяйственного и кустарно-ремесленного. В этом отношении можно констатировать весьма слабую деятельность местного бюджета, который выделяет лишь ничтожные средства для указанных целей. Наконец, следует отметить необходимость более активного проявления местного бюджета в деле борьбы с безработицей в городе, с аграрным перенаселением в деревне. Ненормально положение, когда по местному бюджету всего Союза ССР намечено по имеющимся данным ассигнований на борьбу с безработицей, являющейся в значительной мере явлением местным, что-то около 11—12 млн. руб. на текущий год. На фонды бедноты в деревне отпускается вряд ли более 2 млн. руб., а борьба с перенаселением, независимо от его характера, совсем не находит отражения в местном бюджете.

Но тут, естественно, возникает весьма острая для местного бюджета проблема о финансовых источниках и ресурсах для разрешения перечисленных выше задач. Эта тема требует глубокого анализа финансового хозяйства местных советов и может быть всесторонне освещена в самостоятельной статье, так как центр тяжести этого больного и решающего вопроса лежит не столько в общем балансе местных средств и в средних статистических показателях по Союзу в целом, сколько в диференцированном подходе к отдельным республикам, экономическим районам и даже губерниям и округам. Среди громадного количества бюджетных единиц, разбросанных в пестрых экономико-географических условиях, имеются чрезвычайно разнообразные нюансы финансовой мощности от 1,2 млн. руб. по Мурманской губ. до 300 с лишним млн. руб., по Московской губ. в 1926/27 г. Найти оптимальную систему регулирования, отвечающую общей социально-экономической политике, является одной из очередных задач планирования.

Проф. З. С. Каценеленбаум. Индустриализация хозяйства и задачи кредита в СССР. Госиздат, 1928 г., стр. 88, тираж 4.000 экз.

Еще одно произведение, доказывающее необходимость снижения цен. Ни один, конечно, экономист, трактуя об индустриализации, не может обойти этой проблемы, как conditio sine qua non. Данная же книжка „выгодно" выделяется из всей литературы, касающейся снижения цен, тем, что она намечает совершенно „новые" и нелишенные оригинальности методы и пути снижения.

Рецензируемая книжка вопит о несправедливом отношении Госплана, ВСНХ, НКФ и прочих органов к кредиту, как рычагу аккумуляции сбережений. Допускаем, что этот рычаг еще в достаточной мере не использовывается. Другое же дело интерпретировать насчет самого создания этих накоплений за счет... резкого сокращения промышленного накопления и бюджетных из'ятий. „Наша бюджетная политика, как и наша промышленная политика (большие внутрипромышленные накопления), неизбежно вызывает повышение товарных цен. При таких условиях ставить себе задачей снижение цен, по существу,— нельзя" (разрядка наша. Ш. Т.). К такому заключению приходит автор в результате своего исследования в последней главе своей книжки.

Итак, вся индустриализация ставится автором под сомнение, все чаяния на понижение цен безнадежны. И дальше: „Если мы будем извлекать весь остаток национального дохода, необходимого для индустриализации, при помощи... высоких цен, то мы ни в коем случае низкие цены иметь не будем". Весь вопрос, в сущности говоря, сводится к тому, с чего начать снижение цен, т.-е. за счет какой составной части: издержек производства, издержек обращения, либо элементов накопления? При чем следует подчеркнуть, что величины издержек производства и обращения зависят от двух факторов: технических коэфициентов (или натуральных показателей) и ценностных показателей (уровней цен). Если начать за счет резкого сжатия накопления (а по словам проф. Каценеленбаума, иного выхода нет), не надеясь на другие источники, тогда произошедшее снижение цен механически, по линии цепной связи, должно отразиться на снижении издержек производства и обращения, а это, в свою очередь, по линии цепной связи вызовет соответствующее снижение цен на другом участке, которое повлечет на следующем участке соответствующее снижение себестоимости и т. д. до бесконечности, а дальше „соответствующего снижения" дело не двинется, и мы останемся, в сущности говоря, в порочном кругу. Цены будут за собою механически тянуть цены, и никакого народнохозяйственного эффекта с точки зрения действительной экономии мы не получим. Если не делать ставки на улучшение технических коэфициентов (здесь основную роль должны, конечно, играть капитальные вложения и рационализация), т.-е. на рост производительности труда в народном хозяйстве, никакого реального снижения цен, конечно, не будет. Хоть бы одним словом обмолвился уважаемый профессор об этом действительном источнике снижения цен!

Психологизм проф. Каценеленбаума не нов. Он идет к производительности труда (вернее, интенсивности труда) иным путем. „Не приходится доказывать,— говорит автор,— что не только сельский труд, но и труд городской также реагирует настроение товарных цен". Высокие цены, отсюда и отсутствие индивидуальных сбережений „ослабляют стимул к труду"— отсюда и „упадок производительности, ухудшение качества" и даже „бюрократизм и волокита" (?! Ш. Т). Несколько выше автор ратует: „Для потребителя, в сущности, было бы безразлично — явилась ли высокая цена на сахар следствием высокой монополистической прибыли данного треста, или же следствием того, что была сделана надбавка в цене для государства в виде акциза". То „труд реагирует на строение", то „для потребителя безразлично". На основе именно этой потребительской точки зрения для автора нет разницы между внутрипромышленным накоплением и бюджетом. Правда, в одном месте, мимоходом, упоминается о социальной роли бюджета,— и на том спасибо. Как же автор разрешает индустриализацию? Первое — снижение цен увеличит интенсивность (именно интенсивность) труда, благодаря, конечно... возможности сбережения, так как о возможности увеличения потребления автор и не помышляет, гарантируя (?!) вовлечение обратно через кредитную систему в промышленность всего „сбережения", получившегося в результате снижения цен за счет накопления — это второе. Вот, примерно, рекомендуемый профессором рецепт индустриализации через снижение цен. А в общем и целом, как мы указывали: снижение цен за счет снижения цен — настоящая карусель, не говоря уже о том, что все „гарантии" и „уверения" профессора Каценеленбаума в настоящих, конкретных, реальных условиях построены на песке и ничем совершенно не обоснованы. Если не стоять на точке зрения реконструкции народного хозяйства и не добиваться этим путем поднятия производительности труда, то гарантия насчет возвращения кредитной системой обратно всех сбережений, полученных за счет снижения цен,— карточный домик. Не это есть путь индустриализации. Лишь через поднятие производительности труда и отсюда сокращения удельного веса накопления в цене (при общем росте этого накопления), а не наоборот, можно говорить об индустриализации. Автора здесь, конечно, не выручает и ссылка на экономистов ВСНХ и Наркомфина. Профессор не преминул и здесь, как и в предыдущих трудах, сослаться на Маркса (Капитал, I) о том, что в капиталистическом обществе, в отличие от феодального, в целях индустриализации сбережение не позор, а благо. Но это ведь только для отвода глаз.

Мы остановились так подробно на этой последней главе потому, что она является экстрактом всей книжки, и все предыдущие пять глав пытаются доказать то, что не только индустриализация капиталистических стран, но первоначальное капиталистическое накопление произошло не за счет внутрипромышленного накопления, а за счет аккумуляции индивидуальных сбережений посредством кредитной системы.

Теперь мы перейдем от последней главы к первым.

Выступая рьяным сторонником индустриализации СССР, доказывая заинтересованность в ней всех слоев населения, в особенности и в первую очередь,— крестьянства („индустриализация... в наших условиях становится прежде всего проблемой крестьянской" (??), автор выдвигает три основных проблемы. Прежде всего для автора, по всей вероятности, еще не разрешен вопрос, о какой именно индустриализации у нас идет речь: о промышленной или сельскохозяйственной, т.-е., вернее, о том, должен ли СССР превратиться в действительно индустриальную страну с развитой тяжелой индустрией в первую очередь, или в фермерскую страну, индустриально зависимую от других стран. На это апологет индустриализации прямого ответа не дает, для него, понимаете ли, „постройка маслодельных заводов... представляет собою такую же индустриализацию народного хозяйства, как и развитие металлургии". Вообще-то говоря, „в этой плоскости могут, разумеется, быть различные споры"— и точка. Вторая проблема „о пределах возможной индустриализации" получает такое же „исчерпывающе толковое" разрешение, как и первая. Последняя и третья проблема — о путях привлечения капиталов для индустриализации, которой, в сущности, посвящена рецензируемая книжка, на наш взгляд, получила не менее „компетентное" разрешение, чем первые две проблемы. Да в сущности, и нельзя было разрешить вопрос „о путях", не выяснив своего отношения хотя бы к тому, о какой именно индустриализации речь идет: о промышленной или сельскохозяйственной,— ведь в зависимости от этого пути-то должны быть различны.

Приступая к разрешению этой последней проблемы, автор приводит анализ хода процессов индустриализации в капиталистических странах, посвящая особую статью довоенной России.

Сделав несколько реверансов Марксу, автор, по примеру ему подобных коллег, начинает вести настоящую атаку против Маркса. „Весь процесс воспроизводства капитала, весь процесс накопления капитала Маркс рассматривает под углом зрения „превращения прибавочной стоимости в капитал", в результате этого может создаться такое представление, что прибавочная стоимость, накапливаемая в промышленности, есть исключительный источник роста этой самой промышленности, представление, которое на самом деле было бы неправильным". Маркс, оказывается, придает слишком большую роль прибавочной стоимости, как источника капиталонакопления. Маркс в 60-х годах прошлого столетия не учел так называемых Hinterland'ов, т.-е. капиталонакопления крестьянства (в массе своей, конечно, трудового) и рабочего класса. Вот где смертный грех Маркса! Подобные „теории", с позволения сказать, рабочих капиталов профессор развивает и в своем двухтомном труде о деньгах и кредите, подперчивая и там их цитатами из Маркса и потоками против Маркса. Одно дело говорить о роли кредита, другое дело „доказывать" истинный источник капиталонакопления, положив в основу злополучную теорию сбережений. Опровержение Маркса Зомбартом „на сей раз" получилось не совсем удачным, так как Зомбарт, как и сам автор, вынужден признаться в своем труде „Современный капитализм" (т. III), что он отводит все же и в эпоху финансового капитализма первостепенную роль внутрипромышленному накоплению. Цифровые данные, приводимые автором в отношении развития Германии в XX веке (представьте себе!), не могут задеть ни с какой стороны теорию марксова капитала. Но это еще не все. Марксова теория „первоначального накопления" должна быть отвергнута. В конце первого тома „Капитала" Маркс указывает, что „в западной части Европы, на родине политической экономии, процесс первоначального накопления более или менее закончен".

одной стороны автор относит это „первоначальное накопление" к глубокому средневековью (XV—XVI вв.), которое (первоначальное накопление) по Марксу „более или менее" в 60-х годах XIX в. „в Западной части Европы" закончено; с другой же стороны, автор утверждает, что этот процесс еще не закончен, так как „вся индустриализация современных индустриальных стран произошла, собственно, после этого", т.-е. после 60-х годов XIX века. Не говоря уже о том, что здесь в одну кучу свалены периоды „первоначального накопления", промышленного капитализма и финансового капитализма, автор ломится в открытую дверь, пользуясь случаем заверить свое „почтение" Марксу. Что общего между

нашим профессором и Марксом „хотя бы“ в понимании капитала — ярко характеризует следующее положение Каценеленбаума: „Раньше всего промышленность нуждалась в целом ряде таких элементов капитала, которые прежде принадлежали сельскому хозяйству. Сюда относится прежде всего земля...“ (подчеркнуто нами. Ш. Т.) Вообще говоря, пора уже прекратить детскую игру в прятки. Обосновывать теорию капиталонакопления кредита по Каценеленбауму и далее отсюда протягивать нить к путям индустриализации вне всякого различия к капиталистическим странам СССР,— конечно, не приходится.

Пытаясь доказать роль кредита в процессе индустриализации капиталистической России, автор отвергает общеизвестное положение о роли иностранных капиталов в развитии довоенной России. Автор, будучи последовательным, и здесь отводит в капиталонакоплении первое место сбережениям внутри страны. К длинным статистическим выкладкам он прибавляет то, ни на чем не основанное допущение, будто, начиная с 60—70-х годов прошлого столетия, в течение 40 лет в Россию не импортировалось капиталов, затем, что за этот период лишь одни прибыли и проценты за ввезенный однажды капитал составили величину в $8^1/_2$ — 9 мрд. руб. и что все, вместе взятое (ввезенные $1—1^1/_2$ мрд. руб. плюс $8^1/_2$—9 мрд. руб. прибыли) продолжало оставаться и расти вплоть до 1913 г. внутри страны. Но если $8^1/_2$—9 мрд. руб. образовались из прибылей и процентов, то это тем более в корне опровергает теорию сбережений и теорию „Капитала“ проф. Каценеленбаума. Какая, в действительности, нужна была чудовищная норма эксплоатации для увеличения капитала в 10 раз! Мы не пытались опровергнуть цифры профессора — такой задачи мы себе не ставили, но приняв даже все эти выкладки на веру, мы должны констатировать, что автор очутился в положении, аналогичном истории с унтер-офицерской вдовой.

Резюмируем. Мы отнюдь не отрицаем большой роли кредита в индустриализации капиталистических стран. Мы далеко не отрицаем его огромной роли у нас. Но иеремиада профессора Каценеленбаума имеет совершенно иной смысл и, как мы выяснили, абсолютно иное значение. Добираться до „теории“ снижения цен в СССР путем, „подчистки“ и „корректирования“ Маркса — задача, выражаясь мягко, в теоретическом отношении весьма рискованная.

Ш. Я. Турецкий

Материалы к пятилетнему перспективному плану местной промышленности РСФСР на 1926/27 — 1931/32 гг. Гостехиздат, М. 1928 г. Стр. 355. Цена 10 руб.

Рецензируемая книга ставит проблему планирования в отношении одной из частей нашей государственной промышленности, именно местной промышленности.

Между тем, понятие местная промышленность является, в сущности, понятием административным, но не экономическим.

Это обстоятельство вводит дополнительные трудности при наметке перспектив, в особенности в части нового строительства, так как во многих случаях — помимо всего прочего — неизвестно, будет ли намеченный к постройке завод подчинен ВСНХ республики или ГСНХ.

Сознавая эту условность подразделения новых предприятий на предприятия республиканского и местного значении, редакторы „Материалов“ поместили и некоторые сведения по республиканской промышленности, в том числе перечень намечаемых к постройке предприятий республиканского значения.

Но этим задача решается лишь частично, — остается неразрешенным вопрос о разграничении работы местной промышленности ВСНХ (в ее обычном понимании, т.-е. находящейся в ведении областных, губернских и окружных органов) и предприятий уездных, районных и волостных исполкомов, различных видов кооперации, наконец, частной промышленности. Вопрос этот, к сожалению, остается недостаточно освещенным.

В вводной статье тов. Лобова указывается, что сообщаемые в сборнике планы местных советов народного хозяйства даже после коррективов, внесенных в них ВСНХ РСФСР, являются „грубо ориентировочной наметкой важнейших показателей, методологически и практически несовершенной, поскольку промышленность не овладела задачей конкретного построения самих мероприятий по рационализации производства, по максимальной экономии затрат и по технически высокой постановке как проектирования строительства с наибольшей эффективностью, так и его осуществления“ (стр. 6).

Планы местных СНХ исходят из весьма больших затрат на строительство — в большей части за счет государственного и местного бюджетов (местные планы, как отвечает тов. Лобов, не ставили перед собой ограничений общегосударственного порядка — ресурсы госбюджета и т. п.). Затраты эти не всегда увязаны с перспективами снижения себестоимости продукции. Как и в ряде других планов, мало внимания отдано вопросам техники производства (а ведь в местной промышленности мы встречаемся нередко с самыми архаическими методами производства и самым несовершенным оборудованием). Не всегда достаточно тщательно проработан вопрос об оптимальном размере предприятий (почему, например, картофелетерочные заводы в Рязанской губ. намечаются два в 100 тыс. руб. и один в 140 тыс. руб., а в соседней Тамбовской — в 150 тыс. руб.? [1] А ведь не меньшие недоумения возникают и по ряду крупных об'ектов).

Не обращено достаточного внимания и на сроки строительства. Так, например, горчично-маслобойный завод в Сталинграде намечается со сроком строительства в 4 года, кожевенный завод в том же Сталинграде — даже 5 лет. Коренювский сахарный завод на Северном Кавказе — пуск на четвертый год (тогда как Ночинский — с такой же, примерно, стоимостью строительства — на следующий после начала постройки год) и т. д.

Недостаточная проработанность исходных материалов чрезвычайно затрудняет анализ составленных различными авторами сводок по основным проблемам развития местной промышленности — развертывание производства, труд, сырье, топливо, капитальное строительство, финансы.

Наибольший интерес в рецензируемом сборнике представляют проблемы специализации районов и развития промышленности в неиндустриальных областях, особенно в отсталых национальных областях и республиках и на окраинах.

Наибольшее значение в местной промышленности РСФСР (29% валовой продукции) имеет текстильная промышленность и, в первую очередь, хлопчатобумажная.

Распределение капитального строительства по хлопчатобумажной промышленности производится с исключительным преобладанием „старых“ районов: из 207 млн. руб. на ЦПО приходится около 190 млн. руб.

[1] Тут возникает и другой вопрос — уже по линии увязки с планами кооперативного строительства. Почему картофелетерочные заводы с производительностью 100 тонн должны строиться губовнархозами, а не с.-х. кооперацией?

„Желание ряда губерний, особенно по Волге, насадить у себя хлопчатобумажную промышленность встретило сдержанное отношение и в сводку включена для опыта лишь одна прядильня в Сталинграде, в целом же развитие производства совершается в старых основных центрах“ (стр. 19, курсив наш. А. Б.).

Общая сумма капитального строительства металлической промышленности такая же, как в текстильной промышленности. И здесь доля ЦПО особенно выделяется (в частности, на Московскую губ. приходится около половины всего строительства). Однако, это об'ясняется развитием высококвалифицированных видов металлообработки, — специального машиностроения (в том числе текстильного и полиграфического), автомобильного и велосипедного производства, производства инструментария и т. п.

Некоторые сомнения возбуждает намечаемое Нижегородским ГСНХ оборудование специальных цехов для текстильного машиностроения на одном из имеющихся заводов (сомнении и по линии экономичности использования существующих заводов и по линии выбора места строительства).

Серьезным дефектом районных и губернских планов развития местной металлической промышленности является недостаточное внимание к обслуживанию потребностей сельского хозяйства. Как правильно отмечает в одной из статей сборника тов. Ивенецкий, „для большинства губерний проблема обслуживания металлопромышленностью местных нужд, а в первую очередь сельского хозяйства, не разрешена“ (стр. 18).

По химической промышленности не обоснована постройка содового завода в Дагестане.

Не понятно, почему при наличии залежей фосфоритов в Калужской губ. статья о перспективах по Центрально-Промышленному району не касается вопроса об их добыче и размоле (в то время, как указывается расход в 168 тыс. руб. на две фосфоритные мельницы в Рязанской губ.).

Имея в виду намечаемое интенсивное развертывание бумажного производства в Северо-Западной (Ленинградской) области (в широком смысле, т.-е. включая Карельскую ССР), мы считаем необходимым рассмотреть вопрос о географическом размещении бумажной промышленности РСФСР с полным учетом производственных возможностей Северо-Восточной области, планы которой ни по республиканской, ни по местной промышленности пока не предусматривают нового строительства по бумажной промышленности.

Сторонники развития бумажной промышленности в Северо-Восточной области указывают на большую целесообразность экспортного использования лесов Северо-Западной области (экспорт плюс снабжение древесиной Ленинграда).

Большие сомнения возбуждает темп увеличения бумажной промышленности Центрально-Промышленного района. Валовая продукция (в неизменных ценах) в 1931/32 г. должна составить 492% от продукции 1926/27 г., тогда как в среднем по местной промышленности всей РСФСР бумажная промышленность дает 307%.[1]

Как же намечает сводка местных планов размещение промышленности к 1931/32 г.?

[1] Этот коэфициент роста местной бумажной промышленности мало реален; но нас в данном случае интересует не общее развертывание производства, а его территориальное распределение и темпы, намечаемые для отдельных районов.

Приведем такую таблицу:

	Удельный вес валовой продукции местной промышленности в ценах 1926/27 г.[2] (в %%).	
	1926/27 г.	1931/32 г.
Ленинградская область	11,0	12,0
Центрально-Промышленная область	55,1	53,7
Урал	4,6	3,9
Центр.-Черноз. Средне-Волжская и Нижне-Волжская области	10,0	9,8
Северный Кавказ	8,6	7,8
Прочие области Европейск. части РСФСР	6,1	6,7
Азиатская часть РСФСР	4,6	6,1
Всего	100	100

Вполне естественно, что при быстром темпе возрастания неиндустриальные районы и через 5 лет будут давать небольшую относительно долю всей промышленной продукции.

Если учесть к тому же, что на новые районы приходится значительная часть строительства новых предприятий республиканского и союзного значения, то становится весьма затруднительным говорить о достаточности или недостаточности намеченного перемещения промышленности. Но рассмотрение предлагаемых планов приводит к выводу о необходимости дополнительной проработки вопросов, связанных с выявлением промышленного „лица“ района. Перед местными работниками остается исключительной важности задача такой перестройки планов, при которой особенности каждого из районов были бы выявлены более четко.

К техническим недостаткам издания следует отнести не всегда достаточную четкость заголовков (например, в большинстве таблиц не указано — идет ли речь о рублях или тысячах рублей: в действительности это тысячи рублей; в табл. 124, стр. 346 — по ряду заводов не указано, к какой отрасли пищевкусовой промышленности они относятся, и т. д.), наблюдающееся иногда несовпадение данных в различных таблицах (напр., по таблице 114 все затраты по Прохладненскому маслозаводу на Сев. Кавказе приходятся на пятилетие, оканчивающееся 1931/32 г., а по таблице 124 строительство оканчивается в 1932/33 г., срок постройки спичечной фабрики в Калуге по одной таблице 1927/28—1928/29 гг., а по другой — 1930 и 1931 гг.), наконец, арифметические погрешности таблиц.

Не удалось избежать в книге и опечаток, иногда извращающих смысл (напр. „медеплавильный завод“ в Курской губ., тогда как речь идет о мелоплавильном заводе — стр. 329; макаронная фабрика в Раненбурге вместо махорочная — стр. 346). Цена сборника исключительно высокая.

Алекс. Брауде

И. Гершман. Экономика животноводства. Опыты экономического исследования, 2-е издание, переработанное и значительно дополненное. Москва, Книгосоюз. 1928 г.

Наука, изучающая экономические процессы в сельскохозяйственном производстве, — сельскохозяйственная экономика в ряде других экономических дисциплин, является позднейшей и в ней ряд существенных для нас проблем недостаточно разработан. К такого рода проблемам вопросы

[2] Проценты исчислены нами, так как и в тексте на стр. 13 и в приложении, в табл. 5, доли отдельных районов указаны неточно. Неужели проценты такая сложная „наука“?

экономики животноводства должны быть отнесены в первую очередь. И так как животноводство в наших условияхи именно в настоящий момент приобретает злободневный интерес, то и появление всякой работы по экономике животноводства должно приобретать особенный интерес.

Книга тов. Гершмана рассматривает экономику животноводства с двух сторон — со стороны зоотехнической и экономической, при чем первой уделено столько места и внимания, сколько необходимо для обоснования экономических выводов. Вопросам же теоретической установки в экономике животноводства, к великому сожалению, автором не уделено должного внимания почти совершенно. И в самом деле, чем можно, например, об'яснить такое явление, что вопросу о „падении производительности последовательных затрат", являющихся для буржуазных экономистов законом, правда, в последнее время подвергающимся некоторой ревизии, автором уделено только 12 строк. А между тем, злободневность этого вопроса не только теоретическая, она имеет и глубокий практический смысл. Затем в этом сжатом параграфе (стр. 16) говорится так: „Когда реорганизация полеводческого хозяйства дает возможность получить больше корма для скота, то животноводу, во избежание падения производительности, необходимо как можно скорее сменить свое стадо на более улучшенное". Формулировка совершенно неопределенная. Если бы животноводу при реорганизации полеводческого хозяйства удалось получить больше корма на единицу труда и материальных средств, то разве этим от скармливания корма тому же по производительности стаду не увеличилась бы оплата произведенных им затрат. Другое дело, если добывание корма на единицу его производства увеличивает затраты труда и материальных средств, тогда, естественно, нужно как можно скорее сменить свое стадо или даже изменить направление его (например, в овцеводстве от чистошерстного к мясошерстному и т. д.).

Правильно взятая и выдержанно проводимая тов. И. Гершманом установка на зависимость прогресса животноводства от развития рыночных условий и размеров товарности подтверждена в достаточной степени иллюстрационным материалом и является большим достоинством книги.

Для нас сейчас, в виду форсирования роста группы молочного скота не только в старых районах молочного скотоводства, но и в районах новых (как, напр., Северный Кавказ, Украина и др.), было бы крайне необходимо более детально изучить послевоенную кон'юнктуру по продуктам молочного хозяйства и, в частности, по маслу и роль стран, конкурирующих с нами.

В желательной степени этот вопрос, очевидно по недостатку материала, тов. Гершман не осветил. Затем в экономике животноводства нужно было бы затронуть вопросы производственного кооперирования животноводства. К существенным недостаткам, с моей точки зрения, относятся чрезвычайная ограниченность места, которая уделена в книге СССР — главное место занимает С.-А. С.Ш. А ведь не для всех районов СССР практика С.-А. С.Ш. может и должна являться примером. Многое положительное в условиях американского хозяйства—при иных социальных и рыночных условиях у нас — может той же эффективности и не дать, или даже привести к противоположным результатам.

В заключение необходимо указать, что несмотря на ряд других упущений книга тов. И. Гершмана, несомнено, заслуживает весьма серьезного внимания и в некоторой части заполняет тот пробел, который в сельскохозяйственной экономической литературе имеется. Книга И. Гершмана представляет большой интерес не только для практического работника, но является безусловно необходимым и весьма полезным пособием для учащихся сельскохозяйственных учебных заведений, которым труд И. Гершмана поможет разобраться в том сложном комплексе экономических взаимозависимых условий, над изучением которых они работают в школе, а окончив ее должны будут руководить сельскохозяйственным производством в государстве.

Н. Т.

Проблемы долгосрочного кредитования промышленности. Сборник статей под редакцией проф. А. А. Соколова. Финансовое издательство, 1928 г., стр. 158.

Общие проблемы долгосрочного кредита и специальные вопросы долгосрочного кредитования промышленности недостаточно разработаны в нашей экономической литературе. Из всех областей кредитной работы долгосрочный кредит в промышленности привлекал наименьшее внимание общей и специальной печати. В известной мере об'яснялось это тем обстоятельством, что только в последние годы долгосрочное кредитование промышленности приобрело серьезное практическое значение в народном хозяйстве Союза, сделавшись одной из центральных задач нашей экономической политики.

Ограниченность литературных материалов придает особый интерес всякой новой попытке внести ясность в спорные вопросы долгосрочного кредита. Изданный Финансовым издательством сборник представляет ряд статей, исследующих отдельные моменты долгосрочного кредитования промышленности. Помещенные в сборнике статьи по программе своей могли бы быть сведены в три группы. Статьи проф. З. С. Каценеленбаума и проф. А. А. Соколова (глава I „Проблема долгосрочного кредитования промышленности" и глава VIII „Проблема организации долгосрочного кредита") исследуют общее содержание проблемы. Статьи Н. А. Грузмана, Ф. Д. Лившица и А. А. Дезена (глава II „Методы, источники и формы долгосрочного кредитования промышленности", глава III „Организация долгосрочного кредитования промышленности в СССР", глава IV „Ресурсы долгосрочного кредитования промышленности" и глава VII „Деятельность банков долгосрочного кредита и перспективы долгосрочного кредита в СССР") посвящены более конкретному анализу условий и задач нашей работы в области долгосрочного кредитования промышленности. Третья группа включает статьи Л. С. Эльясона и С. Т. Кистенева, исследующие специальные моменты проблемы (глава VI „О способах обеспечения долгосрочных промышленных кредитов" и глава V „Облигационный промышленный кредит").

Основным недостатком рецензируемого сборника является чрезвычайная повторяемость исследуемых тем и помещенного материала. Построение и программа сборника не всегда даже соответствуют содержанию отдельных статей. При этом повторяемость материала сопровождается также тем недостатком, что почти все статьи проникнуты аналогичными принципиальными устремлениями. В то же время оригинальные взгляды, встречающиеся в некоторых статьях, не получили должной разработки.

Весь сборник посвящен, главным образом, двум темам: 1) использованию бюджета, как организатора долгосрочного кредита и 2) необходимости учреждения специального банка для долгосрочного кредитования промышленности. В условиях нашей экономики бюджет является, конечно, основой перераспределения национального накопления и обращения основной массы национального дохода на дело индустриализации страны. Однако, никоим образом нельзя отказаться от тех возможностей, которые могут быть использованы для этих целей в области внутрипромыш-

ленного накопления и рынка частно-капиталистических сбережений. С этой точки зрения заслуживают особого внимания замечания, имеющиеся по этим вопросам в статьях З. С. Каценеленбаума, С. Т. Кистенева, Н. А. Грузмана, А. А. Дезена (ср. стр. 18, 39, 87, 95, 111). Отсутствие статей, выражающих различные взгляды по поставленным в сборнике вопросам, понижает ценность рецензируемой книжки, тем более, что сборник должен был, судя по предисловию редакции, представить результаты особой комиссии, специально работавшей над вопросами долгосрочного промышленного кредита.

Исследование проблем долгосрочного кредитования промышленности должно было бы дать общую характеристику вопроса и затем в ряде статей конкретный обстоятельный анализ источников долгосрочного промышленного кредита (уделив каждому из них должное внимание). Взамен этого почти во всех статьях представлено краткое описание (подчас едва ли не перечень) всех ресурсов (без надлежащего анализа каждого из них); равным образом, все статьи останавливаются на организационном вопросе, не уделяя при этом достаточного внимания критической оценке различных проектов.

Принципиальный смысл сборника умаляется в виду этого еще и по той причине, что книга выпущена с большим запозданием, потеряв, в известной мере, свой практический интерес, так как многие из поставленных вопросов получили уже свое разрешение. Следует отметить, что в ряде статей исследование обрывается 1926 годом. Недостатком является, кроме того, отсутствие общего исторического очерка. Вместо того чтобы, ограничить историческое описание развития нашего долгосрочного кредита в одной главе, сосредоточив в ней все соответствующие данные, почти во всех статьях встречаются разбросанные указания, не дающие цельного представления о вопросе. Нельзя также не отметить недостаточность анализа проблемы основного капитала промышленности (ср. стр. 21—24, 70—71).

Крупнейшим и совершенно непростительным недостатком сборника является отсутствие связи всего исследования с общей нашей установкой на индустриализацию страны.

А. М. Гольденберг

Пути индустриализации. Двухнедельный экономический журнал. Огран президиума ВСНХ СССР. 1928 г. Изд. „Известий ЦИК", №№ 1—6.

Новый журнал „Пути индустриализации" ставит своей целью быть „боевым центром, идейно организующим и об'единяющим основные кадры работников в области промышленного строительства".

Содержание вышедших первых шести номеров журнала довольно разнообразно, охвачен большой круг вопросов, связанных с проблемой индустриализации.

Статьи, посвященные общим вопросам о характере и путях индустриализации, выдержаны в духе решений партии, выраженных резолюциями XIV и XV с'ездов.

Борясь за линию партии, журнал с первых же шагов дает отпор наскокам буржуазной идеологии, вскрывая подлинный смысл выступлений буржуазных экономистов по поводу вариантов пятилетнего плана, разработанного Госпланом и ВСНХ.

Таким отпором буржуазной идеологии, просачивающейся даже „в официальных органах наших ведомств", является помещенная в № 1 статья И. Краваля „Пути индустриализации". Тов. Краваль разбирает выступления проф. Каценеленбаума, А. Вайнштейна и А. Дезена. Сверх-

индустриализаторские намерения проф. Каценеленбаума основаны на предложении перераспределения национального дохода путем снижения накопления государственного сектора хозяйства и усиления аккумуляции через кредитную систему накоплений в частном секторе. Это означает не что иное, как передачу громадного накопления в частный сектор хозяйства, стимулирование развития частного капитала.

Ретивые буржуазные критики выступают и против ряда завоеваний рабочего класса тоже... во имя индустриализации. А. Дезен скорбит о том, что подрывает стремление населения к индивидуальным сбережениям государственное социальное обеспечение.

А. Вайнштейн считает неприемлемым принцип социализации воспроизводства рабочей силы, как задерживающей развитие производительных сил. Вайнштейн, однако, хитрее Дезена, поэтому он прикрывает свой протест против расходов на медицинские, социальные нужды предложением увеличить индивидуальную заработную плату.

Дезен и Вайнштейн выступают и против „нереальных" темпов индустриализации, запроектированных в пятилетках Госплана и ВСНХ, потому что они, мол, выше темпов развития капиталистических стран, против больших капитальных вложений, так как не обеспечены условия для необходимого накопления, благодаря нивелировке доходов в СССР.

Перераспределение накоплений в пользу частного сектора, развязывание возможностей накопления в частном секторе, понижение уровня благосостояния рабочего класса и бедняцких и середняцких слоев деревни,— такова программа, которую нам пытаются навязать буржуазные экономисты.

Прав тов. Краваль, квалифицируя такие предложения, как попытку „повернуть нашу политику с классового пролетарского пути индустриализации на пути капиталистического развития". „Других путей, кроме путей, вытекающих из капиталистической практики царской России и окружающих нас капиталистических стран, не видят и видеть не могут" эти критики.

Партийный курс на индустриализацию подвергся обстрелу не только со стороны буржуазных экономистов.

В связи с кон'юнктурными затруднениями первого полугодия текущего хозяйственного года стали усиливаться голоса о зажиме легкой индустрии, о слишком большом ударении на тяжелой индустрии. Ряд экономистов предложил пересмотреть пропорции и темпы развития тяжелой и легкой индустрии в пользу последней. Считая, что здесь речь идет о „некоторой ревизии тех постановлений партии, которые были до сих пор у нас в части наибольшего форсирования производства средств производства", журнал живо реагировал на эти опасные кон'юнктурные настроения. Тов. Куйбышев в статье „Основные задачи промышленности" (№ 1) дал ряд солидных аргументов о том, что „генеральная линия, которая нашей партией установлена на тяжелую индустрию... является не только принципиально правильной, но... со всей категоричностью диктуется сегодняшней хозяйственной обстановкой".

Во втором номере мы находим по этому же вопросу интересную статью тов. Розенталя „Товарный голод и индустриализация", защищающую тяжелую индустрию от обстрела кон'юнктурщиков. „Социалистическая реконструкция нашего хозяйства заключается прежде всего и в первую очередь в повышении материально-технического уровня нашего народного хозяйства, в развитии отраслей производящих средства производства — в индустриализации нашего народного хозяйства". [1]

[1] Разрядка наша. А. П.

Вопрос о кон'юнктурных настроениях разбирается также в статье тов. Хавина „К вопросу о балансе между городом и деревней“ (№ 2) и „Заметках о кон'юнктуре первого квартала“ Н. Вагранского.

В последующих номерах журнала по вопросу о развитии легкой и тяжелой индустрии развертывается оживленная дискуссия между тов. Гуревичем и Сабсовичем, с одной стороны, и тов. Розенталем, с другой, законченная только в последнем рецензируемом номере.

Кон'юнктурные настроения особенно ярко выявились в статье тов. Гуревича „Наши хозяйственные затруднения и дальнейшее направление политики“ (№ 4). Дав описание наших хозяйственных затруднений, тов. Гуревич приходит к выводу, что решающее влияние на ход хлебозаготовок оказала переброска товаров в деревню и на этом основании высказывается за „более благоприятное развитие легкой индустрии“.

В пылу защиты легкой индустрии тов. Гуревич требует мероприятий „по изысканию капиталов и кредитов за границей, при помощи которых можно было бы усилить промышленность и импорт“ (?) и т. д.

С другого конца — со стороны пятилетнего плана — подходит к защите легкой индустрии тов. Сабсович в статьях „Проблемы развития тяжелой и легкой индустрии“ (№ 4), „Проблема внутрипромышленного накопления в перспективных планах промышленности“ (№№ 5, 6).

Во второй статье тов. Сабсович снова возвращается к проблеме внутрипромышленного накопления, снова доказывая, что главным источником развития является легкая индустрия.

Ход рассуждений тов. Сабсовича интересен и оригинален, некоторые мысли новы и заслуживают внимания (напр., проблема бесприбыльности оборота в государственном хозяйстве и т. д.) но в целом его концепция не верна, так как он, в конечном счете, превращает легкую индустрию чуть ли не в единственный источник социалистического накопления. Две ответные статьи тов. Розенталя №№ 4 и 6 дают верный в общем ответ тов. Гуревичу и Сабсовичу, проводя правильную мысль, что „ставить легкую индустрию в положение“, определяющее рост тяжелой индустрии, значит проявлять своеобразный хвостизм в понимании роли и задач тяжелой индустрии“ (№ 4).

Несравненно более слабое отражение на страницах журнала получили вопросы оперативного и перспективного планирования промышленности.

Промфинплан на 1927/28 г. не подвергся достаточному обсуждению. Из статей, посвященных промфинплану, отметим интересную статью А. Локшина „Элементы затрат на производство по общесоюзной промышленности на 1927/28 г.“ (№ 4), посвященную сводной смете производства госпромышленности, впервые вошедшей в промфинплан. Автор оценивает это как первый опыт планирования рационализации. Останавливают на себе внимание и статья тов. Штерна „Финансовые проблемы в сводном плане промышленности“ (№ 5) и особенно статья тов. Хавина „Уроки планирования“, на основе опыта промфинпланов двух лет намечающая те коррективы, которые в промфинпланы надо внести в дальнейшем. Остальные статьи сухи и напоминают ведомственные отчеты.

Не лучше положение с освещением вопросов перспективного плана промышленности. Кроме отмеченных выше статей Сабсовича и Розенталя, перспективному плану уделена лишь передовая общего характера в № 6.

Несколько статей посвящены вопросам рационализации. Останавливает на себе внимание из них статья тов. Шахназарова: „Техническое нормирование труда и рационализация производства“. (№ 5) Она содержит ряд предложений по улучшению работы по нормированию труда,

предложений существенных, но некоторые из них неверны. Так, автор высказывается за применимость в наших условиях американских систем заработной платы. „В наших условиях,—говорит он,—применительны и повременная и сдельная оплата и урочно-премиальная (Роуэна)“. Известно, что система Роуэна, как и другие американские системы премиальной оплаты труда, здорового и нормального роста производительности не обеспечивают и являются чисто капиталистической системой заработной платы, рассчитанной только на повышение интенсивности труда. Система построена так, что премия выдается только за повышенное напряжение трудовых усилий, без обязательности одновременного улучшения организации других элементов производства. Эта система оголтелой капиталистической эксплоатации никак не вяжется с задачами социалистической рационализации производства, которая должна обеспечить улучшение условий труда, сохранения сил рабочего и всестороннего его развития.

Заслуживает внимания статья тов. Друлина (№ 2), посвященная критериям рационализации.

Вопросам улучшения управления промышленности посвящена содержательная статья т.т. Лакина и Бренера об „Организации управления промышленностью“ (№ 1). „Проблема себестоимости и качества продукции,— пишут авторы,— зависит от организационного строительства промышленности в такой мере, как и от технической стороны производства“. Поэтому со всей остротой требуется правильное разрешение вопросов организационного строительства промышленности. Авторы касаются только одного из них,—о целевой установке в работе главных управлений ВСНХ. Комментируя резолюции I пленума ВСНХ СССР по затронутому вопросу, авторы выдвигают такое положение: „При системе доверия нижестоящим звеньям новое руководство главка должно иметь главным об'ектом своего внимания не трест (хотя и остающийся основной промышленной единицей), а отдельные основные промышленные проблемы“. [1]

Вопросы мелкой, кустарно-ремесленной промышленности освещены в статьях Кроненберга „К вопросу о путях развития кустарной промышленности“ (№ 6) и И. Т. Кипермана „Первый опыт“ (№ 4).

Останавливаясь на перспективах развития мелкой промышленности, тов. Кроненберг разбирает директивы III пленума ВСНХ РСФСР о дифференцированной политике к различным отраслям мелкой промышленности и о путях вовлечения последней в социалистический сектор хозяйства. К сожалению, статья имеет очень информационный характер. Поднят ряд весьма актуальных интересных вопросов, но только поднят, а не проработан.

Тов. Киперман освещает в своей статье первый опыт планирования кооперативной и кооперированной промышленности, нашедшей отражение в разработанном Госпланом РСФСР сводном промфинплане на 1927/28 год.

Из материалов об отдельных отраслях промышленности укажем на содержательную статью тов. Межлаука „Основные задачи металлопромышленности“ и заметку Юрисова „К итогам первого опыта введения 7-часового рабочего дня“ (№ 5).

Мы исчерпали в основном содержание рецензируемых номеров.

Журналом поднят ряд актуальных и интересных проблем, но целый ряд важнейших вопросов остался еще в тени или вовсе не затронут. Несомненно, допущено излишнее обилие кон'юнктурных материалов, до-

[1] Разрядка наша. А. П.

статочно освещенных газетами. В шести номерах 5 кон'юнктурных обзоров! Это слишком много.

Журнал хороший, но многие из его задач ждут еще своего „материального выражения".

Ал. Попов

Вопросы торговли. Под ред. А. И. Микояна, Ш. М. Дволайцкого и др. Ежемесячник, посвященный экономике, политике и технике внешней, внутренней и международной торговли. №№ 1—5 за 1928 г.

„Вопросы торговли" первым же своим номером заняли определенное место в периодической нашей литературе, и не только тем, что торговля до того не имела ежемесячника, но и тем,— а это главное,— что они представляли собою такой тип ежемесячника, в котором имеется настоятельная потребность. Характеризуя задачи журнала, тов. Микоян об'ясняет его появление необходимостью „кропотливого изучения и теоретического осмысливания всех изменений нашей экономики, в том числе в сфере обмена". В соответствии с этим он считает задачей „Вопросов торговли" „изучение всех проблем в сфере обмена, изучение опыта организации нового аппарата и способа распределения и теоретическое обобщение этого опыта".

Буржуазное общество реализует в торговле те общественные отношения, которые создаются вне ее. Капиталистическая торговля не имеет своих собственных задач в общем укладе капиталистического народного хозяйства. Она идет предопределенными путями и выполняет предопределенные функции. Для нее важны поэтому только вопросы тактики и торговой техники, которыми наполняются все литературные экскурсии в области торговли.

Иная роль выпадает на торговлю в переходное время. Она — правомерный сотрудник в деле строительства нового хозяйства, а главное — борьбы за социализм. Тут даже с прекрасной ориентировкой в тактике и технике далеко не уедешь. Более того, самую тактику и технику необходимо подчинить тому комплексу знания и осознания торговых процессов, которую дает особая научная дисциплина, именуемая экономикой торговли.

С этой точки зрения, вышедшие пять номеров журнала оправдывают его существование, как „ежемесячника, посвященного экономике, политике и технике внешней, внутренней и международной торговли". Не говоря о 2—3 номере журнала, наполненном статьями, характеризующими историю советской торговли за первое десятилетие Октябрьской революции (статьями интересными и содержательными, но, к сожалению, недостаточно одухотворенными осознанной идеей советской торговли), в вышедших книжках журнала мы имеем ряд статей, касающихся серьезных проблем торговли вообще и советской торговли в том числе.

Ш. Дволайцкий в статье „Торговый аппарат в капиталистических странах и в СССР", характеризуя дороговизну торговли в капиталистических странах и сопоставляя торговые расходы у нас и в Соед. Штатах, устанавливает „преимущества" советской торговли, вытекающие „из существа" советского строя народного хозяйства. „На основе этих преимуществ мы, несмотря на все пороки нашей торговой системы, уже добились колоссального сокращения непроизводительных издержек обращения и создали, правда, в самых общих контурах, прообраз социалистического аппарата распределения". Разумеется, эта оценка советской торговли, а советской торговли, как „прообраза социалистического аппарата распределения", является слишком категоричной, ибо социализм — это отрицание торговли, а советская торговля — все-таки торговля, специфичность же ее заключается в том, что в соответствии с задачами переходного времени она, совершенствуя товарообращение, сознательно идет к самоуничтожению. Но совершенно прав тов. Дволайцкий, указывая что только торговля переходного времени в силах активно бороться с „трагедией расточительности", раз'едающей „процветающий" капитализм.

Той же разнице в расходах торговли у нас и в капиталистических странах посвящена статья Ц. Крона, „Об издержках обращения". В своих выводах тов. Крон не расходится с тов. Дволайцким, зато он подробнее останавливается на характеристике советской торговли, отмечает (правда, вскользь) те требования, которые можно к ней пред'являть, и те пути, по которым следует итти к ее улучшению.

В связи с постановлениями XV с'езда ВКП(б) о „наших задачах в области товарооборота" пишет в своей статье Арт. Кактынь, необходимо наметить программу „рационализации и совершенствования торговой сети, ее максимального приспособления к нуждам широко обслуживаемых ею масс, придания ей необходимой гибкости и эластичности".

Особенно много места журнал уделяет вопросам нашей внешней торговли и торгового хозяйства в целом. М. Кауфман („Экспорт и народное хозяйство") об'ясняет причины сокращения нашего экспорта сравнительно с довоенным временем и намечает пути, по которым наша внешняя торговля пойдет в дальнейшем. С автором нельзя не согласиться, что „несмотря на все трудности, какие предстоят на пути сбыта советских товаров на мировом рынке, эти трудности не должны влиять на политику форсирования экспорта... Не правильно думать, что индустриализация поведет к сокращению внешних торговых связей.

Ряд статей затрагивает общие вопросы мировой торговли (Р. Андерс, „Мировая торговля машинами", Г. Гирштейн, „Послевоенные сдвиги в международной хлебной торговле", Е. Волков „Организационные проблемы современной мировой хлебной торговли", А. Любимов, „Современное положение мировой нефтепромышленности" и др.), либо разные вопросы хозяйственного положения отдельных стран (статья известного в литературе о торговле проф. Ю. Гирша, „Оборотный капитал Германии", Р. Андерса, „Репарация и внешняя торговля Германии" и т. д.).

Теория торговли, в строгом смысле слова, пока еще не получила отклика в журнале, если сюда не отнести трех статей чисто методологического характера — проф. А. Фишгендлера („К теории о методологии изучения издержек обращения"), И. Звавича („Методология платежного баланса") и проф. С. Фалькнера („К анализу основных понятий внешней торговли").

Кроме отдела „Статей" в журнале имеется разнообразный и интересный отдел „Очерков и обзоров". Впрочем, границы между обоими разделами журнала — „Статьями" и „Очерками и обзорами" — не всегда выдержаны. Например, статья Л. Залкинда „О положении рынка", имеющая все особенности обзора, помещена в отделе „Статей", а некоторые из упомянутых нами выше работ, вовсе не характерных для „обзоров", помещены в отделе „Очерков и обзоров".

Сказанное нами о новом журнале дает основание надеяться, что он оправдает взятую им на себя трудную задачу. Проблемы торговли требуют не только „экстенсивного", но еще более — „интенсивного" внимания. Журнал должен стать на такую высоту, чтобы оправдать существование ежемесячника по торговле рядом с еженедельником („Советская торговля"). Между тем, большинство статей, напечатанных в вышедших номерах „Вопросов торговли", имеет характер наспех сколоченных набросков,— даже те из них, которые касаются крупных проблем това-

рооборота. Сразу вполне наладить столь трудное дело нелегко, конечно. Но „Вопросы торговли“ могут вполне себя оправдать, если они сделаются органом серьезной научной разработки проблем торговой экономики и политики.

С. Зак

Техническая энциклопедия. Изд. акц. общ. „Советская Энциклопедия“. Том I. А — Аэродинамика, 1927 г., 852 стр., том II. Аэродинамика — Бумажное производство, 1928 г., 870 стр. Тираж каждого тома — 21.000. Цена каждого тома — 9 рублей.

Вся „Техническая энциклопедия“ составит 15 томов. Надо всячески приветствовать начало этого грандиозного и капитального коллективного труда. Потребность в подобном издании на русском языке существовала, несомненно, уже в довоенное время. Индустриализация нашей страны, рост производства, огромные размеры капитального строительства, введение совершенно новых производств, быстрый прогресс техники,— все это делает издание технической энциклопедии настоятельно необходимым и ответственнейшим делом. Надо учитывать, что издание технической энциклопедии является относительно значительно более трудным делом, чем издание общей энциклопедии, где подавляющее большинство имен королей, героев, ученых и общественных деятелей, исторических и географических дат и пр., большинство терминов, нарицательных имен и просто слов могут без особых или без всяких изменений переписываться со старых энциклопедий — русских или иностранных. Совсем другое дело — техническая энциклопедия, так как вместе с конструкциями чуть ли не на наших глазах непрерывно родятся новые теории и новые науки: только на букву „А“ самые крупные очерки и статьи — продукт современности: „Авиация“, „Аэроплан“, „Автомобиль“, „Автоматическая телефонная станция“ и многое другое; на „Б“—„Беспроволочная связь“ и пр. Но, строго говоря, почти каждое слово в технической энциклопедии переживает быструю эволюцию своего содержания.

Среди участников советского издания „Технической энциклопедии“ мы находим имена многих виднейших работников науки и техники. При этих условиях и при ответственности задуманного дела каждый том, понятно, дает много нужного и ценного материала.

Важно все-таки оценить, насколько выполнены те общие требования, какие можно пред'явить к такому изданию, а именно: 1) полнота, компактность и, так сказать, насыщенность изложения; 2) высокая тщательность в отборе материала, в формулировках, а тем более — в формулах; 3) ясность и четкость мысли и изложения; 4) возможная простота изложения, без ущерба для строгой научности, и последовательность его.

Если оценивать первые два тома энциклопедии с этой стороны, можно отметить значительную качественную пестроту текста. На ряду со статьями, написанными довольно простым и легким языком (напр., большой очерк об „авиационных двигателях“, „автогенная сварка“, „атомная теория“) встречаются статьи сухие и тяжелые по изложению, что, может-быть, об'ясняется экономией места и слов, но идет в ущерб усвояемости материала; таковы, напр., „абсолютная система мер“, „балки“ и др., где, нам кажется, возможны были бы, без ущерба для научной точности, более легкий язык и более популярное изложение.

Затем, даже при сравнительно беглом просмотре, доступном рецензенту в этом обильном и разнообразнейшем материале, бросаются в глаза местами дефекты, внушающие опасения, что при углублении в текст число их может соответственно и возрастать. Встречаются, например,

небрежности в формулировках, ведущие к затемнению, а не раз'яснению технического принципа или процесса, или конструкции. Приведем пример: определение „авиации“, как летания на аппаратах, которые тяжелее воздуха, дано так: „чтобы аппарат тяжелее воздуха мог в нем держаться, необходимо... прогонять воздух в известном направлении, отчего будет возникать некоторая сила реакции, направления, противоположного направлению движения воздушного потока“. В каком направлении или приборе надо „прогонять воздух“, где будет „возникать сила реакции“— не ясно; на практике обычно (в аэропланах) „прогоняется“ не воздух, а самый аппарат, а направление реакции далеко не точно назвать „противоположным потоку“. Мысль же составителя здесь такова, что движение воздуха по отношению к летательному аппарату — или, обратно, аппарата по отношению к воздуху — может дать силу, уравновешивающую тяжесть аппарата в воздухе. Другой пример небрежности в формулировке — в определении „боксования“, как такого состояния, когда „скорость, с которой вращаются движущие колеса, больше или меньше поступательной скорости локомотива“; но скорость вращения (угловую) нельзя сравнивать с линейной поступательной скоростью: здесь составитель в действительности имеет в виду не скорость вращения, а скорость на поверхности бандажа, взятую по отношению к оси колеса, принятой за неподвижную (т.-е. скорость вращения, умноженную на радиус бандажа).

А вот небрежность иного рода. Начав читать большую и очень ответственную теоретическую статью „Аэродинамика“, мы почти в самом начале столкнулись с двумя совершенно недопустимыми опечатками, притом не оговоренными в „опечатках“: так, в формуле политропы показатель степени попал в множители, а вывод из этой формулы изложен так: „Изменение плотности в зависимости от давления пропорционально квадрату скорости звука в данной среде. Вследствие того, что скорость звука в воздухе только в четыре раза меньше, чем в воде (надо догадаться, что это — величина большая, раз не указано, в каких мерах предполагается измерение. А. С.), во многих вопросах или задачах аэродинамики можно принимать воздух несжимаемым“. Здесь от читателя требуется некоторое самостоятельное размышление, которое должно привести его к тому, что из данных предпосылок следует именно прямо противоположный вывод, и тогда лишь он сообразит, что в тексте имеется опечатка: надо или переставить слова „плотности“ и „давления“ друг вместо друга, или вместо „пропорционально“ читать „обратно пропорционально“.

Укажем также, что в этой статье „Аэродинамика“ мы не нашли ни ссылки на так называемый „эффект Магнуса“, открытый этим ученым в середине XIX века, ни самой теории этого „эффекта“, разработанной Л. Прандлем (в Германии) в 1904 году. На принципе Магнуса основано сконструированное несколько лет тому назад инженером А. Флеттнером судно с вращающимися цилиндрическими парусами, позволяющее с огромной выгодой использовать силу ветра для движения, так что теория этого вопроса имеет большое практическое значение.

Экономика, столь тесно спаянная с техникой в хозяйственной деятельности, проникла в „Техническую энциклопедию“ уже на букве „А“, именно словом „Амортизация“. Но изложение этой темы мы считаем неудачным; и самое определение этого понятия („амортизация — погашение медленно и постепенно происходящего снашивания основного капитала в течение всего времени его существования путем образования специальных капиталов“), и все последующие пояснения условий и техники этого процесса даны без какой-либо связи с научно-обоснованным (марксистским) представлением об амортизации, как о ценностном или производственном

процессе, и потому носят чисто-бухгалтерский или коммерческий характер.

Материал не систематизирован, и потому в тексте перемешаны различные вопросы из области экономики, техники и юридической природы „амортизации". Нет попытки дать какую-либо теорию этого процесса, если не считать примерных графиков, лишенных какого-либо теоретического или практического интереса, и такого общего места, что „между нормами амортизации и сроком службы нет прямой (опять небрежность формулировки — составитель хочет сказать: „обратной". А. С.) пропорциональности". (Между тем амортизация может быть выражена и математически, как первая производная от ценности имущества, взятая с обратным знаком, если изменение ценности выражено, как функция времени или продукции [1]). Указания на возможность процентирования амортизационного фонда противоречат, на наш взгляд, марксистским представлениям о природе этого процесса, так что такая практика не может быть оправдана; автор считает это допустимым, если процентировать и самый основной капитал (как-будто он не процентируется самым фактом получения прибыли предприятием?), „что повысит нормы амортизации". (Почему? Почему искусственное повышение оценки имущества должно влечь повышение, а не скорее снижение норм амортизации?)

Автор приводит официальные нормы амортизации, не оговаривая уже и официально признанной их непригодности.

Мы привели несколько примеров погрешностей и дефектов, чтобы отметить лежащую на издании печать некоторой редакционной слабости или небрежности, что может быть, конечно, устранено в дальнейших томах путем более тщательной оценки текста и со стороны содержания и со стороны внешнего его выражения, особенно в смысле четкости формулировок и ясности изложения, а также полного устранения опечаток, обязательного в таком материале, насыщенном формулами, определениями, терминами и цифрами справочного характера.

Нет сомнения, что и при указанных недостатках „Техническая энциклопедия" — большое культурное дело, необходимое для нашей индустриально развивающейся страны.

А. Сегаль

Weltwirtschaftliches Archiv. Zeitschrift des Institut für Weltwirtschaft und Seeverkehr an der Univerzität. Kile. 26 Band. Oktober, 1927. Heft 2.

Архив мирового хозяйства. Журнал Института мирового хозяйства и мореплавания при Кильском университете. 26 томов. Книга вторая. Октябрь 1927 г.

Журнал Кильского института, руководимого Б. Гармсом, занял по праву одно из первых мест, вернее, первое место, в ряду периодических изданий, посвященных проблемам мирового хозяйства. Как и большинство немецких экономических журналов, он соединяет в себе богатое фактическое содержание всестороннего характера с широким теоретическим охватом экономических вопросов, что делает его в одинаковой степени ценным как для деловых кругов, интересующихся вопросами мирового рынка, так и для экономистов и теоретиков. В отличие от других немецких изданий, теоретическая часть „Архива" не страдает

[1] См. нашу статью в № 5 „План. Хоз." за 1928 г., где дана также общая оценка проектируемых новых норм амортизации, приводимых в тексте „амортизации" „Технической энциклопедии".

школьным академизмом, склонностью к чисто абстрактным обобщениям, а тесно увязана с практическими задачами, интересующими соответствующие круги буржуазного общества.

Такова общая характеристика журнала. В общем и целом ей соответствует и рецензируемый нами 26 том. Из более крупных работ, помещенных в ней, следует отметить две статьи, посвященные теории вексельных курсов; реферативный обзор литературы по вопросам мирового хозяйства, приуроченной к европейской экономической конференции, которая была созвана летом прошлого года секретариатом Лиги Наций, затем ряд монографических исследований (грузооборот Панамского канала, как показатель конъюнктурных колебаний, очерк развития промышленности искусственного шелка в 1925—27 гг., о проблеме северного Монетного союза, об огосударствлении кредита в СССР, о последнем отчете генерального комиссара по репарациям и др.). Кроме того, книга содержит богатейшую библиографию экономической литературы (80 страниц текста) и хронику торговых договоров за период 1925—27 гг.

Центральное место и наибольший интерес представляет обзор литературы, представленный на Европейской экономической конференции, принадлежащий перу проф. Прибрама, руководителя статистической секции международного рабочего бюро.

Реферат проф. Прибрама в значительной степени облегчает ориентацию в этих вопросах и для неспециалистов может с успехом заменить чтение первоначальных документов и материалов. Для читателя, знакомого с марксистской критикой современного капитализма и с той информацией об экономической конференции, которая была опубликована в нашей печати, статья Прибрама доставит только добавочный, хорошо подобранный материал, подтверждающий, вероятно, против воли автора, наше советское изложение, оценки и выводы.

Производительные силы мирового хозяйства, в общем и целом, перевалили к 1926 г. через довоенный уровень, но при совершенно изменившейся структуре; важнейшие из этих изменений—быстрая индустриализация колоний и перемещение мирового экономического центра из Европы в Соед. Штаты. К этому присоединяется также и балканизация самой Европы, нарушившая прежнее взаимодействие районов, приведшая к ее переиндустриализации в результате искусственного насаждения промышленности во вновь образовавшихся государствах. Характерной чертой, обусловленной этим изменением мирохозяйственной территориальной структуры, является отставание темпа восстановления внешнеторгового оборота от производственных показателей, как результат развития промышленности колоний и изменения пропорций между промышленностью и сельским хозяйством в отдельных странах.

Как характерный штрих буржуазного отношения к проблемам мирового хозяйства следует отметить крайне ничтожное внимание, которое в рассматриваемой литературе уделяется вопросам земледелия, а также рабочему вопросу. По обоим вопросам мы находим в реферате Прибрама крайне скудные данные.

В области рецептов, предлагавшихся для разрешения послевоенных экономических противоречий в Европе, авторы меморандумов, равно как и сама конференция, обнаружили полную импотенцию. Дальше жалоб на неразумные протекционистские мероприятия правительств и призывов к взаимному сближению и пониманию дело не шло. Некоторые документы производят прямо курьезное впечатление. Так, например, германский меморандум о состоянии химической промышленности серьезным видом пытается убедить конферентов, что интересы всего мирового (капиталистического) хозяйства лучше всего обеспечиваются сосредоточением

химической индустрии в одной стране, имеющей для этого „специальное призвание", т.-е. в Германии. Это говорится о такой отрасли промышленности, которая кровно связана с военным делом. Представители других стран с таким же „об'ективизмом" доказывают обратное „общее мнение", как его формулирует Прибрам, и сходятся на том, что лечение болезней следует скорее ожидать от естественного развития международных картельных и т. п. об'единений, чем от воздействия государств и правительств. Но в таком случае слишком долго придется ждать излечения, ибо, по признанию самих авторов этого „рецепта", эти интернациональные об'единения имеют пока ничтожный вес и, кроме того, сами раздираются внутренними противоречиями.

Тайну буржуазных планов откровеннее всего, впрочем, выболтал в своем меморандуме Г. Кассель, который формально остался в одиночестве, но, по существу, высказал общее настроение. Основную причину европейских затруднений этот экономист видит в чрезмерном росте заработной платы и в восьмичасовом рабочем дне, а также „монополизировании" рабочей силы профсоюзными организациями. Подтверждение своей „теории" Кассель видит в том, что цены на готовую продукцию выросли в большей степени, чем цены на сырье, что является доказательством более быстрого роста расходов на труд. О влиянии недогрузки производственного аппарата, высоких прибылей и процентов, а также повышенной эксплоатации труда в отраслях добывания сырья, где большую роль играют колониальные страны, Кассель предпочитает умолчать.

В реферате излагаются также социалистические „проекты", предложенные английской рабочей партией, социалистической частью конференции и представителями христианских рабочих союзов. Они представляют собою обычную реформистскую болтовню тщательно избегающую революционной постановки вопросов. О проектах советской делегации и вообще Советского Союза Прибрам почему-то не упоминает вовсе в своем реферате.

Значительный интерес представляют собою статьи по теории и политике внешне-валютных курсов (этой теме вообще повезло в рецензируемой книге: ей посвящены три следующие друг за другом статьи, из которых две чисто теоретического характера). Статья K. Korauyi „Платежный баланс, покупательная сила и вексельный курс", в основном посвящена критике двух основных направлений в теории вексельных курсов: теории платежного баланса и теории покупательной силы. Против обеих теорий он выдвигает убедительные, иногда довольно меткие и оригинальные аргументы — особенно против первой. Отвергая теорию платежного баланса, которую он справедливо связывает с номиналистическим направлением, Korauyi отвергает, может быть, даже с чрезмерной категоричностью политику регулирования курсов, построенную на этой теории: регулирование девизного рынка и пр. Если первую теорию Korauyi отвергает, главным образом, на основании логической критики, то против второй он аргументирует преимущественно со стороны фактов, указывая на несоответствие между движением курсов и движением цен. Очень большие сомнения вызывает, однако, попытка автора создать новую теорию вексельных курсов, которая является реставрацией теории покупательной силы в модифицированном виде. Согласно модному в буржуазной литературе приему, она построена на принципе суб'ективных оценок и методе предельной полезности. Существует, по мнению K. Korauyi, не одно, а три понятия покупательной силы: внутренняя покупательная сила (Inlands Kaufkraft), покупательная сила в отношении предметов ввоза (Einfuhr Kaufkraft) и покупательная сила в отношении предметов вывоза (Ausfuhr Kaufkraft). С другой стороны, автор, вслед за Парето, понимает

покупательную силу денег не как отношение денег к товару, а как абстрактную предельную полезность, которая оказывается неодинаковой для различных лиц или стран даже при одинаковом уровне цен, ибо суб'ективные оценки этой покупательной силы зависят от имущественного положения, распределения доходов и пр. Интенсивность спроса и предложения на валютном рынке в основном определяется степенью или „интенсивностью расхождения" (Spannungsintensität) между „внутренней" и „внешней" ценой данного товара. Но для разных товаров это расхождение различно. Вексельный курс определяется интенсивностью расхождения цен на предельный товар, т.-е. на тот товар, цены которого на внутреннем и внешнем рынке представляют наименьшее расхождение. Все те, кто ведет операции с другими товарами, приобретая валюту по курсу, определяемому отдельным товаром, получают соответственную „Spannungsrente". В обороте между странами, где господствует золотое обращение, таким „предельным" или „ведущим" товаром (leitende Ware) является золото. Там, где золото отсутствует, его место может занять серебро или любой другой товар и группа товаров, на которую устанавливается более или менее прочное отношение внутренних и внешних цен (в бумажной валюте).

Поскольку речь идет о золоте, теория K. Korauyi представляет собою только выраженную в новой фразеологии теорию „золотых точек", которые можно считать предельными границами колебания курсов. Ничего нового по существу здесь нет и метод суб'ективных оценок здесь просто является излишним и притом отнюдь не украшающим привеском. Что касается другого вывода автора, будто вексельный курс между странами, где господствует исключительно бумажно-денежное обращение, определяется соотношением внутренних и внешних цен на определенную группу товаров, то это есть не что иное, как возвращение к той же теории паритетов и покупательной силы, которую автор весьма красноречиво опровергает в критической части статьи. Из того, что в двух странах господствует бумажная валюта, вовсе не следует, что золото исчезло из мирового оборота. А до тех пор пока золото сохраняет свое значение мировой валюты, бумажное обращение (и вексельный курс) будет опираться на золото, а не на другой товар, благодаря закону всесторонней взаимозависимости всех стран, участвующих в мировом хозяйстве. Попытки строить теорию вексельных курсов на основе паритетов покупательной силы ничем не отличаются от бумажно-денежных теорий, которые пытаются подвести под бумажную валюту „товарное" основание. Это видоизмененная форма того же номинализма в ухудшенном издании.

Более правильно мнение, высказываемое в статье A. Mahr'a, посвященной той же проблеме. Взаимоотношение между вексельными курсами и уровнем цен, поскольку оно вообще существует, характеризуется обратной зависимостью. Не курсы следуют за ценами, а наоборот, изменение внешне-валютных курсов влечет за собою изменение цен на товары, являющиеся предметом интернационального оборота.

В этой второй статье мы находим вообще много интересных соображений, касающихся взаимозависимостей национальных и мировых цен, связи между частнохозяйственными балансами и народнохозяйственным балансом и воздействия на последний со стороны денежного обращения. Следуя за Визером, автор полагает, что состояние народнохозяйственного баланса в общем и целом соответствует состоянию частных балансов. Для нормальных периодов оно характеризуется равновесием пассивов и активов. В период инфляции народнохозяйственный баланс становится пассивным потому, что и частные балансы изменяются в том же напра-

влении: увеличение покупательных средств при стабильности внутреннего производства и товарооборота ведет к повышению покупок за границей, а последние влияют на платежный баланс и на вексельный курс. Обратное происходит в период дефляции. Связь между состоянием частнохозяйственных и народнохозяйственного балансов не подлежит сомнению. Однако, выводы автора о воздействии инфляции и дефляции нельзя принять целиком. Наоборот, послевоенный опыт чаще всего давал обратную картину: периоды инфляций сопровождались увеличением активности торгового и платежного баланса (экспортные премии, валютный дэмпинг и пр.). Зависимости здесь гораздо более сложные, и правильнее было бы рассматривать различные фазы инфляции и дефляции, которые могут характеризоваться разными, подчас прямо противоположными симптомами в области внешнеторгового оборота. Что касается склонности автора выводить состояние вексельных курсов из платежного баланса, то критику этих взглядов читатель найдет в статье K. Korauyi, которую мы разобрали выше.

Остальной материал в рецензируемой книге „Архива“ представляет собою исследования чисто конкретного характера, с обычной для этого серьезного издания добросовестностью в смысле подбора фактов, обстоятельности и пр. Некоторые статьи, как, например, о Панамском канале, о кредите в СССР и др. являются окончанием работ, печатавшихся в прежних книжках журнала. Наибольший интерес представляет попытка установить связь между грузооборотом в Панамском канале (в предыдущей книге исследовался также грузооборот Суэцкого канала) и послевоенной кон'юнктурой мирового хозяйства. Статья о СССР написана в тоне об'ективного исторического очерка. Автор заканчивает признанием, что „достигнутая до настоящего времени консолидация русского хозяйства удалась за счет внутренних сил“, но, повидимому, скептически относится к оптимистическим расчетам на будущее.

Статья об отчете генерального комиссара по репарациям представляет собою характерную полемику между должником и кредитором. Годы „моратория“, по плану Дауэса, кончились, и репарационная проблема снова вносится в порядок дня со всеми своими противоречиями.

„Архив мирового хозяйства“, конечно, далек от марксизма и социализма. Его основные тенденции лежат целиком в плоскости буржуазного мировоззрения и буржуазных интересов. Но это лучшее из того, что дает буржуазная журнальная литература по вопросам мировой экономики.

А. Светлов

М. Г. Галкович. Соед. Штаты и дальневосточная проблема. ГИЗ. 1928, стр. 208. Ц. 1 р. 90 к.

На примере борьбы Соединенных Штатов Америки за экономическое преобладание на Дальнем Востоке, борьбы, насчитывающей много десятилетий, можно выявить с особенной отчетливостью этапы развития империалистических тенденций в этой цитадели современного капитализма. Дальневосточная проблема и Соед. Штаты — при всей своей злободневности — являются темой слабо разработанной в нашей литературе и с этой точки зрения своевременность работы тов. Галковича не подлежит никакому сомнению. Рецензируемая книга обращает внимание читателя еще и потому, что в ней делается попытка марксистски проанализировать дальневосточную проблему и весь сложный узел дипломатических и политических взаимоотношений, возникший вокруг Дальнего Востока.

Борьба за преобладание на Дальнем Востоке, как известно, началась задолго до капиталистического — в современном понимании — оформления

Соед. Штатов. Уже из вступительной главы — исторического очерка, данного автором, видно, что Америка пришла на Дальний Восток гораздо позже других. Португалия, Испания, Голландия, Англия,— вот кто были первыми „открывателями“ Китая, сосредоточия дальневосточных интересов. Америка же плелась в хвосте и только после войны с Испанией в 1897—98 гг. и захвата Филиппинских островов она выдвигается на арене борьбы, как активный ее участник.

Нужно сказать, что этот этап развития Америки в современную империалистическую страну таит в себе много поучительного. Чрезвычайно характерна линия поведения Америки хотя бы в вопросе об отношении к Китаю. До известного периода американцы афишировали политику необычайного либерализма по отношению к Китаю, раздираемому хищническим англо-французским и прочим капиталом. Знаменитый принцип „открытых дверей“ (open door), т.-е. одинаковых для всех стран экономических привилегий, затем декларации солидарности с китайскими властями, широковещательные заявления о готовности американцев подчиняться китайским законам („мы обязаны подчиняться вашим законам, раз мы находимся в ваших водах“,—читаем мы в одной из таких деклараций) и другие шаги подобного порядка,— все это были временные тактические приемы, либо направленные против конкурентов (главным образом, против Англии), либо преследующие какие-нибудь непосредственные выгоды.

С средины XIX века на капиталистическую арену выступает новый об'ект притязаний на Дальнем Востоке — Япония. Америка, „открывшая“ эту страну, разумеется, становится в авангарде эксплоатации Японии, но это продолжается недолго. Япония быстро выходит из сферы полуколониального состояния и не только занимает совершенно самостоятельное экономическое и политическое положение, но и с достаточной стремительностью приобщается к общей и мпериалистической политике на Дальнем Востоке, в частности, в Китае.

Особого внимания заслуживает глава „Доктрина „открытых дверей“. Снабдив эту часть книги большим фактическим материалом, автор дал достаточно отчетливую картину эволюции этой доктрины даже в ее формальном понимании (фактический смысл этой доктрины был достаточно ясен — она означала легализацию грабежа на общих основаниях). Здесь уместно отметить чрезвычайно интересный документ, раскрывающий сущность доктрины „открытых дверей“ в толковании европейского, равно и американского империализма. Мы имеем в виду статью вторую германо-китайского договора, оформившего захват Германией бухты Цзяо-Чжоу, в ответ на убийство в Китае двух немецких миссионеров (1897 г.). Вот содержание этого пункта:

„Желая исполнить справедливое желание его величества императора германского, чтобы Германия, подобно другим державам, имела на китайском побережьи место для починки и снаряжения судов... его величество император китайский уступает Германии обе стороны входа в бухту Цзяо-Чжоу в арендное пользование на 99 лет“ (45).

Этот договор был подписан обеими сторонами 6 марта 1898 г., а 15 марта 1898 г. в таких же выражениях и на основе такого же „добровольного соглашения“ был подписан русско-китайский договор, по которому Китай „сдавал в аренду“ Порт-Артур.

Подписание этих договоров совпало с периодом ожесточенной борьбы за концессии в Китае. Последний был поделен на „сферы влияния“, при чем в этом дележе приняли участие все крупные европейские державы. Америка, однако, занимает позицию „защиты“ интересов Китая. Соединенные Штаты настойчиво выдвигают принципы целостности Китая

и „открытых дверей", имея в виду отнюдь не интересы Китая, а исключительно интересы финансовых групп Америки, поставивших себе за цель, пользуясь противоречиями между участниками дележа, зажать страну в тиски экономической эксплоатации. Об этом говорит вся последующая политика Америки на Дальнем Востоке. Это подтверждает хотя бы попытка нейтрализации маньчжурских дорог, которая по инициативе Америки должна была лишить значительной доли влияния в Китае ближайших соседей последней — Японии и России. В этой попытке высокий принцип „открытых дверей" был чрезвычайно призрачным прикрытием для кровных интересов американской железоделательной промышленности и, вообще, для ее торговли.

Исход русско-японской войны создает новое обострение отношений между Америкой и Японией. Взятие японцами Порт-Артура, поражение России и усиление Японии (последняя пошла по пути стремительного народнохозяйственного развития, вооружения, главным образом, на море и захвата близлежащих китайских территорий) послужили причиной обострения японо-американских отношений и пересмотра Америкой своей дальневосточной политики, вообще.

Изменили ли мировая война и послевоенный период общую установку Соед. Штатов на Дальнем Востоке? По существу, разумеется, нет; по форме же — значительно. Во-первых, окончательно похоронен принцип „открытых дверей". Америка с момента подписания Версальского мирного договора (да и раньше, собственно говоря) резко изменила свою линию поведения в отношении Китая. Она вступила в ожесточенную борьбу с Англией и Японией (фактически единственные конкуренты) за сферу влияния на Дальнем Востоке и совершенно открыто декларирует свои империалистические намерения в Китае.

Не отступали от Америки и другие страны. Япония, непомерно выросшая в годы войны, в 1915 г. стремительно „наступает на глотку" Китая, пред'являет ему 21 наглых тебования, выполнение которых означает лишение Китая остатков его самостоятельности и при полном попустительстве Америки (Англия, Франция и Россия были заняты войной) 15 мая добивается подписания соответствующих договоров.

Должно заметить, что на ряду с Америкой автором с большой детальностью освещена роль самой Японии в этом дальневосточном узле, при чем этапы экономического развития Японии на фоне соперничества и борьбы за преобладание на Дальнем Востоке автором развернуты с исчерпывающей отчетливостью.

В одной из последних глав тов. Галкович останавливается на проблеме японо-американской войны. Центром внимания, в случае войны, будет служить не один Китай; сюда следует присоединить и Сибирь. Японская установка со всей откровенностью сформулирована идеологом японских милитаристов Каиро Сато. „В Америке,— говорит он,— остается еще достаточно пространства для дальнейшего ее экономического развития. Так почему же Америка стала бы препятствовать экономическому расширению Японии в Китае и Сибири". И дальше: „Мы должны обеспечить себе мир с Китаем и Сибирью для того, чтобы содействовать развитию промышленности на азиатском материке, для снабжения Японии необходимым на случай столкновения с Америкой... Сообразно с этим японо-американская война будет развертываться на плацдарме Тихого океана. Другими словами, мы будем вести войну и одновременно с этим зарабатывать деньги, так что, как долго не продолжалась бы война, у нас не иссякнут силы вести ее". Что может быть чистосердечнее такой программы, предусматривающей „победоносную" захватническую политику и в направлении СССР, и в направлении Китая, и на Тихом океане.

Разумеется, временные компромиссные решения и соглашения, сглаживающие те или иные острые углы нарастающих противоречий, быть может, отодвинут японо-американское столкновение, но его неизбежность не подлежит никакому сомнению. В этом отношении безусловно спорна гипотеза автора, предполагающая, что усиленное капиталовложение Америки в народное хозяйство Японии, приняшее особенно значительные размеры после японского землетрясения 1923 г., имеет в виду „исключить всякую возможность военного столкновения" и вместе с тем превратить Японию в „своего сторонника и посредника на Дальнем Востоке" (208).

Тов. Пашуканис — автор предисловия к рецензируемой книге — совершенно прав, отмечая работу тов. Галковича, как, несомненно, полезную и способную ознакомить советского читателя с огромной областью мировой политики, где, по выражению одного американца, посеяны семена будущей великой войны.

Книжка, однако, не лишена некоторых пробелов. Большим таким пробелом следует признать отсутствие надлежащего освещения социально-политической и экономической структуры современного Китая. Между тем, это очень важно, так как внутрикитайские группировки всегда находили (об этом свидетельствует работа тов. Галковича) и, несомненно, найдут свое отражение в дальневосточной политике Америки. Недостаточно охарактеризованы также англо-американские отношения, в связи с тихоокеанской проблемой в ее современном виде (довоенные англо-американские отношения в Тихом океане, по нашему мнению, освещены достаточно подробно). Наконец, нельзя не отметить то, что роль СССР, как единственной преграды этой грабительской вакханалии на Дальнем Востоке, оказалась сильно стушеванной. В этом смысле Союзу ССР, конечно, надлежало отвести самостоятельную главку.

Но все это нисколько не уменьшает интереса читателя к рецензируемой книге, с которой мы усиленно рекомендуем ознакомиться.

И. Браславский

The Road to Prosperity by sir George Paish. With a foreward by sir Iosiah Stamp. London, Ernest Benn L-ted 1927, pp. 154.

Георг Пэш. Путь к благоденствию, с предисловием Я. Стамп. Лондон, 1927 г., стр. 154.

„Война привела в расстройство хозяйственную жизнь всего мира, а послевоенная политика еще более увеличила дезорганизацию мирового хозяйства" (стр. 1). „Производительные силы многих наций упали, а вместе с тем сократилась и их покупательная способность, производительность других стран увеличилась, но эти страны не хотят покупать те товары, которые им предлагают в обмен. Нормальный международный обмен нарушен" (стр. 3). „Необходимо, не теряя времени, принять меры, которые решительным образом предотвратили бы кризис, в полосу которого вступили все без исключения нации" (стр. 5). „В обычных прежних кризисах одолженные капиталы увеличивали производительные силы и создавали рост покупательной способности, теперь, к несчастью, случилось обратное — занятые капиталы были употреблены на военные цели, а война как-раз подорвала производительность и понизила покупательную способность наций" (стр. 10). „Мировая война, разыгравшаяся в обстановке широко развитого международного обмена, болезненно отразилась на всем мировом хозяйстве. Условия, вредящие какой-либо одной стране отражаются на всех других. Потрясения европейских стран во время мировой войны и создавшаяся колоссальная их задолженность по-

чувствовались всем миром от одного конца до другого... Необходимы такие решительные меры борьбы с кризисом, которые в прошлом не вызывались необходимостью"... (стр. 15). Не к чему далее продолжать цитаты. Читатель видит, что автор книги отдает себе отчет в тех экономических затруднениях, в которых повергала мир империалистическая война. Мало того, он резко критикует ту „малодушную" политику, которую проводит буржуазный мир в поисках выхода из кризиса. Протекционизм, таможенные рогатки, которыми окружили себя отдельные страны, ни в какой мере не ведут к выходу из кризиса, а наоборот, все более и более углубляют его и заводят в дальнейший тупик. На примере отдельных стран Пэш доказывает всю важность восстановления свободного международного обмена. В настоящее время в Англии более миллиона безработных, рост населения с каждым годом делает проблему безработицы все более острой. Настойчиво проводимая другими странами политика ограничения импорта создает еще большие затруднения для Англии как банкира, производителя и коммерсанта. Чем больше накладывается ограничений на свободный международный обмен, тем труднее отдельным странам выполнять свои финансовые обязательства в отношении Англии и тем меньшее количество английских товаров они захотят и будут в состоянии покупать. Это вызовет, в свою очередь, крайние затруднения для Англии в деле поддержания ее населения (стр. 32). Само английское правительство наложило высокие пошлины на импорт шелковых тканей из Франции, хотя такой импорт необходим для того, чтобы Франция имела возможность покупать кардифский уголь. Прикладывая ту же мерку к другим странам, автор везде приходит к выводу, что современный протекционизм вредно отражается на мировом хозяйстве и, в конце концев, на каждой отдельной стране. „Интересы Франции требуют таких мер, которые поддерживали бы и повышали уровень мирового дохода и тем создавали: бы для Франции возможность продавать производимые ею предметы роскоши и привлекать иностранных туристов" (стр. 42). То же приложимо к Италии (стр. 46) и Бельгии (стр. 71). Для Венгрии, Югославии, Австрии и Чехо-Словакии необходимо повышение покупательной способности Германии. Их взаимная экономическая политика должна быть координирована и диктоваться широкими, а не узко понимаемыми национальными интересами, а эти широко понимаемые интересы толкают их к взаимному сотрудничеству и к восстановлению Вены как их общего кредитного центра (стр. 67). Польша заинтересована в росте покупательной способности Германии и России (стр. 75). Рост производительных сил Германии до войны и рост ее экспорта создавали для нее возможность производить крупный импорт из других стран. Это увеличивало покупательную способность последних как в отношении германских товаров, так и товаров других стран. По плану Дауэса Германия вынуждена продавать огромное количество своих товаров, чтобы иметь возможность платить репарационные платежи Чтобы это было осуществимо, страны, экономически связанные с Германией, должны быть способны покупать германские товары, только это может явиться залогом восстановления народного хозяйства Германии и других стран. Между тем, в настоящее время германская торговля встречается лицом к лицу с обедневшей Европой.

Единственная страна, которая процветает, это Америка, но и Америку подстерегает опасность в зависимости от падения покупательной способности Европы. Но несмотря на это, Америка эту покупательную способность не развивает, а напротив, подрывает, ставя препятствия европейскому импорту (стр. 23). Восстановление кредитоспособности Европы так же необходимо Америке, как и всему миру.

Кроме уничтожения таможенных рогаток, искусственно разделяющих единое мировое хозяйство, необходимо отказаться от взаимного взыскания междусоюзных долгов. Франция, Италия, Россия и другие страны должны Англии огромные суммы. Но было бы собирание этих долгов благодетельно для самой Англии? Конечно, да, отвечает автор, но только в том случае, если бы платежи по займам не уменьшили бы способности стран-дебиторов покупать английские товары. А так как этого на самом деле нет, а напротив — платеж долгов Англии понижает покупательную способность стран импортирующих английские товары, то получение платежей по займам вредно для самой Англии. То же приложимо к Соед. Штатам. „Америке необходимо продавать на европейском рынке большое количество с.-х. и других товаров, потребность Европы в американских товарах еще более острая, без них Европа не может ни прокормить, ни дать работу своему населению. Закупкам Европы ставит пределы только ее платежеспособность. При этих обстоятельствах требование со стороны Америки уплаты долгов неминуемо вызовет либо рост экспорта европейских товаров или услуг в Америку, либо понижение европейского импорта из Америки, либо дальнейшее кредитование Америкой Европы, но последняя альтернатива была бы не разрешением, а лишь опасной отсрочкой проблемы" (стр. 93). Автор приходит и здесь к выводу, что дальновидность требует от Америки простить военные долги Европы. Аннулирование военных долгов является второй необходимой предпосылкой для восстановления экономического равновесия мира. Тот же ход рассуждений приводит автора к необходимости отказаться от германских репараций с целью повышения покупательной силы Германии.

Как видит читатель, Пэш примыкает к тому течению политико-экономической мысли, которое ясно сознает, что мировое хозяйство приходит к катастрофе и которое ищет выхода в экономическом пацифизме и фритредерстве. Это течение отражает ту тенденцию капитализма, которая толкает его на путь интернационализации под давлением сил, переросших рамки мелких национальных хозяйств. Капитализм Англии и Америки ищет свободного неограниченного таможенными рогатками рынка сбыта. Но, с другой стороны, противоположная тенденция толкает к обратному—к национализации капитала, к разграничению сфер влияния, к монополизации за национальным капиталом внутреннего рынка каждой страны. Только в этой тепличной атмосфере может поддерживать свое существование подорванное войной хозяйство отдельных стран. Очевидно, что разрешение этого противоречия лежит уже за гранями современной хозяйственной системы и требует, в первую очередь, революционного разрушения самой капиталистической системы. Попытки, подобные призывам Пэша, к созданию путем соглашения через Лигу Наций условий для оздоровления мирового, хозяйства обречены на неудачу, а предначертанный им путь к „благоденствию человечества"—не реален. Тем не менее, его книга, подкупающая своей искренностью, представляет интерес и по собранным ею фактам и как знамение времени.

А. Бонч-Осмоловский

Новые книги

Ф. Э. Дзержинский. Основные вопросы хозяйственного строительства СССР. Сборник статей. ГИЗ, 1928, стр. 223, ц. 1 р. 10 коп.

Настоящий сборник является первым (из двух) выпуском произведений (статей и речей) тов. Дзержинского, посвященных основным вопросам хозяйственного строительства Союза: советской торговле, металлопромышленности, производительности труда и др. В качестве заключительной главы в сборнике приведена предсмертная речь тов. Дзержинского на пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 20 июля 1926 г.

Во второй выпуск будут включены статьи и речи, посвященные железнодорожному и водному транспорту и промышленности СССР.

М. Савельев. Директивы ВКП (б) в области хозяйственной политики за 10 лет (1917—27 гг.), ГИЗ, 1928, стр. 456, ц. 3 р.

В приведенной книге собраны в систематизированном виде все решения и постановления партс'ездов, партконференций ВКП (б) и пленумов ЦК ВКП (б) по вопросам хозяйственной политики, начиная с VI с'езда РСДРП большевиков (июль—август 1917 г.) и кончая XV партс'ездом. Книжка разбита на главы (общие вопросы экономич. политики, сельское хозяйство, промышленность, труд и зарплата, торговля, кооперация и т. д.) соответственно каждому хозяйственному разделу, при чем каждая глава снабжена небольшим введением составителя.

Проф. П. Г. Шитт. Экономические основы и перспективы развития плодоводства СССР. Изд. „Новый Агроном", М., 1928, стр. 224, ц. 2 р. 75 к.

Задача работы П. Г. Шитта, являющейся первым выпуском трудов Плодовой опытной станции Тимирязевской с.-х. академии, — выявление основных черт экономики плодоводства СССР, темпа динамики развития этой отрасли как в довоенные годы, так и теперь, и установление на основе полученных выводов, ориентировочно, дальнейших путей развития плодоводства СССР.

И. З. Каганов. Накладные расходы и оптово-розничные цены в мировой и советской торговле. „Книгоспілка", Харьков, стр. 58, ц. 70 коп.

Названная брошюра представляет собой опыт построения параллельного анализа организации товаропроводящих путей на Западе, в капиталистических странах и в СССР.

Стюарт Чэз и Ф. Шлинк. Как растрачиваются деньги потребителя. Пер. с американского, ГИЗ, 1928, стр. 194, ц. 1 р.

Работа обоих авторов — американских буржуазных экономистов — преследует цель осветить жизнь американских промышленных и торговых предприятий и показать, как в условиях капиталистической анархии производства, в обстановке обмана и соблазна торговцев и предпринимателей растрачиваются деньги потребителя. Вместе с тем, авторы дают характеристику отрицательных последствий капиталистической конкуренции, основанной на обмане, шарлатанстве, фальсифицирующей рекламе и т. д.

Мировое хозяйство. Сборник статистических материалов за 1913—1927 гг., изд. ЦСУ СССР, М., 1928, стр. 745, ц. 3 р.

Сборник, составленный под ред. С. Уманского, характеризирует состояние мирового хозяйства на протяжении последних 15 лет как в целом, так и по отдельным странам и отраслям. На ряду с рассмотрением результатов динамических процессов, имевших место в мировом хозяйстве за эти годы, составители освещают сущность социально-экономических процессов, выявившихся в это пятнадцатилетие.

Н. Хозеренко. Жилищный кризис и борьба с ним, ГИЗ, 1928, стр. 264, цена 2 руб.

Настоящая работа посвящена изложению экономических и внеэкономических обстоятельств, вызывающих обычно жилищный кризис. На ряду с этим автор останавливается на методах борьбы с ним и на оценке результатов многочисленных опытов в этой области.

ДИНАМИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Бюллетень № 36—37

под ред. С. Г. Струмилина

Составлен по материалам секций Госплана СССР

СОДЕРЖАНИЕ

А. Основные показатели динамики народного хозяйства СССР за 1923/24, 1924/25 1925/26, 1926/27 и 1927/28 гг.

Б. Текущие динамические таблицы

I. Хлебные заготовки

. Заготовки хлебофуража основн. планов. заготовительными организациями за 1926/27 г.
2. То же по культурам.

V. Товарооборот

1. Счет прибылей и убытков синдикатов за 1926/27 год.
2. Сводный баланс синдикатов на 1/X 1927 года.
3. Обороты синдикатов СССР в 1924/25—1926/27 гг.

VI—IX. Финансы, кредит, денежное обращение, индексы цен и цены

1. Сводная таблица по финансам, кредиту и денежному обращению за январь, февраль и март 1928 г.

А. Основные показатели народного хозяйства СССР за 1923/24, 1924/25, 1925/26, 1926/27, 1927/28 гг.

№№ по порядку	Показатели	Единица счета	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г. Кварталы I	II	III	IV	1927/28 г. I	Месяцы Янв.	Февр.	Март	Апр.	Май
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
	I. Хлебные заготовки (средн. за месяц)														
1	Заготовка хлеба	тыс. тонн	580	559	793	1.670	872	356	1.001	926	1.329	1.990	1.195	—	—
2	Заготовительная цена ржи (за центнер)	черв. коп.	—	535	520	432	433	447	467	447	456	453	452	—	—
	II. Промышленность (средн. за месяц)														
3	Добыча угля	тыс. тонн	1.315	1.340	2.035	2.656	2.700	2.440	2.514	3.068	(3.119)	(3.003)	(3.184)	—	—
4	Добыча нефти	„ „	495	580	685	834	820	860	863	926	(859)	(812)	(934)	—	—
5	Выплавка чугуна	„ „	55	108	184	240	248	253	247	263	(278)	(264)	(291)	—	—
6	Прокатка металла	„ „	57	116	187	230	232	222	256	274	(288)	(275)	(303)	—	—
7	Производст. хлоп.-бум. пряжи	„ „	9	15	20	23	23	24	22	26	(28)	(28)	(29)	—	—
8	„ „ „ ткани	млн. метров	70	125	169	204	196	197	182	210	(226)	(219)	(235)	—	—
9	Сумма продукц. промышл.	млн. черв. руб.	289	410	599	721	719	679	664	774	(832)	(821)	(883)	—	—
10	То же	млн. руб. по дов. ценам	133	213	298	354	357	351	351	412	(443)	(437)	(470)	—	—
11	Выработка на 1 человека в день	в руб. по дов. ценам	(5,47)	7,42	8,42	9,06	9,45	9,61	9,70	10,08	—	—	—	—	—
	III. Труд (средн. за месяц)														
12	Число рабочих ценз овой промышл. (без торф. и сах.)	тысячи	1.469	1.742	2.213	2.293	2.321	2.352	2.424	2.438	2.456	—	—	—	—
13	Средняя месячная заработн. плата рабочих цензовой промышл. (без торф. и сах.)	в черв. руб.	36,15	45,24	55,38	59,99	59,18	62,34	65,97	65,53	66,67	65,07	—	—	—
	IV. Транспорт (средн. за месяц)														
14	Железнодорожные перевозки	млн. тонно-км	5,62	6,95	9,64	11,6	11,0	10,9	11,9	12,8	—	—	—	—	—
15	Средне-суточная погрузка	тыс. вагон	13,5	17,4	24,3	27,9	27,1	26,7	29,8	31,5	29,9	31,4	33,3	—	—
	V. Торговля (средн. за месяц)														
16	Оборот Моск. товарн. биржи	млн. черв. руб.	129,6	249,3	316,7	521,1	222,9	262,7	389,2	687,6	400,1	273,5	300,4	—	—
17	Реализация по 12 синдикат.	„ „	52,1	94,9	164,3	250,4	250,6	260,3	283,7	—	—	—	—	—	—
18	„ „ 291 производ. об'един. ВСНХ	„ „	198,1	304,5	461,6	562,6	547,5	559,9	608,2	—	—	—	—	—	—
19	Вывоз из СССР	„ „	—	42,3	49,1	69,4	54,0	48,2	54,4	54,9	43,8	41,2	50,2	—	—
20	Привоз в „	„ „	—	52,8	56,1	44,0	38,9	65,2	59,8	53,5	58,1	62,9	71,6	—	—
	VI. Финансы (средн. за месяц)														
21	Поступлен. обыкновенн. дох.	„ „	—	152,3	203,2	288,8	276,8	263,2	313,4	322,6	(382,8)	(352,1)	(438,5)	—	—
22	В том числе налог. и пошл.	„ „	—	108,8	145,8	224,3	207,0	169,3	211,1	207,4	(278,9)	(250,6)	(233,7)	—	—
	VII. Кредит (на 1 число месяца)														
23	Сумма вкладов и текущ. счетов по Госбанку и 4 акц. банкам	„ „	206	512	1.145	1.253	1.376	1.466	1.285	1.243	1.315	1.361	1.409	(1.470)	—
24	Остаток задолжен. по учет. ссудн. операциям	„ „	564	1.143	2.350	2.875	3.250	3.368	3.648	3.995	4.349	4.289	4.407	(4.576)	—
25	В том числе по краткосрочн. кредиту	„ „	427	903	1.976	2.317	2.595	2.551	2.729	2.896	3.114	2.986	3.047	(3.145)	—
	VIII. Денежное обращение														
26	Денежная масса на 1 число месяца	„ „	264	627	1.074	1.291	1.354	1.284	1.420	1.628	1.668	1.554	1.510	1.518	1.554
27	То же	млн. товарн. руб.	168	382	616	722	764	724	820	958	975	908	883	889	910
28	Эмиссия за месяц	„ черв. „	50,7	43,0	18,1	21,0	—23,5	45,3	69,5	13,2	—114,1	—44,0	8,6	35,8	—
29	То же	„ товарн. „	29,9	24,3	10,4	12,0	—13,1	26,0	40,7	7,7	—66,6	—25,7	5,0	21,0	—
	IX. Индексы цен (на 1 число месяца)														
30	Оптовые ЦСУ	1913 = 100	170,2	179,2	185,6	177,7	178,5	174,9	171,2	170,4	171,1	171,1	170,9	170,8	—
	а) промышл.	1913 = 100	215,7	192,4	200,9	203,6	201,2	193,6	188,9	187,9	188,0	188,0	187,7	187,6	—
	б) сельскохозяйств.	1913 = 100	134,2	166,9	171,3	155,1	158,3	158,0	155,2	154,6	155,8	155,7	155,7	155,5	—
31	Всесоюзн. бюджетн. (40 тов.)	1913 = 100	—	—	202,8	205,3	207,9	200,7	199,0	202,9	205,3	204,7	203,4	203,3	—
	а) промышл.	1913 = 100	—	—	236,6	236,6	231,9	220,7	215,5	215,7	216,6	217,2	217,4	217,6	—
	б) сельскохозяйств.	1913 = 100	—	—	207,4	208,6	214,3	206,5	206,1	213,3	217,3	215,9	213,0	212,6	—

Б. Текущие динами

Отдел I. ХЛЕБНЫЕ

Заготовка хлебофуража основными плановыми загото

I. По районам

Месяцы \ Районы	Потребляющий	Вят.-Вотский	Татреспублика	Башреспублика	Оренбургская губ.	Поволжье	Центр.-Земледельческий
Квартал IV—VI 1926/27 гг. . .	3.374,8	267,1	3.970,4	3.561,8	3.715,9	16.537,4	4.983,2
Всего с начала кампании на I/VII 1927 г.	24.679,7	1.851,0	23.394,7	25.156,2	35.706,9	166.556,2	72.803,4
На тот же срок 1926 г.	28.446,3	3.927,3	21.991,3	19.248,7	14.238,3	90.279,2	75.476,6
VII VI 1927 г. в %% к VII—VI кампании предыдущ. года .	86,8	47,1	106,4	130,7	250,8	184 5	96,5
Квартал VII—IX 1927/28 г. . .	3.387,1	128,8	5.625,1	4.727,9	1.188,5	24.768,8	34.413,2
„ X—XII 1927/28 г. [1] .	5.348,3	76,7	4.287,1	5.641,9	458,9	20.750,5	40.894,5
„ I—III 1927/28 г. [1] . .	5.135,1	258,6	10.072,5	6.697,2	1.658,9	36.489,7	71.528,4
Всего с начала кампании на I/IV 1928 г. [1]	13.870,5	464,1	19.984,7	17.067,0	3.306,3	82.009,0	146.836,1
На тот же срок 1927 г. . . .	21.304,9	1.583,9	19.424,3	21.594,4	31.991,0	150.018,8	67.820,2
VII—III—1928 г. в %% к VII—III кампании предыдущ. года .	65,1	29,3	102,9	79,0	10,3	54,7	216,5

[1] Данные предварительные

II. По культурам

Месяцы \ Культуры	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень
Квартал IV—VI 1926/27 г.	27.306,5	56.999,0	9.407,3	1.347,1
Всего с начала кампании на I/VII 1927 г.	229.162,7	592.292,5	104.805,1	47.665,8
На тот же срок 1926 г.	182.787,5	375.136,5	65.648,1	106 877,1
VII—VI 1927 г. в %% к VII—VI кампании предыдущего года . .	125,4	157,9	159,6	44,6
Квартал VII—IX 1927/28 г. [1]	66.629,2	163.561,9	15.188,8	5.841,9
„ X—XII 1927/28 г. [1] . . .	49.826,9	119.238,7	20.167,2	3.681,4
„ I—III 1927/28 г. [1]	117.453,1	210.631,9	29.776,8	13.928,3
Всего с начала кампании на I/IV 1928 г.	233.909,2	493.432,5	65.132,8	23.451,6
На тот же срок 1927 г.	201.856,2	535.293,5	95.397,8	46.318,7
VII—III 1928 г. в %% к VII—III кампании предыдущего года . .	115,9	92,2	68,3	50,6

[1] Данные предварительные

ческие таблицы

ЗАГОТОВКИ

вительными организациями в 1926/27 и 1927/28 гг.

Таблица 1

В декатоннах

Урал	Северный Кавказ	Сибирь	Казахстан	ДВО	Крым	Итого РСФСР	УССР	БССР	ЗСФСР	Всего СССР
8.399,5	11.510,8	10.304,3	9.652,0	—	26,2	76.303,4	29.389,1	416,5	537,0	106.646,0
57.721,3	214.093,4	96.767,5	69.085,9	3.173,5	10.926,2	801.915,9	319.184,9	1.972,9	2.195,7	1.125.269,4
43.106,4	267.488,1	63 322,3	29.839,5	—	18.668,0	676.032,0	276.197,4	3.842,3	1.123,6	957.195,3
133,9	80,0	152,8	231,5	—	58,5	118,6	115,6	52,7	195,4	117,6
5.630,7	52.606,1	4.135,9	5.911,9	782,0	9.666,9	152.972,9	146.376,7	550,6	272,0	300.172,2
12.294,3	48.586,2	27.364,1	10.175,2	306,0	2.237,6	178.421,3	98.321,2	473,4	521,0	277.736,9
26.925,5	60.207,0	63.261,4	13.646,4	—	1.302,3	297.183,0	154.207,3	68,6	—	451.458,9
44.850,5	161.399,3	94,761,4	29.733,5	1.088,0	13.206,8	628.577,2	398.905,2	1.092,6	793,0	1.029.368,0
49.321,8	202.582,6	86.463,2	59.433,9	3.173,5	10.900,0	725.612,5	289.795,8	1.556,4	1.658,7	1.018.623,4
90,9	79,7	109,6	50,0	34,3	121,2	86,6	137,7	70,2	47,8	101,1

Таблица 2

Кукуруза	Бобовые	Крупяные	Итого главных хлебов	Масличн.	Прочие	Всего
4.437,3	466,4	4.417,4	104.381,2	2.010,2	254,8	106.646,0
40.133,5	8.830,3	34.607.0	1.057.496,9	66.267,7	1.504,8	1.125.269,4
44.169,3	5.670,6	58.999,0	839.288,1	115.776,8	2.130,4	957.195,3
90,9	155,7	58,7	126,0	57,2	70,6	117,6
548,4	2.264,3	6.900,1	260.934,6	38.121,2	1.116,4	300.172,2
17.921,7	2.921,1	15.093,2	223.850,2	45.933.6	2.953,1	277.736,9
17.518,3	2.785,8	25.165,0	417.259,2	23.036,5	11.163,2	451.458,9
35.988,4	7.971,2	47.158,3	907.044,0	107.091,3	15.232,7	1.029.368,0
35.696,2	8.363,9	30.189,6	953,115,9	64.257,5	1.250,0	1.018.623,4
100,8	95,3	156,2	95,2	166,6	1.218,6	101,1

Отдел V.

Счет прибылей и убытков

(В тыс. черв.

Наименование статей	ВТС	Нефтесиндикат	ВКС	Металлосиндикат	ВМС
1	2	3	4	5	6
Дебет					
Убытки от реализ. товар. и матер.	13,7	596,3	157,6	0,2	3,2
Торговые расходы	15.188,3	28.302,6	15.069,2	4.974,0	4.385,1
Общие администр. расх. правл.	2.367,6	2.121,0	4.024,7	957,1	—
%% уплаченные	72.776,7	4.083,0	11.592,5	5.199,7	151,9
Промеры и недостачи товаров	150,0	—	60,5	261,8	—
Курс. разн. по опер. и цен. бум.	14,2	—	—	—	1,3
Убыток от списан. безнад. долг.	441,9	246,2	485,1	93,9	0,1
Штрафы, пени и неустойки	154,3	9,3	61,7	26,1	—
Провозные расходы	—	—	—	—	—
Убыток от оценки денежных бумаг и товаров	20.726,2	218,1	—	2.276,4	—
Убыток от участ. в друг. предпр.	—	—	—	—	—
Отчисл. в резерв по снижению цен и в гарантийный резерв.	—	—	922,6	—	294,8
Убыток от перерасчетов	—	1.092,1	—	—	—
Отчисления в резерв по сомнительным долгам	500,0	524,9	1.338,0	1.257,4	6,8
Убыток по ликв. выб. имущ.	523,4	917,4	115,3	8,7	52,0
Скидки покупателям	242,5	—	—	—	—
Убытки от стихийных бедствий.	—	306,3	18,7	—	—
Случайные расходы	—	425,7	492,7	1.149,5	0,9
Комиссия уплаченная	—	—	—	432,3	—
Убытки прошлых лет	—	—	—	1.918,4	—
Прочие отчисления	918,6	—	108,5	—	—
Итого	114.017,4	38.842,9	34.447,1	18.555,5	4.896,1
Сальдо чистая прибыль.	7.234,9	104,4	2.873,7	—	177,6
БАЛАНС	121.252,3	38.947,3	37.320,8	18.555,5	5.073,7
Кредит					
Прибыль от реализации товаров.	47.454,3	31.357,3	8.914,4	8.218,9	4,7
Прибыль от перечисл. резерв.	—	104,2	980,4	22,7	—
Прибыль прошлых лет	—	—	—	2.094,1	—
%% полученные	67.090,7	2.373,0	7.972,0	2.023,3	495,5
Излишки товаров	324,1	30,5	—	667,9	0,6
Курс. разн. по опер. и цен. бум.	40,9	—	5,3	—	0,3
Прибыль от пост. безнад. долг.	102,4	356,6	567,5	235,4	—
Пени и неустойки полученные.	349,3	8,5	65,3	10,9	—
Дивид. от участ. в друг. предпр.	730,5	101,8	98,9	27,7	—
Прибыль от переоц. товаров	—	65,8	—	401,1	—
Возмещ. расх. по перевоз. тов.	1.443,0	—	—	—	—
Прибыль от отпуска товаров своим предприятиям	—	—	720,8	—	—
Комисс. и бонусы за прод. тов.	2.619,1	3.822,8	17.382,3	1.140,2	4.558,0
Возмещ. комисс. расх. за интов.	534,4	—	—	—	—
Неиспол. резерв. по сниж. цен.	20,3	—	—	—	—
Случайные доходы	—	221,9	375,4	864,7	—
Прибыль от ликв. выб. имущ.	10,1	—	—	—	0,1
Возврат бирж. и регистр. сбор.	—	—	—	—	—
Прибыль от работ на сторону	165,6	443,8	0,2	—	—
Прочие	367,6	61,1	238,3	652,8	14,5
Итого	121.252,3	38.947,3	37.320,8	16.359,7	5.073,7
УБЫТОК	—	—	—	2.195,8	—

ТОВАРООБОРОТ

синдикатов за 1926/27 г. *Таблица 1*

рублей

Уралмет	Продасиликат	Масложир	Соль	Махорсиндикат	Спичсиндикат	Консервсиндикат	Итого по 12 синдикатам
7	8	9	10	11	12	13	14
139,9	0,8	—	218,9	—	0,4	10,8	1,141,8
1.877,3	3.637,8	1.024,0	1.327,1	390,4	94,1	159,6	67.079,5
—	—	689,7	—	158,4	107,1	77,1	10.502,7
5.390,3	3.365,5	1.615,0	502,7	488,1	418,5	196,1	105.780,0
8,2	428,5	40,0	26,8	7,9	—	30,9	1.014,6
10,4	10,9	2,1	1,5	—	—	—	40,4
572,5	105,2	1,8	106,1	15,2	—	2,0	2.070,0
33,9	39,9	1,0	4,1	0,7	0,5	2,2	333,7
—	—	—	—	—	—	—	—
—	122,0	—	—	3,9	0,6	—	23.347,2
—	56,9	—	—	—	—	—	56,9
—	1.116,0	26,3	—	2,5	—	—	2.362,2
—	—	—	—	—	—	—	1.092,1
82,1	1.004,3	152,7	437,1	67,6	27,3	41,8	5.440,0
6,9	135,9	34,8	18,8	1,0	2,5	1,0	1.817,7
—	—	—	—	58,5	—	—	301,0
—	—	—	250,3	—	—	—	575,3
127,0	64,3	67,3	—	7,4	4,8	1,9	2.341,5
—	—	42,7	—	67,0	—	—	542,0
—	—	76,1	—	7,7	—	—	2.002,2
—	219,3	—	47,6	3,8	3,8	—	1.301,6
8.248,5	10.307,3	3.773,5	2.941,0	1.280,1	659,6	523,4	238.492,4
—	—	217,2	1.615,1	3,2	5,0	—	12.231,1
8.248,5	10.307,3	3.990,7	4.556,1	1.283,3	664,6	523,4	250.723,5
—	4.510,5	1.508,5	3.199,0	171,2	109,8	173,6	105.622,2
7,3	—	15,5	—	—	—	3,1	1.133,2
—	—	—	—	—	—	—	2.094,1
5.612,2	1.783,0	1.288,8	771,6	497,7	495,9	109,0	90.512,7
11,9	198,3	19,6	16,1	0,9	0,3	32,7	1.302,9
6,7	—	—	1,9	0,7	0,8	—	56,6
4,6	9,9	0,4	8,4	0,2	—	—	1.285,3
22,0	15,2	5,1	0,3	1,3	0,8	3,2	482,0
78,2	32,2	16,5	14,5	0,3	0,6	44,0	1.145,2
—	—	—	—	—	—	—	466,9
—	—	—	—	—	—	—	1.443,0
—	—	156,9	—	—	—	—	877,7
1.787,0	7,0	875,9	46,5	555,5	55,1	81,6	32.931,1
—	—	—	—	—	—	—	534,4
—	671,4	—	—	6,8	—	—	698,5
712,6	156,0	99,3	347,7	13,0	1,1	9,8	2.801,5
—	—	—	—	—	0,2	—	10,4
—	—	—	—	28,3	—	—	28,3
—	162,2	—	—	—	—	—	771,8
3,9	85,4	4,2	150,1	7,3	—	—	1.585,2
8.246,4	7.631,1	3.990,7	4.556,1	1.283,3	664,6	457,0	245.783,0
2,1	2.676,2	—	—	—	—	66,4	5.940,5

Сводный баланс синдикатов

(В тысяча х

на 1/X 1927 года

черв. рублей)

Таблица 2

Наименование статей баланса	ВТС	Нефте-синдикат	ВКС	Металло-синдикат	ВМС	Уралмет	Продасиликат	Масложир	Соль	Махорочный	Спичечн. синдикат	Консерв. синдикат	Итого по 12 синдикатам
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Актив													
1. Имущество	2.241,0	74.236,0	4.847,0	236,9	312,1	332,8	277,9	431,6	189,8	150,4	9,7	8,2	83.273,4
2. Запасное оборудование	—	428,0	143,5	—	—	—	6,4	—	—	—	—	—	577,9
3. Незаконченные постройки	—	8.277,8	393,5	—	—	—	65,8	102,8	6,7	8,8	—	—	8.855,4
4. Незаконченный капитальный ремонт	—	263,0	45,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	308,9
Итого по 1—4	2.241,0	83.204,8	5.429,9	236,9	312,1	332.8	350,1	534,4	196,5	159,2	9,7	8,2	93.015,6
5. Материалы	1.073,4	15.478,3	1.928,0	30,9	—	—	63,5	177,7	763,2	352,7	77,5	—	19.945,2
6. Незаконченное производство	—	659.0	729,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1.388,7
7. Товары	141.211,0	107.416,6	27.010,6	33.738,5	14.8 2,2	5.435,2	16.165,4	2.218,3	2.067,4	3.584,5	467,7	991,5	355.188,9
8. Незаконченные заготовки	334,4	63,0	12,8	—	—	—	2,0	6,2	91,5	5,0	—	29,3	544,2
9. Касса	3.647,5	2.446,0	618,7	83,5	434,4	108,0	196,4	109.6	65,3	8.6	14,8	1,9	7.734,7
10. Текущие счета	12.584,0	5.590,1	3.773,1	1.187,0	1.114,6	1.331,0	341,4	919,0	545,6	93,9	193,5	84,5	27.757,7
11. Ценные и процент бумаги	2.260,9	3.026,3	710,6	401,0	—	—	80,7	127,7	246,6	133,7	11,5	0,9	6.999,8
12. Паи и акции	34.740,8	24.500,9	4.207,8	719,5	5.764,0	6.282,7	1.844,5	1.107,7	278,4	37,1	27,7	32,8	79.543,9
13. Векселя и документы к получению	162.066,5	37.405,4	105.210,0	18 056,2	92.109,2	41.338,2	25.252,2	8.149,2	8.985,4	9.254,8	4.898,8	1.503,1	514.229,0
14. Дебиторы	74.618,6	123.347,9	43.867,4	11.596,2	24.821,2	24.809,4	15.712,0	19.760,3	4.201,3	3.151,1	1.023,2	1.637 0	348.545,6
15. Под'отчетные суммы	25,6	81,4	1.122,1	7.4	4,3	5,3	14,1	121,9	1,9	117,3	5,9	3,7	1.510,9
16. Расходы будущих лет	5 140,2	2 010,7	2.063,2	503,0	1.492,6	37,9	932,2	103,9	566,8	174,2	28,3	50,3	13.103,3
17. Ссуды на жилстроительство	200,0	—	100,0	—	—	—	—	—	57,7	—	—	—	357,7
18. Убыток прошлых лет	—	—	—	—	—	—	—	—	—	34,0	—	57,2	91,2
19. Убыток за отчетный год	—	—	—	2.195,8	—	2,1	2.676,2	—	—	—	—	66,4	4.940,5
20. Прочие активы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Баланс	440.143,9	405.230,4	196.783,9	68.755,9	140.934,6	79.682,6	63.630,7	33.335,9	18.067,5	17.106,1	6.758,6	4.466,8	1.474.896,9
Пассив													
1. Паевой капитал	50.000,0	105.117,4	10.000,0	10.000,0	18.900,0	6.000,0	4.500,0	1.730,0	2.164,3	660,0	137,0	140,0	209.348,7
2. Резервный	6.308,2	4.702,6	1.845,6	722,3	—	118,4	357,7	190,8	438,9	175,4	12,1	—	14.872,0
3. Амортизационный	509,3	7.071,0	520,3	81,8	49,3	34,9	84,5	49,9	67,7	53,5	1,5	1,7	8.525,4
4. Изменение уставного капитала	—	54.178,4	—	—	—	—	—	406,0	—	—	—	—	54.584,4
5. Капиталы школ и предприятий	—	—	1.841,1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1.841,1
Итого по 1—5	56 817,5	171.069,4	14.207,0	10.804,1	18.949,3	6.153,3	4.942,2	2.376,7	2.670,9	888,9	150,6	141,7	289.171,6
6. Фонды	1.158,3	7.634,6	1.807,4	2.241,5	—	6,7	125,4	119,6	64,9	35,4	3,7	7,0	13.204,5
7. Резервы	500,0	1.093,4	2.126,3	2.065,8	301,6	82,1	2.554,4	259,9	437,1	141,1	27,3	52,4	9.641,4
8. Займы и кредиты	51.108,3	47.001,5	55.506,2	18.118,2	8.078,1	11.479,5	17.263,4	9.312,4	66,6	436,4	614,8	100,0	219.085,4
9. Векселя и документы к платежу	107.782,3	57.650,9	47.448,3	21.361,9	6.095,3	15.984,9	28.609,5	3.340,2	1.041,2	3.976,3	730,0	2.077,9	296.098,7
10. Обязательства по бланконадписательству	56.379,5	4.648,6	34.643,8	2.312,2	77.926,4	31.477,3	73,3	4.098,3	6.014,0	6.975,6	3.664,2	1.037,6	229.250,8
11. Кредиторы	156.155.9	115.972,6	37.382,1	11.736,7	27.950,7	14.480,9	9.497,2	13.591,6	6.048,6	4.603,7	1.539,1	1.020,8	399.979,9
12. Доходы будущих лет	3.001,8	55,0	789,7	115,5	1.455,6	17,9	565,3	20,0	109,1	45,5	23,9	29,4	6.228,7
13. Прибыль прошлых лет	5,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5,5
14. Прибыль за отчетный год	7.234,8	104,4	2.873,1	—	177,6	—	—	217 2	1.615,1	3,2	5,0	—	12 230,4
15. Прочие пассивы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Источник: Отчетные данные Главной Бухгалтерии ВСНХ.

Обороты синдикатов СССР в 1924/25—1926/27 гг. *Таблица 3*

(Млн. черв. руб.)

Наименование синдикатов	1924/25 г.			1925/26 г.			1926/27 г.		
	Оборот по продаже	Оборот по снабж. сырьем	Итого оборота	Оборот по продаже	Оборот по снабж. сырьем	Итого оборота	Оборот по продаже	Оборот по снабж. сырьем	Итого оборота
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. ВТС	549,3	313,5	862,8	1.127,9	416,7	1.544,6	1 579,3	576,6	2.155,9
2. Нефтесиндикат	250,5	—	250,5	295,2	—	295,2	395,7	—	395,7
3. ВКС	105,5	69,0	174,5	155,8	124,5	280,3	249,2	194,5	443,7
4. ВМС	—	—	—	—	—	—	393,8	9,3	403,1
5. Металлосиндикат	60,1	1,7	61,8	118,8	2,9	121,7	129,0	—	129,0 [1]
6. Уралмет	99,1	23,5	122,6	137,6	38,8	176,4	120,4	—	120,4
7. Сельмаш	21,9	2,4	24,3	37,8	6,7	44,5	—	—	—
8. Продасиликат	30,0	4,6	34,6	53,4	12,6	66.0	73,0	10.1	83,1
9. Масложирсиндикат	20,9	4,2	25,1	55,0	22,1	77,1	54,9	21,9	76,8
10. Солесиндикат	26,1	—	26,1	38,2	—	38,2	32,5	—	32,5
11. Махорочный	5,7	3,6	9,3	11,7	9,7	21,4	23,5	10,8	34,2
12. Спичечный	2,1	1,4	3,5	5,3	3,4	8,7	11,9	3,3	15.2
13. Консервный	—	—	—	1,1	—	1,1	3,6	3,5	7,1
14. Стромсиндикат	—	—	—	—	—	—	3,6	—	3,6
Итого по пп.1—14	1.171,2	423,9	1.595,1	2.037,8	637,4	2.675,2	3.070,4	830,0	3.900,4
Итого по 10 сквозн. синд.	1.149,3	421,5	1.570,8	1.998,9	630,7	2.629,6	2.669,4	817,2	3.486,6
15. Крахмало-паточный	6,5	0,1	6,6	11,1	1,0	12,1	12,4	2,7	15,1
16. Госрыбсиндикат	30,2	2,6	32,8	52,0	—	52,0	81,4	1,3	82,7
17. Лесосиндикат	—	—	—	9,1	—	9,1	40,8	—	40.8
18. Госсельсиндикат	8,8	—	8,8	13,8	—	13,8	0,8	17,7	18,5
19. Винсиндикат	13,8	—	13,8	15,4	—	15,4	—	—	—
Итого по пп. 15—19	59,3	2,7	62,0	101,4	1,0	102,4	135,4	21,7	157,1
Итого по 3 сквозн. синд.	45,5	2,7	48,2	76,9	1,0	77,9	94,6	21,7	116,3
Всего по п. 1—19	1.230,5	426,6	1.657,1	2.139,2	638,4	2.777,6	3.205,8	851,7	4.057,5
Всего по 13 сквозн. синд.	1.194,8	424,2	1.619,0	2.075,8	631,7	2.707,5	2.764,0	838,9	3.602,9

[1] С металлоскладом.

Таблица 1

Сводная таблица по финанс., кредиту и ден. обращению за январь—март 1927/28 г.
(В млн. черв. руб.)

Показатели	Абсолютные числа			В %%% к соотв. месяцам 1926/27 г.		
	Янв.	Февр.	Март	Янв.	Февр.	Март
1	2	3	4	5	6	7
На конец месяца						
I. 1. Денежная масса в черв. руб.	1.553,7	5.509,7	1.518,3	119,8	116,1	118,2
2. То же в товарн. руб.	908,1	883,4	888,9	125,0	121,4	122,7
3. Эмиссия в черв. руб.	— 44,0	8,6	35,8	—	—	218,3
4. То же в товарн. руб.	— 25,7	5,0	21,0	—	—	225,8
II. 5. Специальные средства для долгосрочных ссуд	1.044,9	1.105,7	1.167,0	198,4	187,6	173,5
6. Вклады „коммерческие“	949,8	969,1	940,8	99,9	100,4	93,4
7. Вклады НКФ . . .	410,9	439,7	529,1	91,5	105,3	115,3
8. Всего вкладов и тек. счет.	1.360,7	1.408,8	1.469,9	97,2	101,9	100,3
9. Краткосрочный кредит	2.985,9	3.047,2	3.145,2	115,9	120,5	123,4
10. Долгосрочный кред.	1.303,1	1.359,3	1.431,2	195,6	185,1	175,3
11. Всего кредитн. опер.	4.289,0	4.406,5	4.576,4	132,3	135,0	135,8
Всего за месяц						
III. 12. Прямые налоги .	121,0	76,3	66,9	110,3	100,0	126,5
13. Косвенные налоги.	139,2	154,9	155,8	122,6	149,6	123,8
14. Все налоговые дох.	278,9	250,6	233,7	118,2	130,1	121,3
15. Все неналог. дох.	50,8	41,6	92,9	156,3	86,8	124,4
16. Займы.	53,0	59,8	111,8	504 7	145,8	283,0
17. Итого дох. (без НКПС и НКПиТ) .	382,8	352,1	438,5	133,4	143,3	142,9
18. Доходы НКПС . .	138,1	142,7	158,3	120,0	125,4	122,6
„ НКПиТ . . .	16,6	13,5	14,0	124,6	114,1	109,3
19. Всего доходов. . .	538,1	508,7	610,8	132,1	137,4	136,1